

**ВЕСТНИК
РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
ИСТОРИЯ РОССИИ**

Том 19, № 3, Август 2020

Специальная тема номера:
ИСТОРИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ФРОНТИРА РОССИИ

Научный журнал

Издается с 2002 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61216 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

**RUDN JOURNAL
OF RUSSIAN HISTORY**

VOL. 19, № 3, AUGUST 2020

Special Theme of the Issue:
HISTORY OF THE SOUTHEAST FRONT OF RUSSIA

Founded in 2002

Founder: Peoples' Friendship University of Russia

DOI: 10.22363/2312-8674-2020-19-3

<http://journals.rudn.ru/russian-history>

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

Published four times a year in February, May, August, November.

Languages: Russian and English.

Indexed in Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), Russian Science Citation Index, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, DOAJ, Dimensions, EBSCOhost.

Aims and Scope

RUDN Journal of Russian History is a periodical international peer-reviewed scientific publication in the field of historical research. The journal publishes original articles and reviews about the historical identity of the Russian state, consisting primarily in its ethno-national and ethno-confessional composition, the processes of mutual influence and enrichment of cultures. The journal also publishes materials on the history and current state of international relations and transnational connections between Russia and the peoples of the world in order to bridge the gap between the Soviet and post-Soviet periods of Russian history and in connection with the emergence of new actors in the historical process. The journal is aimed at cooperation and scientific exchange in the field of historical knowledge, publication of the results of fundamental and applied researches of Russian and foreign scientists studying the process of objective development of the peoples of our country in the context of general pre-revolutionary, Soviet and modern history of Russia. The editorial board of the journal invites researchers working in line with the above areas to prepare special thematic issues.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>.

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues since 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/russian-history>.

E-mail: rushistj@rudn.ru.

Printing run 500 copies. Open price
Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia
Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russia
Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

4 выпуска в год: февраль, май, август, ноябрь.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по двум научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки) и 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки).

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat, East View, Dimensions, Directory of Open Access Journal (DOAJ), Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), EBSCOhost.

Цель и задачи

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России» – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Журнал публикует оригинальные статьи, рецензии и обзоры, в которых раскрывается историческое своеобразие России, состоящее, прежде всего, в ее этнонациональном и этноконфессиональном многообразии, процессах взаимовлияния и взаимообогащения культур. Журнал публикует также материалы по истории международных отношений и современному состоянию транснациональных связей России с народами мира с целью преодоления разрыва между советским и постсоветским периодами российской истории и в связи с появлением новых субъектов исторического процесса. Журнал ориентирован на обеспечение сотрудничества в области исторического знания, публикацию результатов фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых, изучающих прошлое и настоящее народов нашей страны в контексте современных научных подходов. Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству исследователей, работающих в русле вышеуказанных направлений, для подготовки специальных тематических выпусков.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>.

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/russian-history>.

E-mail: rushistj@rudn.ru.

Подписано в печать 21.08.2020. Выход в свет 28.08.2020. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 21,35. Тираж 500 экз. Заказ № 617. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов»

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

HONORARY EDITOR

Michael Kemper, *University of Amsterdam, Netherlands (M.Kemper@uva.nl)*

EDITOR-IN-CHIEF

Marina N. Moseykina, *RUDN University, Russia (moseykina-mn@rudn.ru)*

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Rafael A. Arslanov, *RUDN University, Russia (arslanov-ra@rudn.ru)*

EXECUTIVE SECRETARY

Gadilya G. Kornoukhova, *RUDN University, Russia (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

EDITORIAL BOARD

Alexander Y. Bendin, *Belarusian State University, Belarus*

David L. Brandenberger, *University of Richmond, USA*

Vladimir P. Buldakov, *Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Stephen F. Cohen, *Princeton University and New York University, USA*

Michael David-Fox, *Georgetown University, USA*

Vladimir G. Datsyshen, *Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia*

Julie Hessler, *University of Oregon, USA*

Catriona Kelly, *University of Oxford, United Kingdom*

Oleg V. Khlevniuk, *National Research University Higher School of Economics, Russia*

Alexander M. Martin, *University of Notre Dame, Notre Dame, USA*

Ivan O. Peshkov, *Adam Mickiewicz University in Poznań, Poland*

Olga S. Porshneva, *Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia*

David Schimmelpenninck van der Oye, *Brock University, Canada*

Rinat N. Shigabdinov, *Institute of History of The Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan*

Irena Vladimirsky, *Achva Academic College, Israel*

Review Editor K.V. Zenkin

Translation Editor E.A. Paymakova

Layout Designer Iu.A. Zaikina

Address of the Editorial Board:

Peoples' Friendship University of Russia
3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russia
Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the Editorial Board of RUDN Journal of Russian History:

10 Miklukho-Makhlaya St., bldg. 2, Moscow, 117198, Russia
Ph.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ПОЧЕТНЫЙ РЕДАКТОР

Кемпер Микаэль, *Амстердамский университет, Голландия (M.Kemper@uva.nl)*

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Мосейкина Марина Николаевна, *РУДН, Россия (moseykina-mn@rudn.ru)*

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Арсланов Рафаэль Амирович, *РУДН, Россия (arslanov-ra@rudn.ru)*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Корноухова Гадиля Гизатуллаевна, *РУДН, Россия (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бендин А.Ю., *Белорусский государственный университет, Республика Беларусь*

Бранденбергер Дэвид, *Ричмондский университет, США*

Булдаков В.П., *Центр изучения новейшей истории России и политологии
Института российской истории РАН, Москва, Россия*

Владимирски Ирена, *Академический колледж Ахва, Израиль*

Дацьшен В.Г., *Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

Дэвид-Фокс Майкл, *Джорджтаунский университет, США*

Келли Катриона, *Оксфордский университет, Великобритания*

Коэн Стивен Ф., *Принстонский университет и Нью-Йоркский университет, США*

Мартин Александр М., *Нотрдамский университет, США*

Пешков И.О., *Университет имени Адама Мицкевича в Познани, Польша*

Поршнева О.С., *Уральский федеральный университет*

имени Первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Схиммельпэннинк ван дер Ойе Давид, *Брокский университет, Канада*

Хесслер Джули, *Орегонский университет, США*

Хлевнюк О.В., *Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», Москва, Россия*

Шигабдинов Р.Н., *Институт истории Академии Наук Республики Узбекистан*

Литературный редактор К.В. Зенкин
Редактор англоязычных текстов Е.А. Паймакова
Компьютерная верстка: Ю.А. Заикина

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов
115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии серии «История России»:

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

CONTENTS

IN THIS ISSUE

- Sergey V. Lyubichankovskiy**, The History of Russia's South-Eastern Frontier: Current Issues, Contemporary Approaches (*in Russ. & Eng.*) 520

HISTORY OF THE SOUTHEAST FRONT OF RUSSIA

- Stepan V. Dzhundzhuzov**, The Vicissitudes of the Fate of the Kalmyk Nobleman Petr Taishin: from the Adoption of Christianity to the Establishment of a Settlement of Baptized Kalmyks in the Middle Volga Region (1724–1737) 525
- Elena V. Burlutskaya, and Konstantin A. Abdrakhmanov**, The Daily Business Activities of Orenburg Merchants Trading with Asia in the 19th Century 544
- Elena V. Godovova**, The Main Directions of the Economic Development of the Orenburg Cossacks from the Second Half of the 19th to the Early 20th Centuries 563
- Igor A. Konovalov**, Local Self-Government among the Cossacks of Western Siberia and Northern Kazakhstan in the 19th and Early 20th Centuries 578
- Dmitry V. Vasilyev, and Aleksandr V. Ryabov**, The Visualization of Imperial Space: the Experience of the Central Asian Region of Russia 591
- Svetlana A. Aleshina, and Larisa V. Petrich**, Teaching the Non-Russian Adult Population of Orenburg Province from the Late 19th to the First Third of the 20th Century (*in Eng.*) 612
- Elena V. Pakhomova**, Virgin Frontier: Features of Virgin Land Development in Orenburg Region 625

ARTICLES

- Gennadiy N. Mokshin**, The Cultural Populism of Iosif I. Kablits (Yuzov) and its Foundations 641
- Oleg A. Milevsky**, Anatomy of the Protests of Political Exiles in Western Siberia in the 1880s 654
- Mikhail V. Khodjakov**, The Manchurian Agricultural Society and Attempts to Establish a Colonization Bank in 1914–1915 673
- Yakov P. Lobachevsky, and Yuliya S. Tsench**, The Establishment of a System of Agricultural Engineering Education in the USSR in the 1920s and 1930s 684
- Wu Yuyao**, The Humanitarian Aspect of China-Russia Relations as an Important Component of Strategic Partnership 699
- Natalia A. Grigorieva, and Sergey A. Kovalenko**, Soviet Recognition of Foreign Higher Educational Credentials in the 1950–90s (*in Eng.*) 715

SCIENTIFIC LIFE

- Sergey V. Lyubichankovskiy**, Imperial Acculturation on Russia's Southeastern Frontier: An International Survey (*in Eng.*) 727

BOOK REVIEW

- Dinara Z. Mardanova (reviewer)**, Sartori, P. and Shabley, P. *Experimenty imperii: adat, shariat i proizvodstvo znaniya v Kazahskoy stepi* [*Empire Experiments: Adat, Sharia and Knowledge Production in the Kazakh Steppe*]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019. 280 p. (Series: "Historia Rossica") 741
- Aleksei A. Kilichenkov (reviewer)**, Sinitsyn F.L. *Sovetskaya Natsiya i Voina. Natsional'nyi Vopros v SSSR. 1933–1945* [*Soviet Nation and War. The National Question in the USSR 1933–1945*]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2018. 543 p. 745
- Victor L. Jelifets (reviewer)**, Yányshev-Nésterova I. *Canarias en las relaciones hispano-soviéticas, 1965–1991* [*The Canary Islands in the Spanish-Soviet relations, 1965–1991*]. Santa Cruz de Tenerife: Ideas Publishing House, 2019. 472 p. (*in Eng.*) 749

INFORMATION

- Submission guidelines 752
- Call for papers for the 2021 annual program 753

СОДЕРЖАНИЕ

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Любичанковский С.В. История юго-восточного фронта России: актуальные проблемы, современные подходы к их решению *(на рус. и англ. яз.)* 520

ИСТОРИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ФРОНТИРА РОССИИ

Джунджужов С.В. Перипетии судьбы калмыцкого владельца Петра Тайшина: от принятия христианства до создания поселения крещеных калмыков в Среднем Поволжье (1724–1737 гг.) 525

Бурлуцкая Е.В., Абдрахманов К.А. Специфика трудовой повседневности оренбургских купцов, ведущих торговлю с Азией в XIX в. 544

Годовова Е.В. Основные направления экономического развития оренбургского казачества (вторая половина XIX – начало XX в.) 563

Коновалов И.А. Особенности местного самоуправления у казаков Западной Сибири и Северного Казахстана в XIX – начале XX в. 578

Васильев Д.В., Рябов А.В. Визуализация имперского пространства: опыт Центрально-Азиатского региона России 591

Алешина С.А., Петрич Л.В. Образовательная и просветительная работа среди нерусского населения Оренбургского края: 1897–1939 гг. *(на англ. яз.)* 612

Пахомова Е.В. Целинный фронт: особенности освоения целины в Оренбуржье 625

СТАТЬИ

Мокшин Г.Н. Основы культурного народничества И.И. Каблица (Юзова) 641

Милевский О.П. Анатомия протестов политических ссыльных Западной Сибири в 1880-х гг. 654

Ходяков М.В. Маньчжурское сельскохозяйственное общество и попытки создания Колонизационного банка в 1914–1915 гг. 673

Лобачевский Я.П., Ценч Ю.С. Становление системы агроинженерного образования в СССР в 1920–1930-е гг. 684

Юйяо У. Гуманитарный аспект отношений Китая и России как важный компонент стратегического партнерства 699

Григорьева Н.А., Коваленко С.А. Приоритеты государственной политики СССР в сфере признания иностранных документов об образовании в 1950–90-х гг. *(на англ. яз.)* 715

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Любичанковский С.В. Юго-восточный фронт России в контексте имперской политики аккультурации: основные результаты международной заочной дискуссии *(на англ. яз.)* 727

РЕЦЕНЗИЯ

Марданова Д.З. (рецензент). *Сартори П., Шаблей П.* Эксперименты империи: адат, шариат и производство знаний в Казахской степи. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 280 с. (Серия «Historia Rossica») 741

Киличенков А.А. (рецензент). *Синицын Ф.Л.* Советская нация и война. Национальный вопрос в СССР. 1933–1945. М.: Центрполиграф, 2018. 543 с. 745

Хейфец В.Л. (рецензент). *Янышев-Нестерова И.* Канарские острова в испано-советских отношениях, 1965–1991. Санта Крус де Тенерифе: Идеас, 2019. 472 с. *(на англ. яз.)* 749

ИНФОРМАЦИЯ

Правила оформления статей 752

Тематический портфель журнала на 2021 г. 753

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-520-524>

Редакционная статья / Editorial article

В ЭТОМ НОМЕРЕ

История юго-восточного фронта России: актуальные проблемы, современные подходы к их решению

С.В. Любичанковский

Оренбургский государственный педагогический университет;
460844, Россия, Оренбург, ул. Советская, 19; Самарский федеральный
исследовательский центр Российской академии наук; 443001, Россия,
г. Самара, Студенческий переулок, 3А; kaf_rushistory@ospu.su

IN THIS ISSUE

The History of Russia's South-Eastern Frontier: Current Issues, Contemporary Approaches

Sergey V. Lyubichankovskiy

Orenburg State Pedagogical University; 19, Sovetskaya St., Orenburg, 460844, Russia;
Samara Federal Research Center Russian Academy of Sciences;
3A, Studencheskiy Line, Samara, 443001, Russia; kaf_rushistory@ospu.su

Уважаемый читатель! Предлагаемая Вашему вниманию специальная рубрика приурочена к 285-летию с момента первого основания города Оренбурга (Орска) 26 августа 1735 г. и посвящена истории становления и развития юго-восточного фронта России, определяемого, в общем и целом, внешними границами Оренбургского края и сопредельных территорий. Методологической основой рубрики является концепция «фронтирной модернизации», то есть развития присоединяемых либо пограничных территорий России с целью повышения их политико-правового и социально-экономического уровня до состояния наиболее развитых регионов страны в условиях незавершенного освоения¹, то есть в отношении территорий, лишь частично интегрированных в политико-правовое пространство государства, осуществляющего модернизационную политику. В рамках данной проблематики в центре внимания авторов номера оказались ключевые вопросы, связанные с межкультурным (межнациональным и межконфессиональным) взаимодействием на территории исторического Оренбургского края – огромного макрорегиона, игравшего и в дореволюционный, и в советский периоды роль фронта в треугольнике «Русский мир – Башкирия – Казахская степь». Основное внимание сориентировано на такие вопросы, как история закрепления за Россией кочевых и полукочевых народов степи, фе-

© Любичанковский С.В., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

¹ *Побережников И.В.* Фронтирная модернизация как российский цивилизационный феномен // Модернизация в цивилизационном контексте: российский опыт перехода от традиционного к современному обществу / Отв. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург: Наука Сервис, 2011. С. 47–61.

номен оренбургского и уральского казачества, политика по отношению к «инородцам» и становление национальных интеллигенций, имперская и советская национальная политика в регионе, межкультурное взаимодействие в рамках освоения целины.

Рубрика выстроена, во-первых, в логике хронологического подхода, а во-вторых, по принципу перехода от внешней политики к внутренней (для фронтальных исследований, часто сложноотделимых друг от друга). Она открывается новаторской статьей С.В. Джунджузова, который впервые в исторической науке комплексно и системно рассмотрел биографию Петра Тайшина – чрезвычайно знаковую для понимания процесса включения Калмыкии в орбиту Российского государства. Автору удалось реконструировать процесс интеграции и аккультурации на примере конкретного представителя «инородческой» элиты, а также убедительно показать, что именно «дело П. Тайшина» стало для имперского правительства конкретным поводом для корректировки правительственного курса в отношении крещеных калмыков, благодаря чему в итоге и в Калмыцком ханстве исчез очаг социальной напряженности, и империя приобрела людские ресурсы для заселения пустующего пространства в Среднем Поволжье, а позднее и в Оренбургской губернии. Исследователь доказал, что созданные благодаря П. Тайшину поселения калмыков на Средней Волге внесли существенный вклад в хозяйственное освоение и обеспечение обороны обширного Оренбургского края.

Тема отражения внешних связей на ходе процесса фронтальной модернизации продолжается статьей Е.В. Бурлуцкой и К.А. Абдрахманова, в которой раскрыта специфика трудовой повседневности оренбургских купцов, ведущих торговлю с Азией в XIX в. Созданное в рамках научного направления «история повседневности» данное исследование раскрывает различные сложности купеческого труда, связанные как с неблагоприятными природно-климатическими условиями для организации эффективной караванной торговли, так и с тем, что оренбургским коммерсантам приходилось одновременно осуществлять функции организатора и исполнителя этой караванной торговли, а также контролирующей инстанции, и переживать значительные физические лишения и психологический дискомфорт.

Переходя от сюжетов, отражающих внешнеполитические и внешнеторговые особенности политики модернизации на юго-востоке России, к внутривнутриполитическим аспектам интеграции региона в состав единого имперского социокультурного пространства, невозможно обойти вниманием такую изначально «фронтальную» социальную группу, как казачество. Статья Е.В. Годовой раскрывает основные направления экономической повседневной казачьей жизни юго-восточного фронта России в пореформенный период, когда темпы модернизации существенно возрастают. Автор реконструировала изменения, которые негативным образом затронули повседневную жизнь оренбургского казака, однако при этом меняли его агрономическое сознание. Автором показано, как в условиях фронтальной повседневности формировался тип «казака-воина» – «казака-земледельца», жизнь которого была полна трудов и забот, особенно в летнее время, а доходы подвержены риску вследствие неурожаев. При этом с течением времени нерациональное использование земли и частые неурожаи приводили к снижению уровня жизни населения, затраты же на военную службу возрастали, а существующий порядок частых земельных переделов все более мешал рационализации экономического уклада оренбургского казачества.

Важнейшей стороной развития юго-восточного фронта России являлась модернизация и приспособление под местные специфические условия системы регионального управления и самоуправления. Этой стороне проблемы в данной спецрубрике посвящены две статьи. Одна из них, принадлежащая перу И.А. Коновалова, тематически продолжает исследование Е.В. Годовой, поскольку тоже посвящена

внутреннему устройству казачьего сословия, а конкретно – особенностям местного самоуправления казаков, проживавших на территориях, связывающих юг Западной Сибири и север Казахской степи. В этой статье убедительно показана эволюция казачьего самоуправления в зависимости от условий того или иного конкретно-исторического периода; показана особая роль низового, станичного казачьего самоуправления в условиях отсутствия на изучаемых территориях земств, даже при наличии излишней бюрократической опеки со стороны государственных структур.

Статья *Д.В. Васильева и А.В. Рябова* также посвящена внутривосточному устройству юго-восточного фронта, однако в совершенно ином ключе – через проблему визуализации имперского пространства. Проанализировав практику встреч коренных жителей Туркестанского края с представителями царствующего дома Романовых и высшей правящей верхушкой региона, авторы реконструировали одну из конкретных технологий интеграций инокультурной территории в общее социокультурное пространство империи, суть которой заключалась в символическом подчеркивании единения российской монархии и народов Центральной Азии целым рядом церемоний. Как убедительно показывают авторы статьи, это позволило достаточно эффективно внедрять на данной территории идеологему «самодержавие – православие – народность», несколько скорректировав ее срединное звено, что было чрезвычайно важно в условиях преобладания ислама в регионе.

Статья *С.А. Алешиной и Л.В. Петрич* на материалах Оренбуржья акцентирует внимание на элементах преемственности в национальной политике дореволюционного и советского периодов, которые долгое время отрицались или замалчивались в историографии. Авторы сфокусировались на анализе просветительной и образовательной работы среди взрослого нерусского населения региона в период с конца XIX в. и вплоть до конца 1930-х годов. Исследователям удалось показать, что политика ликвидации неграмотности на юго-восточном фронте являлась, в общем и целом, единым процессом, и советский ее этап был основан на достижениях этапа имперского. Авторы также убедительно доказали, что и имперская, и советская власть сталкивались при решении данных задач с похожими трудностями, среди которых основными являлись нехватка учительских кадров и некоторое сопротивление со стороны местного нерусскоязычного населения.

В исследовании *Е.В. Пахомовой* процесс освоения целины, теснейшим образом связанный с историей именно Оренбургского края и Северного Казахстана, рассмотрен как особый фронтальный процесс. Такая оригинальная постановка вопроса позволила автору сделать вывод о том, что освоение новых земель привело к формированию уникального целинного микросоциума, воспроизводившего многие черты фронтальных сообществ. Возникшая в ту эпоху метафора «целинный меридиан» подразумевала в том числе и феномен «нового пограничья», сдвинувшего границы «дикого поля». В Оренбуржье, по обоснованному мнению исследователя, фронтальная специфика на территории массового освоения целины была изжита только в середине 1960-х гг.

В целом представленная вниманию читателя специальная тематическая рубрика представляет собой ценный вклад в историю изучения юго-восточного фронта России как с точки зрения введения в научный оборот новых источников, так и с точки зрения новизны интерпретации уже известного материала. Представленные в ней статьи являются срезом современной историографии проблематики; они определяют новые теоретические и конкретно-исторические направления в исследовании юго-восточного фронта России и в этой связи затрагивают историю не только России, но и ряда соседних государств и поэтому, несомненно, привлекут внимание широкой научной общественности.

ENG

Dear readers! We offer this special section to mark the 285th anniversary of the founding of the city of Orenburg (Orsk), on August 26, 1735. It dedicated to the history of Russia's South-Eastern frontier, which covers the Orenburg region and its adjacent territories. The methodology is the concept of “frontier modernization,” or the development of newly acquired Russian territories to raise their political, legal, and socio-economic level to that of the country's most advanced developing regions (those regions that have not yet been fully integrated in a state engaged in “modernization”).

The section's authors address important aspects of intercultural (interethnic and interfaith) interaction in the Orenburg region – an enormous area that, through the early Soviet era, constituted the Bashkir and Kazakh steppe frontier. They focus on such questions as the pacification of the area's nomadic and semi-nomadic peoples, the Orenburg and Ural Cossacks, imperial and Soviet policy towards minorities (*inorodtsy*), the rise of an intelligentsia among these ethnicities, as well as intercultural interaction during the development of virgin lands.

The section's articles are arranged chronologically, as well as according to the transition from foreign to domestic policy (which, admittedly, are often difficult to separate from each other in frontier studies). It opens with an innovative article by *S.V. Dzhundzhuzov* about Prince Petr Taishin that sheds important light on Kalmykia's incorporation into the Russian Empire during the 18th century. Using the example of an elite Kalmyk, the author reconstructs the state's approach to integrating and acculturating an eastern nationality. He also convincingly demonstrates that the “Taishin case” led the imperial government to adjust its policy regarding baptized Kalmyks, which went a long way toward reducing social tension in the Kalmyk khanate and helped to populate the Middle Volga and, later, Orenburg. Dzhundzhuzov concludes that the Kalmyk settlements on the Middle Volga established thanks to Petr Taishin made a significant contribution to Orenburg's economic development and defense.

E.V. Burlutskaya and *K.A. Abdrakhmanov* also consider the interplay of foreign relations and frontier modernization contribution by examining working conditions among Orenburg merchants who traded with Asia in the 19th century. Taking an *Alltagsgeschichte* (the history of everyday life) approach, the authors discuss the various challenges the harsh climate imposed on caravan trade, going on to describe the heavy toll in physical deprivation and psychological discomfort.

Any study of integration the southeastern frontier would not be complete without a look at the region's Cossacks. The article by *E.V. Godovova* considers the economics of daily life among this population during the post-reform period (i.e., after 1861), as the pace of modernization dramatically quickened. The author described the changes that negatively affected the daily lives of the Orenburg Cossacks, as well as reshaping their agronomic consciousness. She also explains how conditions on the frontier shaped the “Cossack warrior” – “Cossack-farmer,” whose existence was taxed by toil and trouble, especially in summer. Furthermore, over time, inefficient use of the land and frequent poor harvests and repeated redistribution of plots – not to mention the rising cost of military service – all took a toll on their standard living.

The most important aspect of the development of Russia's South-Eastern frontier was the introduction and adaptation to local conditions of regional self-government, which are addressed in two contributions to this section. Like *Godova*, *I.A. Konovalov* also devotes his attention to the Cossacks, focusing on their administration on the frontier with the Kazakh steppe. He convincingly traces the evolution of Cossack self-government over the course of time. In this respect, *Konovalov* also pays attention to the special role of

local *stanitsa* (village) self-government in the absence of zemstvos, even under excessive bureaucratic control by the state.

D.V. Vasilyev and *A.V. Ryabov* devoted their attention to the internal political structure of the South-Eastern frontier as well, but in this case by visualizing the imperial space. After analyzing how the indigenous population of Turkestan conducted their meetings with representatives of the Romanovs and the regions' ruling elite, the authors go on to describe one of the mechanisms for integrating a non-Russian culture into the common socio-cultural space of the empire – the ceremonies to symbolize the unity of the Russian monarchy and Central Asia's peoples. As the authors demonstrate, this effectively introduced the ideogeme “autocracy – Orthodoxy – nation” in the newly conquered territory, with slight adjustments to the middle link, given the predominantly Islamic population.

The article by *S.A. Aleshina* and *L.V. Petrich* focuses on the continuities between imperial and Soviet nationality policy, a topic long neglected or silenced by historians. The authors discuss efforts to educate Orenburg's adult non-Russian population from the turn of the 19th century to the end of the 1930s. They explain that eliminating illiteracy on the South-Eastern frontier was basically a single, cumulative process. By the same token, both imperial and Soviet officials faced similar obstacles, such as a lack of teachers and popular resistance.

E.V. Pakhomova's study of developing the virgin lands of the Orenburg region and Northern Kazakhstan considers it as a special frontier process. This unique approach permits her to conclude that this undertaking shaped a unique virgin micro-society that reproduced many features of frontier communities. The era's “virgin meridian” metaphor included the notion of the “new frontier,” which shifted the boundaries of the “wild field” (*dikoe pole*). As the author convinces us, the frontier specifics of the virgin lands campaign in the Orenburg region ended only in the mid-1960s.

The special thematic section is a valuable contribution to the history of Russia's South-Eastern frontier both by introducing new sources and innovations in interpreting familiar material. The articles provide a cross-section of the question's contemporary historiography and they adopt new theoretical and factual approaches. As a result, this section will be of interest both to historians of Russia and its neighbors, thereby attracting wide scholarly attention.

Информация об авторе / Information about the author

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Оренбургского государственного педагогического университета. Ведущий научный сотрудник отдела истории и археологии Самарского федерального исследовательского центра Российской академии наук. Почетный работник сферы образования Российской Федерации.

Sergey V. Lyubichankovskiy, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. Habil. in History], Professor, Head of the Russian History Department, Orenburg State Pedagogical University. Leading research fellow, History and Archaeology Department, Samara Federal Research Center Russian Academy of Sciences. Honorary Worker in the Sphere of Education of the Russian Federation.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-525-543>

Научная статья / Research article

Перипетии судьбы калмыцкого владельца Петра Тайшина: от принятия христианства до создания поселения крещеных калмыков в Среднем Поволжье (1724–1737 гг.)

С.В. Джунджузов

Оренбургский государственный педагогический университет;
460844, Россия, Оренбург, ул. Советская, 19; kaf_rushistory@ospu.su

The Vicissitudes of the Fate of the Kalmyk Nobleman Petr Taishin: from the Adoption of Christianity to the Establishment of a Settlement of Baptized Kalmyks in the Middle Volga Region (1724–1737)

Stepan V. Dzhundzhuzov

Orenburg State Pedagogical University;
19, Sovetskaya St., Orenburg, 460844, Russia; kaf_rushistory@ospu.su

Аннотация: В контексте целенаправленной христианизации калмыков и междоусобной борьбы за верховную власть в Калмыцком ханстве в 1724–1735 гг. рассматривается судьба и политическая деятельность первого крещеного калмыцкого владельца Петра Тайшина. В историографии, сложившейся под влиянием историков Церкви, он характеризуется как склонный к измене интриган, принявший христианство лишь для того, чтобы заручиться поддержкой России в борьбе за ханский престол. Данная публикация призвана персонифицировать Тайшина как исторического деятеля. Для преодоления ангажированности, бытующих в историографии характеристик и расширения источниковой базы привлечены документы из фондов Архива внешней политики Российской империи. В них содержится переписка калмыцкого владельца с правительственными учреждениями и их должностными лицами. По мнению автора, имперские власти переоценивали политические перспективы перехода в христианство П. Тайшина. Должным образом не было учтено влияние буддийского духовенства на калмыцкий народ и его властную элиту. К неудовольствию правительства, П. Тайшин примкнул к оппозиционной калмыцкому хану партии калмыцких владельцев и после смерти старшего брата стал открыто оспаривать право на ханский престол. Военное вмешательство России в междоусобный конфликт, пленение П. Тайшина и последовавшая вскоре вынужденная замена верховного правителя Калмыцкого государства стали поводом для корректировки правительственного курса в отношении крещеных калмыков. Было принято решение об их передаче под управление П. Тайшина и переселении на территорию России. В результате реализации этого решения в Калмыцком ханстве исчез очаг социальной напряженности, а Россия приобрела людские ресурсы для заселения пустующего пространства в Среднем Поволжье, а позднее и в Оренбургской губернии. Поселение крещеных калмыков на Средней Волге более чем на сто лет пережило инициатора своего основания Петра Петровича Тайшина и внесло существенный вклад в хозяйственное освоение и обеспечение обороны обширного Оренбургского края.

Ключевые слова: Астраханская губерния, власть, империя, калмыки, крещение, Оренбургская экспедиция, улус, ханство

© Джунджузов С.В., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: *Джунджузов С.В.* Перепетии судьбы калмыцкого владельца Петра Тайшина: от принятия христианства до создания поселения крещенных калмыков в Среднем Поволжье (1724–1737 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 3. С. 525–543. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-525-543>

Abstract: The present paper analyzes the fate and political activities of the first baptized Kalmyk vladelets Peter P. Taishin in the context of the purposeful Christianization of the Kalmyks and the internecine struggle for supreme power in the Kalmyk Khanate in 1724–1735. Historiography has developed under the influence of Church historians; the latter mostly described Taishin as a treacherous schemer who converted to Christianity only to enlist Russia's support in the struggle for the Khanate's throne. The present study is meant to portray P. Taishin as a historical figure. To overcome the bias in historiography, the author made use of previously unstudied materials from the Foreign Policy Archive of the Russian Empire, in particular Taishin's correspondence with government agencies and officials. According to the author, the imperial authorities overestimated the political prospects of Taishin's embrace of Christianity. The influence of the Buddhist clergy on the Kalmyk people and their power elite was not duly taken into account. To the displeasure of the government, Taishin joined one party of Kalmyk nobility that stood in opposition to the Kalmyk khan, and after the death of his older brother, Taishin began to openly dispute the Khan's right to the throne. Russia's military intervention in the internecine conflict led to Taishin's capture and to the forced replacement of the supreme ruler of the Kalmyk state. These events triggered a change in the government's policy concerning the baptized Kalmyks. It was decided to put them under Taishin's control and to relocate them further into the territory of Russia. With these measures, the hotbed of social tension in the Kalmyk Khanate disappeared, and Russia acquired additional human resources to occupy an empty area in the Middle Volga region, and later in the Orenburg province. For more than a hundred years, the settlement of baptized Kalmyks on the Middle Volga survived the initiator of their founding, Petr Petrovich Taishin, and made a significant contribution to the economic development and defense of the vast Orenburg Territory.

Keywords: Astrakhan province, power, empire, Kalmyks, baptism, Orenburg expedition, ulus, khanate

For citation: Dzhundzhuzov, Stepan V. "The Vicissitudes of the Fate of the Kalmyk Nobleman Petr Taishin: from the Adoption of Christianity to the Establishment of a Settlement of Baptized Kalmyks in the Middle Volga Region (1724–1737)." *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 3 (August 2020): 525–543. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-525-543>

Введение

15 марта 1744 г. императрицей Елизаветой Петровной был подписан указ об учреждении Оренбургской губернии. Через месяц – 16 апреля 1744 г. – в ее ведомство были переданы крещеные калмыки, поселенные в окрестностях Ставрополяна-Волге. По аналогии с названием крепости эту группу калмыков стали именовать ставропольскими крещеными калмыками. История образования на Средней Волге калмыцкого поселения и дальнейший перевод ставропольских калмыков в войсковое сословие получило достаточное историографическое освещение¹. Внимания исследователей удостоились должностные лица, причастные к основанию и развитию калмыцкого поселения: начальники Оренбургской экспедиции (комиссии): И.К. Кирилов, В.Н. Татищев, И.И. Неплюев, первый комендант Ставропольской крепости А.И. Змеев, калмыцкая княгиня Анна Тайшина. Не попал в эту «когорту сопричастных» лишь Петр Петрович Тайшин – первый крещеный калмыцкий владелец и пря-

¹ *Ряжев А.С.* Волжские Ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. – первая половина XIX в. Документы и материалы. Ростов-на-Дону, 2011; *Джунджузов С.В.* Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперские механизмы аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности (середина 30-х годов XVIII – первая четверть XX века). Оренбург, 2014; *Зудина В.Н., Перла Н.Ю.* Ставропольские калмыки и буддизм в пространстве юго-восточного фронта Европейской России в XVIII–XIX вв. (к вопросу о сохранении традиционной веры) // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 8/2. С. 87–100; *Шовунов К.П.* Ставропольское калмыцкое войско // Актуальные вопросы ленинской национальной политики партии. Сборник научных трудов. Элиста, 1974. С. 230–246.

мой наследник ханского престола, более десяти лет добивавшийся создания обособленного поселения для крещеных калмыков.

Для исследователей истории христианизации калмыков П. Тайшин фигура во многом символическая, положившая начало переходу в христианство представителей калмыцкой знати. В литературе подробно описывается церемония крещения Петра Тайшина, участие в ней императора Петра I и членов его правительства². Несколько искаженно и тенденциозно характеризуется жизнь и деятельность П. Тайшина после принятия христианства. Так, известный православный миссионер и историк Архимандрит Гурий (Степанов), ссылаясь на донесения главы православной миссии в Калмыцком ханстве, Н. Ленкеевича, приводит многочисленные факты враждебного отношения к миссионерам со стороны П. Тайшина³. Чиновник Коллегии иностранных дел В.М. Бакунин, к ведению которого относились сношения с Калмыцким ханством, описывает П. Тайшина как склонного к измене интригана, принявшего христианство лишь для того, чтобы заручиться поддержкой России в борьбе за ханский престол⁴.

Собственно, на документальных свидетельствах Н. Ленкеевича и В.М. Бакунина, в течение длительного времени лично контактировавших с П. Тайшиным, строится и вся последующая историография политической деятельности калмыцкого владельца. При этом в тематике изучаемых проблем П. Тайшин всегда рассматривался как «персонаж второго плана». Данная статья призвана персонифицировать его как исторического деятеля. Для преодоления ангажированности, бытующих в историографии характеристик и расширения источниковой базы привлечены документы из Фонда 119 «Калмыцкие дела» Архива внешней политики Российской империи, содержание которых составляет переписка П. Тайшина с правительственными учреждениями и их должностными лицами. В числе таких документов: рескрипты и грамоты российских монархов, адресованные калмыцким правителям и представителям знати, указы Сената и Коллегии иностранных дел по калмыцким делам, прошения и письма П. Тайшина, адресованные к разным должностным лицам, инструкции и отчеты представителей российской администрации, причастных к регулированию отношений с Калмыцким ханством, и другая делопроизводственная документация. В целом, сосредоточенный в фонде «Калмыцких дел» обширный документальный материал и его удовлетворительная сохранность, представляют собой хорошую основу для изучения широкого спектра проблем, относящихся к истории калмыцкого народа и российско-калмыцких отношений.

Крещение калмыцкого владельца Баксадая Дорджи: религиозный и политический аспекты

Политическая активность Баксадая Дорджи, как и восприятие чуждого ему христианского православного вероисповедания, была связана с спровоцированным ханом Аюкой династическим кризисом и начавшейся после его смерти династической войной. С 1713 г. и вплоть до своей смерти 19 февраля 1722 г. наследником ханского престола официально состоял старший сын хана Аюки, отец Баксадая Дорджи, Чакдорджаб. После кончины отца обоснованные претензии на престолонаследие стал предъявлять Дасанг, старший брат Баксадая Дорджи. Однако хан Аюка ре-

² Орлова К.В. История христианизации калмыков: середина XVII – начало XX в. М., 2006. С. 147–148.

³ Гурий. Первая православная миссия калмыков и ее историческая жизнь // Православный собеседник. 1914. № 2–3. С. 271–327.

⁴ Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста, 1995.

шил передать ханскую власть младшему сыну Церен-Дондуку, в чем поручителем просил стать самого императора Петра I. Чтобы обезопасить Церен-Дондука от претензий на власть со стороны старших племянников, хан Аюка потребовал пересмотреть завещание Чакдорджаба и отобрать у его наследников значительную часть Зюновского улуса, которым, согласно сложившейся традиции, управлял старший сын калмыцкого хана⁵.

Еще при жизни Чакдорджаб разделил между семью старшими сыновьями 3 тыс. кибиток из своего улуса. Из них Дасангу досталась 1 тыс. кибиток, а Баксадай Дорджи – 500. Пятерых младших сыновей Чакдорджаб просил наделить «по надлежащей части» уже после своей смерти из 4 тыс. оставшихся при нем кибиток. Чакдорджаб наказывал сыновьям быть в союзе, кочевать вместе и слушаться старшего брата Дасанга. Накануне встречи с Петром I, состоявшейся летом 1722 г., хан Аюка утвердил составленное Чакдорджабом завещание и присягу, данную его сыновьями. Естественно, Дасанг не смирился с отказом в наследовании ханского престола и лишением его семьи большей части отцовского улуса. Аюке удалось поссорить Дасанга со средними и младшими братьями, потребовавшими наделить их кибитками из отцовского улуса⁶.

Конфликт хана со старшими внуками перерос в военное столкновение. Против Дасанга, в распоряжении которого было не более 7 тыс. воинов, хан направил 20-тысячное войско под командованием Дондук-Омбо – внука от другого своего сына Гунжепа. Дондук-Омбо разделил ханское войско на два отряда, первый из которых 24 ноября 1723 г. у р. Берекети вступил в бой с войском Дасанга. По сведениям В.М. Бакунина, потери с обеих сторон составили до 100 убитых и еще больше раненных. От полного поражения Дасанга спасла вовремя подоспевшая команда астраханского губернатора А. Вольнского, составленная из гарнизонных солдат, донских казаков и юртовых татар. Вступать с нею в бой Дондук-Омбо не решился. Второй ханский отряд напал на оставшиеся незащищенными улусы Дасанга и увел до 6 тыс. кибиток. С оставшимися 2 тыс. кибитками Дасанг с братьями Баксадай Дорджи и Нитар Дорджи отошли к Астрахани. Именно здесь, в Астрахани, без ведома Дасанга, с Баксадай Дорджи и Нитаром были проведены увещательные беседы, склонявшие их к восприятию христианства. Уговорить удалось Баксадай Дорджи⁷.

Ко времени описываемых событий определенный опыт распространения христианства среди калмыков уже имелся. На межгосударственном уровне право калмыков на переход в православие было зафиксировано в шерти (договорной грамоте. – *С.Д.*), подписанной Аюкой и астраханским воеводой А.Е. Одоевским. 27 февраля 1673 г. В этой и последующих шертях на калмыцких владельцев возлагалось обязательство не требовать возвращения в улусы калмыков, ставших православными христианами⁸. Принимавшие крещение калмыки селились за пределами Калмыцкого ханства. В 1686 г. 51 семейство крещеных калмыков было поселено в Курске. Совместно с донскими, яицкими и орешковскими казаками они были приписаны к Белгородскому полку⁹. В 1700 г. поселение крещеных калмыков было устроено выше Саратова на реке Терешке. Но просуществовало оно недолго. По приказу хана Аюки терешкинское поселение было разрушено и сожжено зайсангом Эркетеневского улуса

⁵ *Цюрюмов А.В.* Начальный этап династийной войны в Калмыцком ханстве в 20–30-е гг. XVIII века // *Вестник Калмыцкого университета.* 2018. № 40. С. 55.

⁶ *Бакунин В.М.* Описание калмыцких народов... С. 33–35.

⁷ *Бакунин В.М.* Описание калмыцких народов... С. 38–40; *Цюрюмов А.В.* Начальный этап династийной войны... С. 55.

⁸ *Орлова К.В.* История христианизации калмыков... С. 41–42.

⁹ *Карпов А.Б.* Уральцы. Исторический очерк. Часть I. Яицкое войско, от образования войска до переписи полковника Захарова (1550–1725 гг.). Уральск, 1911. С. 894.

Яманом, на том основании, что прежде эти калмыки находились под его властью и проживали в принадлежащем ему улусе¹⁰.

Петр Великий решил дать процессу христианизации калмыков новый импульс и направление. 20 января 1724 г. император подписал указ, требовавший «склонять владельцев и законников их [калмыков] в христианство»¹¹. Таким образом, перед светскими и церковными властями была поставлена задача содействовать формированию колонии крещеных калмыков непосредственно в Калмыцком ханстве. Их предводителем должен был стать один из представителей ханской фамилии.

Задачу поиска ханского родственника, соответствовавшего требованиям указа, облегчил сам Баксадай Дорджи, обратившийся к астраханскому губернатору с жалобой на братьев, отобравших у него улусы¹². 29 февраля 1724 г. Баксадай Дорджи был отправлен в Москву. Значимость миссии калмыцкого владельца подчеркивалась численностью сопровождавшей его делегации в составе десяти зайсангов, буддийского священнослужителя, лекаря и 22 служителей. Для охраны им были выделены 2 офицера и 50 солдат астраханского гарнизона. До Сызрани калмыцкая делегация добиралась водным путем вверх по Волге и далее, через Симбирск, проследовала в Москву¹³.

Накануне выезда из Астрахани Баксадай Дорджи узнал о смерти Аюки-хана, случившейся 19 февраля 1724 г. Это обстоятельство побудило его дополнить выдвигаемые прежде претензии. В прошении на высочайшее имя Баксадай Дорджи вновь приносил жалобу на Дондук-Омбо, отлучившего от него младших братьев и с их помощью разорившего их общие улусы. Калмыцкий владелец просил содействия в объединении улусов его и его братьев: Бату, Дондук-Даши и Данжина Дорджи, как это было прежде, в одном кочевье, и оградить их от стороннего вмешательства. Осознав, что вопрос о наследовании ханского престола отныне будет решаться при царском дворе, Баксадай Дорджи осмелился оспорить последнюю волю Аюки-хана о передаче ханской власти Церен-Дондуку. Свои претензии оппозиционный владелец обосновал следующими аргументами: «Дед наш Аюка хан, также и отец наш Чакдорджаб умерли, а по нашим калмыцким правам надлежало наследство большему сыну. А Аюки хана больший сын Чакдорджаба, а у Чакдорджаба большой сын Дасанг. А наследство кому будет пожаловано в том воля Вашего Императорского Величества»¹⁴.

Вся дальнейшая деятельность Баксадая Дорджи была подчинена борьбе за верховную власть в Калмыцком ханстве, сначала в пользу старшего брата Дасанга, а после его смерти – для себя. Этой же цели было подчинено его решение о переходе в христианство. Ведь в таком случае, как он надеялся, его ближайшим союзником должен стать сам «белый царь» – русский император. Царский указ: «привести в христианскую православную греческую веру» ханского внука Баксадая Дорджи по его желанию, последовал 26 мая, после приезда калмыцкой делегации в Москву. Обряд крещения должен был состояться в Санкт-Петербурге. Ознакомить калмыцкого владельца с основами христианского вероучения «по надлежательству ко крещению» и обучить «некоторым, сколько возможно будет, молитвам» должен был специально назначенный «искусный» наставник из духовных особ. Для исполнения этой обязанности был определен священник Благовещенского собора Михаил Слонский.

¹⁰ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 590. Оп. 1. Д. 152. Л. 15 об.

¹¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т. VII. СПб., 1830. С. 207.

¹² ОР РНБ. Ф. 590. Оп. 1. Д. 152. Л. 20 об.

¹³ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 119. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–1 об.

¹⁴ Там же. Л. 17 об.

Баксадай Дорджи он сопровождал в поездке в северную столицу и оставался при нем до проведения обряда крещения.

Сам Баксадай Дорджи, осознавая и подчеркивая свою значимость, требовал от русских властей особого внимания к своей персоне. В предстоящей поездке его должны были сопровождать 9 дворян (зайсангов) и 10 служителей. В качестве караула, вместо приставленных к нему в Москве 2 солдат, он потребовал команду из 42 человек. Отдельно оговаривались материальные издержки. Прежде всего, казна должна была возместить задолженность в 300 рублей, скопившуюся за 34 дня пребывания в Москве калмыцкой делегации. Кроме необходимых в дороге надобностей, для комфортного времяпрепровождения Баксадай Дорджи просил снабдить его четырьмя палатками, коляской, чаем, табаком, рейнским питьем (разновидность сладкого вина. – *С.Д.*), водкой, простым вином (хлебное вино. – *С.Д.*), пивом и медом¹⁵. Поездка из Москвы до Санкт-Петербурга заняла 19 дней – с 4 по 23 июля.

Ожидание обряда крещения Баксадай Дорджи и его спутников длилось четыре месяца. Возможно, это было связано с неопределенностью с наследованием ханского престола. В 1723 г. хан Аюка внес в свое завещание существенные коррективы. Соправителем Церен-Дондука должен был стать Дондук-Омбо. Их обоих «следовало считать равными сыновьями»¹⁶. Опекать над ними возлагалась на Дарму-Балу, последнюю жену хана Аюки¹⁷. Так Дондук-Омбо стал еще одним законным претендентом на ханский престол. Вопреки обещанию, данному Аюке-хану, Петр I решил передать управление Ханством Доржи Назарову, приходившемуся двоюродным племянником Аюке-хану. Унаследованный им улус, насчитывавший до 10 тыс. кибиток, с середины XVII в. имел обособленное кочевье в междуречье Волги, Урала и Дона. А.В. Цюрюмов, ссылаясь на мнение архимандрита Гурия (Степанова), рассматривает это решение царской администрации как попытку, направленную на ограничение «независимой политической линии, столь характерной для хана Аюки»¹⁸. Ведение переговоров с Доржи Назаровым было поручено астраханскому губернатору А.П. Волынскому. В соответствии с инструкцией, составленной в Коллегии иностранных дел, Волынский должен был добиться от него согласия на передачу в аманаты (заложники. – *С.Д.*) сына. Переписка астраханского губернатора с Доржи Назаровым продолжалась более трех месяцев – с конца мая до начала сентября. Наконец, 1 сентября, во время личной встречи Доржи Назаров недвусмысленно дал понять А.П. Волынскому, что не намерен претендовать на ханский престол. Отказ мотивировался нежеланием расставаться с сыновьями и недостатком сил для подчинения прямых наследников Аюки – его сына Церен-Дондука и внуков. После этой неудачи усилия Волынского были вновь обращены к поддержке кандидатуры Церен-Дондука. Всего за две недели, с помощью уговоров и угроз, ему удалось склонить к согласию все заинтересованные стороны, и уже 20 сентября, в присутствии калмыцкого первосвященника Шакур-ламы и других владельцев, после принесенной присяги, объявить Церен-Дондука наместником Калмыцкого ханства¹⁹.

Стараниями того же А.П. Волынского было обеспечено примирение полнокровных братьев Баксадай Дорджи с мачехой, братьями и самим наместником Калмыцкого ханства, благодаря чему им удалось вернуть утраченные улусы и восстановить свое политическое влияние. Астраханский губернатор надеялся, что в качестве ответного шага Дасанг и Нитар Дорджи, следуя примеру среднего брата, согла-

¹⁵ АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. Д. 14. Л. 32.

¹⁶ Там же. Д. 2. Л. 28.

¹⁷ Цюрюмов А.В. Начальный этап династийной войны в Калмыцком ханстве в 20–30-е гг. XVIII века // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 40. С. 56.

¹⁸ Там же. С. 57.

¹⁹ Бакунин В.М. Описание калмыцких народов... С. 41–45.

сятся на смену вероисповедания. Согласно Указу от 22 мая 1724 г. без предварительных условий улусы возвращались одному Баксадаю Дорджи. Дасанг и Нитар Доржи могли их получить только после крещения, а до того времени их улусы должны были оставаться «под рукою» губернатора. Однако калмыки, принадлежавшие старшим внукам хана Аюки, оказались в улусах у разных владельцев. Дасанг и Нитар Доржи сами ездили по родственникам, опознавали и собирали своих подвластных людей. На сетования Волынского об уклонении от подчинения воли монарха Дасанг ответил, «что он рад бы то учинить, но как он человек совершенных уже лет, то, как ему оставить закон, в котором родился и обвык, а принять новый, о котором мало и слышал. Сверх того, в таком случае, улусные его люди, боясь, чтоб и они поневоле окрещены не были, могли бы от него разбежаться, а один он без улусов никакой Его Императорскому Величеству прибыли сделать не может»²⁰. Тем не менее, он обещал не препятствовать крещению братьев и всегда оставаться в верности Его Императорского Величества. Вслед за старшим братом отказался от восприятия христианства и Нитар Доржи²¹.

Таким образом, ко времени проведения обряда крещения Баксадая Дорджи вопрос о правителе Ханства был уже решен. Кроме того, смена вероисповедания враждебно воспринималась буддийским духовенством и правящей элитой, рассматривавших христианизацию как угрозу государственному и конфессиональному суверенитету и единству Калмыцкого народа. Калмыцкий владелец оказался заложником ситуации. Находясь в Петербурге, он уже не мог избежать обряда крещения. Теперь его деятельность была направлена на получение от российского правительства гарантий по обеспечению безопасности и поддержку его политического авторитета, опиравшегося на покровительство самого «Белого царя».

Надежду на такое покровительство внушала торжественность церемонии обряда крещения, состоявшегося 15 ноября 1724 г. в соборной Троицкой церкви. Значение высокой государственной важности мероприятию придавало присутствие членов Святейшего Синода, сенаторов, генералов и других «знатных особ». Обряд проводил тверской архиерей Феофилакт, а восприемником вызвался быть сам император Петр I. По крещению Баксадай Дорджи был наречен Петром Петровичем Тайшиным. Как проявление особой милости в хронике события было отмечено присутствие царя на литургии, во время которой государь взял крестника за руку «и повел сам к тайнам христовым». По окончании службы П.П. Тайшин был принят в царском дворце: «был при столе Его Величества», где также присутствовали «духовные особы и министры»²². Не поспешил Петр I и на подарки. Петр Тайшин, который отныне подписывал свои письма – князь Петр Дайчин (Тайшин), был одарен: собольей шубой, покрытой золотой парчой, шапкой собольей, крытой бархатом, платьем и сапогами²³.

22 ноября в той же Троицкой церкви были крещены семь зайсангов из свиты П. Тайшина. Следуя примеру царя, их восприемниками выступили вельможи из ближайшего окружения монарха: канцлер граф Г.И. Головин, сенатор, граф П.А. Толстой, Д.И. Меньшиков, адмирал Ф.М. Апраксин, генерал, князь Н.И. Репнин, граф П.М. Апраксин, сенатор, князь Д.И. Голицын. Все новокрещенные были наречены именами святых апостолов: Павлом, Матвеем, Лукой, Марком, Иоанном, Андреем, Иаковом. Еще восемь калмыков, состоявших при них в услужении, прошли обряд крещения 25 ноября²⁴.

²⁰ Бакунин В.М. Описание калмыцких народов... С. 47.

²¹ Там же.

²² АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. Д. 14. Л. 68–68 об.

²³ Орлова К.В. История христианизации калмыков... С. 148.

²⁴ АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. Д. 14. Л. 68 об. – 70 об.

С крещением П. Тайшина была заложена традиция наделения знатных калмыков пожизненным денежным пожалованием. Петру Тайшину за восприятие крещения велено было ежегодно выплачивать 1000 рублей и выдавать по 500 четвертей хлеба. Крестившимся вслед за ним зайсангам жалование определялось в 20 рублей. На будущее также оговаривалось о наделении сторублевым пособием сыновей П. Тайшина после их крещения²⁵.

Через месяц после крещения П. Тайшина, 15 декабря 1724 г., Петр I издал указ, который, судя по содержанию резолюций, давал ответы на разные ходатайства калмыцкого владельца, написанные в период его пребывания в столице. Так, в первом пункте указа говорится, что П. Тайшин просил императора помочь ему занять ханский престол. Решение о признании наместником Калмыцкого ханства Церен-Дондука было принято русским правительством еще в сентябре, и не зная о нем, а тем более противиться ему, находясь при царском дворе, П. Тайшин просто не мог. Тем не менее, видимо, чтобы убедить своего крестника крепче держаться российской ориентации, Петр I внушает ему надежду: «в том милость Его Императорского Величества к нему будет впредь в удобное к тому время»²⁶.

Две следующие просьбы П. Тайшина более соответствовали сложившейся ситуации. В них он ходатайствовал о создании условий для его безопасности и передаче под его управление всех крещеных калмыков. В первом случае крещеный калмыцкий владелец, можно сказать, представил готовый проект своей будущей резиденции. Он просил построить земляную крепость ниже Красного Яра на реке Бузане на 600 дворов. Для охраны разместить в ней до 1500 драгун и казаков. Для себя и своих придворных людей построить в крепости дома и церковь. В мирное время в окрестностях новой крепости он планировал пребывать на кочевье и укрываться за ее стенами в периоды «неприятельства и злодейств». Проект П. Тайшина был признан нерентабельным, на том основании, что на строительство и содержание крепости требовалось отрядить много русских людей. Резолюция ограничилась предписанием направить в распоряжение П. Тайшина вахмистра с командой из 24 драгун. «А если на него Тайшина от братьев или других владельцев будет учинено нападение, велено астраханскому губернатору от того охранять». Последнюю просьбу, о передаче в его распоряжение всех крещеных калмыков, П. Тайшин обосновывал необходимостью их защиты от некрещеных владельцев. Ответная резолюция ограничилась лишь ссылкой на шерт, в соответствии с которой тайши теряли право просить о возвращении в их улусы калмыков, ставших православными христианами²⁷.

К удовольствию императора, Петр Тайшин проявил заинтересованность к познанию устройства и законодательства Российского государства. Действуя при посредничестве Синода, 24 декабря он ходатайствовал о предоставлении печатных книг, содержащих Соборное уложение, Морской и Воинский уставы, а также «и прочие Его Императорского Величества указы». В тот же день царь указал Коллегии иностранных дел рассмотреть прошение и «учинить» резолюцию²⁸.

Крещеный калмыцкий владелец был отпущен из Петербурга 15 февраля 1725 г. – через 18 дней после смерти Петра I. Накануне отъезда указом Коллегии иностранных дел Екатерина I подтвердила все данные П. Тайшину и его зайсангам обещания, касавшиеся выплаты ежегодного жалования и охраны. В качестве дополнения указ содержал распоряжение о направлении к П. Тайшину пристава, который должен неотлучно состоять при его особе. Позднее на эту должность астраханским гу-

²⁵ АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. Д. 14. Л. 73.

²⁶ Там же. Л. 76.

²⁷ Там же. Л. 76–78 об.

²⁸ Там же. Л. 79.

бернатором был определен поручик Шахматов. Составленная для него инструкция предписывала установление за деятельностью крещеного калмыцкого владельца едва ли не тотального контроля. Шахматов был обязан:

1) Тайно выведывать: не поступает ли к П. Тайшину какая-либо корреспонденция от турок, крымцев, кубанцев или от других соседних народов. Обо всем, что сумеет выведать негласным путем, Шахматов обязан был доносить состоявшему при калмыцких делах майору В.П. Беклемишеву.

2) Строго смотреть за исполнением П. Тайшиным православных обрядов. Обо всех его проступках доносить иеромонаху Никодиму Ленкеевичу и майору В.П. Беклемишеву.

3) Выступать советником П. Тайшина «во всяких делах». Не допускать вражды между калмыками и народами, состоявшими в подданстве Османской империи, дабы «не подали чем к нарушению мира с Атаманской Портой причин. <...> А ежели какие обиды им, калмыкам, от турецких подданных произошли, и о тех писал бы он, Петр, в Коллегию иностранных дел». Те же требования предъявлялись к регулированию отношений калмыков с донскими казаками.

4) В случае причинения калмыками «обид русским людям» поручик Шахматов должен был требовать от П. Тайшина проведения поиска виновных, назначения им наказания и возвращения имущества потерпевшим²⁹.

Одновременно с П. Тайшиным в Калмыцкое ханство была отправлена православная миссия во главе с иеромонахом Никодимом Ленкеевичем. К миссии были приписаны пять «школьников» – учащихся Славяно-греко-латинской академии. Базироваться миссия должна была при улусе П. Тайшина. Для проведения богослужений была построена походная церковь, которая после освящения 24 февраля 1725 г. была отослана в кочевье³⁰.

Борьба за ханский престол: надежды и разочарования

Возвращаясь в родное кочевье, П. Тайшин не собирался отказываться от претензий на ханский престол. Из общения с императором он вынес убеждение, что русское правительство будет ему в этом всячески содействовать. Свое настроение крещеный владелец не только не скрывал, но и всячески демонстрировал. Во время первой же встречи с родными братьями, состоявшейся в начале апреля 1725 г. в улусе Дасанга, он заявил как о вопросе решенном, что для него будет построена вблизи Астрахани крепость и все крещеные калмыки перейдут на кочевье в ее окрестности. Как угрозу принудительного крещения их и подвластных им людей восприняли заявление П. Тайшина Дасанг и Нитар Доржи. Призыв губернатора А.П. Волынского к переходу внутрь Царицынской укрепленной линии, под защиту русских войск, был ими сочтен за заманивание. Поддержав призыв влиятельного зайсанга Биллютки, что «лучше им умереть в своей вере», братья постановили отступить от Астрахани и кочевать между Кубанью и Волгой. Нитар Доржи стал распространять по улусам слухи: «что россияне, замая их на линию, всех крестят или разорят»³¹.

Еще более надменно повел себя П. Тайшин в общении с послами Черен-Дондука, Дармы-Балы и Шакур-ламы, приезжавших к Дасангу с предложением о перемирии. Он посоветовал их владельцам поторопиться с заключением мира. В противном случае грозился повести против них русские и калмыцкие войска. Для пущей убедительности Петр ссылался на несуществующий царский указ, якобы данный ему

²⁹ АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. Д. 21. Л. 1–2.

³⁰ Орлова К.В. История христианизации калмыков... С. 48.

³¹ Бакунин В.М. Описание калмыцких народов... С. 51.

при крещении, чтоб «изо всех волжских городов и с Дону войсками, сколько, когда он потребует, чинить ему, Тайшину, вспоможение»³².

Как итог, П. Тайшин настроил против себя не только группировку Церен-Дондука и Дармы-Балы, но и вступил в конфликт с родными братьями Дасангом и Нитар Доржи. Причем, по свидетельству В.М. Бакунина, Тайшин сам дал повод к обострению ситуации, позволив своим людям совершить нападение на улус Дасанга и разорить несколько кибиток. В ответ Нитар Доржи тяжело ранил зайсанга Павла Тунгулака – крестника канцлера Г.И. Головкина. Более того, братья приняли решение убить и самого Петра. Ночью Нитар Доржи со своими людьми ворвались в кибитку Тайшина. Однако крещеный калмыцкий владелец, извещенный о готовящемся нападении одним из родственников, успел сбежать и укрылся в Царицыне под защитой астраханского губернатора. Нитар Доржи пленил жену Тайшина, весь его улус и членов православной миссии³³.

Для А.П. Вольнского П. Тайшин являлся скорее помехой, чем союзником в выстраивании отношений с Калмыцким ханством. У него были веские основания для сомнений в преданности калмыцкого владельца и приверженности христианству. Незадолго до описанных выше событий, 13 мая, астраханский губернатор информировал Коллегию иностранных дел, что жена крещеного калмыка Луки Александрова распространяет слух, что якобы Петр Тайшин с ее мужем крестились только для того, чтобы без вреда уехать из России. Дасанг обещал наделить Петра улусом при условии, если он вновь уверует в Далай-ламу и вместо креста наденет бурхана. «И то де, он, Петр, и учинил»³⁴.

Донесение астраханского губернатора во внешнеполитическом ведомстве было встречено с явной тревогой. На крещение П. Тайшина и его людей были потрачены значительные средства, но главное, их вероотступничество затрагивало авторитет государства и церкви, бросало тень на их высокопоставленных восприемников. Прежде до Петербурга уже доходили известия, что после возвращения в Калмыцкое ханство некоторые зайсанги из свиты Тайшина были захвачены некрещеными владельцами и принуждались к отступничеству от православной христианской веры³⁵. Вольнскому было предписано проверить подлинность этих сведений и в случае их подтверждения, до получения указа, удерживать причитавшееся крещеным зайсангам жалование. Со слов одного из школьников, сумевшего незамеченным добраться до Астрахани, выяснилось, что после бегства П. Тайшина члены православной миссии и походная церковь продолжали находиться в улусе П. Тайшина. Крещеные калмыки церковные службы не посещают. Иеромонах Никодим содержится в полной изоляции и не имеет возможности связаться с губернатором. На запрос Коллегии А. П. Вольнский ответил уклончиво: веру христианскую крещеные калмыки содержат. Однако в том, чтобы они крепкими христианами были, он сомневается³⁶.

Более важной задачей, нежели поддержка православных миссионеров, для Вольнского в этот период являлось примирение с калмыцкой знатью и ее подчинение наместнику Ханства Черен-Дондуку. Для увещевания Дасанга и Нитар Доржи в улусы был направлен переводчик Василий Бакунин. Он клятвенно убеждал братьев, что никого насильно крестить не будут ибо «невольное крещение христианскому закону противно». Однако Нитар Доржи, посчитав себя обманутым, возобновил военные действия: задержал и избил переводчика Бакунина, убил заступившегося

³² Бакунин В.М. Описание калмыцких народов... С. 51.

³³ Там же. С. 52.

³⁴ АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. Д. 14. Л. 52.

³⁵ Там же. Л. 78 об.

³⁶ Там же. Д. 19. Л. 53.

за него зайсанга Джалчина, пытался даже захватить в плен самого губернатора Во-лынского. Кроме того, в вину мятежному владельцу ставились нападения, грабежи и убийства жителей донских поселений. Исчерпав дипломатические ресурсы, А.П. Волинский решил перейти от увещевания к использованию силы. К Царицынской линии им были стянуты драгунские и казачьи полки, к которым присоединились калмыцкие владельцы, поддерживавшие наместника ханства. В свою очередь, Дасанг, осознав, что ответственность за совершенные Нитар Доржи преступления равным образом распространится и на него, решился на братоубийство. Затем он сам приехал с повинной к астраханскому губернатору и дал согласие возвратить младшим братьям полагавшиеся им по отцовскому завещанию улусы³⁷.

От Петра Тайшина российское правительство требовало отказаться от претензий на ханский престол. В письме от 25 августа 1725 г. канцлер Г.И. Головкин разъяснял незадачливому претенденту, что «мимо ханского сына, внука производить в ханы не надлежит». Черен-Дондук назначен наместником ханства еще при Петре I, что своим указом подтвердила и Екатерина I. Письмо Г.И. Головкина завершалось требованием: «А надлежит тебе, по высокому соизволению ее Императорского Величества, его, дядю своего Черен Дондука, иметь за хана и главного управителя не отменно»³⁸.

Для Петра Тайшина примирение с Дасангом означало признание верховенства старшего брата, потакание его амбициям и безусловное подчинение его приказам. В то же время, по крайней мере, в официальной переписке, Петру приходилось демонстрировать верность Российскому государству, которое, по существу, обмануло его надежды. О том, что П. Тайшин трезво оценивал свое положение, свидетельствуют строки из его письма к Екатерине I от 12 августа 1726 г.: «Я нижеименованный и недостойный раб Вашего Величества доношу <...> как калмыцкие владельцы, так и прочие за восприятие благочестивой православной веры христианской меня ненавидят и злодейства чинят». В этом и во всех последующих письмах П. Тайшин вновь возвращался к необходимости строительства для него вблизи Астрахани крепости. Крещеный владелец ссылался на авторитет Петра I, который поручил ему приводить калмыков в православную христианскую веру. Но выполнить монаршую волю и отобрать у владельцев всех калмыков, желающих принять крещение, без высочайшего указа он не в праве³⁹. Коллегия иностранных дел предпочитала на прошения Тайшина давать уклончивые ответы, такие как: «Еще заподлинно неизвестно, где вы будете со своими улусными людьми кочевать за Доном или где в других удобных местах». Или: «Ныне вскоре решения учинить невозможно, затем, что вы сначала кочевали за Доном, а потом ныне получили мы известие, что вы к Волге кочевать пошли. Потребно иметь от вас известие, где вы подлинно кочевать будете. И потому тогда надлежащее определение вам о том учинить»⁴⁰.

Наконец, как лишение покровительства и защиты должен был воспринять П. Тайшин распоряжение генерал-фельдмаршала М.И. Голицына об отзыве находившихся при нем для охраны 24 драгун. 2 июня 1727 г. М.И. Голицын информировал Коллегию иностранных дел, что драгун из улуса Тайшина он отозвал на том основании, что Петр с братьями примирился и нахождение при нем русских солдат может возбудить ненужное подозрение⁴¹.

Примирение, а с ним и фактическое подчинение П. Тайшина старшему брату-буддисту пагубно отразилось на деятельности, да и самом существовании членов

³⁷ Бакунин В.М. Описание калмыцких народов... С. 52–55.

³⁸ АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. Д. 19. Л. 58 об. – 59.

³⁹ Там же. Д. 17. Л. 2–4.

⁴⁰ Там же. Л. 20, 22.

⁴¹ Там же. Д. 19. Л. 53 об. – 54.

православной миссии. Отношения между ее руководителем Иеромонахом Никодимом Ленкевичем и П. Тайшиным переросли в открытую вражду. Отец Никодим приложил немало усилий, чтобы представить крещеного калмыцкого владельца веротступником, недостойным доверия русского правительства. По подсчетам К.В. Орловой, с 3 мая 1729 г. Н. Ленкевич направил в Синод 9 донесений, в которых обстоятельно описывались многочисленные проступки П. Тайшина. Крещеному владельцу ставилось в вину нежелание исполнять церковные обряды и воспитывать своих детей в православной вере, недопущение к крещению подвластных ему калмыков и их детей, общение с гелюнгами и оказание материальной поддержки буддийскому духовенству⁴².

5 января 1730 г. Дасанг с отрядом из 103 человек совершил нападение на православную миссию. Его цель, как выразился Н. Ленкевич в донесении Синоду от 12 марта, «новокрещеных побрать и разбить, без остатку, чтобы впредь не повадно было креститься их народу»⁴³. В результате разбойных действий 1 человек был убит, 2 ранены, 41 уведены в плен. Остальные проживавшие при миссии крещеные калмыки разбежались, оставив имущество⁴⁴. Иеромонах просил содействия правительства в освобождении крещеных калмыков и возвращении отнятого у них имущества. Донесение заканчивалось припиской: «А ежели оных новокрещеных калмыков не возвратят по-прежнему, – то не тоию креститься не будут, но и последние могут разбежаться»⁴⁵.

Еще до учиненного Дасангом погрома иеромонах Никодим высказал мнение о необходимости удаления крещеных калмыков из пределов Калмыцкого ханства ради их безопасности. Он не обвинял П. Тайшина в случившемся разорении миссии, однако воспользовался им как поводом для дискредитации крещеного владельца. Н. Ленкевич выступал против передачи крещеных калмыков под управление П. Тайшина. В донесении от 14 августа 1730 г. он обращал внимание Синода на то обстоятельство, что в подданстве Тайшина крещеных калмыков не осталось, и он не прилагает никаких усилий к распространению христианства. В случае передачи крещеных калмыков в его ведомство произойдет их смешение с некрещеными родственниками и соседями, и тогда «не только научить, но и собрать оных будет невозможно». Примером тому служили калмыки, крестившиеся с Петром Тайшиным в Санкт-Петербурге, и те, что были крещены самим иеромонахом на Дону. Все они, как выразился руководитель православной миссии, «ныне расхищены»⁴⁶.

Предвзятость позиции, занятой отцом Никодимом, его стремление переложить на П. Тайшина ответственность за неудачи миссионерской деятельности становятся очевидными при знакомстве с фактами, представленными в письмах крещеного владельца. Он никогда, по крайней мере официально, не отрекался от христианства и содействовал крещению своей жены и детей. 20 сентября 1726 г. тот же иеромонах Никодим уведомлял архимандрита Гавриила, что «Божьей помощью, а моим недостойным советом, новокрещенного Петра Тайшина жена Церен-Янжи в праздник Рождества Пресвятыя богородицы, склонение свое ко крещению учинила было, за которую сам Петр Петрович ко мне с толмачом приходил, чтобы я с ним к господину губернатору Волынскому пошел и просил бы его в восприемники. Но гос-

⁴² Орлова К.В. История христианизации калмыков... С. 52.

⁴³ Гурий. Первая православная миссия среди калмыков и ее практическая жизнь // Православный собеседник. 1914. № 2. С. 322.

⁴⁴ Джунджузов С.В., Любичанковский С.В. Миссионерская деятельность Никодима Ленкевича в Калмыцком ханстве (1725–1734 годы) // Новый исторический вестник. 2017. № 3. С. 180.

⁴⁵ Гурий. Первая православная миссия среди калмыков и ее практическая жизнь // Православный собеседник. 1914. № 2. С. 322.

⁴⁶ АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. Д. 1. Л. 12–13 об.

подин Волынский в том рекузовал с таким словом, что надо де о том в Санкт-Петербург написать». Позднее уже сама Церен-Янжи прошением на Высочайшее имя подтвердила свое желание воспринять православную христианскую веру. Екатерина I не только дала согласие, но и приписала дозволение «принять крещение, где пожелает, либо в Петербурге»⁴⁷. С этого времени П. Тайшин допускал проведение обряда крещения жены не иначе как в столице, в присутствии придворных особ. В 1728 г. он уведомил Коллегию иностранных дел о желании прибыть к императорскому двору для крещения жены, о чем просил повелительного указа. Канцлер Г.И. Головкин, сославшись на карантин, введенный в Царицыне в связи с эпидемией моровой язвы, счел просьбу несвоевременной⁴⁸. Однако в том же 1728 г. был крещен нареченный Алексеем годовалый сын Петра Тайшина⁴⁹.

Наивысшего предела разногласия между Никодимом Ленкеевичем и Петром Тайшиным достигли к январю 1731 г., когда первый отправился с докладом в Москву, а второй встретился в Астрахани с бароном П.П. Шафировым, направлявшимся в Персию с дипломатической миссией. П. Тайшину удалось убедить придворного сановника, что иеромонах, вместо того чтобы находиться при нем и служить наставником в христианском вероучении, большую часть времени проживал в Астрахани и походную церковь в его улус не привозил. Состоявшие при миссии школьники также, подобно своему начальнику, уклонялись от возложенных на них обязанностей по обучению молитвам калмыцких детей и изучению калмыцкого языка. П. Тайшин уверял П.П. Шафирова, что крепко придерживается «благочестивой веры». Один сын его 5 лет уже как крещен, и второго, недавно родившегося, крестить намерен⁵⁰.

Еще до встречи с Шафировым П. Тайшин направил в Коллегию иностранных дел донесение, в котором жаловался на притеснения русскими людьми живущих при Астрахани калмыков: «онных его людей бьют до смерти и <...> воровски берут. А астраханский губернатор суда не делает»⁵¹.

В первой половине того же 1731 г. после смерти старшего брата Дасанга П. Тайшин унаследовал его улус и вновь напомнил о своих претензиях на ханский престол. По стечению обстоятельств смерть Дасанга наложилась на указ Анны Ивановны от 17 февраля 1731 г. о пожаловании наместника ханства Церен-Дондука ханским титулом и приведением его 1 мая к присяге астраханским губернатором И.П. Измайловым. Санкционированное царским правительством возвышение Церен-Дондука способствовало консолидации и расширению оппозиции калмыцкой знати, возглавляемой Дондук-Омбо. Позднее Петр Тайшин признался, что между ним и Дондук-Омбо была заключена договоренность о разделе Калмыцкого ханства⁵². Законные, по его мнению, претензии на ханский престол православный владелец подкреплял находившимися под его властью 10-ю тыс. кибиток. К «союзу кузенов» примкнула достаточно внушительная группировка из авторитетных найонов: родной брат Дондук-Даши – Бокшурга, родной брат П. Тайшина – Бату, их племянник, сын Дасанга – Чидан, хошоутский владелец – Дондук. Доржи Назаров с сыном Лубжой также сочувствовали оппозиционерам, но предпочли занять выжидательную позицию. Верность Церен-Дондуку сохраняли Галдан-Данжин и Шакур-лама. Ханское

⁴⁷ Национальный архив Республики Татарстан (далее – НАРТ). Ф. 10. Оп. 2. Д. 1248. Л. 26 об. – 27.

⁴⁸ АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. Д. 1. Л. 54–54 об.

⁴⁹ Там же. Д. 19. Л. 3.

⁵⁰ Там же. Л. 16–17.

⁵¹ Там же. Л. 55 об.

⁵² Джунджузов С.В., Любичанковский С.В. Влияние Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. на выстраивание отношений империи с кочевыми народами Южного Урала и Центральной Азии (по материалам Оренбургской экспедиции) // Вестник РУДН. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 3. С. 500.

войско не превышало 2 тыс. человек. Дондук-Омбо и его сторонники выставили в 5 раз больше – порядка 10 тыс. человек.

Несмотря на явное превосходство противника, Церен-Дондук решил первым напасть на него. Сражение произошло в ноябре, в районе озера Сасыколи. В начале боя П. Тайшин, командовавший левым флангом, был смят отрядом Галдан-Данжина и принужден к бегству. Ситуацию спас Дондук-Омбо, большими силами атаковавший ханское войско и одержавший над ним полную победу. С маленьким отрядом в 25 человек Церен-Дондуку удалось оторваться от преследователей и укрыться в Астрахани. Мятежники разделили между собой 15 тыс. кибиток из улусов Церен-Дондука, его матери и Шакур-ламы, 2,5 тыс. кибиток были преданы в совместное владение П. Тайшину, Бату и их племяннику Чидану⁵³.

Ответственность за случившееся сражение обе стороны, естественно, старались переложить друг на друга. П. Тайшин утверждал, что в бой они с Дондук-Омбо вступили и ханское войско разбили лишь после того, как узнали, что Церен-Дондук, Шакур-лама и Галдан-Данжин «идут на них войной». Однако для царского правительства вина П. Тайшина и Дондук-Омбо сомнений не вызывала. Они, будучи русскими подданными, не подчинились высочайшим указам и неоднократным увещеваниям с требованием признать ханом и правителем Церен-Дондука. Для России сокрушительное поражение Церен-Дондука стало поводом к военному вмешательству. С чрезвычайными полномочиями в калмыцкую степь был направлен генерал-лейтенант, князь И. Ф. Бярятинский.

На первом этапе своей миссии, продолжавшейся с декабря 1731 по март 1732 г., И.Ф. Бярятинский вступил в интенсивную переписку с мятежниками, настаивал на личной встрече и возвращении людей, угнанных из ханских улусов. Дондук-Омбо от встречи уклонился. Со своим улусом он сначала отошел к Дону, а затем на Кубань, отдавшись покровительству крымского хана и турецкого султана. Не шел на прямой контакт с воеводой и П. Тайшин. В ответном письме от 14 января он напомнил князю, что не он с Дондук-Омбо стали зачинщиками войны. «Ему и в команде у Черен Дондука быть сумнительно, понеже он, Петр Тайшин, находится в христианском законе». Отговорку, будто бы христианину не подобает состоять под властью идолопоклонника, Бярятинский нашел безосновательной⁵⁴.

В феврале 1732 г. И.Ф. Бярятинский решил прийти к военному этапу порученной ему миссии. Воевода надеялся перехватить мятежных владельцев и не позволить им откочевать в соседние государства. К этому времени под его командой состояло 6 драгунских и 2 пехотных полка общей численностью 41619 человек. К ним присоединились 4692 казака из Донского войска и из волжских городов, а также 2 тыс. калмыков из улуса Дондук-Даши и до 2 тыс. калмыков, приведенных разными зайсангами к Церен-Дондуку в Царицын. Однако поход не задался. Драгунские лошади оказались непригодными к длительным переходам. Падеж лошадей вынудил И.Ф. Бярятинского отказаться от преследования Дондук-Омбо и вернуться в Астрахань⁵⁵.

Упустив «главного виновника смуты», И.Ф. Бярятинский обратил гнев против Петра Тайшина, который, по его словам, «склонности никакой к примирению не показал и в непослушании с прочими прибывал». Избегая столкновения с высланными против него из команды Бярятинского донскими казаками, П. Тайшин ушел на Волгу, в городок Красный Яр, где и был взят воеводой под арест и «закован в железа». Его жена также подверглась аресту и вместе с детьми была вывезена в

⁵³ Бакунин В.М. Описание калмыцких народов... С. 74–75.

⁵⁴ Там же. С. 82–83.

⁵⁵ Там же. С. 85–87.

Астрахань. Состоявший при крещеном владельце улус, насчитывавший до 400 кибиток, в котором он объявил себя ханом, «до указу» был передан в управление Дондук-Даши. Скот, захваченный у мятежных калмыков, был отдан донским казакам в качестве вознаграждения⁵⁶.

Сам же П. Тайшин свое задержание и арест считал несправедливыми. Из его показаний следует, что сразу по получении письма от генерал-лейтенанта И.Ф. Борятинского он прикочевал к Астрахани и просил губернатора указать ему место для проживания и кочевки. Но вскоре подошел с войском И.Ф. Борятинский и его улус разбил. П. Тайшин отступил в Красный Яр. Здесь якобы к нему пришло осознание, что именно он является причиной вражды между калмыками и казаками и случившегося между ними кровопролития. Петр решил объясниться с астраханским губернатором, направил к нему нарочного с письмами. Но нарочного задержали, а вслед за ним Борятинский распорядился арестовать и самого П. Тайшина.

В покаянном прошении на высочайшее имя Петр писал, что русским людям он обид не чинил, а воевал только со своими родственниками, за что просил «вину всемилостивейше отпустить» и вернуть отобранный у него улус. Впредь крещеный владелец обещал служить верно и кочевать со своим улусом обособленно от чужих калмыков, если последует повеление по нагорной стороне Волги, в междуречье Волги, Дона и Донца.

Для Петербурга было важно иметь на ханском престоле правителя сильного, авторитетного и, что особенно важно, готового действовать в угоду российским интересам. В разной мере П. Тайшин не соответствовал ни одному из перечисленных критериев. Было очевидно, что он будет оставаться в оппозиции ко всякому обладателю ханской власти, а значит источником нестабильности и смуты. Поэтому Анна Иоанновна под благовидным предлогом решила удалить Петра из пределов Калмыцкого ханства. В ответной грамоте императрица уверила Тайшина во всемилостивейшем прощении, но и в то же время повелела, чтобы «для наивысшего получения Ее Императорского Величества прощения и получения милости в возвращении улусов» он приехал в Санкт-Петербург, взяв с собой жену свою и детей для восприятия святого крещения⁵⁷.

С уходом на Кубань Дондук-Омбо политический кризис в Калмыцком ханстве еще более обострился. Распри начались в окружении хана. Недовольные его властью найоны и те из них, кто прежде предпочитал придерживаться нейтралитета, стали откочевывать со своими улусами на Кубань и присоединяться к оппозиционной группировке. Престижу Дондук-Омбо также способствовали многочисленные вылазки его и его союзников на Дон и Волгу, часто заканчивавшиеся захватом пленных и угоном скота. Так, только за один набег 3 марта 1734 г. сын Доржи Назарова, Лубжа, с 7-тысячным отрядом атаковал улусы Дарма-Балы, Галдан-Данжина и Шакур-ламы, а также охранявший их отряд драгунов, и захватил более 4 тыс. кибиток. В феврале 1735 г. на соединение с группировкой Дондук-Омбо выдвинулся 10-тысячный улус Доржи Назарова. В итоге численность укрывшихся на Кубани калмыков превзошла население Калмыцкого ханства⁵⁸.

К 1735 г. неспособность Церен-Дондука прекратить междоусобные распри стала очевидной. Негативное впечатление о калмыцком правителе усиливали сообщения о злоупотреблении алкоголем. В сложившихся обстоятельствах внешнеполитическое ведомство России и Кабинет министров вынуждены были пересмотреть

⁵⁶ АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. Д. 14. Л. 128–129.

⁵⁷ Там же. Л. 129 об. – 131.

⁵⁸ Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство в 1724–1741 гг.: хроники династийных междоусобиц. Элиста, 2005. С. 103.

отношение к Дондук-Омбо. От требования вернуться в пределы империи и откочевать обратно к Волге и угроз они перешли к уговорам и обещанию передачи «главного над калмыками правления». Высочайший указ, объявлявший Дондук-Омбо наместником Калмыцкого ханства, последовал 7 марта 1735 г.⁵⁹

Отношение российских властей к П. Тайшину служило для Дондук-Омбо своеобразным маркером отношения и к нему самому. В числе выдвигаемых им условий неизменно присутствовало требование: Петра Тайшина из-под караула освободить и улусы его ему отдать. Накануне отъезда из Царицына с П. Тайшина полковником Беклемишевым было затребовано письмо для Дондук-Омбо. Крещеный владделец уведомлял двоюродного брата об отпущении ему вины и освобождении из-под ареста. Он советовал Дондук-Омбо последовать его примеру и просить императрицу о прощении⁶⁰.

С П. Тайшиным, согласно инструкции, обращались как с почетным пленником: «учтиво и вежливо». На прием к Анне Иоанновне он был допущен 29 августа 1734 г. Детали разыгранного во время высочайшей аудиенции церемониала, призванные подчеркнуть раскаяние калмыцкого владельца, приведены в исследовании К.В. Орловой. Все то время, пока В.М. Бакунин переводил его покаянную речь, Петр лежал, распластавшись на полу, не смея поднять головы. Императрица, теперь уже официально, в торжественной обстановке, соизволила простить П. Тайшина. Однако, как бы подчеркивая свое к нему нерасположение, ответную речь от ее имени произнес вице-канцлер А.И. Остерман⁶¹. Следуя традиции, заложенной Петром I, императрица соизволила стать крестной матерью жены П. Тайшина – Церен-Янжи, нареченной, как и ее восприемница, Анной. Крестным отцом новокрещеной знатной калмычки стал Андрей Иванович Остерман, от имени которого было образовано ее отчество – «Андреевна»⁶².

П. Тайшин стремился восстановить доверие императрицы и ее окружения и использовать его в своих интересах. Он регулярно просил деньги на содержание многочисленной свиты и слуг, которых, как следует из ходатайства зайсанга Кирилла Михайлова и других 26 крещеных служителей от 22 ноября 1736 г., при нем «обреталось» 46 человек⁶³. Петр, будучи оторванным от родных степных просторов, продолжал бороться за возвращение отобранного улуса. 20 июля 1736 г. он уведомил Коллегию иностранных дел о том, что для управления своим улусом, насчитывавшим 290 кибиток, им направлены в Царицын крещеный зайсанг Григорий Даши-Джамса и служитель Цархуланг. Тайшин просил Коллегию направить царицынскому коменданту Кольцову указ, предписывающий оберегать его улус «от противных и насильственных случаев» и возвращать принадлежавших ему рядовых калмыков, расхищенных другими владельцами⁶⁴.

В 1735 г. П. Тайшин вновь возвращается к вопросу о передаче под его управление всех крещеных калмыков. В прошении, поданном 23 января 1735 г. вице-канцлеру А. И. Остерману, он ходатайствовал о построении для него крепости на берегу впадающей в Дон реке Иловле и поселении там же всех крещеных калмыков⁶⁵. В сложившейся ситуации вывод крещеных калмыков за пределы ханства являлся безальтернативной возможностью сохранения их в православном исповедании. Но согласия на их размещение на Дону или на территории Астраханской гу-

⁵⁹ Бакунин В.М. Описание калмыцких народов... С. 133–134.

⁶⁰ АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. Д. 14. Л. 132.

⁶¹ Орлова К.В. История христианизации калмыков... С. 56.

⁶² Там же. С. 56–57.

⁶³ АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. Д. 19. Л. 35–35 об.

⁶⁴ Там же. Л. 27.

⁶⁵ Орлова К.В. История христианизации калмыков... С. 57.

бернии правительство дать не могло. Астраханский губернатор И.П. Измайлов уведомлял Коллегию иностранных дел, что в его губернии всех крещеных калмыков собрать в одном месте и обеспечить им надежную защиту невозможно. К тому же предполагалось крещеных калмыков приучить к оседлости и земледелию. Таковых угодий, пригодных для заведения пашни, в Астраханской губернии не имелось⁶⁶.

Забота о поселении крещеных калмыков была передана в ведение Оренбургской экспедиции. В Указе от 6 ноября 1736 г., адресованном начальнику Экспедиции тайному советнику И.К. Кирилову, были изложены первые программные положения российской политики в отношении крещеных калмыков. Поселить их предполагалось на отведенной территории в безопасном месте. Все калмыцкие переселенцы должны были перейти под единоначальное управление Петра Тайшина. Для него и зайсангов предполагалось построить двор, остальным калмыкам дозволялось жить в кочевьях, с тем чтобы «и тех калмыков к поселению дворами и к пашне приохочивая приводить». За счет даруемых льгот и привилегий им предписывалось обеспечить такие условия, чтобы «и прочим к крещению и тамошнему пребыванию охоту подать»⁶⁷.

После года поисков подходящего места было решено разместить крещеных калмыков в Самарском Поволжье, на луговой стороне Волги, напротив Жигулевских гор. На берегу Волги в урочище Кунья Воложка была построена крепость, нареченная в 1739 г. Ставрополем. В ее окрестностях по берегам Сока, Кондурчи, Черемшана и других малых рек были построены слободы для калмыцких переселенцев. Реализацию правительственного плана не остановила даже смерть Петра Тайшина, случившаяся в начале 1737 г. и отсутствие у него наследников по мужской линии. Его два сына и дочь умерли в период царицынского пленения⁶⁸. 20 июня 1737 г. императрица подписала Высочайшую грамоту, на основании которой Анна Андреевна Тайшина возводилась в княжеское достоинство и все крещеные калмыки переходили в ее ведение и управление⁶⁹.

Поселение крещеных калмыков на Средней Волге более чем на сто лет пережило инициатора своего основания, Петра Петровича Тайшина, и внесло существенный вклад в хозяйственное освоение и обеспечение обороны обширного Оренбургского края.

Выводы

В силу принадлежности к ханскому роду и амбициозным претензиям на верховную власть в Калмыцком ханстве крещеный владелец Петр Петрович Тайшин на протяжении десяти лет находился в эпицентре политической борьбы за ханский престол. Российским правительством ему отводилась роль проводника имперских интересов в Калмыцком ханстве. Давая согласие на смену исповедания, П. Тайшин надеялся обрести надежного союзника и покровителя в лице самого российского императора. Организованные на самом высоком уровне торжества по случаю крещения калмыцкого владельца и его зайсангов, участие в них первых лиц государства и самого Петра I в качестве восприемника, казалось, подтверждали эти надежды.

Не менее завышенные ожидания от крещения знатного калмыцкого владельца были и у российской стороны. Петр I был уверен, что примеру П. Тайшина последуют рядовые калмыки, а за ними подтянется и знать. В представлении царских

⁶⁶ Цюрюмов А. В. Калмыцкое ханство... С. 108.

⁶⁷ Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 7–8.

⁶⁸ Орлова К. В. История христианизации калмыков... С. 54.

⁶⁹ Джунджузов С. В. Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперские механизмы аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности (середина 30-х годов XVIII – первая четверть XX века). Оренбург, 2014. С. 80.

сановников калмыки отождествлялись с язычниками. Ими не учитывалась степень влияния буддийского духовенства на калмыцкий народ и его правителей, как и тот факт, что калмыки воспринимали буддизм как государственную религию.

По возвращении в Калмыцкое ханство П. Тайшин вынужден был подчиниться своему старшему брату Дасангу, враждебно относившемуся к его вероисповедальному выбору. К неудовольствию российских властей П. Тайшин примкнул к оппозиционной калмыцкому хану партии калмыцких владельцев и после смерти старшего брата стал открыто оспаривать право на ханский престол. К тому же он не смог, а возможно и не хотел оказать должного содействия православной миссии, с начальником которой у него сложились неприязненные отношения.

Военное вмешательство России в междоусобный конфликт, пленение П. Тайшина и последовавшая вскоре вынужденная замена верховного правителя Калмыцкого государства стали поводом для корректировки правительственного курса в отношении крещеных калмыков. Было принято решение об их переселении на территорию России. В результате в Калмыцком ханстве исчез очаг социальной напряженности, а Россия приобрела людские ресурсы для заселения пустующего пространства в Среднем Поволжье, а позднее и в Оренбургской губернии. Так в силу сложившихся обстоятельств, была реализована инициатива Петра Тайшина о передаче в его управление всех крещеных калмыков и об их поселении в отдалении от Калмыцкого ханства.

Рукопись поступила: 12 января 2020 г.

Submitted: 12 January 2020

Библиографический список

- Бакунин В.М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1995. 153 с.
- Гурий.* Первая православная миссия калмыков и ее историческая жизнь // Православный собеседник. 1914. № 2–3. С. 271–327.
- Джунджузов С.В.* Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперские механизмы аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности (середина 30-х годов XVIII – первая четверть XX века). Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2014. 434 с.
- Джунджузов С.В., Любичанковский С.В.* Миссионерская деятельность Никодима Ленкеевича в Калмыцком ханстве (1725–1734 годы) // Новый исторический вестник. 2017. № 3. С. 172–191.
- Джунджузов С.В., Любичанковский С.В.* Влияние Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. на выстраивание отношений империи с кочевыми народами Южного Урала и Центральной Азии (по материалам Оренбургской экспедиции) // Вестник РУДН. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 3. С. 494–524.
- Зудина В.Н., Перла Н.Ю.* Ставропольские калмыки и буддизм в пространстве юго-восточного фронта Европейской России в XVIII–XIX вв. (к вопросу о сохранении традиционной веры) // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 8/2. С. 87–100.
- Карпов А.Б.* Уральцы. Исторический очерк. Часть I. Яицкое войско, от образования войска до переписки полковника Захарова (1550–1725 гг.). Уральск: Войсковая типография, 1911. 1013 с.
- Орлова К.В.* История христианизации калмыков: середина XVII – начало XX в. М.: Восточная литература, 2006. 207 с.
- Ряжев А.С.* Волжские Ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. – первая половина XIX в. Документы и материалы. Ставропольское калмыцкое войско в середине 30-х – 60-е гг. XVIII вв. Ростов-на-Дону: Южный научный центр, 2011. 320 с.
- Цюрюмов А.В.* Калмыцкое ханство в 1724–1741 гг.: хроники династийных междоусобиц. Элиста: Джангар, 2005. 159 с.
- Цюрюмов А.В.* Начальный этап династийной войны в Калмыцком ханстве в 20–30-е гг. XVIII века // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 40. С. 54–60.
- Шовунов К.П.* Ставропольское калмыцкое войско // Актуальные вопросы ленинской национальной политики партии. Сборник научных трудов. Элиста: КИОН РАН, 1974. С. 230–246.

References

- Bakunin, V.M. *Opisaniye kalmytskikh narodov, a osoblivo iz nikh torgoutского, i postupkov ikh khanov i vladel'tsev. Sochineniye 1761 goda*. Elista: Kalmykskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1995 (in Russian).
- Guriy. "Pervaya pravoslav'naya missiya kalmykov i yeye istoricheskaya zhizn'." *Pravoslavnyy sobesednik*, no. 2–3 (1914): 271–327 (in Russian).
- Dzhundzhuzov, S.V. *Kalmyki v Srednem Povolzh'ye i na Yuzhnom Urale: imperskiye mekhanizmy akkul'turatsii i problema sokhraneniya etnicheskoy identichnosti (seredina 30-kh godov XVIII – pervaya chetvert' XX veka)*. Orenburg: OGAU Publ., 2014 (in Russian).
- Dzhundzhuzov, S.V., and Lyubichankovskiy, S.V. "Missionary activities of Nikodim Lenkeevich in the Kalmyk Khanate (1723–1734)." *The New Historical Bulletin*, no. 3 (2017): 172–191 (in Russian).
- Dzhundzhuzov, S.V., and Lyubichankovskiy, S.V. "Impact of the Russo-Turkish War of 1735–1739 on the construction of relations between the Russian Empire and nomadic peoples of the Southern Urals and Central Asia (based on materials from Orenburg Expedition)." *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 3 (2019): 494–524 (in Russian).
- Zudina, V.N., and Perla, N.Yu. "Stavropol Kalmyks and buddism on the territory of South-Eastern frontier of European Russia in the XVIII–XIX centuries (to the question of preservation of traditional faith)." *Bulletin of Samara State University*, no. 8/2 (2012): 87–100 (in Russian).
- Karpov, A.B. *Ural'tsy. Istoricheskiy ocherk. Chast' I. Yaitskoye voysko, ot obrazovaniya voyska do perepisi polkovnika Zakharova (1550–1725 gg.)*. Ural'sk: Voyskovaya tipografiya Publ., 1911. (in Russian).
- Orlova, K.V. *Istoriya khristianizatsii kalmykov: seredina XVII – nachalo XX v.* Moscow: Vostochnaya literature Publ., 2006 (in Russian).
- Ryazhev, A.S. *Volzhskiyе Stavropol'skiye kalmyki: seredina 30-kh gg. XVIII v. – pervaya polovina XIX v. Dokumenty i materialy. Stavropol'skoye kalmytskoye voysko v seredine 30-kh – 60-ye gg. XVIII vv.* Rostov on Don: Yuzhnyy nauchnyy tsentr Publ., 2011 (in Russian).
- Tsyuryumov, A.V. *Kalmytskoye khanstvo v 1724–1741 gg.: khroniki dinastiynykh mezhdousobits*. Elista: Dzhangar Publ., 2005 (in Russian).
- Tsyuryumov, A.V. "The initial stage of the dynasty war in the Kalmyk Khanate in the 20–30s. XVIII century." *Vestnik of Kalmyk University*, no. 40 (2018): 54–60 (in Russian).
- Shovunov, K.P. *Stavropol'skoye kalmytskoye voysko // Aktual'nyye voprosy leninskoy natsional'noy politiki partii. Sbornik nauchnykh trudov*. Elista: KION RAN Publ., 1974 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Джунджузов Степан Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета.

Stepan V. Dzhundzhuzov, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor of the Russian History Department, Orenburg State Pedagogical University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-544-562>

Научная статья / Research article

Специфика трудовой повседневности оренбургских купцов, ведущих торговлю с Азией в XIX в.

Е.В. Бурлуцкая, К.А. Абдрахманов

Оренбургский государственный педагогический университет; 460014, Россия, Оренбург, ул. Советская, 19; ida777@yandex.ru, kostya.abdrakhmanov@mail.ru

The Daily Business Activities of Orenburg Merchants Trading with Asia in the 19th Century

Elena V. Burlutsкая, Konstantin A. Abdrakhmanov

Orenburg State Pedagogical University; 19, Sovetskaya St., Orenburg, 460014, Russia; ida777@yandex.ru, kostya.abdrakhmanov@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена специфике организации труда и реализации трудовых функций купцов, занимавшихся торговлей на азиатском направлении в XIX в. Данная тема еще не становилась предметом специального исследования. Трудовая повседневность коммерсантов исследуется на основе ряда опубликованных нарративов участников азиатской караванной торговли, публицистики и периодики XIX в., а также архивных материалов. Труд в статье рассматривается как особая структурированная сфера повседневности. Целью работы является выявление особенностей трудовой повседневности оренбургских предпринимателей, ведущих торговлю на азиатском направлении. Авторы выделяют основные аспекты трудовой повседневности (поведение, быт и ментальность), а также ее компоненты – условия, мотивацию, цель, ресурсы, выполняемые действия. Общие обстоятельства азиатской торговли вплоть до 70-х гг. XIX в. определяются авторами как неблагоприятные, как в отношении природно-климатических условий, так и в плане характера коммуникаций купцов с торговыми и правящими кругами государств Средней Азии. Определяется степень сложности купеческого труда в изучаемой сфере. Коммерсанту приходилось одновременно осуществлять функции организатора и исполнителя караванной торговли, а также контролирующей инстанции. Перечисленные варианты деятельности требовали от купца самостоятельности, ответственности, предусмотрительности, умения стойко выдерживать физические лишения и психологический дискомфорт.

Ключевые слова: трудовая повседневность, купечество, Оренбургская губерния, страны Азии, деловое поведение, деловая психология

Для цитирования: Бурлуцкая Е.В., Абдрахманов К.А. Специфика трудовой повседневности оренбургских купцов, ведущих торговлю с Азией в XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 3. С. 544–562. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-544-562>

Abstract: The article focuses on the work organization and work activities of merchants engaged in trade in the Asian direction during the 19th century. This topic has not yet been subject of special research in previous eras or in modern historiography. The daily business activity of merchants is studied here on the basis of published narratives of participants in the Asian caravan trade, also taking into consideration various articles and periodicals of the 19th century as well as archival documents. Work is conceived of as a special structured area of everyday life. The purpose of this contribution is to identify the specific features of everyday business activity of Orenburg entrepreneurs trading with Asia.

© Бурлуцкая Е.В., Абдрахманов К.А., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The authors identify the main aspects of everyday business activity (behavior, life conditions and mentality), as well as its components: the conditions, motivation, goals, resources, and performed actions. The authors argue that the general circumstances of Asian trade were unfavorable before the 1870s, due not only to natural conditions and climate but also to the merchants' difficult relations with trade and ruling circles in the Central Asian states. The authors determine the complexity of merchant work in the area under study. Every merchant was simultaneously organizer and executor of caravan trade, and also acted as a controlling authority. These activities required the merchant to be independent, responsible, prudent and able to withstand physical hardship and psychological discomfort

Keywords: everyday business activity, merchants, Orenburg region, Asian countries, business behavior, business psychology

For citation: Burlutskaya, Elena V., and Abdrakhmanov, Konstantin A. "The Daily Business Activities of Orenburg Merchants Trading with Asia in the 19th Century." *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 3 (August 2020): 544–562. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-544-562>

Введение

Трудовая повседневность, связанная с профессиональной деятельностью, к настоящему времени стала вполне «легитимной» темой исследований. Однако отдельные ее аспекты так и не получили специального рассмотрения. И хотя в целом купеческому делу в России посвящено огромное число публикаций, специфика трудовой повседневности организаторов караванной торговли с Азией по-прежнему остается terra incognita. Поставленная в статье проблема связана как с организацией русско-азиатских внешнеэкономических и политических контактов, так и с трудовой повседневностью купечества¹.

Исследователи, обращавшиеся к проблеме русско-азиатской торговли и участия в ней оренбургских предпринимателей, сосредотачивали свое внимание преимущественно на экономических аспектах проблемы либо на специфике отношений Российской империи с народами Средней Азии. В то же время анализ трудовой повседневности может существенно углубить представления о профессиональной деятельности российских торговцев. Ежедневные специфические действия, которые участникам караванной торговли приходилось совершать на протяжении многих недель, особая бытовая обстановка этой торговли формировали уникальный психоэмоциональный личностный каркас, позволяющий в итоге отдельным коммерсантам весьма успешно осуществлять внешнеторговые операции на азиатском направлении. Именно специфика организации труда участников караванной торговли с Азией на протяжении XIX в. и стала предметом анализа данной статьи.

Следует заметить, что специальной научной литературы, освещающей трудовую повседневность оренбургских купцов, к настоящему времени так и не появилось. Отдельные аспекты проблемы поднимались в досоветский период в работе Ф.Ф. Мартенса, который писал об опасности передвижения по среднеазиатским пределам торговых и дипломатических миссий².

В советское время появились исследования Н.А. Халфина, Х.З. Зияева, М.К. Рожковой, в которых речь шла преимущественно об экономических и внешнеполитических аспектах русско-азиатской торговли³. Пожалуй, только в работе М.К. Рожковой был представлен материал, затрагивающий нашу тему исследования. В труде историка подробно описывались случаи нападения кочевников на купеческие кара-

¹ Абдрахманов К.А. Трудовая повседневность купечества Оренбургской губернии в пореформенный период (1865–1914 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2019.

² Мартенс Ф.Ф. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1880.

³ Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). М., 1974; Зияев Х.З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI–XIX вв. Ташкент, 1983; Рожкова М.К. Экономические связи России со Средней Азией. М., 1963.

ваны, перечислялись фамилии известных оренбургских купцов, сделавших свои состояния на внешнеторговой деятельности⁴.

Современные авторы чаще всего обращаются все к тем же вопросам экономического и дипломатического взаимодействия регионов⁵. Таким образом, имеющаяся в нашем распоряжении литература лишь косвенно затрагивает поставленную в статье проблему исследования.

Источниковая база статьи построена прежде всего на трудах личного происхождения, написанных непосредственными участниками караванных экспедиций в Азию⁶. В меньшей степени использовались публицистические материалы, отразившие наиболее острые проблемы организации караванной торговли с Азией⁷. Кроме того, были привлечены архивные документы, содержащиеся в фондах Государственного архива Оренбургской области (ГАОО) и Отдела письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ).

Целью исследования, осуществленного в рамках статьи, является выявление особенностей трудовой повседневности оренбургских предпринимателей, ведущих торговлю на азиатском направлении. Достижение поставленной научной цели представляется возможным через решение следующих задач: 1. Проанализировать условия азиатского торгового оренбургского купечества в XIX в. (нормативную базу этой торговли, природные условия в странах Азии, специфику коммуникативного пространства российско-азиатской торговли). 2. Выявить бытовые, поведенческие и эмоциональные привычки, выработывавшиеся у оренбургских организаторов и участников торговли. 3. Определить степень сложности труда оренбургских коммерсантов через изучение выполняемых ими трудовых функций. 4. Изучить опыт ведения азиатской торговли, полученный ее ключевыми участниками из оренбургских купцов.

В качестве одной из методологических основ исследования были использованы труды Н. Элиаса, рассматривавшего эволюцию цивилизаций как результат взаимодействия разнообразных практик (в том числе трудовых) и их легитимации через специально создаваемые социальные институты.

Согласно мнению И.Б. Орлова, «историки повседневности видят одну из своих задач в изучении условий работы, мотивации труда, отношений работников между собой и их взаимодействий (в том числе и конфликтных) с представителями администрации и предпринимателями. То есть они включают производственный быт в сферу повседневного»⁸.

⁴ Рожкова М.К. Экономические связи России со Средней Азией. М., 1963.

⁵ Солонченко Е.А. Таможенная политика на юго-востоке России и ее реализация в Оренбургском крае в 1752–1868 гг. Оренбург, 2007; Солонченко Е.А. Юго-Восточное направление таможенной политики России в первой половине XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. № 6. С. 365–369; Ниязатов М. Россия в сердце Азии: диалог цивилизаций (IX–XIII вв.). СПб., 2013.

⁶ Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975; Небольсин П.И. Рассказ троичского 2-й гильдии купца Абдул-Вали Абдул-Вагапова Абу-Абубакирова о путешествии его с товарами из Троицка в Чугучак и о прочем // Географические известия. 1850. Т. 3. № 7/9. С. 371–406; Путешествие Вамбери в Среднюю Азию. Статья вторая. Хива и Бухара // Отечественные записки. 1865. № 9. С. 314–348; Никольский А.М. В стране глины и песку (Путевые очерки) // Мир Божий. 1894. № 9. С. 145–163. № 10. С. 66–93; Марков Е.Л. Россия в Средней Азии. Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. СПб., 1901; Кастанье И.А. Отчет о поездке в Туркестан // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1906. С. 176–201.

⁷ Усов П.С. Вооруженные караваны для торговли с Ост-Индией // Исторический вестник. 1884. № 7. С. 143–158; Юдин М.Л. Положение торговли со среднеазиатскими ханствами до занятия Туркестанского края // Труды ОУАК. Оренбург, 1902. С. 1–50.

⁸ Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2008. С. 12.

Трудовая повседневность, как особая сфера обыденного существования, получила свою разработку в концепции Е.В. Бурлуцкой (Банниковой). По мнению исследователя, она представляет собой процесс взаимодействия субъекта повседневности с окружающей реальностью в ходе трудовой деятельности и его рефлексии по поводу этого взаимодействия⁹.

В работах американского социолога Г. Гарфинкеля повседневность подразумевает также осмысление ежедневных обыденных взаимоотношений их участниками, что позволяет нам выделить ментальный аспект трудовой повседневности¹⁰.

Трудовая повседневность испытывает на себе влияние объективных и субъективных условий. По словам И.П. Поляковой, повседневность, с одной стороны, «воплощает индивидуальную волю личности и отражает ее специфические характеристики, а с другой, – она является порождением общества во всем многообразии его проявлений»¹¹.

Все перечисленные выше подходы к трудовой повседневности были использованы при исследовании деятельности купцов, занимающихся торговлей с Азией.

Политика российских властей в сфере торговли на азиатском направлении в XIX в.

Азиатская торговля России на протяжении XIX в. прошла длительный путь развития, испытывая на себе изменения внешнеполитических интересов и практики империи.

На Оренбург с самого начала его основания возлагались грандиозные надежды как на центр организации торговых связей со странами Азии. Еще в 1811 г. Г.Ф. Генс, будучи председателем Оренбургской пограничной комиссии, отмечал, что поставка бухарцами в Россию напрямую различных товаров (в том числе перца, сахара-рафинада, гвоздики) была связана с континентальной блокадой Англии, «что доказывает возможность сношений России с Индией прямо через Оренбург»¹². С 1817 г. стал действовать Азиатский таможенный устав, который содержал в себе отказ от ряда ограничений в торговле России со странами Азии и, следовательно, упрощал процесс ее организации¹³.

На протяжении XIX в. интересы России в отношении государств Азии трансформировались от торгово-экономических к политическим. К концу 60-х гг. XIX в., когда главенствующей стала идея территориального включения среднеазиатских земель в состав Российской империи, основной экономической задачей стала борьба с иностранными конкурентами на азиатских рынках. Оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский в 1865 г. ходатайствовал перед Министром финансов М.Х. Рейтерном о том, чтобы право торговли со Средней Азией через российские территории было предоставлено «исключительно подданным русской империи, бухарцам, хивинцам, кокандцам и ташкентцам, с устранением от участия в

⁹ Банникова Е.В. *Повседневная жизнь провинциального купечества (на материалах губерний Урала дореформенного периода)*. СПб., 2014. С. 23.

¹⁰ Фильмер П. Об этнометодологии Гарольда Гарфинкеля // *Новые направления в социологической теории*. М., 1978. С. 328–375.

¹¹ Полякова И.П. Основные сферы повседневности: трудовая деятельность, быт, досуг // *Вести высших учебных заведений Черноземья*. 2010. № 1. С. 106.

¹² Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф. 166. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

¹³ Солонченко Е.А. Юго-Восточное направление таможенной политики России в первой половине XIX века // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2009. Т. 11. № 6. С. 367.

ведении торговых дел с означенными местностями всех прочих европейцев, турецких и персидских подданных»¹⁴.

Азиатская торговля рассматривалась российским купечеством как та сфера предпринимательства, которая в силу организационных сложностей нуждалась в протекционистских мерах. Надежда на государственную поддержку содержалась в том числе и в записках астраханского купца 2-й гильдии Павла Савельева от 1865 г.: «...Без некоторых преимуществ со стороны правительства никто из капиталистов, .. не захочет затрачивать при такой нервной обстановке значительных капиталов...»¹⁵.

Однако, по мнению Е.В. Бурлуцкой (Банниковой), льготы и привилегии, предоставляемые купцам, занимающимся азиатским торгом, соответствовали потребностям этих купцов «в последнюю очередь. Основным “заказчиком” этих льгот было государство, стремящееся решить собственные первоочередные экономические и политические задачи»¹⁶. В такой ситуации при первой же политической необходимости власти легко меняли правила торговли, условия налогообложения и пр. Это дестабилизировало российско-азиатские торговые связи, мешало долгосрочному планированию торговых операций и снижало масштабы оборотов товаров и капиталов.

В условиях стремительного расширения владений Российской империи в Средней Азии в конце 60-х – 70-х гг. XIX в. и неопределенности границ нормативное регулирование русско-азиатской торговли стало весьма приблизительным. Сохранение Оренбургской таможенной черты после овладения русскими войсками Ташкентом и Ходжентом оказалось явным анахронизмом, что привело к ликвидации в 1868 г. таможенных учреждений по Оренбургской и Сибирской линиям¹⁷.

Отношение правительства и населения азиатских территорий к российским предпринимателям

Среди объективных условий азиатской торговли следует выделить ситуацию, складывавшуюся на самих азиатских рынках. В «Записке...» оренбургского и самарского генерал-губернатора А.А. Катенина, которую он представил в 1857 г. кн. А.М. Горчакову, сообщалось о правовой дискриминации купцов-христиан, с которых брали «за ввозимые в Азию и вывозимые оттуда товары двойную (как в Хиве) и даже четверную (как в Бухаре) пошлину противу платимой магометанами...»¹⁸. В ней говорилось также о том, что «христианский торговец» в ситуации непрочности местной власти, частых внутренних конфликтов, всеобщей обстановке фанатизма и подозрительности к иностранцам жил в постоянном страхе за свою жизнь и имущество, подвергаясь оскорблениям и необоснованным преследованиям. Усугубляли ситуацию транспортные проблемы, небезопасность путей сообщения и необходимость постоянно давать взятки представителям местной власти.

В дневниках купцов сообщалось, что для продажи на азиатских рынках готовились товары, которые пользовались большим спросом, и их можно было продать максимально быстро (сахар, ситец, семя канцелярское и стеариновые свечи)¹⁹. Но даже такие предосторожности зачастую не спасали коммерсантов от грабежей и плена²⁰.

¹⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14045/9. Л. 1.

¹⁵ Там же. Д. 14045/13. Л. 14 об.

¹⁶ Банникова Е.В. Повседневная жизнь провинциального купечества... С. 150.

¹⁷ Солонченко Е.А. Таможенная политика на юго-востоке России и ее реализация в Оренбургском крае в 1752–1868 гг. Оренбург, 2007. С. 206.

¹⁸ Юдин М.Л. Положение торговли со среднеазиатскими ханствами до занятия Туркестанского края // Труды ОУАК. Оренбург, 1902. С. 10–11.

¹⁹ Одинцов Н.В. Записки ростовца // Русский архив. 1906. Т. 2. № 5. С. 17.

²⁰ Там же. С. 14–46.

В процессе передвижения караванов по киргизской степи коммерсантам приходилось делать подношения биям и аксакалам множества киргизских аулов для того, чтобы те беспрепятственно пропускали караван по своим землям. Об этих подношениях подробно писал троицкий купец Абу-Абубакиров. В его записках говорится и об обильных угощениях, организуемых им для киргизских старейшин, и об обычае «бер-тугыз», означающем необходимость подарить местным правителям девять различных предметов одежды или материалов для нее (сукна, мехов и пр.)²¹.

Таким образом, объективные условия торговли в азиатских государствах для российских купцов, особенно купцов-христиан, долгое время продолжали оставаться неблагоприятными.

Природно-климатические особенности Средней Азии

Сложные правовые обстоятельства усугублялись и трудными природно-климатическими условиями. Летом 1904 г. известный российский археолог и историк-востоковед Жозеф-Антуан Кастанье предпринял поездку из Оренбурга в Туркестан. Путь до Казалинска описывался автором следующим образом: «Поезд проходит теперь среди мертвой природы. Ни признака жизни в этой глинистой равнине, где только изредка виднеется соленая плесень, ни дерева, ни травы, ни насекомых; почва, совершенно бесплодная, сожжена огненным солнцем, и только вдали время от времени появляются миражи»²².

Примерно так же выглядели киргиз-кайсацкие бесплодные и безводные степи и веком ранее. Палящий зной изматывал участников каравана, отнимал у людей и животных силу. Однако требовалось двигаться без остановок, иногда по 15 часов в день, чтобы не попасть под «Теббад» («лихорадочный ветер»), мучающий путешественников и грозящий засыпать всех. «Сухой песок забивался во все поры, – писал Н. Уралов, попавший под действие теббада. – Должно быть, проник и в легкие, потому что дыхание становилось торопливое, неровное»²³.

Сложные природные условия объясняли и время организации караванной торговли через Оренбург. В зимнее время караваны из города не выходили, поскольку зимой в степи крайне сложно было найти пропитание для нескольких сотен верблюдов, а сильные ветра при низкой температуре воздуха превращали перемещение людей в жестокое испытание. Убедиться в этом пришлось участникам похода в Хиву 1839 г.

Как отмечал И.Н. Захарьин (Якунин), «24 ноября выпал глубокий, выше колена, снег, а 27-го числа поднялся ужаснейший степной буран при 26 градусах [указана температура по Реомюру, соответствующая 32,5 мороза по Цельсию. – авт.] мороза... Озябшие от сильной стужи и ветра лошади в ночь на 28-е ноября сорвались с коновязей и бежали в степь – ради спасения жизни, по инстинкту, чувствуя потребность бежать... Все часовые отморозили в эту ночь носы, руки или ноги... <...> С первых чисел декабря вновь начались бураны: всю степь завалило снегом более чем на аршин, и его поверхность от морозов покрылась твердою ледяною корой; морозы перешли за 30 градусов [37,5 °С. – авт.] и стали доходить по утрам до 40 [50 °С. – авт.], при убийственном северо-восточном ветре... Люди, измученные непривычною ходьбою по глубокому снегу, да еще с ружьями, ранцами и патрон-

²¹ Небольсин П.И. Рассказ троицкого 2-й гильдии купца... С. 373.

²² Кастанье И.А. Отчет о поездке в Туркестан // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1906. С. 181.

²³ Уралов Н. На верблюдах: Воспоминания из жизни в Средней Азии. СПб., 1897. С. 55–56.

ташами на спине, скоро изнемогали и, в сильной испарине, садились на верблюдов, остывали и даже отмораживали себе тут же, сидя на верблюдах, руки и ноги...»²⁴.

Характер передвижения по степи и песчаным пустыням тоже был весьма специфическим, о чем, к примеру, упомянул профессор А.М. Никольский: «Путешественник принужден нанимать верблюдов и ехать на одних и тех же животных бесценно все 500 верст, а так как “корабли пустыни” не отличаются быстроходностью, то он должен благодарить судьбу, если ему удастся тащиться по 40–50 верст в сутки...»²⁵.

Необходимость передвижения по степным и пустынным пространствам требовала от купцов самых разнообразных специальных знаний и навыков, позволяющих, например, уберечься от пыльных бурь. А чтобы не пострадать от укуса скорпиона, нужно было «разжечь костер, а потом вымести это место начисто, разослать палас, и тогда спи спокойно, лихоманки не будет, и ни одна мошка не заползет на волосяные паласы...»²⁶.

Таким образом, природные условия азиатских территорий значительно затрудняли процесс организации торговых экспедиций российских предпринимателей.

«Корабль пустыни»

Передвижение караванов на протяжении практически всего исследуемого периода было возможно исключительно на верблюдах. По словам Н. Уралова, верблюд «может нести на себе от 14 до 18-ти пудов, так что средняя норма нагрузки принята в 16 пудов. Одногорбый верблюд, “нар”, выносит и 20 с лишком, но таких верблюдов немного»²⁷. В караван, как правило, включали несколько отрядов – «звеньев», состоящих из 3–7 верблюдов под руководством одного погонщика. Животных скрепляли последовательно с помощью повода длиной в 2–3 метра, прикрепляя повод каждого последующего верблюда к седлу предыдущего.

Требовалось очень внимательно распределять вес товара и надежно закреплять его на животном. Верблюды быстро уставали, если груз перевешивался на одну сторону или качался при движении²⁸. По замечанию Е.Л. Маркова, во время длительных путешествий «неумелая выючка верблюдов губит их гораздо более, чем бескормица, кара или какие-нибудь другие посторонние причины»²⁹.

Перевозка товаров через пустыни и степи на верблюдах была удобна тем, что животные отличались высокой проходимостью по барханам и пескам, а также своей дешевизной, поскольку верблюдам по пути следования каравана было достаточно подножного корма – скудных пустынных растений вроде полыни, малопригодных для других животных. Кроме того, верблюды могли легко по нескольку дней обходиться без воды. Однако даже такой корм имелся на караванных тропах в ограниченном количестве, что негативно влияло на «пропускную способность» караванных маршрутов. Именно поэтому, по сведениям В.М. Черемшанского, караваны, направлявшиеся из Бухары до Оренбурга, шли разными путями, параллель-

²⁴ Захарьин (Якунин) И.Н. Граф В.А. Перовский и его зимний поход в Хиву. СПб., 1901. С. 27.

²⁵ Никольский А.М. В стране глины и песку. (Путевые очерки) // Мир Божий. 1894. № 9. С. 146.

²⁶ Уралов Н. На верблюдах... С. 35–36.

²⁷ Там же. С. 10–11.

²⁸ Ручкина Г.А., Вахитова Р.З. Верблюдоводство: Учебное пособие для студ. вузов. Костанай, 2008. С. 102–103.

²⁹ Марков Е.Л. Россия в Средней Азии. Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. СПб., 1901. С. 441.

ными тропами и выходили «на собственно караванную дорогу только около колодец...»³⁰.

Продолжительность ежедневного перехода составляла не более 10–12 часов в день. Верблюда требовалось разгрузить и дать ему время на пастьбу и отдых. Как правило, этим занимались нанятые купцами профессиональные погонщики, однако сам торговец тоже должен был обладать всеми необходимыми умениями, чтобы профессионально контролировать работников, сохраняя животных и товары. К примеру, в зимнее время на привале для верблюдов следовало набрасывать лежанки из камыша или сена, чтобы животные не ложились на снег и не простужались.

Коммерсанты должны были не только знать правила крепления грузов, но и иметь навыки обращения с животными, отличавшимися довольно своеобразным характером³¹.

Знание пути через степи и пустыни также относилось к разряду необходимых. Так, уже упоминаемый ростовский купец Н.В. Одинцов, отправившись в 1864 г. в Бухару, оказался в ситуации, когда проводники-киргизы, добравшись до одного из притоков Сыр-Дарьи, отказались следовать дальше. «Татарин, который ездил в Бухару три раза, дороги не знает; Киргиз-навозчик говорит “я первый раз”, тоже дороги не знает, а про меня с Владимиром и говорить нечего»³². Многие путешественники отмечали, что, отойдя от каравана буквально на несколько шагов и упустив его из вида, они моментально теряли дорогу.

Обладание обширными знаниями, приобретенными опытным путем, а также практическими навыками организации каравана, делало коммерсантов вполне конкурентоспособными участниками азиатской торговли.

Охрана каравана от нападений разбойников

Помимо трудностей, вызванных особенностями степного и пустынного климата и спецификой организации каравана, путешественников ожидали и проблемы другого рода. На протяжении 75–80 дней пути участники каравана ежедневно рисковали своей жизнью и имуществом, подвергаясь опасности нападения степных разбойников.

Даже сопровождение караванов военным отрядом, о чем договорились еще при губернаторе П.К. Эссене, не могло гарантировать безопасность предприятия³³. Так, на караван, отправленный в Бухару из Оренбурга в 1824 г., было совершено нападение. После того как в течение тринадцати дней участники каравана отбивали атаки хивинцев, было принято решение вернуться домой с уцелевшими товарами³⁴. Общие убытки составили более 1,5 тыс. верблюдов из 1777,2 тыс. вьюков³⁵ с товарами, около 40 тыс. баранов³⁶. Финансовые потери оренбургских купцов достигали многих тысяч рублей. Купец Осоргин потерял товаров на сумму 27928 руб., купец Ковалев – на 29924 руб., купец Шапошников – на 38250 руб., купец Кайдалов – на 211487 руб.³⁷

³⁰ Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. С. 394.

³¹ Никольский А.М. В стране глины и песку. (Путевые очерки) // Мир Божий. 1894. № 10. С. 80.

³² Одинцов Н.В. Записки ростовца... С. 22.

³³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2933. Л. 3.

³⁴ Там же. Л. 574.

³⁵ Вьюк – это сумка, мешок и т. д., предназначенные для закрепления на спине вьючного животного (верблюд, лошадь, осел). Вес и размер такой клади зависели от характера груза. Караванчики загружали на верблюдов ношу весом от 16 до 20 пудов (262/327 кг.).

³⁶ ГАОО. Ф. 339. Оп. 1. Д. 15. Л. 31.

³⁷ Там же. Л. 31.

Помимо разбойников в степях Средней Азии опасность представляли обитавшие там тигры. Один из архивных документов, содержащий информацию об отправке в степь поисковых групп для разведки месторождений каменной соли в 1863–1873 гг., зафиксировал снабжение одной из таких групп целым арсеналом оружия³⁸.

В целом защита от нападений и сохранение имущества полностью лежали на организаторах каравана. Так, по сведениям Н. Уралова, в караван, идущий из Ташкента в Орск, переводчик, яицкий казак-линеец Иван Левашев, которого все давно именовали «Иван-баем», отправился вооруженным до зубов: «За спиной Иван-бая висела винтовка в чехле из мохнатого бурочного сукна, через плечо – шашка в потрескавшихся кожаных ножнах, а за поясом торчали два кремневых пистолега да на ремне болтался кривой, отточенный как бритва, ножик»³⁹.

Таким образом, организация торговли со Степью требовала от купца не только теоретических знаний и практических навыков, но и вполне обыденной физической силы и стойкости, а также храбрости и психологической устойчивости.

Во второй половине столетия степень безопасности передвижения в степи стала значительно выше по сравнению с дореформенными десятилетиями. Так, по словам В.М. Черемшанского, теперь «караваны во время пути по степи идут без особой охраны и проходят до местоназначения без всяких неприятных встреч и совершенно безопасны от грабежей»⁴⁰. В 1866 г. ямщик М. Михайлов констатировал, что раньше «с линии шагу не смей сделать, – сейчас же на аркан подцепят разбойники-киргизы. А теперь смирно и тихо, поезжай хоть один до самой Казалы (форта № 1)»⁴¹.

К 70-м гг. XIX в. обстановка в Степи стала еще более спокойной. Источник последней трети XIX в. сообщал, что «часто большие караваны подвергались нападениям и разграблению, а малые не решались отправиться в степь. Ныне опасность эта миновала, и малые караваны достигают через всю степь до Сыр-Дарьи беспрепятственно»⁴².

О снижении риска для караванов в пореформенную эпоху писал и П.С. Усов⁴³. По словам Е.Л. Маркова, «теперь степь держит себя тише воды, ниже травы. Нигде ни разбоев, ни грабежа. Грозный призрак русской военной силы стоит здесь надо всем и оберегает здесь все»⁴⁴.

Тем не менее, несмотря на то что территории Средней Азии постепенно покорялись Империи, полностью справиться с проблемой разбоя на караванных путях российскому правительству так и не удалось. Как писал Н. Уралов, в песчаных барханах «легко может спрятаться целый десяток разбойников; залягут, словно волки, и ждут с истинно магометанским терпением. Подпустив путешественников на расстояние выстрела, они с диким гиканьем бросаются на несчастных»⁴⁵.

Проблема поиска проводников для каравана

Организация и обеспечение безопасности каравана требовали установления прямых личных контактов с влиятельными азиатскими торговцами или представителями местной власти. Купец П. Савельев констатировал, что в торговле с Азией с

³⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14263/21. Л. 6.

³⁹ Уралов Н. На верблюдах... С. 20.

⁴⁰ Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии... С. 391.

⁴¹ Михайлов М. Оренбургские письма. СПб., 1866. С. 100.

⁴² Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. СПб., 1871. С. 105.

⁴³ Усов П.С. Вооруженные караваны для торговли с Ост-Индией // Исторический вестник. 1884. № 7. С. 143.

⁴⁴ Марков Е.Л. Россия в Средней Азии... С. 427.

⁴⁵ Уралов Н. На верблюдах... С. 96.

ее «полудиким населением», даже при наличии громадных капиталов, «необходимо прежде всего одно, а именно подробное и самое близкое знакомство с этим краем и прочные отношения с туземцами»⁴⁶.

В качестве возчиков в караваны нанимались киргизы, знающие дорогу и знакомые с местным населением. Однако, по словам Черемшанского, собственные интересы наемные проводники ставили выше интересов отправителей груза. Они, «не имея надобности думать, что время для купца дорого, и что сами они в качестве наемников должны состоять в зависимости от товаро-хозяев и их приказчиков, распоряжаются дорогою, смотря по личным расчетам и пользуясь своим положением и знанием местности, сворачивают с прямого пути, ищут богатых пастбищ, заходят для своих надобностей в богатые аулы, меняют там усталых верблюдов на свежих, угощаются и чрез то надолго замедляют следование каравана»⁴⁷. В такой ситуации хозяин товаров или его представитель должен был избрать тактику лавирования – не разрешать погонщикам слишком вольного поведения, но и не идти на прямой конфликт.

Ситуация осложнялась тем, что погонщики из киргизов при нападении степных разбойников зачастую использовали опасную ситуацию в свою пользу, угрожая перейти на сторону налетчиков и требуя с купцов дополнительную плату за свою лояльность. О таком их поведении сообщал в 1862 г. приказчик Н.Н. Шмелев, вернувшись из очередной рискованной торговой экспедиции⁴⁸.

Караван отправлялся партиями в несколько десятков, а иногда и сотен верблюдов. С каждой такой партией шел «караван-баш» (глава каравана), приказчик купца, отправляющего товар. Присутствие приказчика было абсолютно необходимо, поскольку, по сведениям Н. Уралова, киргизы-возчики имели привычку приворовывать товар, скрывая растрату примешиванием к хлопку инородных примесей (например, глины). От степной жары хлопок сильно усыхал, и во избежание недостатка в весе киргизы-возчики обливали тюки с хлопком водой, от чего товар портился. Хозяин терпел убыток, но ни обязательств, ни контракта, ни условий – ничего не было. «Вот во избежание подобных-то беспорядков, обыкновенно, и отправляется приказчик, в присутствии которого возчики уже не смеют отлучаться или сворачивать караван в сторону, а если и делают это с его разрешения, то уже без всякого поползновения на вверенные им товары»⁴⁹.

Таким образом, от организатора караванной торговли требовались и практические навыки психологического плана – купец был обязан разбираться в людях, нанимая в качестве приказчиков людей ответственных, преданных, грамотных. В противном случае сговор приказчика с проводниками мог привести к утрате товаров на десятки тысяч рублей.

Заготовка провизии и особенности пищевого рациона

Купец, желающий заняться караванной торговлей, должен был четко осознавать, что его многодневное путешествие будет сопряжено с большим числом бытовых трудностей. Прежде всего, необходимо было обеспечить пропитание на весь период путешествия: «взять с собой запас провизии, так как во всей степи, особенно летом, мудрено найти хотя бы кусочек хлеба уже по одному тому, что там нет и людей»⁵⁰.

⁴⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14045/13. Л. 15.

⁴⁷ Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии... С. 386.

⁴⁸ Рожкова М.К. Экономические связи России со Средней Азией. М., 1963. С. 217.

⁴⁹ Уралов Н. На верблюдах... С. 11, 12.

⁵⁰ Там же. С. 28.

По словам подпоручика Я.П. Гавердовского, направленного в 1803 г. с дипломатической миссией в Бухару, их «провиант состоял из сухих припасов, и сверх того купили несколько киргизских баранов»⁵¹. У А.М. Никольского основу провианта составляли сухари, чай и сахар, «но дальше наши хозяйственные проекты по части заготовки съестных припасов разбивались о разные непреодолимые препятствия. В самом деле, какой провизии можно взять на 12 дней пути по раскаленной пустыне? Мясо, даже круто посоленное, портится при туркестанских жарах уже на следующий день»⁵². Можно было разнообразить рацион с помощью охоты, но степная живность, быстрая и юркая, требовала крепких охотничьих навыков. Так, Е.К. Мейендорф в своих записках упомянул охоту на степных антилоп – сайгаков, мясо которых, по мнению автора, было «восхитительно»⁵³.

Проблемой было и обеспечение каравана питьевой водой. «Воду берут здесь из колодцев, очень немногочисленных и расположенных друг от друга на расстоянии двух дней пути, поэтому путешественник должен возить с собой запасы воды, по крайней мере, на двое суток»⁵⁴, – отмечал Никольский. При этом жажда была постоянным спутником путешественников. Она сопровождалась головной болью, сухостью во рту, «язык сделался словно суконный»⁵⁵.

Кроме воды у караванщиков (русских и татар) популярным напитком был чай, а казахи предпочитали кумыс. Ростовский купец Н.В. Одинцов в своих записках о поездке в Бухару в 1864–1865 гг. отметил, что, помимо провизии, «даже не забыли взять ведро спирту для употребления, когда с горя, а когда и с радости»⁵⁶.

Необходимость питаться на протяжении многих десятков дней сухарями с чаем или приготовленной на костре дичью неблагоприятно сказывалась на здоровье купцов, многие из которых, судя по архивным данным, часто страдали и умирали от болезней органов пищеварения.

Особенности делового поведения купцов и приказчиков

По словам купца из Астрахани П. Савельева, торговля с Азией привлекала множество мошенников и аферистов, которые, ставя во главу угла личные выгоды и быстрое обогащение, прибегали к незаконным и недобросовестным сделкам. Этим они не только ставили под угрозу личное благополучие, но и могли возбудить в азиатах «негодование и недоверие ко всем русским, и таким образом надолго, если не навсегда, устранить возможность утвердиться там русской торговле»⁵⁷.

В первые пореформенные годы российские купцы, торгующие с Азией и подвергавшие себя многочисленным опасностям и лишениям, действительно стремились к тому, чтобы оправдать свой риск и страдания получением сверхприбылей. По мнению П.Н. Милюкова, нестабильность торговых условий и опасения потерять все состояли «...заставляли торговцев смотреть на каждую отдельную сделку, как на первую и последнюю в своем роде»⁵⁸. Эти намерения вызывали в купеческой

⁵¹ Гавердовский Я.П. Обзорение Киргиз-кайсацкой степи (часть 1-я), или Дневные записки в степи Киргиз-кайсацкой 1803 и 1804 годов // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Том V. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века. Алматы, 2007. С. 172.

⁵² Никольский А.М. В стране глины и песку (Путевые очерки) // Мир Божий. 1894. № 9. С. 147–148.

⁵³ Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. С. 31.

⁵⁴ Никольский А.М. В стране глины и песку... С. 147.

⁵⁵ Уралов Н. На верблюдах... С. 56.

⁵⁶ Одинцов Н.В. Записки ростовца... С. 20.

⁵⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14045/13. Л. 15.

⁵⁸ Банникова Е.В. Повседневная жизнь провинциального купечества ... С. 199.

среде многочисленные девиации, связанные, прежде всего, с нарушением принципов «честной» торговли. По словам А.Е. Алекторова, все коммерческие операции российских торговцев в Азии сводились «к скорейшей наживе во что бы то ни стало и сопровождалась обычными в таких случаях хищническими приемами, обнаруживающими вовсе не дух предприимчивости, а дух обмана и надувательства...»⁵⁹.

В дальнейшем такие маргинальные принципы ведения торговых дел распространялись и на отношения между хозяевами торговых предприятий и их работниками. П.И. Небольсин отмечал, что сами русские купцы достаточно редко ездили на азиатские рынки, поручая вести дела «своим приказчикам – казанским татарам и ростовцам», которым «за все беспокойства путешествия, за хлопоты и неприятности на чужой стороне» платили жалованье от 100 до 400 рублей серебром⁶⁰. Отчетности с приказчиков, как правило, не требовалось. Определяющим в оценке пригодности приказчика было то, что торговые операции при его участии приносили хотя бы какую-то прибыль: «...Хозяин совершенно доволен, что выручил на рубль полтину барыша, и затем приказчик освобождается от всякого надзора и ответственности в своих действиях. ... Может быть, доверенное лицо уронило кредит хозяина, может быть, оно добыло – рубль на рубль, но от него не требуют ни книг, ни записок и верят во всем на слово»⁶¹.

У некоторых приказчиков такая свобода действий порождала уверенность в безнаказанности и провоцировала их на обман и предательство. Так, например, приказчик оренбургского купца С.М. Деева Н.М. Уренев, отправленный с товарами в Бухару в 1860 г., после пересечения границы заявил бухарским чиновникам, что является собственником всего этого товара, перешел в ислам и остался жить в Бухаре⁶². Попытка Деева вернуть утраченное успехом не увенчалась.

П.И. Небольсин констатировал отсутствие интереса у большинства приказчиков к созданию более благоприятных условий торговли для русских коммерсантов на рынках Средней Азии: «Приказчику нет настоящей надобности работать головой за чужого человека, часто не бывает у него надлежащей сметки, достаточной наблюдательности на то, чтобы подсмотреть особенности среднеазиатского человека, вникнуть в его нужды... придумать новую статью оборотов, открыть новую дорогу к облегчению и расширению своих связей с потребителями...»⁶³.

Однако чаще приказчики все же демонстрировали заинтересованность в делах своего хозяина. Так, оренбургский мещанин Н.Н. Шмелев, служивший приказчиком как у оренбургских торговцев, так и у купцов из других российских регионов и даже бухарцев, в 1862 г. принял активное участие в обороне купеческого каравана от банды степняков. Комендант форта № 1 сообщал, «что Шмелев во все время дела заряжал сам почти все ружья (знатоков было мало), стрелял и давал другим стрелять»⁶⁴. За свое мужество и верность делу Шмелев был награжден серебряной медалью на георгиевской ленте с надписью «За храбрость». В 1868 г. ему была вручена еще одна серебряная медаль «За усердие». Формулировка приказа о награждении звучала так: «за “ревностное“ содействие развитию русской торговли в Средней Азии, за отличное выполнение поручений русских купцов, благодаря хорошему знакомству со Средней Азией, с ее влиятельными людьми, с обычаями и проч.»⁶⁵.

⁵⁹ Алекторов А.Е. История Оренбургской губернии. Оренбург, 1883. С. 124–125.

⁶⁰ Небольсин П.И. Очерки торговли России со странами Средней Азии, Хивой, Бухарой и Кокандом (со стороны Оренбургской линии). СПб., 1856. С. 18.

⁶¹ Там же. С. 19.

⁶² Юдин М.Л. Положение торговли со среднеазиатскими ханствами... С. 11.

⁶³ Небольсин П.И. Очерки торговли России... С. 19–20.

⁶⁴ Рожкова М.К. Экономические связи России со Средней Азией. М., 1963. С. 217.

⁶⁵ Там же. С. 217.

Успехи оренбургских приказчиков на торговом поприще позволяли им самим в дальнейшем пополнять ряды известных предпринимателей. Например, С.Я. Ключарев, успешно выполнявший обязанности приказчика у многих «первостатейных» купцов, в 60-х гг. XIX в. записался в купцы 3-й гильдии, затем перешел во 2-ю гильдию, а после получил потомственное почетное гражданство⁶⁶.

Подбор умелых приказчиков, установление с ними крепких и доверительных отношений, осуществление сделок как в интересах контрагентов, так и к собственной выгоде – эти функции коммерсанта в во многом были залогом успешности его торговой деятельности.

Оренбургские коммерсанты, добившиеся наибольшего успеха

Проблемы отношений со Степью, высокие требования к профессиональным и личным качествам купца приводили к тому, что караванной азиатской торговлей занимались всего несколько оренбуржцев – Деевы, Путоловы, Дюковы, Веснины. Таким образом, можно говорить об отсутствии конкуренции между оренбургскими купцами, что гарантировало им получение колоссальных прибылей.

Свой торговый опыт названные коммерсанты нарабатывали практически с начала столетия. Еще в 30-х гг. XIX в. Михайла Степанович (Стефанович) Деев начал заниматься торговлей с Азией. Он сам или его сыновья – Степан и Николай отправлялись в самые отдаленные уголки степей, взяв с собой лишь одного провожатого. Огромным преимуществом Деевых стали не только их деловые качества – предприимчивость, сметливость, но и знание языка, привычек и потребностей киргизов⁶⁷.

Иван Федорович Путолов вел постоянную торговлю в Раимском укреплении на Аральском море во время пребывания там экспедиции А.И. Бутакова⁶⁸.

В 70-е гг. XIX в. на торговый Олимп Оренбургской губернии стала подниматься еще одна династия предпринимателей, составившая свои капиталы на торговле со Средней Азией – Хусаиновых. Их успех в торговле с Азией был во многом обусловлен конфессиональной принадлежностью. Купцы-мусульмане традиционно и совершенно объективно были более успешны в российско-азиатской торговле, нежели их коллеги-христиане. О том, как в азиатских государствах воспринимали чужаков-иноверцев, прекрасно написал Арминий Вамбери. Венгерский путешественник вспоминал опасности, которым он «мог подвергнуться при малейшем ко мне подозрении, легко внушаемым моим европейским лицом», утверждая, что хивинский хан «делал невольником всякого подозрительного иностранца»⁶⁹.

В одном из источников содержится информация о троих итальянцах, оказавшихся в Бухаре. Европейцы отправились туда для изучения тамошнего шелководного производства и приобретения шелководных червей. Арестованы и приговорены к смерти они были «по одной лишь подозрительности бухарского правительства в политической будто бы цели приезда их в Бухару»⁷⁰.

Таким образом, успешная коммерческая деятельность ряда оренбургских купцов на азиатских рынках была результатом очень сложной и напряженной деятельности по налаживанию тесных контактов с представителями азиатского делового мира и местными властями.

⁶⁶ Судоргина Т. Путь, проложенный верблюдами // Южный Урал. 1997. 17 октября.

⁶⁷ Бурлуцкая Е.В. Деевы. Вековая династия оренбургских предпринимателей // Купечество оренбургское: сборник статей. Оренбург, 2016. С. 15.

⁶⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6134.

⁶⁹ Путешествие Вамбери в Среднюю Азию. Статья вторая. Хива и Бухара // Отечественные записки. 1865. № 9. С. 314.

⁷⁰ Хроника г. Оренбурга за 1864 г. СПб., 1865. С. 18–19.

Мотивы и цели организации торговли на азиатском направлении

В иерархии ценностей купечества на всем протяжении истории его существования именно материальное благополучие занимало наивысшие позиции. Получение прибыли было главным и необходимым итогом всех действий предпринимателей, позволяющим сохранить им свой имущественный и социальный статус.

Прибыль, получаемая купцами, ведущими торговлю с Азией, в дореформенную эпоху была намного больше, чем доходы коммерсантов, занимающихся внутренним торгов. По свидетельству астраханского купца Х.С. Аладжалова, жившего на рубеже XVIII–XIX вв., на азиатских рынках все местные товары были чрезвычайно дешевы, а все импортное – дорого. «Икра в одной цене с сахаром...»⁷¹. Такая разница цен позволяла получать сверхприбыль практически на пустом месте. Даже официальная пресса начала XIX в. отмечала, что, «невзирая на убытки, торгующие здесь понесенные, выгоды азиатского торгова весьма привлекательны»⁷².

П.И. Небольсин утверждал, что трудности, опасности и лишения, испытываемые купцом, ведущим азиатскую торговлю, «должны побудить купцов брать наибольшую прибыль за вознаграждения самих себя». Опасение быть ограбленным должно побудить купца «о возможно-высшем поднятии цен на свои товары для того, чтобы в короткое время увеличить свой капитал, так чтобы, даже в случае разграбления каравана на дороге, иметь уже подобный другой капитал в запасе и не лишиться всего богатства»⁷³. На государственную поддержку в этой ситуации, несмотря на все просьбы и чаяния купечества, рассчитывать особенно не приходилось. Вместе с тем купцы, потерявшие из-за разграбления каравана абсолютно весь свой товар и не имеющие возможности расплатиться со своими займодавцами, все же получали финансовую помощь от правительства, возмещавшего хотя бы часть потерянных капиталов⁷⁴.

Прагматичность купца, особенно в условиях сложнейшей в организационном плане азиатской торговли, удерживала его в рамках традиционных способов ведения торговых операций и устоявшихся торговых связей. Именно поэтому с модернизацией торговли с Азией, включением азиатских территорий в имперское пространство, прокладыванием железных дорог существующая торговля стала постепенно приходить в упадок. Торговать, как раньше, было уже невозможно, а к новым вариантам организации торговых операций оренбургские купцы, в основном, оказались не готовы.

В итоге следует признать, что основным мотивом и главной целью организации азиатской торговли для оренбургских коммерсантов было получение сверхприбыли за весьма короткий срок без перспектив какой-либо даже отдаленной модернизации коммерческих операций.

Выводы

Организация торговли на азиатском направлении представляла собой высочайшей степени сложности труд. Преобладающим мотивом к такому труду и главной его целью было получение прибыли и даже сверхприбыли, дающей возможность быстрого обогащения и позволяющей рисковать товарами при караванном способе торговых перевозок. Однако условия азиатской торговли, особенно в первой и вто-

⁷¹ Дживелегов А. Черты провинциальной жизни на рубеже XIX века // *Голос минувшего*. 1913. № 7. С. 187.

⁷² *Коммерческие ведомости*. 1803. № 4. С. 15.

⁷³ Небольсин П.И. *Очерки торговли России...* С. 29.

⁷⁴ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее – ОПИ ГИМ). Ф. 260. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–2.

рой третях столетия, можно охарактеризовать как неблагоприятные. Государственная помощь и поддержка купцов, ведущих азиатскую торговлю, была эпизодической. В результате подготовка и осуществление перевозок требовали именно от самого коммерсанта привлечения большого количества ресурсов и выполнения различных функций.

Необходимо было правильно определить ассортимент товаров, не требующих особых условий хранения и востребованных в такой высокой степени, чтобы их распродажа заняла минимум времени. Также нужно было правильно выбрать вьючных животных (здоровых и сильных), найти опытного погонщика, умеющего с ними обращаться, проследить за тем, как товар будет располагаться на верблюдах, чтобы животным было комфортно передвигаться. Много зависело и от выбора приказчика (надежного и грамотного), на которого зачастую возлагалась обязанность непосредственного сопровождения товаров к азиатским рынкам. Все это требовало от коммерсанта широких практических навыков и большого запаса специальных знаний.

Многонедельный переход через азиатские территории был наиболее сложным этапом осуществления внешнеторговых операций. Множество бытовых проблем (ограниченность пищевого рациона; отсутствие достаточного количества воды и пр.) делало этот переход предприятием тяжелым физически, что неблагоприятно сказывалось на общем состоянии здоровья торговцев. От купцов требовались такие качества, как физическая выносливость, терпение, мужество, упорство в достижении цели. Ситуация усугублялась постоянной опасностью, исходившей от степных разбойников, наводивших ужас на караваны в первой половине XIX в. Здесь от коммерсантов ждали уже совсем других умений – сохранять выдержку в самых сложных ситуациях, решительно действовать, метко стрелять и т.д.

На самих азиатских рынках российские купцы, особенно христиане, также оказывались в неблагоприятных условиях, подвергались унижениям, а иногда и прямому насилию. Эти обстоятельства можно было несколько улучшить, обзаведясь в азиатских государствах знакомыми и покровителями. Связи налаживались как с помощью финансовых рычагов, так и через внимательное отношение к обычаям, культурным традициям, языку и привычкам «полезных друзей». В целом коммерсант, решивший заняться торговлей на азиатском направлении, должен был являть собой образец «человека, который имеет силу на многое отважиться, который жертвует всем, чтобы достичь великого для своего предприятия»⁷⁵. В то же время он оставался традиционалистом, осуществляющим свои коммерческие сделки исключительно в рамках наработанных десятилетиями сценариев.

В последней трети XIX в. с основными проблемами трудовой повседневности купцов, осуществлявших торговлю на азиатском направлении, удалось справиться. Пространства Средней Азии были включены в территорию Российской империи, снизилась опасность нападений на караваны, улучшилась ситуация с правовым положением российских торговцев на азиатских рынках, европейская Россия была соединена со Средней Азией железными дорогами. Однако изменившиеся к лучшему условия азиатской торговли привели в эту деловую сферу большое число коммерсантов из различных российских губерний. Это значительно усилило конкуренцию, потребовало модернизации торговли и сократило получаемую прибыль. В таких обстоятельствах большинство оренбургских купцов предпочло покинуть данную сферу торговых отношений.

⁷⁵ Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М., 2009. С. 68.

Таким образом, трудовая повседневность купцов, ведущих в XIX в. торговлю с Азией, была весьма напряженной, насыщенной различными неблагоприятными факторами. Бытовые проблемы и лишения требовали от коммерсантов специфического поведения и особой психологии. В целом можно утверждать, что купцы, занимающиеся азиатским торгом, в определенной степени были авантюристами, склонными к риску и способными к решению самых сложных проблем. Ликвидация же границ Российской империи с азиатскими владениями во второй половине столетия избавила повседневную трудовую занятость оренбургских купцов, ведущих внешнюю торговлю, от ее экстраординарности и экстремальности.

Рукопись поступила: 10 февраля 2020 г.

Submitted: 10 February 2020

Библиографический список

- Абдрахманов К.А.* Трудовая повседневность купечества Оренбургской губернии в пореформенный период (1865–1914 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург: Оренбургский государственный педагогический университет, 2019. 34 с.
- Алекторов А.Е.* История Оренбургской губернии. Оренбург: Тип. Б. Бреслина, 1883. 128 с.
- Банникова Е.В.* Повседневная жизнь провинциального купечества (на материалах губерний Урала дореформенного периода). СПб.: Полторак, 2014. 440 с.
- Бурлуцкая Е.В.* Деевы. Вековая династия оренбургских предпринимателей // Купечество оренбургское: сборник статей. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 13–23.
- Гавердовский Я.П.* Обзорение Киргиз-кайсацкой степи (часть 1-я), или Дневные записки в степи Киргиз-кайсацкой 1803 и 1804 годов // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Том V. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 368 с.
- Дедлов (Кигн) В.Л.* Переселенцы и новые места. Путевые заметки. СПб.: М.М. Лелерле и К°, 1894. 201 с.
- Дживелегов А.* Черты провинциальной жизни на рубеже XIX века // Голос минувшего. 1913. № 7. С. 186–189.
- Захарьин (Якунин) И.Н.* Граф В.А. Перовский и его зимний поход в Хиву. СПб.: Типография П.П. Сойкина, 1901. 206 с.
- Зияев Х.З.* Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI–XIX вв. Ташкент: «Фан», 1983. 167 с.
- Зомбарт В.* Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2009. 576 с.
- Караханова Т.М., Бессокирная Г.П., Большакова О.А.* Повседневная деятельность рабочих: труд, быт, досуг, 2014. 100 с.
- Кастанье И.А.* Отчет о поездке в Туркестан // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Выпуск XVI. Оренбург: Типо-литография Ф.Г. Каримова, 1906. С. 176–201.
- Марков Е.Л.* Россия в Средней Азии. Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. 1063 с.
- Мартенс Ф.Ф.* Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: Издание книгопродавца Эмиля Гартье, 1880. 100 с.
- Мейендорф Е.К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1975. 182 с.
- Михайлов М.* Оренбургские письма для желающих ознакомиться с Оренбургом, Орском, Троицком, Фортом Александровским и дорогою через Киргизскую степь до Форты № 1. СПб.: Тип. Н. Тиблена и К°, 1866. 110 с.
- Небольсин П.И.* Рассказ троицкого 2-й гильдии купца Абдул-Вали Абдул-Вагапова Абу-Абубакирова о путешествии его с товарами из Троицка в Чугучак и о прочем // Географические известия. 1850. № 7/9. С. 371–406.

- Небольсин П.И. Очерки торговли России со странами Средней Азии, Хивой, Бухарой и Кокандом (со стороны Оренбургской линии). СПб.: [Б.и.], 1856. 375 с.
- Никольский А.М. В стране глины и песку (Путевые очерки) // Мир Божий. 1894. № 9. С. 145–163, № 10. С. 66–93.
- Ниязматов М. Россия в сердце Азии: диалог цивилизаций (IX–XIII вв.). СПб.: Петербургское востоковедение, 2013. 512 с.
- Одинцов Н.В. Записки ростовца // Русский архив. 1906. Т. 2. № 5. С. 14–46.
- Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: [Б.и.], 2008. 228 с.
- Полякова И.П. Основные сферы повседневности: трудовая деятельность, быт, досуг // Вести высших учебных заведений Черноземья. 2010. № 1. С. 104–108.
- Рожкова М.К. Экономические связи России со Средней Азией. М.: Академия наук СССР, 1963. 238 с.
- Ручкина Г.А., Вахитова Р.З. Верблюдоводство: Учебное пособие для студентов вузов. Костанай: ТОО «Костанайполиграфия», 2008. 142 с.
- Солонченко Е.А. Таможенная политика на юго-востоке России и ее реализация в Оренбургском крае в 1752–1868 гг. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007. 312 с.
- Солонченко Е.А. Юго-Восточное направление таможенной политики России в первой половине XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. № 6. С. 365–369.
- Уралов Н. На верблюдах: Воспоминания из жизни в Средней Азии. СПб.: Типография П.П. Сойкина, 1897. 188 с.
- Усов П.С. Вооруженные караваны для торговли с Ост-Индией // Исторический вестник. 1884. № 7. С. 143–158.
- Филмер П. Об этнометодологии Гарольда Гарфинкеля // Новые направления в социологической теории. М.: Прогресс, 1978. С. 328–375.
- Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). М.: Наука, 1974. 406 с.
- Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении. Уфа: Типография Оренбургского губернского правления, 1859. 472 с.
- Шайдуллина Р.Р. История рода Хусаиновых в отечественной историографии // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2008. Т. 150. № 8. С. 215–221.
- Юдин М.Л. Положение торговли со среднеазиатскими ханствами до занятия Туркестанского края // Труды Оренбургской Ученой Архивной комиссии. Оренбург: Губернская Типо-литография, 1902. С. 1–50.

References

- Abdrakhmanov, K.A. *Trudovaya povsednevnyy' kupechestva Orenburgskoy gubernii v poreformenny period*. Orenburg: Orenburg state pedagogical University Publ., 2019 (in Russian).
- Alektorov, A.E. *Istoriya Orenburgskoi gubernii*. Orenburg: Tipografiya B. Breslina Publ., 1883 (in Russian).
- Bannikova, E.V. *Povsednevnyaya zhizn' provintsial'nogo kupechestva (na materialakh gubernii Uralskogo doreformennogo perioda)*. St. Petersburg: Poltorak Publ., 2014 (in Russian).
- Burlutskaya, E.V. “Deevy. Vekovaya dinastiya orenburgskikh predprinimatelei.” In *Kupechestvo orenburgskoe: sbornik statei*, 13–23. Orenburg: OGPU Publ., 2016 (in Russian).
- Gavardovskii, Ya.P. “Obozrenie Kirgiz-kaisakskoi stepi (chast' 1-ya), ili Dnevnyye zapiski v stepi Kirgiz-kaisakskoi 1803 i 1804 godov.” In *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov. Tom V. Pervyye istoriko-etnograficheskie opisaniya kazakhskikh zemel'. Pervaya polovina XIX veka*. Almaty: Daik-Press Publ., 2007 (in Russian).
- Dedlov (Kign), V.L. *Pereselentsy i novye mesta. Putevye zametki*. Saint Petersburg: M.M. Lederle i K^o Publ., 1894 (in Russian).
- Dzhivegov, A. “Cherty provintsial'noi zhizni na rubezhe XIX veka.” *Golos minuvshogo*, no. 7 (1913): 186–189 (in Russian).

- Cheremshanskii, V.M. *Opisanie Orenburgskoi gubernii v khozyaistvenno-statisticheskome, etnograficheskom i promyshlennom otnosheniyakh*. Ufa: Tip. Orenburgskogo gub. pravleniya, 1859 (in Russian).
- Filmer, P. "Ob etnometodologii Garol'da Garfinkelya." In *Novye napravleniya v sotsiologicheskoi teorii*, 328–375. Moscow: Progress Publ., 1978 (in Russian).
- Karakhanova, T.M., Bessokirnaya, G.P., and Bol'shakova, O.A. *Povsednevnyaya deyatelnost' rabochikh: trud, byt, dosug*. Moscow: Institut sotsiologii RAN, 2015 (in Russian).
- Khalfin, N.A. *Rossiya i khanstva Srednei Azii (pervaya polovina XIX veka)*. Moscow: Nauka Publ., 1974 (in Russian).
- Kastan'e, I.A. "Otchet o poezdke v Turkestan." In *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 176–201. Orenburg: Tipo-litografiya F.G. Karimova Publ., 1906 (in Russian).
- Markov, E.L. *Rossiya v Srednei Azii. Ocherki puteshestviya po Zakavkaz'yu, Turkmenii, Bukhare, Samarkandskoi, Tashkentskoi i Ferganskoi oblastyam, Kaspiiskomu moryu i Volge. V 2-kh tomakh i 6-i chastyakh*. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha Publ., 1901 (in Russian).
- Martens, F.F. *Rossiya i Angliya v Srednei Azii*. St. Petersburg: Emil' Gart'e Publ., 1880 (in Russian).
- Meiendorf, E.K. *Puteshestvie iz Orenburga v Bukharu*. Moscow: Nauka Publ., 1975 (in Russian).
- Mikhailov, M. *Orenburgskie pis'ma dlya zhelayushchikh oznakomit'sya s Orenburgom, Orskom, Troitskom, Fortom Aleksandrovskim i dorogoyu cherez Kirgizskuyu step' do Forta № 1*. St. Petersburg: Tip. N. Tiblena i K° Publ., 1866 (in Russian).
- Nebol'sin, P.I. "Rasskaz troitskogo 2-i gil'dii kuptsa Abdul-Vali Abdul-Vagapova Abu-Abubakirova o puteshestvii ego s tovarami iz Troitska v Chuguchak i o prochem." *Geograficheskie izvestiya* 3, no. 7/9 (1850): 371–406 (in Russian).
- Nebol'sin, P.I. *Ocherki torgovli Rossii so stranami Srednei Azii, Khivoi, Bukharoi i Kokandom (so storony Orenburgskoi linii)*. St. Petersburg: [S.n.], 1856 (in Russian).
- Nikol'skiy A.M. V strane gliny i pesku (Putevye ocherki) *Mir Bozhiy*, no 9 (1894): 145–163; no 10 (1894): 66–93 (in Russian).
- Niyazmatov, M. *Rossiya v serdtse Azii: dialog tsivilizatsii (IX–XIII vv.)*. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2013 (in Russian).
- Odintsov, N.V. "Zapiski rostovtsa." *Russkii arkhiv* 2, no. 5 (1906): 14–46 (in Russian).
- Orlov, I.B. *Sovetskaya povsednevnost': istoricheskii i sotsiologicheskii aspekty stanovleniya*. Moscow: [S.n.], 2008 (in Russian).
- Polyakova, I.P. "The main areas of everyday life: work, life conditions, leisure." *News of Higher Educational Institutions of the Chernozyem Region*, no. 1 (2010): 104–108 (in Russian).
- Rozhkova, M.K. *Ekonomicheskie svyazi Rossii so Srednei Aziei*. Moscow: Akademiya nauk SSSR Publ., 1963 (in Russian).
- Ruchkina, G.A., and Vakhitova, R.Z. *Verblyudovodstvo: Uchebnoe posobie dlya stud. vuzov*. Kostanay: Kostanaiopoligrafiya Publ., 2008 (in Russian).
- Solonchenko, E.A. *Tamozhennaya politika na yugo-vostoke Rossii i ee realizatsiya v Orenburgskom krae v 1752–1868 gg.* Orenburg: OGPU Publ., 2007 (in Russian).
- Solonchenko, E.A. "Southeast direction of the customs policy of Russia in the first half of the 19th century." *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences* 11, no. 6 (2009): 365–369 (in Russian).
- Shaidullina, R.R. "The history of the Khusainov family in Russian historiography." *Proceedings of Kazan University. Humanities Series* 150, no. 8 (2008): 215–221 (in Russian).
- Zakhar'in (Yakunin), I.N. *Graf V.A. Perovskii i ego zimnii pokhod v Khivu*. St. Petersburg: Tipografiya P.P. Soikina Publ., 1901 (in Russian).
- Ziyaev, Kh.Z. *Ekonomicheskie svyazi Srednei Azii s Sibir'yu v XVI–XIX vv.* Tashkent: Fan Publ., 1983 (in Russian).
- Zombart, V. *Burzhuia: Etyudy po istorii dukhovnogo razvitiya sovremennogo ekonomicheskogo cheloveka*. Moscow: TERRA – Knizhnyi klub Publ., 2009 (in Russian).
- Uralov, N. *Na verblyudakh: Vospominaniya iz zhizni v Srednei Azii*. St. Petersburg: tip. P.P. Soikina Publ., 1897 (in Russian).
- Usov, P.S. "Vooruzhennyye karavany dlya torgovli s Ost-Indiei." *Istoricheskii vestnik*, no. 7 (1884): 143–158 (in Russian).

Yudin, M.L. “Polozhenie torgovli so sredneaziatskimi khanstvami do zanyatiya Turkestanskogo kraia.” In *Trudy Orenburgskoi Uchenoi Arkhivnoi komissii*, 1–50. Orenburg: Gubernskaya Tipo-litografiya Publ., 1902 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Бурлуцкая Елена Вадимовна, доктор исторических наук, доцент, проректор по научной работе Оренбургского государственного педагогического университета.

Elena V. Burlutskaya, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Associate Professor, Vice-Rector for Research Management, Orenburg State Pedagogical University.

Абдрахманов Константин Алексеевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета.

Konstantin A. Abdrakhmanov, Kandidat Istoricheskikh Nauk [Ph.D. in History], Senior Lecturer of the Department of Russian History, Orenburg State Pedagogical University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-563-577>

Научная статья / Research article

Основные направления экономического развития оренбургского казачества (вторая половина XIX – начало XX в.)

Е.В. Годовова

Оренбургский государственный педагогический университет; 460000, Россия, Оренбург, ул. Советская, 19; Оренбургский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; 460000, Россия, Оренбург, ул. Курача, 26; godovova@mail.ru

The Main Directions of the Economic Development of the Orenburg Cossacks from the Second Half of the 19th to the Early 20th Century

Elena V. Godovova

Orenburg State Pedagogical University; 19, Sovetskaya St., Orenburg, 460000, Russia; Orenburg branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 26, Kuracha St., Orenburg, 460000, Russia; godovova@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются основные направления экономического развития оренбургского казачества в пореформенный период. Оренбургское казачье войско, как и другие казачьи войска Российской империи, размещались на пограничной территории. Здесь формировался особый тип личности «казака-воина» – «казака-земледельца». Автор отмечает, что к началу XX в. на территории Оренбургского казачьего войска рост казачьего населения приводил к сокращению земельных наделов. Ситуацию осложняли повторяющиеся неурожаи и доминирующая переложная система, что, в свою очередь, приводило к истощению земли. В силу своей замкнутости, консервативности и бедности казаки медленно внедряли усовершенствованные орудия сельскохозяйственного труда и новые способы обработки земли. В казачьих хозяйствах было распространено разведение домашнего скота (с конца XIX в. наиболее активно разводили верблюдов), развивалось коневодство, столь необходимое для комплектования казачьего войска. Из-за частых неурожаев зерна в хозяйствах вынуждены были заниматься также огородничеством. Показано, что Войсковые власти осознавали негативное влияние снижения благосостояния оренбургских казаков на их боеспособность и старались оказывать им различную помощь. Эта помощь выражалась в том, что были введены в штат Войскового хозяйственного правления специалисты, отвечавшие за развитие аграрного производства; было налажено снабжение казаков орудиями труда, сельскохозяйственными машинами, семенами огородных и бахчевых культур. Большое внимание уделялось также коневодству, развитию мелкой промышленности путем организации артелей кустарей. Автор приходит к выводу, что все эти меры, хотя и медленно, но меняли агрономическое сознание оренбургских казаков.

Ключевые слова: Оренбургское казачье войско, оренбургское казачество, экономическое развитие, земледелие, скотоводство, рыболовство и огородничество, торговля, местная промышленность

Для цитирования: Годовова Е.В. Основные направления экономического развития оренбургского казачества (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 3. С. 563–577. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-563-577>

Abstract: The article discusses the main directions of the economic development among the Orenburg Cossacks in the post-reform period. The Orenburg Cossack Host, like other Cossack troops of the Russian Empire, was located in a frontier area. A special type of the “Cossack warrior” personality – a “Cossack-farmer” – was formed here. The author notes that by the beginning of the twentieth century, an increase in the Cossack population led to a decrease in land allotments in the Orenburg Cossack units. The situation was getting worse due to constant crop failures and a dominant shift system, which, in turn, led to land depletion. Due to their isolation, conservatism and poverty, the Cossacks were slow in introducing improved agricultural tools and new methods for cultivating the land. Livestock breeding was widespread in Cossack farms (from the end of the 19th century, camel-breeding was very prominent), and horse-breeding, so necessary for manning the Cossack army, was equally developing. Due to frequent grain crop failures, Cossacks generated additional produce by market gardening on their farms. The Host authorities realized that the welfare decline among the Orenburg Cossacks had a negative impact on their combat effectiveness, and tried to provide them with various assistance: specialists responsible for agricultural development were introduced into the staff of the Military Economic Board, and the Cossacks were supplied with tools, agricultural machinery, and seeds for horticulture. Much attention was also paid to horse-breeding as well as to the development of small industry through the organization of artisans. The author comes to the conclusion that all these measures changed the agronomic consciousness of the Orenburg Cossacks, albeit at a slow pace.

Keywords: Orenburg Cossack Host, Orenburg Cossacks, economic development, agriculture, cattle breeding, fishing and gardening, trade, local industry

For citation: Godovova, Elena V. “The Main Directions of the Economic Development of the Orenburg Cossacks from the Second Half of the 19th to the Early 20th Centuries.” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 3 (August 2020): 563–577. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-563-577>

Введение

Пограничное расположение казачьих территорий и сложившийся на них социально-экономический уклад позволяют нам определить зоны казачьего расселения как пограничную, колонизируемую территорию с подвижными границами и полиэтничным составом населения, то есть фронтир¹. По мнению автора концепции фронта Фр. Дж. Торнера, «границе» было присуще единство жизненного стиля, отличавшего фронтирный жизненный уклад от жизни в старых поселениях². Характерной особенностью фронта являлась земельная политика государства, которая была направлена на обеспечение лояльного отношения к нему местного населения и одновременно на обеспечение вновь заселяемой границы землей под крепостное строение и раздачу ее поселенцам³. На расположенных вдоль границ Российской империи казачьих территориях формируется фронтирная повседневность, то есть определенный социально-экономический уклад, к которому приспосабливались казаки. Во второй половине XIX – начале XX в. под воздействием модернизационных процессов в их повседневной жизни наблюдаются изменения⁴, затрагивающие и экономическую основу жизнедеятельности этого военного сословия.

Характеристика экономического состояния оренбургского казачества представлена в трудах дореволюционных его исследователей. В своей работе «Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамен и карты» генерал-майор Ф.М. Стариков дал описание «народного благосостояния» за 80–90-е гг. XIX в.⁵, а пол-

¹ Кабытов П.С., Дубман Э.Л., Леонтьева О.Б. «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Очерки истории: монография. Самара, 2013. С.12.

² Turner F.J. *The Frontier in American History*. N.Y., 1920.

³ Рахимов Р.Н. Оренбургская и Сибирская пограничные линии в XVIII–первой половине XIX в. как юго-восточный и восточные фронтиры России // Вестник ТГУ. 2013. № 10. С. 104.

⁴ Годовова Е.В. Повседневная жизнь российского казачества во второй половине XIX – начале XX в. Самара, 2018. С. 97.

⁵ Стариков Ф.М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамен и карты. Оренбург, 1891.

ковник П.И. Авдеев, являясь советником Войскового хозяйственного правления, кратко охарактеризовал материальное положение войсковых обывателей⁶. Попытку анализа экономического положения оренбургского казачества предпринял поддесаул Д.Е. Серов⁷. Проанализировав доходность хозяйств, он сделал объективный вывод о резком падении уровня благосостояния основной казачьей массы, причину которого он видел в увеличении расходов на приобретение военного снаряжения.

В 60–90-е гг. XX в. появляются работы, авторы которых затрагивают вопросы социально-экономического положения оренбургского казачества. Так, Л.А. Селивановская и Л.И. Футорянский в своих статьях рассматривают социальную и экономическую дифференциацию оренбургского казачества на рубеже XIX–XX вв.⁸ Л.И. Футорянский в монографии «Казачество России на рубеже веков» анализирует социально-экономическое развитие казачества во второй половине XIX – начале XX в.⁹ Различные аспекты экономической истории оренбургского казачества второй половины XIX – начала XX в. освещаются в монографии Т.К. Махровой «Казачье хозяйство Оренбургской губернии», в которой поднимаются такие важные вопросы, как специфика организации казачьего хозяйства и особенности совместимости государственной службы и экономической деятельности казаков¹⁰.

На современном этапе в историографии оренбургского казачества экономическое развитие войска исследуются в трудах Е.В. Годовой, В.Г. Бешенцева, А.И. Кортунова, Р.П. Аминова¹¹, а также в работах авторов, придерживающихся стремительно утверждающей себя в мировой исторической науке концепции аккультурации¹².

Таким образом, краткий историографический обзор позволяет сделать вывод, что в научных работах XIX – начала XXI в. рассматриваются различные аспекты экономической истории оренбургского казачества, но вопросы адаптации казачьих хозяйств к изменяющимся модернизационным процессам не получили должного освещения. В рамках настоящей статьи мы рассмотрим, как развивались основные хозяйственные отрасли у оренбургских казаков и каким образом они адаптировались к происходившим в экономике страны изменениям.

⁶ Историческая записка об Оренбургском казачьем войске, составленная советником Войскового хозяйственного правления, полковником П.И. Авдеевым. Оренбург, 1904.

⁷ Серов Д.Е. Оренбургский казак, его экономическое положение и служба (Очерк современного быта Оренбургских казаков). Оренбург, 1900.

⁸ Селивановская Л.А. Экономическое положение и социальная дифференциация Оренбургского казачества в конце XIX – начале XX в. // Особенности аграрного строя в России в период империализма. М., 1962. С. 265–267; Футорянский Л.И. К вопросу о земельной аренде в казачьих областях в конце XIX – начале XX века // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Курган, 1972. С. 442–452; Футорянский Л.И. Борьба за массы трудового казачества в период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую (март – октябрь 1917). Оренбург, 1972.

⁹ Футорянский Л.И. Казачество России на рубеже веков. Оренбург, 1997.

¹⁰ Махрова Т.К. Казачье хозяйство Оренбургской губернии. Челябинск, 1999.

¹¹ Годовова Е.В. Оренбургское казачье войско в 1798–1865 гг. Самара, 2007; Бешенцев В.Г. Моя станица. Оренбург, 2010; Kortunov A.I. South-east frontier of the Russian Empire and the processes on the division of the Ural River left bank area between Kirghiz-Kaysaks and Ural Cossacks in the second half of the XIX century // *Bylye Gody*. 2015. № 1. P. 100–106; Аминов Р.П. Татары-казаки в составе Оренбургского казачьего войска (1748–1917 гг.). Казань, 2017.

¹² Джундужузов С.В., Любичанковский С.В. Оренбургские и уральские калмыки в условиях перехода от имперской политики аккультурации к советской национальной политике // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 439. С. 128–136; Любичанковский С.В. Аккультурационная модель понимания империи как методологическая альтернатива колониальному подходу // Электронный научно-образовательный журнал «История». URL: <https://history.jes.su/s207987840006065-0-1/> (дата обращения: 13.11.2019); Годовова Е.В., Любичанковский С.В. Проявление объективных оснований этноидентичности в повседневном жизненном укладе тюркского населения Оренбургского казачьего войска (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 432. С. 86–90.

Источниками для проведения настоящего исследования послужили материалы Государственного архива Оренбургской области и Российского государственного исторического архива, которые в совокупности с опубликованными делопроизводственными документами, материалами периодической печати, а также источниками личного происхождения позволили рассмотреть основные направления экономического развития оренбургского казачества во второй половине XIX – начале XX в.

Земледелие

Для казаков вторая половина XIX – начало XX в. было достаточно спокойным в военном отношении временем, поэтому основное внимание было обращено на развитие хозяйственных отраслей: земледелия, скотоводства, рыболовства, промышленности и торговли. Хозяйство в Оренбургском казачьем войске подразделялось на войсковое и частное. Войсковое хозяйство составляли войсковые и станичные капиталы, леса, оброчные поземельные статьи, мукомольные мельницы, кожевенные и салотопенные заводы, торговые помещения, рыбная ловля, перепуск на внутреннюю сторону киргизского скота для зимней тебеневки¹³. Главные отрасли частного казачьего хозяйства и промышленности составляли земледелие и скотоводство¹⁴, а второстепенными были извоз, торговля хлебом и скотом, постным маслом, салом и солью, мануфактурными товарами, заводскими изделиями, а также холстами, сукнами, армячиной и кожевенными товарами собственного производства¹⁵. Следует отметить, что отхожих промыслов в экономической жизни оренбургских казаков не было, так как понятие «казак – хозяин» включало в себя и понятие «казак – воин», который был всегда готов выступить на охранно-сторожевую службу или войну¹⁶.

Во второй половине XIX в. в распоряжении Оренбургского казачьего войска находилось около 8,5 млн дес. земли, включающей общинные или станичные, частные, принадлежавшие чиновникам и офицерам, и войсковые запасные земельные угодья. В 1869 г. казачьи станицы получили окончательное поземельное устройство. На каждую душу мужского пола казачьего сословия начиная с 17 лет, в том числе на генералов и офицеров, определялся надел в 30 десятин удобной земли, который не должен был быть меньше 20 десятин, даже если население станицы увеличивалось¹⁷. Если для крестьянской семьи рождение ребенка было угрозой семейному достатку, то в казачьих семьях прибавление нового члена семьи в экономическом плане воспринималось как важное событие, особенно если новорожденный был мальчиком, так как на него выделялся дополнительный пай земли. В начале XX в. на каждого казака мужского пола Оренбургского казачьего войска приходилось 23,1 дес. удобной, 2,6 дес. средне-удобной и неудобной земли, 2,2 дес. леса, а всего – по 27,9 дес.¹⁸ Эти данные свидетельствуют о том, что оренбургские казаки не ощущали сильной нужды в земле и вопрос об увеличении земельных наделов остро не стоял, в отличие, например, от Донского казачьего войска, где на душу мужского пола приходи-

¹³ Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф. 6. Оп. 13. Д. 3090 б. Л. 17 об.

¹⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 4174 а. Л. 19.

¹⁵ Там же. Д. 3090 б. Л. 26 об. – 27.

¹⁶ Отчет о мероприятиях по агрономии в Оренбургском казачьем войске за 1911 год. Оренбург, 1912. С. 6.

¹⁷ Толстов В. История Хоперского полка Кубанского казачьего войска. 1696–1896. Тифлис, 1901. С. 194.

¹⁸ Отчет о мероприятиях по агрономии в Оренбургском казачьем войске за 1911 год. Оренбург, 1912. С. 5.

лось по 11 дес. удобной земли, а иногда и меньше¹⁹. Однако к концу первого десятилетия XX в. в связи с увеличением численности населения ухудшилось положение и оренбургских казаков: в некоторых поселках количество земли, отведенной под хлебопашество, не превышало 9–12 дес. на душу. При этом половина надела должна была обеспечить самого казака и его семью, а вторая – обеспечить его снаряжение для выхода на службу в мирное и военное время²⁰.

Основу хозяйственной деятельности и благосостояния войскового населения Оренбургского казачьего войска составляло хлебопашество. Войсковые обыватели сеяли преимущественно пшеницу-кубанку и простую пшеницу, овес, ячмень, горох, просо; в некоторых населенных пунктах в небольших объемах – рожь и ярицу²¹, а также коноплю и лен²², подсолнечник и мак²³. По свидетельствам современников, ржаную муку, ячмень, овес в основном использовали для кормления лошадей. Сами же казаки ржаной хлеб не ели, за исключением неурожайных для оренбургских казаков лет, когда из запасных магазинов выдавали по пуду ржи на человека²⁴. Неурожайными были 1879, 1887, 1888, 1890, 1891, 1892, 1897, 1901, 1905, 1906, 1907 и 1911 годы²⁵.

В 60–70-е гг. XIX в. снижение урожая хлеба вызывали погодные условия: град, ранние морозы и сентябрьский снег. Однако неурожай хлеба казаками не особо ощущался, а если и случался, то устранялся путем заимствования зерна у более зажиточных обывателей или получением из общественных запасов²⁶. В 80-е гг. XIX – начале XX в. неурожай стали повторяться чаще, приобретая хронический характер. Неблагоприятные метеословия сложились в 1911 г.: сухая осень, затем суровая, почти бесснежная зима и холодная, с ничтожным количеством атмосферных осадков при резких колебаниях температуры весна. Во второй половине мая температура воздуха поднялась до 45–56° R (56–70 °C. – *Е.Г.*) на солнце и продержалась на таком уровне до конца июня. В начале сентября начались ночные заморозки, перемежающиеся с оттепелями и туманами. Единственным способом заготовки корма в сырую погоду было силосование, о котором казаки знали из бесплатно раздаваемых агрономами брошюр, но войсковые обыватели не доверяли этой информации и боялись подобных экономических нововведений. В конце лета 1911 г. в некоторых станицах наблюдались единичные случаи употребления хлеба через день²⁷.

Жизнь казаков, особенно в летнее время, была достаточно трудной. От зари до зари они находились в поле, обычно расположенном за станицей или поселком, куда выезжали всей семьей, и по несколько дней не бывали дома, перенося и жару, и дождь, и всякую непогоду²⁸. В посеве и уборке хлеба принимали участие не толь-

¹⁹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1276. Оп. 17. Д. 153. Л. 263 об.

²⁰ Отчет о мероприятиях по агрономии в Оренбургском казачьем войске за 1912 год. Оренбург, 1912. С. 12.

²¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 3090 б. Л. 27; ГАОО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 2953 а. Л. 35 об.

²² *Стариков Ф.М.* Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков; со знаменами и карты. Оренбург, 1891. С. 160.

²³ ГАОО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 9. Л. 26 об.

²⁴ *Серов А.Г.* Воспоминания старожиллов станицы Магнитной: старые и новые записи. Магнитогорск, 2013. С. 27.

²⁵ *Аминов Р.Р.* Татары-казаки в составе Оренбургского казачьего войска (1748–1917 гг.). Казань, 2017. С. 121.

²⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 3090 б. Л. 10.

²⁷ Отчет о мероприятиях по агрономии в Оренбургском казачьем войске за 1911 год. Оренбург, 1912. С. 1–3.

²⁸ *Стариков Ф.М.* Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамен и карты. Оренбург, 1891. С. 162–163.

ко мужчины, но и женщины, и подростки. Оренбургский казак Петр Рохмистров в своих воспоминаниях пишет, что ребята уже с десятилетнего возраста работали наравне со взрослыми, косили траву, работали на пашне, боронили, пололи²⁹.

По данным профессора Л.И. Футорянского, в землях Оренбургского казачьего войска преобладала переложная система³⁰. По всей территории войска хлеба высевали несколько лет подряд непрерывно на одних и тех же полях до тех пор, пока земля не начинала отказывать в урожае. Только в некоторых станицах 1-го отдела была внедрена залежная система ведения хозяйства, когда поле, запущенное в залежь, использовалось 5–6 лет для сенокоса, 6–7 лет как пастбище и только после этого распашивалось³¹. Обработка земли осуществлялась преимущественно простыми земледельческими орудиями³².

К концу XIX в. в казачьей среде постепенно внедряются усовершенствованные сельскохозяйственные орудия российского или заграничного производства. Во многом этому способствовало войсковое начальство.

В 1897 г. в Войсковом хозяйственном правлении Оренбургского казачьего войска возникла мысль прийти на помощь войсковому населению в деле снабжения его земледельческими орудиями и сельскохозяйственными машинами на выгодных условиях. Но прежде чем приступить к реализации этого плана, были собраны сведения о том, применяют ли казаки современные способы обработки земли и если да, то какие используют машины. К августу 1897 г. было выяснено, что всего у казаков Оренбургского казачьего войска есть 56 однолемешных и 1658 многолемешных механических плугов, 415 сенокосилок, 333 конных граблей, 133 жнейки, 25 борон, 952 с конным приводом и 11 паровых молотилок, 8884 веялки и 351 сеялка³³. Эти сведения показали, что войсковое население знакомо с сельскохозяйственными машинами, а также с облегченным способом обработки земли. Однако отсутствие у казаков достаточного количества средств и дороговизна современных орудий и машин стали причиной медленного их внедрения. В апреле 1898 г. из общего войскового капитала для составления общего сельскохозяйственного капитала было выделено 7500 руб. (вместо необходимых 15000 руб.), с предоставлением права войсковому начальству в случае необходимости просить увеличения кредита. Такая потребность появлялась и размер основного сельскохозяйственного капитала к 1 января 1902 г. составил 150 000 руб. К этому времени у войскового населения в пользовании уже стало 443 однолемешных и 149 многолемешных механических плугов, 1079 сенокосилок, 1054 конных граблей, 710 точил, 307 жнеек лобогреек, 40 жнеек самосбросок, 6 жнеек сноповязалок, 19 молотилок, 16 приводов, 5 веялок и по 1 сеялке, куколеотборнику, бороне, экстирпатору³⁴. Несмотря на увеличение числа сельскохозяйственных орудий и машин, используемых казаками, потребности всех жителей еще не были удовлетворены (некоторым домохозяевам приходилось ждать по 3–4 года), и, по мнению современника, причина этому была одна – недостаток необходимого количества средств в оборотном капитале³⁵.

²⁹ Рохмистров Е.П. Казаки – воины, пахари: документальная повесть. Челябинск, 2008. С. 60.

³⁰ Футорянский Л.И. Казачество России на рубеже веков. Оренбург, 1999. С. 62.

³¹ Отчет о мероприятиях по агрономии в Оренбургском казачьем войске за 1911 год. Оренбург, 1912. С. 6–7.

³² ГАОО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 3623. Л. 23–24.

³³ Наследов Н. Краткие сведения о сельскохозяйственном оборотном капитале Оренбургского казачьего войска по снабжению войскового населения земледельческими орудиями и сельскохозяйственными машинами // Вестник казачьих войск. 1902. № 39. С. 586.

³⁴ Там же. С. 586–587.

³⁵ Там же. С. 587.

К 1910 г. наряду с широким распространением усовершенствованных машин и орудий у казачьего населения стали встречаться и новейшие орудия, такие, как пружинные культиваторы, распашники, железные бороны и орудия, а наибольшим спросом пользовались сенокосилки, конные грабли и лобогрейки³⁶.

Войсковое хозяйственное правление через войсковой агрономический персонал (в составе 4 агрономов, 2 инструкторов по полеводству, 2 – по молочному хозяйству и 1 – по пчеловодству) проводило мероприятия по обучению казаков современным методам ведения сельского хозяйства³⁷. Так, агроном 3-го отдела Крылов с августа 1910 г. по январь 1911 г. провел 12 бесед по следующей программе:

1. Причины оскудения казачьего населения в последние годы.
2. Как выйти из этого положения.
3. Как сделать, чтобы и хлеба, и корма было достаточно, и что нужно предпринять, чтобы выбиться из нужды.
4. Общие правила подготовки земли под разные растения.
5. О влиянии своевременной обработки земли на ее урожайность.
6. Значение раннего пара для засушливого климата и его преимущества перед поздним паром.
7. Обработка разных видов пара.
8. Какими семенами нужно обсеменять поля, как и откуда их приобретать.
9. О вреде посева хлеба на хлеб. Значение севооборота.
10. О пользе рядового посева и значение его ленточного посева для засушливых местностей.
11. О заделке посева на почвах легких и тяжелых.
12. Об уходе за посевами: пропашка, боронование и полотье.
13. Об убыточности переложного севооборота в данное время для казаков и выгоды травопольного хозяйства.
14. Польза от травосеяния и какие травы следует сеять.
15. Как улучшить луга и увеличить сбор травы простыми, доступными казаку способами.
16. О мерах и необходимости улучшения крупного рогатого скота.
17. Куда и к кому следует обращаться при выборе орудий, покупке семян и вообще за справками и советами по сельскому хозяйству.
18. О значении и пользе коопераций: кредитных товариществ, маслодельных артелей и потребительских лавок³⁸.

Следует отметить, что казаки приходили на такие беседы в количестве от 20 до 85 человек, особенно когда они приручивались к поселковым сборам. По отзывам современников, казаки очень охотно слушали советы и поучения агрономов и живо на них реагировали, вступая в споры, забрасывая обращениями и просьбами дать разъяснения по непонятным вопросам³⁹. Большую роль играли не только беседы, но и демонстрация современных сельскохозяйственных орудий. Например, оренбургским казакам четырнадцати поселков 1-го отдела была показана работа куколетборника системы Гейда, и жителями отсортировано и очищено до 7000 пудов семян, а в 3-м отделе отсортировано 22990 пудов 20 фун.⁴⁰ Так, постепенно, под воздействием местных властей проходило изменение агрономического сознания оренбургских казаков, тем более что в начале XX в. хлебопашество по-прежнему оста-

³⁶ Отчет о мероприятиях по агрономии в Оренбургском казачьем войске за 1911 год. Оренбург, 1912. С. 116.

³⁷ Там же. С. 9.

³⁸ Там же. С. 16–17.

³⁹ Там же.

⁴⁰ ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 315/1. Л. 75 об. – 76.

валось важнейшим источником благосостояния войскового населения, дающего средства для приобретения обмундирования и снаряжения казаков, командированных на службу в первоочередные части, для погашения недоимок, оплаты войсковых, губернских и станичных повинностей и для удовлетворения собственных нужд⁴¹.

Скотоводство, рыбоводство и огородничество

Не меньшее значение для войскового населения Оренбургского казачьего войска имело скотоводство, чему благоприятствовали степные пастбища и возможность приобретать скот в случае падежа у соседей-киргизов, разводивших его в большом количестве.

Оренбургские казаки выращивали лошадей, рогатый скот, овец, коз, свиней и в конце XIX – начале XX в. – верблюдов. Разводили преимущественно киргизской породы рогатый скот, мясо которого пользовалось спросом не только как у местных жителей, так и за пределами войска⁴². Развитие с конца XIX в. верблюдоводства было обусловлено уменьшением запасов кормов и производительности лугов, большой приспособляемостью верблюдов к усвоению грубых бурьянных кормов (полыни, камыша, чилига и др.), а также продуктивности верблюда в работе. По сравнению с быками нужно было меньшее число этих тяжеловозов для впрягания в плуг, косилку, жатку⁴³. Овцы были в основном русской и курдючно-киргизской пород. Коз разводили для получения пуха, часть которого шла на продажу, а часть на изготовление шалей, платков, носков и варежек⁴⁴.

Сведения о динамике скотоводства представлены в таблице 1, где приведены данные из отчетов по Оренбургскому казачьему войску с интервалом 9–10 лет.

Таблица 1 / Table 1

Состояние скотоводства в Оренбургском казачьем войске /
The state of cattle breeding in the Orenburg Cossack army

Виды скота (голов)	1862 г.	1870 г.	1879 г.	1897 г.	1908 г.
Лошадей	193909	182236	209137	205004	310454
Рогатого скота	210082	192048	211404	310238	455800
Овец и коз	538079	440267	483279	438612	643238
Свиней	30033	30225	26581	16479	41756
Верблюдов	–	–	–	345	2242

Источники / Sources: Отчет о мероприятиях по агрономии в Оренбургском казачьем войске за 1912 год. Оренбург, 1912. С. 17; Сагнаева С.К. Материальная культура уральского казачества (традиционная одежда и пища) на рубеже 19–20 веков. Уральск, 2015. С. 91; ГАОО. Ф. 6. Оп.13. Д. 2953 а. Л. 36; ГАОО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 3623. Л. 24; ГАОО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 4724 а. Л. 49; ГАОО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 9. Л. 29; ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 315/1. Л. 82 об.

Данные таблицы 1 свидетельствуют, что периодически в развитии скотоводства наблюдалась отрицательная динамика. Причинами сокращения количества скота были различные эпидемии, в частности чума, неразвитость ветеринарии и неурожай. Например, в засушливый 1911 г. оренбургские казаки, боясь поголовного вымирания скота в связи с отсутствием травы на пастбищах, пытались его продать практически по стоимости шкуры: быка или дойную корову – за 3–4 руб., лошадь –

⁴¹ ГАОО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 9. Л. 26 об.

⁴² Там же. Л. 28 об.

⁴³ Отчет о мероприятиях по агрономии в Оренбургском казачьем войске за 1912 год. Оренбург, 1912. С. 17.

⁴⁴ Сагнаева С.К. Материальная культура уральского казачества (традиционная одежда и пища) на рубеже 19–20 веков. Уральск, 2015. С. 91.

за 3–5 руб., жеребят – по 50–60 коп., овец – по 75 коп., а кур и взрослых цыплят отдавали по 3–4 штуки за 10 коп.⁴⁵

Правила отбывания воинской повинности диктовали необходимость развития коневодства. Казаки были обязаны выходить на службу на доморощенных конях, заранее приобретая и подготавливая лошадь для строя.

С целью поощрения войсковых коннозаводчиков и вообще всех казаков приобретать лучших для службы лошадей были учреждены скачки. Первые скачки были проведены 8 сентября 1860 г. в станице Усть-Уйской Оренбургского казачьего войска. На призовые места казаки, имевшие собственные заводы, выделили 150 руб. и 100 рублей сер. было назначено от Оренбургского и Самарского генерал-губернатора. Призовой фонд был распределен следующим образом: первое место – 100 руб., второе – 75 руб., за третье и четвертое места – по 25 руб. Расстояние для скачки в трех кругах составляло 9 верст, каждая скаковая лошадь весила 5 пуд. 25 фут. На скачках было 11 жеребцов и 10 кобыл. Все лошади, участвовавшие в скачке, принадлежали владельцам конезаводов. Казаки, среди которых было много коннозаводчиков, учреждение скачек приняли с большой радостью, а незначительное число участников можно было объяснить опасением участвовать первый раз и незнанием подробно всех условий состязания⁴⁶.

К 90-м гг. XIX в. коневодство у оренбургских казаков и их соседей, башкир и киргизов, настолько пало, что стало трудно комплектовать лошадьми войско. Из общего числа лошадей, находящихся у станичных жителей, треть не годилась к службе⁴⁷. Для решения этой проблемы каждой станице было поручено открыть свой конно-плодовый табун, в плодовой состав которого поступили жеребцы-производители от государственного коннозаводства. Войско учредило табунный надзор с содержанием из войскового капитала, а станичные общества должны были дать помещение табунной страже и жеребцам-производителям, заготавливать фураж и обеспечивать ветеринарную помощь. Формирование станичных табунов началось в 1896 г. и завершилось в 1903 г. За этот период в 1 отделе Оренбургского казачьего войска было сформировано 18 станичных табунов, в которых было 137 казенных жеребцов-производителей и 1460 маток. Кроме этого, по желанию станичного населения получило развитие подворное коневодство и открыты случные пункты: по два – в Каменно-озерной и Павловской станицах и по одному – в Кардаиловской, Краснохолмской, Городищенской, Донецкой, Пречистинской и Воздвиженской станицах. В каждом из этих пунктов было по два жеребца ручной случки от Оренбургской заводской конюшни. В станицах Оренбургской и Сакмарской также были открыты случные пункты с двумя жеребцами, данными войску Государственным коннозаводством⁴⁸. Таким образом, в станицах Оренбургского казачьего войска появились свои улучшенные породы лошадей, годные под седло не только рядовым казакам, но и офицерам. У станичников появилась возможность иметь собственных породистых лошадей, годных для службы в строевых частях войска, и улучшить материальное благосостояние путем продажи хороших лошадей по высоким ценам. Следует отметить, что местным властям организовать станичные конно-плодовые табуны и случные пункты стоило больших трудов. С одной стороны, пришлось иметь дело с приверженцами старины, с врагами всяких улучшений, с другой – с отсутствием материальных средств. Но, несмотря на трудности, во всех станицах 1-го отдела появились

⁴⁵ Отчет о мероприятиях по агрономии в Оренбургском казачьем войске за 1911 год. Оренбург, 1912. С. 2.

⁴⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 2953 а. Л. 52–53.

⁴⁷ Там же. Ф. 37. Оп. 3. Д. 275. Л. 29.

⁴⁸ Бочкарев Е. Из Оренбурга // Вестник казачьих войск. 1903. № 28. С. 449–450.

свои конно-плодовые табуны и в более чем в половине станиц – случайные пункты⁴⁹. Конечно, сами казаки были заинтересованы в развитии коневодства, ведь лошадь в хозяйстве казака являлась ценным имуществом, ее наличие служило мерилom материального благосостояния. Ничто так не разоряло казака, как снаряжение на службу, в том числе и покупка строевого коня, которые в начале XX в. обходились казаку около 300 руб., при этом от войска выплачивалось пособие на покупку лошади только на сумму в 50 руб.⁵⁰

Оренбургские казаки занимались также рыболовством для собственного потребления⁵¹. Основной добычей оренбургских казаков в реках и местных озерах были лещ, судак, жерех, щука, сомы, караси и сазаны⁵².

В некоторых местах Оренбургского казачьего войска казаки занимались пчеловодством, также, как и ловлей рыбы, в основном для домашнего потребления⁵³. К 1909 г. в войске было 5403 улья, принесшие доход 23935 руб.

Практически во всех казачьих станицах и поселках существовало огородничество, но служило оно преимущественно для удовлетворения домашних потребностей. Обычно огороды устраивали возле рек, очень редко рядом с домом. Это делалось с целью облегчить полив. Огораживали их обычно плетнем⁵⁴. На огородах преимущественно женщины выращивали капусту, репу, редьку, картофель, огурцы, морковь, свеклу и лук⁵⁵. Следует отметить, что в 1890-е гг. огородничеством стали охотно заниматься и казаки-татары, которые раньше не проявляли к этому большой склонности. Толчком для них послужили тяжелые 1891–1892 гг., когда русская часть населения благодаря запасам овощей лучше перенесла бедствия полного неурожая⁵⁶.

Бахчеводством занимались во всех отделах Оренбургского казачьего войска. Арбузы, дыни, тыквы и подсолнечник в основном выращивали для собственного домашнего потребления, но в Оренбургском, Орском и частью Челябинском уездах посев бахчей составлял источник дохода. Например, в поселках по реке Илек этот промысел приносил от 200 до 1000 руб. на семью⁵⁷. Особую славу приобрели арбузы с бахчей Изобильного поселка⁵⁸.

Забываясь о развитии огородничества и бахчеводства, Войсковое хозяйственное правление в начале XX в. открывало лавки, где казаки могли приобрести лучшие семена огородных и бахчевых растений. В 1909 г. в среднем было приобретено семян на 212 руб. 40 коп.⁵⁹

Следует отметить, что во 2 и 3 отделах Оренбургского казачьего войска стали появляться огороды на артельных началах. Так, в 1909 г. такой огород был организован в Кочневском поселке Уйской станицы, и казаки, смотря на это, задумались об улучшении собственного огородничества⁶⁰.

⁴⁹ Бочкарев Е. Из Оренбурга // Вестник казачьих войск. 1903. № 28. С. 449–450.

⁵⁰ Отчет о мероприятиях по агрономии в Оренбургском казачьем войске за 1912 год. Оренбург, 1912. С. 13.

⁵¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 2953 а. Л. 36 об.

⁵² Бешенцев В.Г. Моя станица. Оренбург, 2010. С. 15.

⁵³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 2953 а. Л. 36 об.

⁵⁴ Стариков Ф.М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте Оренбургских казаков. Оренбург, 1891. С. 203.

⁵⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 3090 б. Л. 27.

⁵⁶ Там же. Ф. 169. Оп. 1. Д. 9. Л. 27 об.

⁵⁷ Стариков Ф.М. Историко-статистический очерк...

⁵⁸ ГАОО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 9. Л. 27 об.

⁵⁹ Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 315/1. Л. 77 об. – 78.

⁶⁰ Там же. Л. 78.

В начале XX в. в Оренбургском казачьем войске немного развивается и садоводство, которого до этого времени не было. Сажены яблонь выписывали из Центральной России, но они крайне тяжело адаптировались к резко-континентальному климату. В 1909 г. на всей территории войска, а именно в 1-м отделе, было уже 350 садов на площади 152,5 дес.⁶¹

Торговля и местная промышленность

Во второй половине XIX – начале XX в. на территории Оренбургского казачьего войска развивается торговля. В 60-е гг. XIX в. главными предметами сбыта оренбургских казаков были хлеб, рогатый скот, бараны, лошади, сырая и выделанная кожа, постное масло, сало, озерная рыба и различные домашние изделия⁶². Торговля велась на ярмарках, торжках и еженедельных базарах в станицах. Товар сбывался в гг. Оренбург, Верхнеуральск, Троицк, Челябину, по всему войску в целом, а в большей мере в станицах 6, 11 и 12 полков: Кизильской, Магнитной, Верхнеуральской, Звериноголовский и Усть-Уйской, а также на заводы и золотые прииски⁶³. Однако начиная с этого времени в станицах Оренбургского казачьего войска наблюдается и спад торговли, причинами чего стали: во-первых, высокие цены на хлеб, во-вторых, конкуренция со стороны иногородних, в 1861 г. получивших официальное право торговать на земле казаков и осуществлять здесь ярмарочную торговлю; в-третьих, открытие двух ярмарок в станицах Пресногорьковской и Пресновской Сибирского казачьего войска, граничащих с территорией Оренбургского казачьего войска, привело к значительному сокращению торговли в станице Звериноголовской и других соседствующих населенных пунктах⁶⁴. К концу XIX в. отсутствие удобных путей сообщения и разбросанность населения по-прежнему неблагоприятно влияли на развитие торговли в войске. По данным профессора Л.И. Фурторянского, к началу XX в. из 5560 торгующих на территории Оренбургского казачьего войска к войсковому сословию относилось лишь 1017 человек, или 17,3 %⁶⁵.

Фронтирное расположение Оренбургского казачьего войска способствовало также развитию местной промышленности, в частности, такой ее отрасли, как извоз. В 60-е гг. XIX в. наибольшее развитие этот промысел получил среди казаков 1, 2 и 3 полков. Казаки этих полков принимают на себя от казны с торгов перевозку в больших размерах тяжестей для доставки на Сыр-Дарьинские форты и в другие укрепления, находящиеся в степи, также доставляют грузы (соль, пшеницу и пр.) от частных лиц как по контрактам, так и без них в города Самару, Челябину, Уфу, Казань, иногда в Москву⁶⁶. В 70–90-е гг. XIX в. оренбургские казаки продолжали заниматься перевозкой грузов в степные укрепления и Туркестанскую область⁶⁷, возили илецкую соль в г. Оренбург, железную руду с Магнитной горы на заводы в Верхнеуральском уезде, получая за это неплохой заработок⁶⁸. Ломкой камня, алебаstra, мела и выработкой белой глины занимались казаки повсеместно, где встречались необходимые породы. Казаки Сакмарской станицы сплавляют лес, войсковые обыватели 2-го и 3-го отделов прядут из льна и пеньки, веревочное производство встречается только в станицах 3-го отдела Оренбургского казачьего войска. Кроме этих промыслов население войска немного занимается следующими видами

⁶¹ ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 315/1. Л. 79 об.

⁶² Там же. Ф. 6. Оп. 13. Д. 3090 б. Л. 30–30 об.

⁶³ Там же. Л. 30 об. – 31.

⁶⁴ Там же. Л. 31–31 об.

⁶⁵ *Фурторянский Л.И.* Казачество России на рубеже веков. Оренбург, 1997. С. 96–97.

⁶⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 3090 б. Л. 29 – 29 об.

⁶⁷ Там же. Д. 3623. Л. 27 об.

⁶⁸ Там же. Ф. 169. Оп. 1. Д.9. Л. 30 об.

ремесел: шорным, сапожным, портняжным, плотничным, столярным, кузнечным и слесарным.

В начале XX в. одним из самых развитых был пуховязальный промысел. Занимались им преимущественно женщины в возрасте от 6 до 60 лет, изготавливая из козьего пуха не только платки, но и шарфы, чулки, перчатки и пр. Наибольшее развитие пуховязание получило в станицах Ново-Орской, Воздвиженской, Ильинской и Гирьяльской I отдела Оренбургского казачьего войска. Качественно связанные пуховые платки продавались не только в России, но и за границей. В 1910–1911 гг. платки выставлялись на выставках в Болгарии и Италии⁶⁹. В 1910 г. в Софии на выставке-базаре было представлено 52 платка стоимостью 706 руб. 90 коп., а в 1911 г. в Турине было продано 15 платков за 152 руб. 25 коп., и пуховые изделия были отмечены дипломом⁷⁰. О развитии пуховязального промысла свидетельствуют цифры, представленные в таблице 2.

Таблица 2 / Table 2

**Развитие пуховязального производства в Оренбургском казачьем войске/
The development of down-knitting production in the Orenburg Cossack army**

	1906 г.	1915 г.
Количество людей, занимающихся пуховязальным промыслом (чел.)	13311	21288
Количество проданных платков (шт.)	35910	93366
Общая сумма вырученных денег (руб.)	150555	501882
Стоимость материала (руб.)	61406	243135
Чистый доход (руб.)	89149	258747
Заработок на каждую работницу	6 руб. 69 коп.	12 руб. 18 коп.

Источник / Source: Станичник. Кустарная промышленность в Оренбургском войске // Оренбургское Земское Дело. 1917. № 3. С. 9.

Итак, за десять лет заработок каждой работницы увеличился в два раза. Однако доход мог бы быть еще выше, если бы вязальщицам не приходилось обращаться к скупщикам и кредиторам. Не имея денег на закупку материала, одни покупали его в кредит у торговцев по завышенной цене, другие получали материал от скупщиков, которым и обязывались сбывать свои изделия. Были случаи, когда торговцы давали свой пух и заставляли вязать платки по одному рублю за штуку. На эту проблему обратили внимание войсковые власти еще в конце XIX в. В 1910 г. было принято решение о создании кооперативной организации и был образован капитал в 25 тыс. руб. для выдачи из него ссуд артелям кустарей, учрежденным в соответствии с уставом наказного атамана. В 1914 г. в станице Гирьяльской была образована первая кустарная артель. На оборотные операции артели было выдано 5 тыс. руб. Отпуск артелью пуха в кредит облегчил положение пуховниц, дав им возможность спокойно изготавливать изделия из артельного пуха. Торговцы стали платить за изделия больше и наличными деньгами. При этом желающих вступить в артель было немало⁷¹.

Выводы

Оренбургское казачье войско было образовано в середине XVIII в. и занимало пограничную с казахской степью территорию, получив ее в «общественное до-

⁶⁹ *Станичник. Кустарная промышленность в Оренбургском войске // Оренбургское Земское Дело. 1917. № 3. С. 9.*

⁷⁰ Отчет о мероприятиях по агрономии в Оренбургском казачьем войске за 1911 г. С. 119–120.

⁷¹ *Станичник. Кустарная промышленность в Оренбургском войске...*

стояние» по Положению от 12 декабря 1840 г. В условиях фронтальной повседневности формировался тип «казака-воина» – «казака-земледельца», жизнь которого была полна трудов и забот, особенно в летнее время, а доходы подвержены риску вследствие неурожаев. В начале XX в. Оренбургское казачье войско выставляло на службу необходимое число офицеров, нижних чинов и лошадей и, как и другие сословия губернии, несло земские повинности. Средства для своего существования и сборов на службу большая часть казаков получала от земледелия и скотоводства, которые, несмотря на экономическое развитие, в начале XX в. оставались ключевыми отраслями хозяйства оренбургских казаков. Именно они обеспечивали необходимый уровень жизни и основу благосостояния казачьей семьи. Однако количество удобной земли уменьшалось, нерациональное ее использование и частые неурожаи приводили к снижению уровня казачьей жизни, затраты же, необходимые на военную службу и повседневную жизнь, возрастали. Замкнутость, свойственная казакам, их консервативность, низкая агрономическая культура, отсутствие должной энергии и инициативы не позволяли им быстро адаптироваться к капиталистическим отношениям, а существующий порядок землепользования с его частыми переделами ставил непреодолимую преграду для каждого вдумчивого хозяина, готового применить рациональные способы обработки земли и вести дела на современных началах.

Рукопись поступила: 15 декабря 2019 г.

Submitted: 15 December 2019

Библиографический список

- Аминов Р.Р.* Татары-казаки в составе Оренбургского казачьего войска (1748–1917 гг.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 348 с.
- Бешенцев В.Г.* Моя станица. Оренбург: Печатный дом «Димур», 2010. 308 с.
- Бочкарев Е.* Из Оренбурга // Вестник казачьих войск. 1903. № 28. С. 449–450.
- Годовова Е.В.* Оренбургское казачье войско в 1798–1865 гг. Самара: издательство «Универс групп», 2007. 224 с.
- Годовова Е.В., Любичанковский С.В.* Проявление объективных оснований этноидентичности в повседневном жизненном укладе тюркского населения Оренбургского казачьего войска (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 432. С. 86–90.
- Джунджузов С.В., Любичанковский С.В.* Оренбургские и уральские калмыки в условиях перехода от имперской политики аккультурации к советской национальной политике // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 439. С. 128–136.
- Кабытов П.С., Дубман Э.Л., Леонтьева О.Б.* «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Очерки истории: монография. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2013. 360 с.
- Махрова Т.К.* Казачье хозяйство Оренбургской губернии. Челябинск: Еманжелинская городская типография, 1999. 96 с.
- Наследов Н.* Краткие сведения о сельскохозяйственном оборотном капитале Оренбургского казачьего войска по снабжению войскового населения земледельческими орудиями и сельскохозяйственными машинами // Вестник казачьих войск. 1902. № 39. С. 586–588.
- Рахимов Р.Н.* Оренбургская и Сибирская пограничные линии в XVIII – первой половине XIX в. как юго-восточный и восточные фронты России // Вестник ТГУ. 2013. № 10. С. 103–109.
- Рохмистров Е.П.* Казаки – воины, пахари: документальная повесть. Челябинск: Издательство Татьяны Лурье, 2008. 376 с.
- Сагаева С.К.* Материальная культура уральского казачества (традиционная одежда и пища) на рубеже 19–20 веков. Уральск: [Б.и.], 2015. 304 с.
- Селивановская Л.А.* Экономическое положение и социальная дифференциация Оренбургского казачества в конце XIX – начале XX в. // Особенности аграрного строя в России в период империализма. М.: [Б.и.], 1962. С. 265–267.

- Серов А.Г. Воспоминания старожилов станицы Магнитной: старые и новые записи. Магнитогорск: ПР-Капитал. Издательский Дом, 2013. 273 с.
- Серов Д.Е. Оренбургский казак, его экономическое положение и служба (Очерк современного быта Оренбургских казаков). Оренбург: Губернская типография, 1900. 115 с.
- Старииков Ф.М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков; со знаменами и карты. Оренбург: Типография Б.Бреслина, 1891. 249 с.
- Толстов В. История Хоперского полка Кубанского казачьего войска. 1696–1896. Тифлис: [Б.и.], 1901. 367 с.
- Футорянский Л.И. Борьба за массы трудового казачества в период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую (март – октябрь 1917). Оренбург: [Б.и.], 1972. 155 с.
- Футорянский Л.И. К вопросу о земельной аренде в казачьих областях в конце XIX – начале XX века // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Курган: [Б.и.], 1972. С. 442–452.
- Футорянский Л.И. Казачество России на рубеже веков. Оренбург: Печатный дом «Димур», 1997. 200 с.
- Kortunov A.I. South-east frontier of the Russian Empire and the processes on the division of the Ural River left bank area between Kirghiz-Kaysaks and Ural Cossacks in the second half of the XIX century // *Bylye Gody*. 2015. № 1. P. 100–106.
- Turner F.J. *The Frontier in American History*. New York: [S.n.], 1920. 304 p.

References

- Aminov, R.R. *Tatary-kazaki v sostave Orenburgskogo kazach'yego voyska (1748–1917 gg.)*. Kazan: Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT Publ., 2017 (in Russian).
- Beshentsev, V.G. *Moya stanitsa*. Orenburg: Pechatnyy dom «Dimur» Publ., 2010 (in Russian).
- Bochkarev, Ye. “Iz Orenburga.” *Vestnik kazach'ikh voysk*, no. 28 (1903): 449–450 (in Russian).
- Dzhundzhuzov, S.V., and Lyubichankovskiy, S.V. “Orenburg and Ural Kalmyks in the context of the transition from the imperial policy of acculturation to Soviet national policy.” *Tomsk State University Journal*, no. 439 (2019): 128–136 (in Russian).
- Godovova, Ye.V. *Orenburgskoye kazach'ye voysko v 1798–1865 gg.* Samara: «Univers grupp» Publ., 2007 (in Russian).
- Godovova, Ye.V., and Lyubichankovskiy, S.V. “The appearance of objective grounds for ethno-identity in the everyday life of the Turkic population of the Orenburg Cossack troops (second half of the 18th – first half of the 19th century).” *Tomsk State University Journal*, no. 432 (2018): 86–90 (in Russian).
- Futoryanskiy, L.I. *Bor'ba za massy trudovogo kazachestva v period pererastaniya burzhuazno-demokraticheskoy revolyutsii v sotsialisticheskuyu (mart – oktyabr' 1917)*. Orenburg: [S.n.], 1972 (in Russian).
- Futoryanskiy, L.I. “K voprosu o zemel'noy arende v kazach'ikh oblastiakh v kontse XIX – nachale XX veka.” In *Voprosy agrarnoy istorii Urala i Zapadnoy Sibiri*, 442–452. Kurgan: [S.n.], 1972 (in Russian).
- Futoryanskiy, L.I. *Kazachestvo Rossii na rubezhe vekov*. Orenburg: Pechatnyy dom «Dimur» Publ., 1997 (in Russian).
- Kabytov, P.S., Dubman, E.L., and Leont'yeva, O.B. «Obreteniye rodiny»: *obshchestvo i vlast' v Srednem Povolzh'ye (vtoraya polovina XVI–nachalo XX v.)*. *Ocherki istorii: monografiya*. Samara: «Samskiy universitet» Publ., 2013 (in Russian).
- Kortunov, A.I. “South-east frontier of the Russian Empire and the processes on the division of the Ural River left bank area between Kirghiz-Kaysaks and Ural Cossacks in the second half of the XIX century.” *Bylye Gody*, no. 1 (2015): 100–106.
- Makhrova, T.K. *Kazach'ye khozyaystvo Orenburgskoy gubernii*. Chelyabinsk: Yemanzhelinskaya gorodskaya tipografiya Publ., 1999 (in Russian).
- Nasledov, N. “Kratkiye svedeniya o sel'skokhozyaystvennom oborotnom kapitale Orenburgskogo kazach'yego voyska po snabzheniyu voyskovogo naseleniya zemledel'cheskimi orudiyami i sel'skokhozyaystvennymi mashinami.” *Vestnik kazach'ikh voysk*, no. 39 (1902): 586–588 (in Russian).
- Rakhimov, R.N. “Orenburg and Siberian border lines in the XVIII – the first half of the XX century. As the southeastern and eastern frontiers of Russia.” *Tomsk State University Journal*, no. 10 (2013): 103–109 (in Russian).

- Rokhmistrov, Ye.P. *Kazaki – voiny, pakhari: dokumental'naya povest'*. Chelyabinsk: Izdatel'stvo Tat'yany Lur'ye Publ., 2008 (in Russian).
- Sagnayeva, S.K. *Material'naya kul'tura ural'skogo kazachestva (traditsionnaya odezhda i pishcha) na rubezhe 19–20 vekov*. Ural'sk: [S.n.], 2015 (in Russian).
- Selivanovskaya, L.A. “*Ekonomicheskoye polozheniye i sotsial'naya differentsiatsiya Orenburgskogo kazachestva v kontse XIX – nachale XX v.*” In *Osobennosti agrarnogo stroya v Rossii v period imperializma*, 265–267. Moscow: [S.n.], 1962 (in Russian).
- Serov, A.G. *Vospominaniya starozhilov stanitsy Magnitnoy: staryye i novyye zapisi*. Magnitogorsk: «PR-Kapital. Izdatel'skiy Dom» Publ., 2013 (in Russian).
- Serov, D.Ye. *Orenburgskiy kazak, yego ekonomicheskoye polozheniye i sluzhba (Ocherk sovremennogo byta Orenburgskikh kazakov)*. Orenburg: Gubernskaya tipografiya Publ., 1900 (in Russian).
- Starikov, F.M. *Istoriko-statisticheskii ocherk Orenburgskogo kazach'yego voyska s prilozheniyem stat'i o domashnem byte orenburgskikh kazakov; so znamonami i karty*. Orenburg: Tipografiya B. Breslina Publ., 1891 (in Russian).
- Tolstov, V. *Istoriya Khoperskogo polka Kubanskogo kazach'yego voyska. 1696–1896*. Tiflis: [S.n.], 1901 (in Russian).
- Turner, F.J. *The Frontier in American History*. New York: [S.n.], 1920.

Информация об авторе / Information about the author

Годовова Елена Викторовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета; доцент кафедры гуманитарных, социально-экономических, математических и естественнонаучных дисциплин Оренбургского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Elena V. Godovova, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor of the Department of Russian history, Orenburg State Pedagogical University; Associate Professor of the Department of Humanitarian, Socio-Economic, Mathematical and Natural Sciences Disciplines of the Orenburg Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-578-590>

Научная статья / Research article

Особенности местного самоуправления у казаков Западной Сибири и Северного Казахстана в XIX – начале XX в.

И.А. Коновалов

Омский государственный университет;
644077, Россия, Омск, ул. 50 лет профсоюзов, 100; konov77@mail.ru

Local Self-Government among the Cossacks of Western Siberia and Northern Kazakhstan in the 19th and Early 20th Centuries

Igor A. Konovalov

Omsk State University; 100, 50 let Profsouzov St., Omsk, 644077, Russia; konov77@mail.ru

Аннотация: Настоящая статья представляет собой первое комплексное исследование особенностей развития казачьего сословного самоуправления в Западной Сибири и Северном Казахстане в XIX – начале XX в., его роли в системе местного администрирования. Автор отмечает, что казачье самоуправление в Западной Сибири и Северном Казахстане в рассматриваемый период прошло пять этапов в своем развитии; раскрывается структура органов казачьего станичного управления, дается оценка эффективности его деятельности, раскрываются полномочия казачьего самоуправления. Показано, что станичное управление, которое было включено в систему войскового и государственного местного управления, имело сословный характер и недемократичную систему представительства. Оно не могло принимать самостоятельных решений по достаточно широкому кругу административных и хозяйственных вопросов без санкций со стороны войсковых и местных органов государственной власти. Автор пришел к выводу, что станичное казачье управление также, как крестьянское самоуправление, из-за отсутствия в Сибири и Северном Казахстане земств, играло важную роль в структуре местного управления. В качестве низового звена оно способствовало установлению системы взаимосвязей между казачьим населением и государственной властью, которая базировалась на принципах патернализма и этатизма. В качестве неотъемлемой части Сибирского казачьего войска станичное управление с полномочиями, определенными коронной властью, просуществовало до падения Российской империи после событий февраля 1917 г.

Ключевые слова: История Сибири, казак, атаман, губернатор, местное самоуправление, выборы

Благодарности и финансирование: автор выражает благодарность редакционной коллегии журнала «Вестник РУДН. Серия: История России», без критических замечаний и поддержки которой эта работа не была бы опубликована.

Для цитирования: Коновалов И.А. Особенности местного самоуправления у казаков Западной Сибири и Северного Казахстана в XIX – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 3. С. 578–590. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-578-590>

Abstract: This article is the first comprehensive study of the development of Cossack estate self-government in Western Siberia and Northern Kazakhstan in the 19th and early 20th centuries, as well as of its role in the local system of administration. The author demonstrates that Cossack self-government in Western Siberia and Northern Kazakhstan developed in five stages. Discussed are the bodies of Cossack village

administration, the effectiveness of its activities, and the scope of its authority. The Cossack village administration was included in the system of military and state local government, had an estate character and an undemocratic system of representation. It could not make independent decisions on a wide range of administrative and economic issues without involvement of the military and local government bodies. The author concludes that due to the lack of zemstvos in Siberia and Northern Kazakhstan, Cossack village administration and peasant self-government played an important role in the structure of local government. As a low-level institution, it facilitated the establishment of relations between the Cossack population and state power; this system was based on the principles of paternalism and statism. As an integral part of the Siberian Cossack army, a stanitsa administration with powers determined by the imperial authority lasted until the fall of the Russian Empire after the February Revolution 1917.

Keywords: history of Siberia, Cossack, ataman, governor, local government, elections

Acknowledgements and Funding: The author is grateful to the editorial board of the journal “RUDN Journal of Russian History”, without critical comments and support of which this work would not be published.

For citation: Kononov, Igor A. “Local Self-Government among the Cossacks of Western Siberia and Northern Kazakhstan in the 19th and Early 20th Centuries.” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 3 (August 2020): 578–590. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-578-590>

Введение

Актуальность темы исследования определяется степенью ее изученности в отечественной историографии. Целью работы является проведение комплексного анализа особенностей местного самоуправления у казаков Западной Сибири и Северного Казахстана в XIX – начале XX в. Не претендуя на исчерпывающее освещение темы, автор ограничивается постановкой следующих задач: проследить основные этапы возникновения и структурных изменений станичного управления в XIX – начале XX в., степень эффективности проведенных реформ, осветить основные направления деятельности органов казачьего самоуправления, а также исследовать его особенности.

История Сибирского казачьего войска еще в дореволюционный период попала в поле зрения исследователей. Наиболее плодотворно ею занимался официальный историограф войска, видный общественный деятель Г.Е. Катанаев¹. В советское и постсоветское время заметный вклад в изучение его истории внесли омские историки Ю.Г. Недбай и С.М. Андреев².

В последнее время заметно вырос интерес к истории местного самоуправления в Западной Сибири и Северном Казахстане в дореволюционный период; разрабатываются проблемы истории крестьянского и городского общественных управлений³. Вместе с тем остается малоизученным казачье станичное управление, которое было одной из разновидностей сословного местного самоуправления на территории края. Изначально эта форма управления возникла в Сибири в связи с ее присоединением к Российскому государству, на территориях типа фронта, в которых казачество формировалось коронной властью «как государева служилая рать»⁴.

¹ Катанаев Г.Е. Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска (с 1582 по 1908 год). СПб., 1908.

² Недбай Ю.Г. История Сибирского казачьего войска. Омск, 2001; Андреев С.М. Становление и развитие станичного самоуправления в Сибирском казачьем войске // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сборник научных статей. Новосибирск, 2012. С. 3–32.

³ Миненко Н.А. Русская крестьянская община в Западной Сибири. XVIII – первая половина XIX века. Новосибирск, 1991; Коновалов И.А. Кризис системы местного управления в Сибири накануне падения самодержавия // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия: История. 2018. Т. 63. № 3. С. 771–782; Коновалов И.А., Толочко А.П. Местное управление в городах Сибири по «Учреждению» 1822 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 60. С. 17–21.

⁴ Чернышева А.А. Особенности казачьего самоуправления в Восточной Сибири в конце XVII – первой четверти XVIII в. (на примере Первой и Второй Красноярских «шатостей») // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2019. Т. 28. С. 6–16.

Источниковую базу исследования составили традиционные для темы по истории местного самоуправления дореволюционной России источники: законодательство Российской империи; официальная делопроизводственная документация государственных учреждений и органов станичного управления, хранящаяся в фондах Государственного исторического архива Омской области; статистические и справочные материалы, а также периодическая печать.

Со времени своего образования Сибирское войско стояло как бы особняком среди других казачьих войск империи. Оно внесло неоценимый вклад в дело присоединения к Российской империи территорий Средней Азии и принимало активное участие в хозяйственном освоении региона.

Казачество Западной Сибири и Северного Казахстана в начале XIX в.

В 1808 г. военный министр А.А. Аракчеев в своем докладе «О новом образовании Сибирского линейного казачьего войска» казачью военную службу определил как бессрочную на казенном содержании. Одновременно был установлен штат Сибирского казачьего линейного войска, для военного времени он состоял из 10 полков, 2 конно-артиллерийских рот и 4 резервных сотен⁵. После передислокации армейских частей из Западной Сибири в начале XIX в. в Европейскую Россию Сибирское линейное казачье войско заменило их в качестве вооруженных сил на территории края. Этим были обусловлены особенности организации Сибирского войска, его «учредительный характер» и «регулярность», которые отмечались современниками. Так, дореволюционный историк-краевед, генерал-лейтенант и общественный деятель Г.Е. Катанаев считал, что Сибирское войско было образовано исключительно по иному российскому правительству⁶. Изначально в поселениях у казаков Сибирского войска главную роль играли не выборные самоуправленческие органы и должностные лица, а эскадронные и полковые командиры.

С момента создания в Сибири казачьих войск сибирские казаки стали делиться на войсковых и городских (потомки казаков-первопроходцев). Городовое казачество с вхождением Западной Сибири в состав Российского государства кроме несения военной службы выполняло различные поручения местных чиновников в качестве караульных, конвоиров, посыльных, собирало ясак с коренных жителей, несло службу на соляных и винокурных заводах. Управление городским казачеством базировалось на утвержденном еще Сибирским приказом, в правление императрицы Анны Иоановны, штате 1737 г. В соответствии со штатом 1737 г. они распределялись на городские казачьи команды. Городовой казак получал офицерский оклад, сопровождавшийся выдачей фуража и провианта. За свой счет казаки приобретали вооружение, лошадей и обмундирование⁷.

К концу XVIII в. отсутствие военных противников внутри Западной Сибири сместило службу городских казаков исключительно на выполнение административно-полицейских функций. Они были включены в составы губернских окружных полиций⁸. Их полицейские полномочия ограничивались несением постовой и патрульной службы в распоряжении нижних земских судов. В Сибири казачьи формирования всегда выступали в качестве резерва местной административно-полицейской

⁵ Полный свод законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ). Т. 30. СПб., 1830; Государственный исторический архив Омской области (далее – ГИАОО). Ф. 366. Оп. 1. Д. 168. Л. 55–56.

⁶ Катанаев Г.Е. Краткий исторический обзор службы...

⁷ Обзорение главных оснований местного управления Сибири. СПб., 1841. С. 53.

⁸ ПСЗ РИ. Учреждения гражданского управления казаков. Раздел II. Учреждения гражданского управления Сибирских разного рода казаков. СПб., 1857. С. 1175.

системы. Привлечение их к административно-полицейской службе серьезно сокращало расходы на содержание местного полицейского аппарата. Сибирские казаки в XIX – начале XX в. были привилегированной, замкнутой корпорацией с огромным опытом несения карательной службы, которая была готова пресекать любые выступления против царской администрации⁹.

Организация казачьего управления по «Учреждению сибирскому» 1822 г.

С 1822 г. согласно «Учреждению сибирскому» М. М. Сперанского городские казаки перешли из ведения Военного министерства в ведение Министерства внутренних дел. Городовое казачество было поделено на два разряда: станичных и полковых. Полковые не имели собственного личного хозяйства и несли службу за казенный счет. Городовые казаки в соответствии с Мнением Государственного совета 1810 г. несли службу в составе губернских и окружных полицейских органов¹⁰. Всего в Сибири было сформировано семь городских казачьих полков. Станичные могли заниматься хлебопашеством и промыслами, они по очереди, в местах проживания, несли полицейскую службу. Они сразу же, «сверху», получили свое станичное управление, которого не было прежде, представленное станичными начальникам и станичными судьями, так называемыми стариками¹¹. Непосредственное руководство над городскими казаками осуществляли губернаторы. Сотни в городах и округах были подчинены городничим и окружным начальникам¹².

В «Уставе об управлении городских казаков» 1822 г. было установлено, что городские полки должны комплектоваться по сословному принципу, из детей городских казаков. Кроме того, местным губернаторам было предоставлено право принимать в городские казаки желающих нести казачью службу. При достижении шестнадцатилетнего возраста дети казаков поступали на службу. Одновременно их ставили на довольствие. Городские казаки не имели права выйти из своего сословия¹³.

Повышения по службе и производства в урядники казаков возлагались на губернаторов. Производство в казачьи офицеры по представлению губернаторов осуществлял Сенат. Эти офицеры по происхождению должны были быть из городских казаков. Казаки, получившие штаб-офицерские чины, и их дети получали право поступления на другие виды службы.

Казаки до старости должны были нести службу в полицейских органах. Увольнение осуществлялось только по медицинскому освидетельствованию и после личного осмотра губернатором. Уволенным городским казакам полагались паспорта, но их дети, даже те кто родился после отставки, должны были поступать на казачью службу¹⁴.

В местностях, где дислоцировались городские казачьи полки, казакам отводились пашенные земли без права продажи по пятнадцать десятин на человека. На этих землях казаки имели право строить дома и хозяйственные постройки. Казакам было предоставлено право обращения в суд по гражданским делам. Казачьи офицеры по уголовным делам были подсудны только губернским судам, а рядовые казаки – уезд-

⁹ Коновалов И.А. Роль и место общей полиции в системе местного управления Сибири (XVIII – начало XX века). М., 2020. С. 146.

¹⁰ Обзорение главных оснований местного управления Сибири. СПб., 1841. С. 54.

¹¹ Андреев С.М. Становление и развитие станичного самоуправления в Сибирском казачьем войске // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сборник научных статей. Новосибирск, 2012. С. 3.

¹² ПСЗ РИ. Т. 2. Учреждения гражданского управления казаков. Раздел II. Учреждения гражданского управления Сибирских разного рода казаков. СПб., 1857. С. 1184.

¹³ Там же.

¹⁴ ПСЗ РИ. СПб., 1830.

ным. Офицеры могли отдаваться под суд только с согласия губернаторов, а рядовые казаки – полковых атаманов. Производство предварительных следствий над казаками осуществлялось окружными или городскими органами полиции, но в присутствии казачьих депутатов¹⁵.

В первой половине XIX в. в Российской империи стала осуществляться детальная правовая регламентация казачьего станичного самоуправления. Впервые она была проведена в Донском войске в 1835 г.¹⁶ Казачье общественное управление на Дону традиционно было представлено станичными сходами и станичными правлениями, которые выбирали должностных лиц местного сословного самоуправления. Аналогичные органы самоуправления стали создаваться и в других казачьих войсках империи.

Низшим распорядительным органом местного казачьего самоуправления стал станичный сход, в нем участвовали проживавшие на территории юрта казаки-домохозяева, достигшие 25-летнего возраста, за исключением телесно наказанных и «порочных». В компетенцию станичного схода были отнесены вопросы земельного обеспечения и станичного хозяйства казаков. Станичным сходом утверждались годовые бюджеты, назначались наказания казакам за маловажные проступки, а также контролировалась деятельность выборных должностных лиц.

Исполнительными органами местного казачьего общественного управления стали станичные правления, которые были представлены станичными атаманами, двумя судьями, а также писарями. Станичное правление также как волостное правление у государственных крестьян, выбирались на трехлетний срок. В его состав входили преимущественно отставные казаки. За правильностью осуществления выборной процедуры осуществлял контроль войсковой чиновник. Кроме офицеров, никто из казаков не мог отказаться от исполнения выборной общественной должности. Избранные в станичные правления утверждались в своих должностях войсковым наказным атаманом. Станичные атаманы, имевшие прежде нижних казачьи чины на время исполнения своих обязанностей, приравнивались к хорунжим¹⁷.

Аналогичная организация станичного управления появилась и у сибирских казаков, еще в 1836 г. территория Сибирского линейного казачьего войска была поделена на 46 станиц, из казаков одной станицы формировалась полковая сотня¹⁸. 5 декабря 1846 г. было промульгировано «Высочайше утвержденное положение о Сибирском линейном казачьем войске»¹⁹. Однако первоначально, из-за «учрежденческого» характера и особого уклада Сибирского войска, в станицах сибирских казаков местное управление под контролем сотенных командиров осуществляли назначаемые наказным атаманом станичные начальники из казачьих урядников. Они приравнивались к хорунжим и получали соответствующее жалование, их обязанности были заимствованы из правил для станичных начальников войска Донского²⁰.

Полицейские и воинские подразделения, сформированные из сибирских казаков, обходились государственной казне дешевле кадровых армейских и полицейских подразделений. Однако при этом они имели более низкий уровень служебно-боевой подготовки, чем регулярные армия и полиция. Верховная власть встала на путь реформирования сибирского казачества, возврата к иррегулярной организации

¹⁵ ПСЗ РИ. Т. 2. Учреждения гражданского управления казаков. Раздел II. Учреждения гражданского управления Сибирских разного рода казаков. СПб., 1857. С. 1180–1184.

¹⁶ Там же. Т. 10. Отд. 1. СПб., 1835.

¹⁷ Там же.

¹⁸ ГИАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 338. Л. 44.

¹⁹ ПСЗ РИ. Т. 21. Отд. 2. СПб., 1847.

²⁰ ГИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 168. Л. 55–56.

казачьей службы в Сибирском линейном казачьем войске, упразднению полицейской повинности городских казаков.

Городовые казаки, в особенности станичные, несли полицейскую службу в сочетании с повседневным тяжелым крестьянским трудом, поэтому они достаточно часто выказывали нежелание выполнять административно-полицейские обязанности и тяготились ими. Несение службы обременяло их, служба была невыгодной для богатых и состоятельных городских казаков, так как забирала у них возможности заниматься собственным хозяйством и промыслами. Полицейская служба для значительной части станичных городских казаков, имевших крепкие хозяйства, не вызывала интереса, составляла обременительную повинность, они стремились избегать и уклоняться от нее²¹.

Реформирование казачьего управления

Неслучайно поэтому реформирование казачьего управления началась с городских казаков. В 1849 г. были ликвидированы городские казачьи полки, из них были организованы казачьи армейские подразделения, с передачей их в подчинение из ведения Министерства внутренних дел в военное ведомство. Все оставшиеся городские казаки переводились в крестьянское сословие с правом перехода в казаки. Из большинства бывших станиц были образованы деревни государственных крестьян. Офицеры также были исключены из сословия казаков, им были переданы большие участки земли, по двести десятин на каждого, в потомственное владение, а урядникам бывших казачьих городских полков – в собственность по пятнадцать десятин земли²². Рядовым казакам были прощены долги и недоимки, а также переданы в потомственное владение их прежние земли²³.

В 1859 г. по инициативе западносибирского генерал-губернатора Г.Х. Гасфорда началось реформирование местного управления в Сибирском войске. Реформа, в отличие от других казачьих войск, имела строго «учрежденческий» характер и основывалась на государственной концепции самоуправления, исходившей из того, что станичное управление должно действовать прежде всего в государственных интересах, которые совпадают с общественными. Согласно реформе станичное управление строится на основании закона, имеет своим главным источником государственную власть, а предметы его деятельности определяются органами государства и почти не зависят от местных нужд. По существу, деятельность государства и казачьего самоуправления считалась однородной.

В соответствии с Высочайше утвержденным «Положением Военного совета» от 21 ноября 1859 г. вводилась выборность на трехлетний срок станичных начальников и судей сходами казаков-домохозяев, с утверждением их наказным атаманом²⁴. В 1861 г. Сибирское казачье линейное войско было реорганизовано в Сибирское казачье войско с 63 станицами по образцу других казачьих войск империи с разделением на гражданское и военное управления. Численный состав казаков и членов их семей насчитывал до 80 тыс. душ обоего пола. Территория Сибирского казачьего войска простиралась достаточно узкой полосой, ширина которой была от 10 до 32 верст и длинной в 2400 верст. Она пролегла от границ Оренбургской губернии (крепость Звериноголовская) до Иртыша и далее вверх по Иртышу и реке

²¹ Коновалов И.А. Организационно-правовое развитие полиции в Сибири в конце XIX – начале XX в. // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2013. № 4. С. 25.

²² Савельев Е. Племенной и общественный состав казачества. Племенной и общественный состав казачества (исторические наброски) // Донские областные ведомости. 1913. № 205. С. 5.

²³ ПСЗ РИ. Т. 43. Отд. 2. СПб., 1873.

²⁴ Там же. Т. 34. Отд. 2. СПб., 1861.

Бухтарме (правый приток Иртыша) до китайской границы. Кроме того, часть земель войска располагалась непосредственно в Казахской степи. Штаб-квартира и Атаманская станица войска находилась в главном административном центре генерал-губернаторства Западной Сибири – Омске. Войско стало делиться на 12 полковых округов, которые комплектовали 12 конных полков, конно-артиллерийскую бригаду, 3 пеших полубатальона и гвардейскую команду. С 1861 г. обязанности наказного атамана стал исполнять генерал-губернатор Западной Сибири, а после упразднения генерал-губернаторства – генерал-губернатор Степного края²⁵.

Низовыми структурами казачьего самоуправления признавались общие и частные станичные, а также выселковые сходы. Общие станичные сходы, в отличие от крестьянских волостных сходов, которые формировались из представителей от 10 крестьянских дворов, состояли из всех казаков-домохозяев выселков и станицы. На них проходили выборы заседателей от казаков в окружных управлениях, должностных лиц станичного управления – станичных начальников и судей, принимался ежегодный бюджет, происходили переделы земель. Общие станичные сходы могли также принимать решения о телесных наказаниях казаков (до 25 ударов розгами).

Частные сходы, состоявшие из выборных от каждого из 25 казачьих дворов, не были исполнительными органами общих станичных сходов, они проводились ежемесячно для ревизии станичной финансовой деятельности и налагали наказания на казаков до 15 ударов розгами. Выселковые сходы избирали десятников и приказного, а также выборных на станичные частные сходы, осуществляли перераспределение выселковых земельных угодий²⁶.

«Положение» 1861 г. регламентировало круг обязанностей каждого члена станичного управления. Военное управление, служебно-боевая подготовка, вооружение и снаряжение казаков возлагались на станичного начальника. Станичному начальнику присваивалось звание хорунжего и в помощники ему определялся писарь. Вопросы благочиния и благоустройства станиц находились в компетенции двух станичных судей. На одного из них возлагалось хозяйственное, а на другого – административно-полицейское управление в станице. Станичный начальник и станичные судьи получали из станичных средств жалование, а также дополнительные земельные пай²⁷.

В помощь станичному начальнику и станичным судьям сроком на один год из отставных казаков избирался приказной и два десятника, которые несли службу на общественных началах, но при этом были освобождены от других натуральных земских повинностей. Их обязанности напоминали обязанности десятских и сотских в крестьянском общественном управлении²⁸.

Контроль за работой станичного самоуправления осуществляли окружные полковые правления, которые имели право отменять решения станичных сходов. После образования в 1868 г. Семипалатинской и Акмолинской областей полковые округа в Сибирском войске были упразднены. Для организации военной службы казаков создавались специальные управления военных отделов. В административно-полицейском отношении казачье население переходило в ведение уездных и областных властей. В составе станичного самоуправления по образцу Оренбургского казачьего войска были образованы станичные суды. Станичные суды стали формироваться ежегодно на станичных сходах путем избрания от 4 до 12 судей. На заседаниях станичных судов, которые проходили один раз в две недели, должно было быть не менее трех

²⁵ ПСЗ РИ. Т. 36. Отд. 1. СПб., 1863.

²⁶ ГИАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4451. Л. 115–122.

²⁷ Там же. Л. 111–115.

²⁸ Недбай Ю.Г. История Сибирского казачьего войска. Омск, 2001. С. 325.

судей²⁹. Сословные станичные суды разбирали имущественные споры между казаками с суммой иска до 100 руб., а также дела по административным правонарушениям. Гражданско-правовые споры на сумму свыше 100 руб. и все преступления, которые были совершены в пределах станиц, подлежали ведению уездных и губернских судов.

Местное самоуправление у казаков Западной Сибири и Северного Казахстана по «Положению об общественном управлении в казачьих войсках» 1870 г.

В контексте кардинального реформирования системы местного самоуправления в Российской империи, наряду с земской 1864 г. и городской 1870 г. реформами, в мае 1870 г. императором Александром II было промульгировано «Положение об общественном управлении в казачьих войсках», которое было подготовлено Временным комитетом, созданным для пересмотра законоположений о казачестве³⁰. Органам власти Сибирского войска – управлениям военных отделов – местные станичные управления были теперь подчинены только в сфере военного управления. Станичное управление ставилось в большую зависимость от уездных властей, в особенности от уездного исправника. В его формировании стали принимать участие не только казаки-домохозяева, но и проживавшие в станицах разночинцы. В структуре станичного управления, также, как в крестьянском общественном управлении, наряду со станичным судом и станичным атаманом было создано станичное правление, в состав которых входили станичные атаманы с помощниками, станичные писари, казначеи и доверенные станичных обществ.

Ведение делопроизводства в станичном управлении было возложено на станичных писарей. Станичные казначеи занимались хранением, приемом и расходованием денежных средств казачьего самоуправления в установленном станичными сходами порядке. Доверенные станичных обществ участвовали в деятельности правлений при решении дел, переданных правлениям станичными сходами, а также при ежемесячной ревизии денежных средств казачьего самоуправления. «Положение» 1870 г. в отношении станичных судов устанавливало, что теперь в состав их юрисдикции попадают не только казаки, но и местные разночинцы. Оно определило порядок отмены и пересмотра решений станичных судов и исключило телесные наказания³¹.

Бывшие выселковые управления были переименованы в поселковые, состоящие из поселковых сходов и поселковых атаманов. Они учреждались в отдельных поселках, составлявших не менее 30 казачьих дворов. В поселении, где находилось станичное казачье правление, поселковым атаманом автоматически становился станичный атаман, а полномочия поселкового схода исполнял сход местных домохозяев.

Пассивное избирательное право в станичном управлении предоставлялось казакам в возрасте не моложе 25 лет. Атаман и его помощник избирались на трехлетний срок, а на остальные должности в станичном управлении – сроком на один год. Станичные атаманы утверждались в своих должностях начальниками Акмолинской и Семипалатинской областей. Размер жалования выборных должностных лиц казачьего самоуправления определял станичный сход, на время выполнения своих обязанностей выборные должностные лица освобождались от выполнения натуральных повинностей.

В конце XIX в. были установлены окончательные территориально-административные границы Сибирского войска, которое стало состоять из 3 военных отделов,

²⁹ ПСЗ РИ. Т. 40. Отд. 1. СПб., 1867.

³⁰ Там же. Т. 45. Отд. 3. СПб., 1874.

³¹ Там же.

37 станиц и 175 казачьих поселений. 3 июня 1891 г. в рамках политики контрреформ и общей реорганизации местного самоуправления в империи было Высочайше утверждено новое «Положение об общественном управлении станиц казачьих войск», получившее распространение и в Сибирском войске³². Непосредственный надзор и контроль за станичным самоуправлением возлагался на атаманов отделов Сибирского войска и уездных исправников, а также на войсковое хозяйственное правление.

«Положение» 1891 г. и казачье станичное управление

Верховная власть с большой осторожностью относилась к местному самоуправлению на сибирской окраине империи. Органы полиции, находившиеся в прямом подчинении Министерства внутренних дел, областных губернаторов, областных правлений и уездных исправников, структурно оставались независимы от станичного управления и одновременно – контрольно-надзорными органами за ними. Новое «Положение» 1891 г. оставило в целом прежнюю структуру станичного управления, заменив лишь станичные сходы казаков-домохозяев станичными сборами от выборных представителей казаков и проживающих в казачьих станицах и поселках разночинцев, а также добавив в структуру коллегиального станичного правления должности казначея и доверенных. «Положение» 1891 г. серьезно усилило роль в казачьем самоуправлении станичных атаманов, символом власти которых являлись насеки, с которыми они были обязаны быть на станичных сборах, а также на всех официальных и торжественных мероприятиях. Станичные атаманы получили ряд существенных, дополнительных прав в отношении станичных судов и станичных сборов. Так, станичные атаманы теперь могли инициировать проведение станичных сборов, снимать с обсуждения вопросы, не включенные в повестку дня, и даже единолично принимать решения по делам, входящим в компетенцию сборов. Так, без согласования со сборами они получили право разрешать отлучки из станиц для казаков служилого состава. Станичные атаманы не только получали право присутствовать при рассмотрении дел в станичных судах, но и даже по назначению атамана отдела могли председательствовать на их заседаниях³³.

Также как в соответствии с городской и земской контрреформами, «Положением» 1891 г. ограничивался круг избирателей, имевших активное избирательное право в казачьем самоуправлении. Так, в станицах, которые насчитывали более 300 дворов, станичный сбор составлял также, как в крестьянском волостном самоуправлении – выборщики от каждых 10 домохозяев, и только если в казачьем поселке было менее 30 дворов, тогда право голоса сохранялось за каждым домохозяином. «Положение» 1891 г. предоставляло избирательные права разночинцам, причем нормы представительства для них устанавливались такими же, как у казаков. Однако, получив активное избирательное право, разночинцы были фактически лишены пассивного избирательного права, поскольку в состав станичных управлений в Сибирском войске они не входили.

Для признания станичного сбора правомочным было необходимо наличие не менее 2/3 от числа выборщиков и станичного атамана. Станичный атаман председательствовал на сборе, решения которого принимались большинством голосов выборщиков. «Положение» 1891 г. несколько изменило структуру сословных станичных казачьих судов. Теперь они стали состоять из двух инстанций. Нижняя инстанция была представлена в каждой станице судами станичных судей, а верхняя – судами почетных судей, которые создавались для двух станиц³⁴.

³² ПСЗ РИ. Т. 11. СПб., 1894.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

В состав судов станичных судей по-прежнему входило от 4 до 12 лиц, в судебном присутствии были трое из них, а оставшиеся считались запасными. Председатели судов станичных судей выбирались участвующими в заседании. В состав суда почетных судей от каждой из двух станиц, входивших в его округ, входили до шести судей, которые утверждались и отстранялись от должностей войсковым начальством.

Юрисдикция и компетенция коллегиальных станичных судов были оставлены без изменений. В ведении станичных судов были имущественные споры на сумму до 100 руб., ряд незначительных преступлений (мошенничество, кража, скупка краденного, побои, оскорбления), а также административные правонарушения. Решения станичных судов и судов почетных судей в исполнение приводили станичные атаманы. Дела, не входившие в компетенцию станичных судов, направлялись в уездные и областные суды, а после распространения на Сибирь судебной реформы 1864 г. – в мировые и окружной суды³⁵.

Эффективность работы казачьего общественного управления зависела во многом от размеров находящегося в его распоряжении ресурсов. Главной статьей доходов, которая покрывала расходы станичного самоуправления, были сборы со станиц и поселковых обществ. В конце XIX – начале XX в. Сибирское войско состояло из трех отделов (каждый из которых подразделялся на 48 станиц) с центрами в Омске, Кокчетаве и в Усть-Каменогорске. Население войска на 1 января 1914 г. насчитывало 167 985 казаков и членов их семей³⁶. В данный период углубилась дифференциация казачьих станичных сообществ по уровню их экономического состояния. Так, в 1912 г. на четыре станицы (Атаманскую, Атбасарскую, Каркаралинскую и Черлакскую) приходилось до 47,8 % общественных доходов Сибирского войска. В то же время в целом ряде станиц размеры доходов станичных управлений едва покрывали их расходы. Если в 1916 г. казаки станицы Атбасарской уже пользовались электричеством, то казаки станицы Чарышской для покрытия нужд станичного управления облагали себя 10-рублевым подушным сбором³⁷.

Двойное подчинение станичного управления войсковой и уездной администрации создавало почву для межведомственных конфликтов. Достаточно часто происходили конфликты между офицерами, которые командировались в станицы и станичными атаманами. Отдельные станичные атаманы признавали своим непосредственными начальниками только уездных исправников и достаточно халатно относились к приказам офицеров о военных сборах казаков, о ревизии военных делопроизводственных документов и проверке оружия³⁸.

Работа на должностях в станичном управлении была непрестижна и обременительна для офицеров и зажиточных казаков. Значительная часть сибирских казаков стремилась избегать участия в его работе, а при избрании в станичные правления халатно относилась к своим обязанностям или вовсе не являлась на службу. Лица с образованием, которые имели опыт военно-административной службы, не хотели занимать хлопотные должности станичных атаманов из-за понижения в воинском звании (станичный атаман приравнивался к хорунжему) и небольшого жалованья.

Казачье станичное самоуправление с момента его легитимации в Западной Сибири и Казахстане стало постепенно поглощаться системой местной административно-полицейской власти, которая стремилась использовать традиционные казачьи

³⁵ ПСЗ РИ. Т. 11. СПб., 1894.

³⁶ Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1913 год. Омск, 1914. С. 15.

³⁷ Андреев С.М. Становление и развитие станичного самоуправления в Сибирском казачьем войске // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сборник научных статей. Новосибирск, 2012. С. 27.

³⁸ Недбай Ю.Г. История казачества Западной Сибири, 1582–1808 гг.: краткие очерки. Омск, 1996. С. 111.

самоуправленческие институты для своих потребностей и осуществления возложенных на нее управленческих задач. Поэтому не случайно, что в деятельности казачьего станичного управления особо стала заметна фигура станичного писаря. Стремление верховной власти рационализировать станичное хозяйство увеличивало объемы делопроизводства в станичных правлениях. Так, один писарь должен был вести около 70 разного рода списков, книг, описей и прочих делопроизводственных документов³⁹. Грамотные, иногда не из числа казаков, знающие практику делопроизводства, станичные писари выходили на главные роли, зачастую отстраняя от выполнения управленческих функций малокомпетентных станичных начальников и судей. Именно писарь чаще всего общался с войсковым начальством и руководством уездов, и в его руках сосредоточивались денежные средства органов казачьего самоуправления. При посредничестве писарей войсковые отделы поддерживали связь с казачьими общинами. Таким образом, станичные писари в большинстве станиц стали тем звеном, которое скрепляло местную административно-полицейскую и войсковую власть с органами казачьего самоуправления.

Выводы

Особенностью местного самоуправления у казаков Западной Сибири и Северного Казахстана было то, что оно организовывалось «сверху», путем принятия соответствующих нормативно-правовых актов и было встроено в систему местного административно-полицейского управления государства. Реформы казачьего общественного управления в XIX в. способствовали установлению взаимоотношений между коронной и выборной станичной властью по принципу централизма, который предусматривал подчинение выборной казачьей администрации государству, сохранив отдельно военное устройство и хозяйство казаков. Используя станичное управление для реализации стоящих перед государством задач, верховная власть не могла упразднить его сословный характер, предоставить большую самостоятельность или оставить без нормативного регулирования и патерналистской опеки. «Положение» 1891 г. шло по пути институционализации и усиления центральной власти и явилось попыткой организации бюрократического аппарата в станицах в ущерб началам казачьего самоуправления. Усиление роли станичных атаманов в станичных управлениях, подчинение их войсковому и уездному начальству, материальная независимость все больше отдаляли атаманов от населения станиц, закладывали основы для их превращения в чиновников войсковой и уездной администраций. Однако, несмотря на справедливую критику организации и деятельности станичного казачьего управления, нельзя не учесть, что оно так же, как крестьянское самоуправление, из-за отсутствия в Сибири земств играло важную роль в сфере местного управления⁴⁰. Являясь низовым, оно способствовало установлению системы взаимосвязей между казачьим населением и государственной властью, которая покоилась на принципах патернализма и этатизма.

Встроенное в структуру Сибирского казачьего войска и ставшее его неотъемлемой частью станичное управление с функциями и компетенциями, которые были определены верховной властью, могло действовать только в той среде, в которой оно было сформировано, и только в рамках существования Российской империи⁴¹.

³⁹ Руководство для офицеров, заведующих станицами и лагерными сборами в Сибирском казачьем войске. Омск, 1891.

⁴⁰ Siegelbaum L.H. Paradise or Just a Little Bit Better? Siberian Settlement “Fever” in Late Imperial Russia // *Russian Review*. 2017. № 1. P. 36.

⁴¹ Lohr E., Sanborn J. Russia, 1917: Revolution as Demobilization and State Collapse // *Slavic Review*. 2017. Vol. 76. № 3. P. 3.

Поэтому после начавшегося в феврале 1917 г. распада страны неизбежным следствием стала дезорганизация Сибирского казачьего войска, затронувшая в том числе и станичное самоуправление.

Рукопись поступила: 25 января 2020 г.
Submitted: 25 January 2020

Библиографический список

- Андреев С.М. Становление и развитие станичного самоуправления в Сибирском казачьем войске // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сборник научных статей. Новосибирск: Параллель, 2012. С. 3–32.
- Катанаяев Г.Е. Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска (с 1582 по 1908 год). СПб.: Типография В.А. Тиханова, 1908. 67 с.
- Коновалов И.А. Кризис системы местного управления в Сибири накануне падения самодержавия // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия История. 2018. Т. 63. № 3. С. 771–782.
- Коновалов И.А. Организационно-правовое развитие полиции в Сибири в конце XIX – начале XX в. // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2013. № 4. С. 24–38.
- Коновалов И.А. Роль и место общей полиции в системе местного управления Сибири (XVIII – начало XX века). М.: Инфра-М, 2020. 311 с.
- Коновалов И.А., Толочко А.П. Местное управление в городах Сибири по «Учреждению» 1822 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 60. С. 17–21.
- Миненко Н.А. Русская крестьянская община в Западной Сибири. XVIII – первая половина XIX века. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1991. 261 с.
- Недбай Ю.Г. История казачества Западной Сибири, 1582–1808 гг.: краткие очерки. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1996. 263 с.
- Недбай Ю.Г. История Сибирского казачьего войска. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. 404 с.
- Савельев Е. Племенной и общественный состав казачества (исторические наброски) // Донские областные ведомости. 1913. № 205. С. 1–5.
- Толочко А.П., Коновалов И.А., Меренкова Е.Ю., Чудаков О.В. Городское самоуправление в Западной Сибири в дореволюционный период: становление и развитие. Омск: Изд-во ОмГУ, 2003. 196 с.
- Чернышева А.А. Особенности казачьего самоуправления в Восточной Сибири в конце XVII – первой четверти XVIII в. (на примере Первой и Второй Красноярских «шатостей») // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2019. Т. 28. С. 6–16.
- Siegelbaum L.H. Paradise or Just a Little Bit Better? Siberian Settlement “Fever” in Late Imperial Russia // Russian Review. 2017. № 1. P. 22–37.
- Lohr E., Sanborn J. Russia, 1917: Revolution as Demobilization and State Collapse // Slavic Review. 2017. Vol. 76. № 3. P. 703–709.

References

- Andreyev, S.M. “Stanovleniye i razvitiye stanichnogo samoupravleniya v Sibirskom kazach'yem voyske.” In *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke. Sbornik nauchnykh statey*, 3–32. Novosibirsk: Parallel' Publ., 2012 (in Russian).
- Chernysheva, A.A. “Features of Cossack self-government in Eastern Siberia at the end of the XVII – the first quarter of the XVIII century (on the example of the First and Second Krasnoyarsk ‘shakiness’).” *The Bulletin of Irkutsk State University. Series ‘History’* 28 (2019): 6–16 (in Russian).
- Katanayev, G.Ye. *Kratkiy istoricheskiy obzor sluzhby Sibirskogo kazach'yego voyska (s 1582 po 1908 god)*. St. Petersburg: Tipografiya V.A. Tikhanova Publ., 1908 (in Russian).
- Kononov, I.A. “The crisis of local government in Siberia on the eve of the fall of the autocracy.” *Vestnik of Saint Petersburg University. History* 63, no. 3 (2018): 771–782 (in Russian).
- Kononov, I.A. “Organizational and legal development of the police in Siberia at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries.” *Herald of Omsk University. Series ‘Law’*, no. 4 (2013): 24–38 (in Russian).
- Kononov, I.A. *Rol' i mesto obshchey politsii v sisteme mestnogo upravleniya Sibiri (XVIII – nachalo XX veka)*. Moscow: Infra-M Publ., 2020 (in Russian).

- Konovalov, I.A., and Tolochko, A.P. "Local government in the cities of Siberia according to the 'Establishment' of 1822." *Tomsk State University Journal*, no. 60 (2019): 17–21 (in Russian).
- Lohr, E., and Sanborn, J. "Russia, 1917: Revolution as Demobilization and State Collapse." *Slavic Review* 76, no. 3 (2017): 703–709.
- Minenko, N.A. *Russkaya krest'yanskaya obshchina v Zapadnoy Sibiri. XVIII – pervaya polovina XIX veka*. Novosibirsk: NGU Publ., 1991 (in Russian).
- Nedbay, Yu.G. *Istoriya kazachestva Zapadnoy Sibiri, 1582–1808 gg.: kratkiye ocherki*. Omsk: OmGPU Publ., 1996 (in Russian).
- Nedbay, Yu.G. *Istoriya Sibirskogo kazach'yego voyska*. Omsk: OmGPU Publ., 2001 (in Russian).
- Savel'yev, Ye. "Plemenno i obshchestvennyy sostav kazachestva (istoricheskiye nabroski)." *Donskiye oblastnyye vedomosti*, no. 205 (1913): 1–5 (in Russian).
- Siegelbaum, L.H. "Paradise or Just a Little Bit Better? Siberian Settlement 'Fever' in Late Imperial Russia." *Russian Review*, no. 1 (2017): 22–37.
- Tolochko, A.P., Konovalov, I.A., Merenkova, Ye.Yu., and Chudakov, O.V. *Gorodskoye samoupravleniye v Zapadnoy Sibiri v dorevolyutsionnyy period: stanovleniye i razvitiye*. Omsk: OmGU Publ., 2003 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Коновалов Игорь Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета.

Igor A. Konovalov, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Omsk State University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-591-611>

Научная статья / Research article

Визуализация имперского пространства: опыт Центрально-Азиатского региона России

Д.В. Васильев^а, А.В. Рябов^б

^аМосковский городской педагогический университет;

129226, Россия, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4; dvasiliev@mail.ru

^бСанкт-Петербургский университет государственной противопожарной службы МЧС России;
196105, Россия, Санкт-Петербург, Московский проспект, 149; ryboff@yandex.ru

The Visualization of Imperial Space: the Experience of the Central Asian Region of Russia

Dmitry V. Vasilyev^а, Aleksandr V. Ryabov^б

^аMoscow City University;

4, 2nd Selskohozyaistvenny Dr., Moscow, 129226, Russia; dvasiliev@mail.ru

^бSaint Petersburg University of State Fire Service of Emercom of Russia;
149, Moskovskiy Av., Saint-Petersburg, 196105, Russia; ryboff@yandex.ru

Аннотация: В работе рассматривается проблема визуализации имперского пространства на примерах встреч населения с представителями правящего дома Российской империи. В центре внимания – встречи коренных жителей российской Центральной Азии с туркестанским генерал-губернатором и наследником престола. Источниками статьи стали воспоминания очевидцев исследуемых событий, а также современные им публикации в средствах массовой информации. Они вербально и невербально воздействовали на публику, которая должна была стать причастной к публичным явлениям власти подданным. Поэтому основными методами исследования являются анализ содержания источников с целью выявления компонентов церемониалов, синхронный и диахронный методы, компаративный анализ, контент-анализ, а также дискурс-анализ, применяемый с целью интерпретации текстов и раскрываемых ими действий. Предложенная методология исследования обуславливает довольно обширное цитирование источников, позволяющее наглядно продемонстрировать основные приемы визуализации присутствия власти на окраинах государства на примере явления высших лиц империи народу. В статье приводятся и анализируются встречи туркестанского генерал-губернатора с населением в разные периоды времени, а также мероприятия, посвященные встрече наследника престола во время его путешествия по Дальнему Востоку и Сибири в 1891 г. Применение заявленных методов к описаниям этих мероприятий позволяет прийти к следующим выводам. Выстраивая связь между пропагандистскими мероприятиями первых лет советской власти и публичными церемониалами Российской империи, авторы выделяют принципиальные составляющие последних и доказывают, что подобные репрезентации власти были направлены на демонстрацию единения общества с монархией, ее силы и величия. Все эти мероприятия вполне укладывались в государственную идеологию «самодержавие – православие – народность» и служили ее укоренению в массах за незначительным изменением применительно к Туркестану. Там власти придерживались тактики игнорирования ислама и некоторого сдерживания православного прозелитизма, а потому центральный элемент триады минимизировался.

Ключевые слова: визуализация, церемониал, Центральная Азия, Туркестан, Степной край, Петроград, наследник престола, император, генерал-губернатор, репрезентация власти

© Васильев Д.В., Рябов А.В., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00078.

Для цитирования: *Васильев Д.В., Рябов А.В.* Визуализация имперского пространства: опыт Центрально-Азиатского региона России // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 3. С. 591–611. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-591-611>

Abstract: The present study investigates the visualization of the imperial space with examples of meetings of the population with representatives of the ruling house of the Russian Empire. The focus is on meetings of the indigenous people of Russian Central Asia with the Turkestan Governor General and the heir to the throne. The article is based on memories of eyewitnesses as well as on publications from that time. Public appearances verbally and nonverbally influenced the population. The present study is based on an array of methods, including the analysis of the sources to identify the components of the ceremonies, synchronous and diachronous methods, comparative analysis, content analysis, as well as discourse analysis. This research methodology and the rich source base from which we quote here elucidate the basic techniques for visualizing the presence of power on the outskirts of the state. The article analyzes the meetings of the Turkestan Governor General with the population at different time periods as well as the measures organized for the heir to the throne during his travels in the Far East and Siberia in 1891. For establishing a connection with propaganda activities of the first years of the Soviet regime, the authors highlight the fundamental components of these ceremonies in the Russian Empire. Such representations of power were aimed at demonstrating the unity of society and monarchy, in a display of strength and greatness. All these events conform to the state ideology “autocracy – orthodoxy – nationality,” with just a minor adaptation in relation to Turkestan. There, the authorities adhered to the tactics of ignoring Islam and limiting Orthodox proselytism, with the result that the role of the central element of the triad was minimized.

Keywords: visualization, ceremonial, Central Asia, Turkestan, Steppe Region, Petrograd, heir to the throne, emperor, governor general, representation of power

Acknowledgements and Funding: This research was supported by the RFBR in the framework of the scientific project No. 18-09-00078.

For citation: Vasilyev, Dmitry V., and Ryabov, Aleksandr V. “The Visualization of Imperial Space: The Experience of the Central Asian Region of Russia.” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 3 (August 2020): 591–611. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-591-611>

Введение

Визуализация имперского пространства, визуализация присутствия власти занимает важное место во внутренней политике государства. Особенно если речь идет о национальных окраинах – регионах, где местное население должно было постоянно ощущать присутствие высокой и могущественной власти, незримо наблюдающей за благополучием подданных, отвечающих ей благолепной благодарностью и бесконечной преданностью.

Довольно широко известна и описана наукой деятельность туркестанских генерал-губернаторов К.П. Кауфмана, М.Г. Черняева, Н.О. Розенбаха, А.Н. Куропаткина¹. Главные начальники Русского Туркестана предстают перед нами то в зените своей славы как хранители и созидатели новой цивилизационной реальности, то как случайные или неспособные люди, волею судеб оказавшиеся во главе обширного края, фактически занимавшего в Российской империи положение наместничества и к этому де-факто стремившегося. Есть публикации, с той или иной позиции освещающие деятельность российских администраторов в регионе². В них проанализи-

¹ *Васильев Д.В.* Русский Туркестан: судьба и власть (туркестанские генерал-губернаторы в 1865–1886 годы) // *Азиатская Россия: люди и структуры империи: сборник научных статей к 50-летию со дня рождения профессора А.В. Ремнева*. Омск, 2005. С. 351–392; *Котюкова Т.В.* Алексей Николаевич Куропаткин – последний туркестанский генерал-губернатор // *Мир политики и социологии*. 2018. № 2. С. 27–50.

² *Бахтурина А.Ю.* А.Н. Куропаткин и среднеазиатское восстание 1916 г. // *Юридическая наука: история и современность*. 2019. № 3. С. 65–74; *Брежнева С.Н.* Генерал М.Г. Черняев: личность на фоне

рованы конкретные мероприятия высших представителей имперской власти на азиатской окраине. Ряд исследований посвящен образам, возникавшим у местного населения в результате цивилизационных преобразований, и у жителей Центральной России по мере освоения Туркестанского края³. В историографии получили оценку проблемы освещения в местной и общероссийской прессе событий, связанных с имперским присутствием в Центральной Азии⁴. Однако до сих пор обойдены вниманием вопросы, связанные с презентацией как верховной власти в Центральной Азии, так и ее представителя в регионе – главного начальника края.

При этом подобные вопросы в последнее время поднимаются в научной литературе⁵. Символику придворных церемониалов российской августейшей фамилии впервые системно исследовал Р. Уортман⁶, но он и другие исследователи⁷ обошли вниманием Центрально-Азиатский регион Российской империи и вопросы репрезентации верховной власти перед массой коренного населения.

Источниками для осмысления публичной репрезентации власти в Центрально-Азиатском регионе Российской империи служат воспоминания очевидцев исследуемых событий, а также, что более значимо, современные им публикации в средствах массовой информации. Они интересны тем, что не только вербальным, но и невербальным (через иллюстрации) способами воздействовали на читающую публику, которая должна была стать причастной к публичным явлениям власти подданным. Причем распространяемая информация распадается на два в той или иной степени взаимодействующих слоя – информацию, связанную с явлением власти народу (русским) и инородцам (жителям окраин государства). И для власти (издателя) бы-

военной кампании по завоеванию Туркестана Россией // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: История России. 2014. № 1. С. 106–117; *Почкаев Р.Ю.* Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. М., 2017.

³ *Васильев Д.В., Любичанковский С.В.* Русская власть в Туркестанском крае: визуализация имперского пространства как фактор аккультурации // *Вестник Томского государственного университета*. История. 2018. № 54. С. 17–26; *Васильева И.В., Васильев Д.В.* Образы жителей Туркестана и его завоевателей в литературных произведениях Н.Н. Каразина // Интернет-журнал «Науковедение». 2014. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/56PVN614.pdf> (доступ свободный); *Лисицына Н.Н.* Расширение Российской империи в Центральной Азии и восприятие русских и России населением Туркестана (вторая половина XIX в.) // *Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова*. История и политология. 2014. № 2. С. 26–30.

⁴ *Алимджанов Б.А.* Дискуссии вокруг промышленной политики Российской империи в Туркестанском генерал-губернаторстве // *Исторический журнал: научные исследования*. 2017. № 1. С. 18–22; *Коновалов В.В., Макеев Д.А.* Средства массовой информации об освоении Россией среднеазиатских владений (середина 1870-х годов) // *Вестник ВлГУ*. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 7–13; *Крылова Е.Е.* Первые выставки среднеазиатских работ В.В. Верещагина в периодической печати и проблема интерпретации произведений туркестанского цикла // *Знание. Понимание. Умение*. 2015. № 4. С. 335–342; *Шадманова С.Б.* Образ мусульманских учебных заведений на страницах периодической печати Туркестана (конец XIX – начало XX вв.) // *Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию медресе «Галия»*. Уфа, 2016. С. 146–154.

⁵ *Захарова О.Ю.* Власть церемониалов и церемониалы власти в Российской империи XVIII – начала XX века: Коронации, дипломатические приемы, высочайшие выходы, военные парады, рыцарские карусели, церемониальные застолья, балы. М., 2003; *Захарова О.Ю.* Государственный церемониал как программа власти. М., 2014; *Зимин И.В.* Царская работа. XIX – начало XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М., 2011. С. 102–146; *Волкова М.А.* Символы власти в русской художественной культуре XVIII века // *Вестник МГУКИ*. 2009. № 3. С. 74–77; *Васильев Д.В., Любичанковский С.В.* Русская власть в Туркестанском крае: визуализация имперского пространства как фактор аккультурации // *Вестник Томского государственного университета*. История. 2018. № 54. С. 17–26.

⁶ *Уортман Р.С.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. М., 2004.

⁷ *Схиммельпэннинк ван дер Ойе Давид.* Русский ориентализм. Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции. М., 2019.

ло важным донести до той самой читающей публики именно оба пласта информации. Причем чем глубже в инородческие районы (в Степь или в Туркестан) вдавалась власть, тем большую роль в церемониалах начинало играть коренное население, неуклонно демонстрируя лояльность монархии.

Весьма важным источником, передающим атмосферу и фиксирующим элементы церемониала, являются воспоминания генерал-майора Дмитрия Григорьевича Колокольцова (Колокольцева)⁸, служившего со второй половины 1860-х гг. штаб-офицером и командиром западного Сибирского линейного батальона, переименованного позднее в 10-й Туркестанский. Он являлся непосредственным участником описанных событий. Его мемуары, по вполне понятным причинам, не являются хроникальным описанием виденных событий. Однако можно смело доверять самым ярким эпизодам, которые двадцать лет хранила память боевого туркестанца. Во всяком случае его записи вполне отчетливо передают впечатление от сиятельных церемоний публичного явления высшей региональной власти в лице туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана. После Хивинского похода 1873 г. Д.Г. Колокольцов, получивший за эту экспедицию золотое оружие, вернулся в столицу, где служил еще десять лет в штабе Санкт-Петербургского военного округа. В 1884 г. вышел в отставку и написал воспоминания. То обстоятельство, что в 1873 г. он опубликовал свой дневник Хивинской экспедиции⁹, косвенно может свидетельствовать и о том, что воспоминания 1887 г. также базировались на современных записках автора.

В качестве источников из периодической печати привлекаются местные («Туркестанские ведомости») и центральные («Всемирная иллюстрация») средства массовой информации. «Туркестанские ведомости» были официальным массовым изданием при канцелярии туркестанского генерал-губернатора. С 1870 г. выходила еженедельно, а с 1893 г. – два раза в неделю. С 1870 г. по 1882 г. при «Туркестанских ведомостях» выходили приложения на казахском и сартском языках. В 1883 г. эти приложения были реорганизованы в «Туркестанскую газету» на сартском наречии, которая с 1887 г. выходила под заглавием «Туркестанская туземная газета». Издание газеты прекратилось в декабре 1917 г. Для нас это издание интересно тем, что, будучи рупором местной администрации, в ней особое внимание уделялось репутации генерал-губернаторской власти. И поэтому ее следует рассматривать как составную часть или, по крайней мере, как транслятор особо значимых мероприятий власти, в том числе церемониалов.

Одним из самых массовых научно-популярных и развлекательных изданий той поры был буржуазно-либеральный еженедельник «Всемирная иллюстрация», который издавался в Петербурге с 1869 по 1898 гг. тиражом до 10000 экз. Первое время текст в нем играл вспомогательную роль, разъясняя иллюстрации. Со временем слово заняло равноправную позицию, что нашло отражение в увеличении объема вербальной информации, в том числе о событиях, касавшихся императорского дома. Очевидно, что подобная информация интересовала читающую публику и обеспечивала приток подписчиков. Кроме того, не будем сбрасывать со счетов, что лояльность информации обеспечивала благосклонность властей. Добавим сюда, что незнакомые жителям больших городов темы окраин империи будоражили умы современников. Поэтому неслучайно столь весомое место, которое заняло на страницах «Всемирной иллюстрации» путешествие наследника-цесаревича Николая Александровича на Восток и по Сибири. И хотя от полуофициального издания не следу-

⁸ Колокольцев Д.Г. Воспоминания генерал-лейтенанта Колокольцова 1887 года (О Константине Петровиче Кауфмане). М., 1887.

⁹ Колокольцов Д.Г. Экспедиция в Хиву в 1873 году: От Джизака до Хивы: Походный дневник полк. Колокольцова. СПб., 1873.

ет ожидать абсолютно объективного отражения картины события, представленные в нем сведения не только описывают важные, по мнению редакции, элементы церемониалов, сопровождавших это путешествие, но и формируют ощущения, которые должны были возникнуть у массового читателя.

Поэтому основными методами исследования станут анализ содержания источников с целью выявления компонентов церемониалов; синхронный метод, позволяющий выявить закономерности церемониалов, последовательно имевших место в короткий период времени; диахронный, дающий возможность сопоставить состав и характер мероприятий, сопровождавших встречи с представителями верховной власти в разное время; компаративный анализ, который способен выявить общее и особенное в мероприятиях одного порядка, реализовавшихся в разных регионах (субрегионах) Российской империи; контент-анализ, позволяющий предпринять качественный анализ содержания документов с целью выявления отраженных в них социальных фактов и тенденций; а также дискурс-анализ, применяемый с целью интерпретации текстов и раскрываемых ими действий, осуществляемых в конкретных общественно-политических обстоятельствах, обусловленных некими исходными фактами и преследующих конкретные цели.

Предложенная методология исследования обуславливает довольно обширное цитирование источников, позволяющее наглядно продемонстрировать основные приемы визуализации присутствия власти на окраинах государства на примере явления высших лиц империи народу.

Туркестанский генерал-губернатор как символ российской монархии

Важнейшее место в визуальной пропаганде идеологемы многонационального государства как родного дома для сотни народов отводилось присутствию и публичным встречам с представителями правящего дома. Конечно, присутствие империи обозначалось и другими маркерами – памятниками монархам и силой русского оружия, публичными зданиями и городской топонимикой. Но событиями всей жизни для подданных должны были стать чрезвычайно торжественно оформленные встречи с верховной государственной властью.

Причем применительно к Центральной Азии речь может идти не только о явлении августейших особ, но и о встречах туркестанских генерал-губернаторов (особенно первых), которые позиционировались как полноправные и полновластные представители государя императора.

Рассмотрение ритуалов встреч руководителей Туркестана с новыми подданными империи следует начать с момента учреждения в крае генерал-губернаторства. И первое место в этом ряду займут встречи местных жителей с первым главным начальником Русского Туркестана – Константином Петровичем Кауфманом. Планируя свой приезд в край, он решил въехать в него со стороны Западной Сибири через Семипалатинск, Копал и крепость Верную. Это было поистине небывалое действо. Не только войска, жители крепости Верной и принявшие российское подданство степняки, «...но и те, которые его еще не признавали, стекались со всех дальних степей к тем местам, где Кауфман должен был ехать, чтобы посмотреть, как они впоследствии сами говорили, большого пашу, присылаемого в край от Белого Царя. И сам Кауфман – не то, что все начальники, до него прибывавшие в край: он не отвергал делаемых ему высоких встреч и помп. Генерал-адъютант Кауфман, напротив, пред азиатским народом старался сохранять свое достоинство, как посланный от Великого Государя. Везде принимал он подносимый ему жителями хлеб-соль, всегда окруженный большой свитой начальствующих лиц и сопровождаемый молодецким конвоем отборной казачьей сотни...»¹⁰.

¹⁰ Колокольцев Д.Г. Воспоминания генерал-лейтенанта Колокольцова... С. 20–21.

Современники триумфального въезда К.П. Кауфмана в Туркестан в 1867 г. подчеркивали, что «...с распространением по всей стране известия о появлении в край полномочного от Белого Царя, все степные жители всполошились, может быть и чрез влияние нашего начальства на старшин и беков этих народов; любопытство азиатцев было возбуждено желанием посмотреть большего пашу: только по пути Кауфмана все препятствия сгладились и везде его встречали с приветствиями.

Кауфман, по обыкновению, был на прекрасном коне верхом; за ним огромная свита начальствующих лиц военных со всех мест и, кроме того, им привезенных из Петербурга для разных служебных занятий; тоже много военных и гражданских чиновников, предназначенных им на разные должности, – затем туземные главные начальники и влиятельные личности; все в парадной одежде, в дарованных им от Русского Царя халатах бархатных разных ярких цветов, обшитых золотыми галунами. И все на своих великолепных конях, аргамаках, покрытых огромными чепраками, богато вышитых золотом. Все ехали на почтительном расстоянии от Кауфмана, и весь кортеж замыкал отборный, молодецкий казачий конвой со штандартом.

Нельзя не сознаться, что вся эта обстановка не производила самого сильного эффекта на степных жителей еще более и потому, что до назначения Кауфмана, ни одному из высших начальствующих лиц, приезжающих в край, ничего подобного не бывало оказываемо; а к этому, надо правду сказать, что ни один из высшего начальства никогда не мог так высоко себя обставить и произвести такого поразительного нравственного влияния на всю страну, как генерал-адъютант Константин Петрович фон-Кауфман. <...>

При этой великолепной погоде, которою этот край одарен – солнце всегда в полном блеске, вид войска представлялся величественным. Наши пушки конной батареи, освещенные солнцем, блестели, как чистое золото. Массы степного азиатского народа в несколько десятков тысяч людей, как стаи птиц, покрывали всю степь на дальнее пространство. По всем вероятностям в этот момент они ощущали всю гордость Российских воинов, встречающих своего главного начальника у стен охраняемой ими крепости»¹¹.

«...На версту, может быть, расстояния от построенных войск было устроено что-то такое вроде ставки, где жители должны были подносить хлеб-соль Кауфману. А вся прилежащая местность была, так сказать, запружена массою туземного народа.

Генерал-Адъютант Кауфман, приняв от жителей крепости хлеб-соль, приближался к строю войск шагом, верхом на коне. Он был одет в полную походную генерал-адъютантскую форму; за ним огромная кавалькада, составляющая его свиту... Такой торжественный въезд начальника чуждого края, на окраинах России, при сборище несметной массы туземных, степных жителей, представлял величественное зрелище...»¹².

Уже на следующий год генерал Кауфман проявил себя как успешный полководец, прославив свое имя завоеванием Самарканда и значительной прилегающей территории.

А в мае и июне 1870 г. главный начальник Туркестанского края посетил Семиреченскую область. «Г. Верный, главный город Семиреченской области, встретил генерал-губернатора также радушно, как встречали и все другие города Туркестанского края. Версты две за городом, поставлена была роскошно убранная беседка, сохранившаяся еще со времени прохода, устроенного генерал-губернатору в 1867 году в первый проезд его через Верный. В беседке встретили генерал-губернатора пред-

¹¹ Колокольцев Д.Г. Воспоминания генерал-лейтенанта Колокольцова... С. 21–23.

¹² Там же. С. 24–25.

ставители здешнего городского населения, как русского, так и туземного: здесь были киргизы [казахи. – Д.В.], татары, сарты, калмыки и китайцы, проживающие в Верном по торговым делам. От беседки как генерал-губернатор, так и все сопровождавшие его лица и многие жители города отправились верхом к изящно убранной триумфальной арке с надписью: «Покорителю Самарканда». Здесь была устроена войсковая встреча»¹³.

Следует обратить внимание не только на то место, которое в публичных церемониях отводилось коренному населению, но и на то, каким образом себя позиционировали представители верховной власти. Создается впечатление, что они замещают собой саму верховную власть, позиционируя именно себя посредниками между народом и Господом. В этом отношении имперская администрация умело использовала веру людей в силу и мощь власть имущих. «Генерал-губернатор роздал несколько наград и подарков служащим лицам из туземцев. Огромная толпа народа (киргиз) собралась при этом зрелище, особенно возбуждавшем их интерес и живое любопытство. Жадно следили они за всеми движениями, вслушивались в каждое слово начальника края. Генерал-губернатор, выйдя к народу, сказал: «Желал бы я всех наградить, но исполнить этого не могу; всех наградить может только один Бог, я же награждаю только тех, о которых ходатайствует уездный начальник как о людях наиболее достойных»¹⁴. О величественном характере встреч представителей власти с местным населением, их особом позиционировании себя писали и современники: «27 июля начальник края прибыл в Ташкент, встреченный при въезде в город всеми служащими и войсками. Блистательная обстановка встречи невольно производила впечатление на каждого, а тем более на туземцев, во мнении которых власть немислима без пышности и величия. Памятью нынешней встречи генерал-губернатора останется на долгое время, выстроенная при въезде в город у моста через быстрый Боссу, деревянная русская изба со всеми затейливыми украшениями русских крестьянских построек. Эта изба, словно чудом выросшая в три дня посреди глиняных азиатских стен и мазанок, отныне будет приветливо встречать каждого, въезжающего в Ташкент, напоминая ему о дорогой далеко оставленной родине»¹⁵.

Власть использовала публичные церемонии для того, чтобы подчеркнуть свое особое отношение к тем представителям коренного населения, которые активно перешли на сторону новой администрации, доказав преданность империи и связав с нею свое будущее. «Принимая туземцев, генерал-губернатор обратился с особой лаской и вниманием к бывшему аксакалу города Саид-Ахмету, честному и уважаемому всеми старику, вполне преданному русским интересам. Сын Сеид-Ахмета Сеид-Ахрым был убит в сражении при Кара-Тюбе 27 мая в бухарскую кампанию 1868 года. Могила Сеид-Ахрыма находится в настоящее время при мечети в самаркандской цитадели, и генерал-губернатор, говоря с отцом убитого юноши, вспомнил о его храбрости и преданности русским. «Бог призвал его к себе, – говорил генерал-губернатор, – нам остается только сожалеть о его безвременной кончине и благодарить отца, который умел взрастить такого достойного сына». По представлению генерал-губернатора Сеид-Ахмед получил недавно звание почетного гражданина»¹⁶.

Туркестанское начальство отдавало себе отчет в том, какую цель преследуют церемониалы явления главного начальника края народу во время периодических объездов вверенных ему областей. И не скрывало, что каждое подобное мероприя-

¹³ Известия и заметки // Туркестанские ведомости. 1970. № 5. С. 29.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 31.

¹⁶ Там же. С. 29.

тие демонстрирует «...то огромное значение, какое имеет в Средней Азии лицо, стоящее во главе администрации Туркестанского края». Выход генерал-губернатора к народу во всем сиянии его власти, реальном и мнимом, способствовал, по мнению местных властей, укреплению в среде коренного населения убежденности в незыблемости российской власти: «Уже давно не новость, что русские победы привели к полной покорности все соседние ханства с их властителями, кичливо называющими себя потомками Чингиза и Тамерлана: но никогда эта зависимость не проявлялась так рельефно, как в нынешнее посещение г<осподином> генерал-губернатором Самарканда»¹⁷.

Речь идет о посещении К. Кауфманом Самарканда в 1870 г. вскоре после его двойного завоевания и присоединения к империи. Говоря о поездках главного начальника и сравнивая их с визитами грозных завоевателей прошлого, автор «Туркестанских Ведомостей» подчеркивал важнейшее, на его взгляд, отличие: «...теперь меньше страха, меньше опасений за целостность своей головы и наоборот: более надежд на ласковый прием начальника, на заветную награду – почетный халат. Вследствие этого – менее низкой раболепной угодливости; народ, еще не забытый и не задавленный вконец, начинает понемногу поднимать голову, видя, или, может быть, только смутно чувствуя, наступление иных, более отрадных времен, когда легче и свободнее живется, и каждый личный труд производительнее, и на всем, даже на всех мелочах, отражается свет занявшейся зари новой жизни»¹⁸.

Репортер выбрал стиль краткого изложения основных событий этой поездки, но тем не менее не смог не упомянуть о том, что «за несколько верст перед Джизакском встретили г<осподина> генерал-губернатора представители туземного джизакского населения и местной туземной администрации. Встретили, по обыкновению, хлебом-солью, расставив на столе в просторной палатке всевозможные припасы своей незатейливой стряпни и все сорта лакомств, какие только были в городе»¹⁹. Гораздо более красочно описал журналист приближение Кауфмана к Самарканду. Оно и понятно – Самарканд приобрел для всего региона символическое значение возмездия русских за измену. И именно въезд в этот город должен был выглядеть как преклонение пред мощью и неприступностью великой державы.

«На берегу Заравшана, в виду гор Чупан-ата, где происходила битва 1-го мая, решившая участь Самарканда, встретили в нынешний приезд самаркандские жители своего главного начальника. Весь отлогий берег Зеравшана, который здесь разбивается на несколько рукавов, был покрыт пестрыми толпами народа. Кроме почетных лиц туземной администрации, облаченных в жалованные халаты с широкими галунами, здесь находилась также масса, в буквальном смысле слова, туземного простонародья. В красивой палатке, где был накрыт завтрак, встретили г<осподина> генерал-губернатора, между прочим, бухарский посланник Яхья-ходжа, отправленный эмиром приветствовать г<осподина> генерал-губернатора при его въезде в Самарканд и беки окрестных бухарских бекств: зиауддинский, хатырчинский, шаарский и китапский. Брат бека Кермине приехал в Самарканд несколькими днями позже, а сам бек не мог быть по случаю болезни. За завтраком первый тост провозглашен был за здоровье государя императора; а после тостов за здоровье главного начальника края, его семейства и за здоровье г<осподина> военного губернатора генерала Головачева, г<осподин> генерал-губернатор поднял бокал «за здоровье нашего доброго соседа эмира бухарского»²⁰.

¹⁷ Посещение г. генерал-губернатором Заравшанского округа // Туркестанские ведомости. 1870. № 17. С. 68.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 69.

Присутствие бухарской знати было использовано с максимальной эффективностью, чтобы закрепить военные успехи недавнего прошлого мощной демонстрацией силы русского оружия. «На маневрах, происходивших в Самарканде 24-го апреля в присутствии г<осподина> генерал-губернатора, приезжие бухарские гости могли видеть внушительную силу, превосходное обучение и стройный порядок войск самаркандского гарнизона. При них казаки неслись лавою в атаку, густыми массами в порядке передвигались батальоны, артиллерия выносилась на позицию и в ту же минуту открывала огонь. Беков изумляло до крайности все, что они видели на смотре, даже мелочи; например, они не могли понять, как могут батальоны ходить в ногу густой массой и не падать, или как могут солдаты на вольном шаге махать рукой ровно, однообразно и не производить тем никакого беспорядка в рядах товарищей»²¹.

На следующий день церемониал встречи туркестанского генерал-губернатора продолжился в Мараканде – той части древнего Самарканда, где когда-то стоял дворец Александра Македонского. Здесь был накрыт торжественный обед и устроено традиционное празднество. Надо признать, что сочетание европейской (войсковой парад) и местной (байга и др.) праздничных традиций пользовалось популярностью у всех слоев общества и имело высокий эффект: «Народный праздник на Калан Афросиаб начался байгой; толпы наездников бросились “рвать козла”²² – смелая и опасная игра, для которой нужны отличные ездоки и легкие привычные лошади. С вершины холма, на котором была разбита палатка для генерал-губернатора и его семейства, вся толпа состязавшихся была видна как на ладони. Действительно, можно было любоваться смелыми наездниками, которые, выхватив у кого-нибудь добычу, неслись с нею во весь опор, перескакивая на своих превосходных конях через все препятствия. В числе состязавшихся можно было отличить бека китабского Тохтамыш-инака по богато вышитому золотом чепраку²³ на его статном туркменском аргамаке²⁴. Удадь Тохтамыш-инака действительно обратила на себя общее внимание. На память об этом празднике г<осподин> генерал-губернатор подарил ему дорогой халат. Народное угощение закончило этот праздник ...3-го мая г<осподин> генерал-губернатор с семейством своим возвратился благополучно в Ташкент, и в деревне Ногай-курган был встречен как русским, так и туземным населением Ташкента»²⁵.

Спустя чуть более года, в июле – августе 1871 г., К.П. Кауфман вновь посетил Семиреченскую область. На сей раз на пути в недавно занятую Кульджу²⁶. И в этот приезд встреча высокого гостя была обставлена гораздо скромнее: «Г<осподин> генерал-губернатор прибыл в Верный 3-го августа, и был, как и в прошлом году, весьма радушно встречен в трех верстах от города городским населением как русским, так и туземцами, войсками и служащими лицами. В беседке при въезде в го-

²¹ Посещение г. генерал-губернатором Заравшанского округа // Туркестанские ведомости. 1870. № 17. С. 69.

²² Козлодрание – кокпар (каз.), древняя игра коренных народов Центральной Азии, в которой всадники борются за тушу козла.

²³ Чепрак – суконная, ковровая или меховая подстилка под конское седло.

²⁴ Аргамак – породистая азиатская лошадь для верховой езды.

²⁵ Посещение г. генерал-губернатором Заравшанского округа // Туркестанские ведомости. 1870. № 17. С. 69.

²⁶ *Васильев Д.В.* Китайский вопрос в Русском Туркестане: к истории российской администрации в Илийском крае // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 449. С. 93–101; *Почекаев Р.Ю.* Особенности административного развития Илийского края в 1871–1881 гг.: между традициями и фронтальной модернизацией // Общество и государство в Китае. 2016. Т. 46. № 2. С. 531–542; *Почекаев Р.Ю.* Особенности правового положения Илийского края в 1760–1860-е гг. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2018. Т. 20. № 4. С. 152–166.

род священник верненской церкви встретил начальника края краткой приветственной речью и затем отслужен был благодарственный молебен»²⁷.

Н.А. Маев сообщил: «При самом въезде в Кульджу встретили г<осподина> генерал-губернатора все войска, расположенные в городе. Генерал-губернатор проехал по фронту и благодарил за славный поход и строгую дисциплину, неуклонно соблюдавшуюся во все время военных действий. Улицы города, по которым ехал г<осподин> генерал-губернатор, были залиты народом. В разных местах, в верхних ярусах башен, напр<имер> при воротах бывшего султанского дворца, играла туземная музыка: гремел бубен, завывали длинные трубы; гармонии нечего было и искать в этих диких звуках! <...> Г<осподин> генерал-губернатор проехал по таранчинскому, дунганскому и китайскому базарам – трем отделениям одного общего городского базара. В одном месте базара внимание начальника края остановили звон и стук, раздававшиеся из лавки. Казалось, что тут находится в ходу огромная кузница, в действительности же здесь была буддийская молельня и ламы приветствовали звоном проезжавшего генерал-губернатора. Пойдя в молельню, г<осподин> генерал-губернатор внимательно осматривал ее невзрачную обстановку и все принадлежности буддийского богослужения. По его просьбе ламы прочли несколько молитв и сожгли в виде жертвоприношения несколько желтых бумажек. Это, по их объяснению, была молитва за государя императора»²⁸.

После войскового праздника и торжественного обеда 11 августа К.П. Кауфман по традиции раздал награды заслуженным представителям местного населения. Сообщалось при этом следующее: «...таранчи и киргизы получили богатые парчовые халаты, какие, вероятно, и не снились им никогда. Особенно киргизы [казахи. – Д.В.] пришли в восторг от этих наград. Дунганам, китайцам и кочевым монголам генерал-губернатор раздал взамен халатов ценные серебряные вещи. <...> Вслед за раздачей наград начался оживленный народный праздник. В беседке, разбитой против сада, где помещался г<осподин> генерал-губернатор, уселись перед низенькими китайскими столиками длинные ряды почетных лиц из туземцев»²⁹.

Официальные пропагандисты туркестанской власти особо подчеркивали единение всех народов вокруг российского начальства. Н.А. Маев по этому поводу сообщил: «По одной стороне сидели таранчи и между ними сын султана, а на другой – китайцы, дунгане, калмыки, сибо и другие монголы в своих оригинальных китайских нарядах. В ряду их сидел и старик дзянь-дзюнь... Толпы народа окружали беседку: тут смешивались в пестрой толпе все народности, населяющие Илийскую долину. В толпе резко выделялись также и белые рубахи наших солдат. Около беседки поместились туземные музыканты: китайцы и таранчи, и неподалеку, в стороне расположились кружки песенников – солдат». Праздник продолжился выступлением китайских и таранчинских музыкантов и певцов³⁰.

Конечно, нельзя было обойтись без благодарности покоренных народов. 19 августа К.П. Кауфман отправился обратно в Ташкент. А «накануне к начальнику края являлась депутация от дунган и китайцев, чтобы благодарить за взятие Кульджи, избавившее тысячи народа от верной гибели под ножом таранчей, а также за работы, частью уже начатые для пользы края»³¹.

Не менее пышно была обставлена встреча нового туркестанского генерал-губернатора М.Г. Черняева, который, спустя пятнадцать лет возвращался в край,

²⁷ Из Верного // Туркестанские ведомости. 1871. № 30. С. 120.

²⁸ Маев Н.А. Посещение г. генерал-губернатором Приилийского края // Туркестанские ведомости. 1871. № 38. С. 151.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

начало которому именно он и положил. Михаил Григорьевич триумфально въехал в Ташкент 5 октября 1882 г. «В этот день весь Ташкент был на ногах. Улицы раскрасились флагами. На пути следования Михаила Григорьевича при въезде в самый город, у поворота к обсерватории, поставлена была арка, украшенная зеленью, с лаконично, но много говорящей надписью: «8-го апреля 1866 г. – 5-е октября 1882 г.» Местные войска выстроились до генерал-губернаторского дома. На площади, против зданий учебных заведений, разместились воспитанники мужской гимназии, учительской семинарии и женской гимназии со своим начальством и преподавателями. Служащие собрались в большой зале генерал-губернаторского дома, у подъезда которого был поставлен почетный караул и ординарцы от всех частей войск. <...>

Многочисленная толпа жителей Ташкента стеклась встречать нового генерал-губернатора на окраину городских земель, где ожидали генерала Черняева начальник города полковник Пукалов и помощник его. Сарты встретили здесь любимого начальника своим обычным достарханом, а также, по русскому обычаю, поднесли ему хлеб-соль на серебряном блюде очень изящной туземной отделки. Тут сервирован был чай. Во время последнего киргизы и кураминцы начали свою байгу – игру, основанную на удалстве и исполняемую кочевниками при встрече почетных гостей. <...> Весь остальной путь главного начальника края был положительно торжественным шествием»³².

Итак, приведенные примеры акцентируют основные элементы церемоний явления туркестанского генерал-губернатора народу: пышность и яркость мероприятия, наличие внушительной свиты чиновников, демонстрация войск с участием оркестра, возведение триумфальных архитектурных сооружений малых форм, встреча с представителями коренного населения, подношение последним подарков и награждение наиболее отличившихся из местных жителей, а также организация народных увеселений в традиционном и российском духе. В зависимости от обстоятельств набор этих элементов мог несущественно варьироваться.

Путешествие наследника цесаревича по Сибири в 1891 г.

Для сравнения вышеприведенных сцен с более значимыми мероприятиями общегосударственного характера следует привести описание путешествия наследника цесаревича Николая Александровича по Сибири в 1891 г.

Первым крупным населенным пунктом на пути возвращавшегося из Японии наследника российского престола стал город Хабаровка (с 1893 г. – Хабаровск), куда он прибыл вечером 29 мая. Вот что сообщал источник: «Город был иллюминирован, народ неумолкаемо кричал “ура”, на воздух взвивались ракеты, гремели пушечные салюты. На пристани его императорское высочество был встречен начальствующими лицами и городской депутацией с головою, поднесшей хлеб-соль... 30-го мая е^{го} и императорскому высочеству наследнику цесаревичу представились начальники отдельных частей военного и гражданского управлений округа и канцелярии генерал-губернатора, а также корейская и китайская депутации; последняя поднесла его императорскому высочеству блюдо с надписью “От благодарных за гостеприимство”. <...> Здесь [в селе Вятском. – Д.В.] его императорскому высочеству представились депутации от городов Николаевска и Софийска, и от инородческого населения края, поднесшие хлеб-соль. Наследник цесаревич посетил церковь села Вятского; потом происходила очень оригинальная гонка гольдских³³ лодок, участниками которых были исключительно инородцы, на призы, пожертво-

³² Приезд нового генерал-губернатора генерал-лейтенанта М.Г. Черняева в Ташкент // Всемирная иллюстрация. 1882. № 727. С. 422.

³³ Гольды – нанайцы.

ванные его имп<ераторским> высочеством. По окончании гонки его имп<ераторское> высочество возвратился к 8 час<ам> вечера в Хабаровку, где в 10 час<ов> состоялся раут в доме генерал-губернатора; во время раута на берегу, против генерал-губернаторского дома, был зажжен щит с вензелем его имп<ераторского> высочества, из-за которого вылетело потом несколько сот ракет»³⁴. Столь скромная и краткая встреча цесаревича с представителями местного населения может свидетельствовать не только о малочисленности последнего и доминировании, во всех отношениях, малочисленных выходцев из внутренней России, но и о неразвитости местного народного управления.

Днем 4 июня наследник прибыл в Благовещенск, где нашел первую, возведенную в его честь, триумфальную арку. «Встреча его имп<ераторского> высочества в Благовещенске была самая восторженная. Пароход “Муравьев-Амурский” остановился у пристани при громе пушек и несмолкаемом “ура” народа, густыми массами стоявшего на берегу и улицах города, несмотря на непогоду. При выходе его и <мператорского> высочества на берег представители народа поднесли на серебряном блюде хлеб-соль, приветствуя с благополучным прибытием. От пристани до арки путь был устлан красным сукном, а по обеим сторонам стояли шпалерами дамы, воспитанники и воспитанницы местных учебных заведений; живые цветы усыпали путь его высочества. Далее от арки разместились справа гражданские чины и представители торговых фирм, а слева – военные чины»³⁵.

В этот и следующий день наследник много времени посвятил смотрам войск. «Далее был осмотрен павильон, устроенный Верхне-Амурской и Зейской золото-промышленными компаниями специально для его высочества..; около павильона расположились вожаки-орочены³⁶ с семействами, оленями и юртами»³⁷. Особое внимание, которое было уделено золотопромышленникам, свидетельствует не только о любопытстве цесаревича, но и об интересе верховной власти к этому виду хозяйственной деятельности в регионе.

Следующая триумфальная арка ждала будущего императора в Нерчинске, где специально была сооружена пристань, к которой и причалил пароход «Вестник» с Николаем Александровичем на борту. «Сюда были поданы экипажи, которые доставили его имп<ераторское> высочество с генерал-губернатором и свитой к триумфальной арке, устроенной у въезда в город. Наследник цесаревич был встречен здесь музыкой и пением “Славься”; исполнителями был оркестр и хор певчих. Депутация от городской думы с головою г<осподином> Шульгиным поднесла его имп<ераторскому> высочеству хлеб-соль на серебряном блюде, причем городской голова приветствовал августейшего гостя»³⁸.

Встречи же с коренным населением состоялись чуть позже – по пути из Нерчинска в Читу. Причем напоминало это, скорее, этнографический аттракцион, чем общение представителя монаршего рода с подданными. Обратимся к источнику: «На станции Князе-Береговой наследник цесаревич принял завтрак, предложенный тунгузами князя Гантимурова³⁹, в шатре. На станции Турино-Поворотной был назначен 16 июня ночлег, и буряты агинской управы устроили здесь его имп<ераторскому> высочеству великолепную встречу; переночевав в приготовлен-

³⁴ Путешествие е. и. в. наследника цесаревича через Сибирь. Ч. 1 // Всемирная иллюстрация. 1891. № 1183. С. 205–206.

³⁵ Там же. С. 206.

³⁶ Ороконы – китайский кочевой народ Приамурья.

³⁷ Путешествие е. и. в. наследника цесаревича через Сибирь... С. 206.

³⁸ Путешествие е. и. в. наследника цесаревича через Сибирь. Ч. 3 // Всемирная иллюстрация. 1891. № 1184. С. 218.

³⁹ Гантимуровы – княжеский род даурского происхождения.

ных бурятами юртах, наследник цесаревич и его свита присутствовали утром на скачках бурят и затем направились к г. Чите». Умолчание о подарках от монаршей особы участникам мероприятия может показаться симптоматичным. Возможно, наследник еще не обвыкся с правилами посещения «инородцев». А может быть, не счел необходимым демонстрировать свое внимание без достаточного количества зрителей. Наконец, редактор, ради экономии журнальной площади, мог просто сократить соответствующий пассаж.

Хотя встреча в Чите репортером была названа «самой восторженной», описана она на журнальной полосе была более чем скромно. Осмотры войск, молебны, из чего-то необычного – посещение дацана. А встреча с местным коренным населением состоялась уже на пути к Иркутску: «...22 июня наследник цесаревич прибыл в Мысовую на берегу озера Байкала; здесь высокого путешественника ожидала торжественная встреча, в которой принимали участие иркутский генерал-губернатор, явившийся сюда, чтобы сопровождать наследника цесаревича в дальнейшем путешествии, и депутации от кяхтинского купечества и от инородцев, поднесшие хлеб-соль и адрес»⁴⁰.

В Иркутске цесаревича ждал «особенно торжественный прием» (о триумфальной арке не упоминается) и масса мероприятий, среди которых были осмотры войск, учебных заведений, местного музея и золотосплавочной лаборатории. Не исключено, что за значительностью собственно городского русского населения сложно было найти время для коренных жителей окрестных мест. Программа посещения Красноярска отличалась еще меньшим разнообразием⁴¹.

Томское начальство тоже не стало возводить триумфальные арки, но отметились тремя павильонами: у въезда в город, у часовни и на берегу р. Томи, откуда наследник отправился в Тобольск. Вот что сообщалось со страниц «Всемирной иллюстрации»: «Восторженные несмолкаемые крики “ура” многотысячной толпы приветствовали появление наследника цесаревича, который, приняв хлеб-соль от городского общества, прошел в павильон [на третьей версте от города. – Д.В.]. Через несколько минут его императорское высочество проследовал в город. Народ с громкими криками “ура” бросился за экипажем его императорского высочества, и, по мере приближения поезда к часовне Иверской Божией Матери, толпа росла все более и более. Крики народа слились в одно море звуков, и могучие волны его встречали и сопровождали наследника цесаревича». На следующий день, 6 июля, Николай Александрович «осчастливил своим посещением Томский университет». «По окончании осмотра университета, продолжавшегося полтора часа, наследник цесаревич, по пути, усыпанному цветами, и при восторженных криках учащейся молодежи, отбыл на проходе для дальнейшего следования через Сибирь»⁴².

14 июля наследник прибыл в Омск, главный город Акмолинской области, где был встречен областным начальством, городскими властями и местной публикой. И хотя репортер, готовивший журнальную публикацию об этом событии, упустил это из внимания, на пути следования цесаревича от пристани в Ильинскую церковь была возведена украшенная флагами триумфальная арка, о чем свидетельствует помещенная во «Всемирной иллюстрации» гравюра⁴³.

⁴⁰ Путешествие е. и. в. наследника цесаревича через Сибирь. Ч. 3 // Всемирная иллюстрация. 1891. № 1184. С. 218.

⁴¹ Путешествие е. и. в. наследника цесаревича через Сибирь. Ч. 4, 5 // Всемирная иллюстрация. 1891. № 1184. С. 218–219.

⁴² Путешествие его императорского высочества наследника цесаревича через Сибирь. Ч. 6 // Всемирная иллюстрация. 1891. № 1185. С. 236–238.

⁴³ Путешествие е. и. в. наследника цесаревича через Сибирь. Ч. 7 // Всемирная иллюстрация. 1891. № 1186. С. 252.

На следующий день в три часа дня Николай Александрович переправился на пароходе через Иртыш для осмотра расположенной на другом берегу казахской кочевки и устроенной рядом с ней казахской выставки. 16 июля он принял участие в закладке соборного храма, а уже через два дня прибыл в город Петропавловск: «В Петропавловске его имп<ераторское> высочество был встречен акмолинским губернатором и принял хлеб-соль от города, мещанского общества, магометанского духовенства, казаков Петропавловской станицы, находящейся смежно с городом, и акмолинского общественного управления; затем, удостоив своим присутствием торжество освящения нового городского училища, его императорское высочество отбыл в дальнейший путь к границам Оренбургской губернии»⁴⁴.

И далее: «Выехав из Петропавловска 18 июля, его императорское высочество государь наследник цесаревич 20 июля вступил в пределы Оренбургской губернии. На границе губернии Оренбургское казачье войско воздвигло триумфальную арку и здесь наследник цесаревич был встречен командующим войсками Казанского военного округа генерал-адъютантом Мещериновым, начальствующими лицами и различными депутациями с хлебом-солью. Обойдя почетный караул, его имп<ераторское> высочество отбыл по Оренбургскому тракту, сопровождаемый конвоем и сотней малолеток. По всему пути следования наследника цесаревича население станиц с восторгом встречало высокого путешественника»⁴⁵.

24 июля цесаревич ступил на землю Тургайской области. Обед и ночлег великого князя были назначены в здании Государственного коннозаводства в пяти верстах от Орска: «Для встречи его имп<ераторского> высочества к зданию Государственного коннозаводства собрались депутации от киргизского населения четырех уездов области: Илецкого, Киргизского [Иргизского. – Д.В.], Тургайского и Николаевского. Депутации эти состояли из волостных управителей, аульных старшин, судебных биев и аксакалов во главе с начальниками уездов и их младшими помощниками из киргизов. Депутаты были одеты в свои парадные национальные костюмы. В версте от здания Государственного коннозаводства по дороге в гор. Орск была устроена триумфальная арка в восточном вкусе, состоявшая из трех ворот и увенчанная куполами и башнями. Над средним куполом возвышался золоченый двуглавый орел, а над средними воротами были изображены вензеля государя императора, государыни императрицы и наследника цесаревича, украшенные гирляндами из цветов и зелени. Ниже вензелей были следующие надписи: “Въезжай, великий, богом спасаемый гость! Осчастливь и освети нас сиянием своего света, как могучее солнце”, и с другой стороны арки: “Да не забудет киргизский народ настоящего радостного события во веки веков”. Между средними и малыми воротами были изображены: справа – государственный герб, а слева – герб Тургайской области. Арка была украшена русскими флагами. По обеим сторонам дороги от триумфальной арки до здания Государственного коннозаводства были расположены киргизские кибитки, обтянутые белыми кошмами и украшенные флагами. Между кибитками, на протяжении всей дороги, были развешаны гирлянды из цветных фонарей, и перед кибитками постланы дорожные ковры, а по краям дороги были расставлены плошки. Прямо против балкона того здания, которое было предназначено для помещения его имп<ераторского> высочества, между двумя кибитками возвышался транспарант с изображениями государя императора, государыни императрицы и наследника цеса-

⁴⁴ Путешествие е. и. в. наследника цесаревича через Сибирь. Ч. 8 // Всемирная иллюстрация. 1891. № 1186. С. 250.

⁴⁵ Путешествие его императорского высочества наследника цесаревича через Сибирь. Ч. 9, 10 // Всемирная иллюстрация. 1891. № 1188. С. 296.

ревича. Правее виднелся глобус, на котором отмечены: Борки⁴⁶ и Отсу⁴⁷, а вверху – ангел-хранитель, бодрствовавший и охранявший августейшее семейство на всех его путях.

Днем 24 июля свирепствовала сильная буря, утихшая за полчаса до прибытия его имп<ераторского> высочества, что дало возможность зажечь приготовленную иллюминацию, которая, при массе разноцветных и бенгальских огней, представляла эффектное зрелище, никогда еще до сих пор не виданное в киргизской степи.

Подъехав к триумфальной арке, его имп<ераторское> высочество был встречен военным губернатором Тургайской области генерал-майором Барабашем и, приняв от него почетный рапорт, изволил проследовать к арке, перед которой его ожидали начальствующие лица области. По другую сторону арки стояли воспитанники уездной школы с инспектором народных училищ области во главе, далее волостные управители, аульные старшины, судебные бии и аксакалы, за исключением тех, которые находились в числе выборных для поднесения его имп<ераторскому> высочеству хлеба-соли. Из среды этих выборных, в числе 12 человек, честь поднесения его имп<ераторскому> высочеству хлеба-соли выпала на долю бывшего правителя Средней орды отставного генерал-майора султана Баймухамедова.

Когда его имп<ераторское> высочество изволил подойти к выборным, генерал Баймухамедов обратился к нему с приветствием на киргизском языке, тотчас же переведенном на русский язык состоящим при военном губернаторе переводчиком. <...>

Хлеб-соль была поднесена его императорскому высочеству на серебряном вызолоченном блюде с эмалью, украшенном рисунками из быта киргиз, вензелем наследника цесаревича, гербами государственным и Тургайской области и соответствующими надписями.

Милостиво выслушав приветствие и приняв хлеб-соль, его имп<ераторское> высочество благодарил за выраженные чувства и изволил направиться чрез арку к киргизским депутатам, стоявшим в указанном выше порядке. Затем его имп<ераторское> высочество изволил сесть в экипаж и направился к назначенному для него помещению.

На следующее утро, 25 июля, наследник цесаревич изволил выйти на террасу, обращенную в сад, в котором депутацией от киргизского населения области был подведен его имп<ераторскому> высочеству превосходный скакун золотисто-гнедой масти. Лошадь была оседлана дорогим седлом киргизской работы, отделанным золотом, серебром и разноцветными камнями. Его имп<ераторское> высочество изволил милостиво принять от киргизов этот подарок, причем обратился к лицам, подводившим лошадь, со словами: “Спасибо за подарок”.

Затем его имп<ераторское> высочество осматривал здесь же в саду заводских жеребцов тургайской конюшни и присутствовал на скачках лошадей и верблюдов, будучи особенно заинтересован последними, которые прошли дистанцию 4 версты в 7 минут, а лошади 24 версты – в 38 минут. Его имп<ераторское> высочество изволил, кроме установленных призов, подарить владельцам лошадей и верблюдов, взявших первые призы, серебряные часы с таковыми же цепочками, а мальчику, скакавшим на верблюдах, по золотому полуимпералу⁴⁸.

По окончании скачек наследник цесаревич изволил собственноручно раздавать киргизам дорогие награды, состоявшие из драгоценных перстней, золотых медалей и золотых часов с таковыми же цепочками, сопровождая вручение их миро-

⁴⁶ Борки – железнодорожная станция под Харьковом, где в 1888 г. произошло крушение поезда с царской семьей.

⁴⁷ Оцу – японский город, в котором было совершено покушение на цесаревича Николая Александровича во время его путешествия по Японии в 1891 г.

⁴⁸ Полуимперал – золотая монета номиналом 5 руб.

стивыми словами: “Вот вам на память от меня”. Раздав награды, его имп<ераторское> высочество изволил сесть в экипаж и проследовать к триумфальной арке, милостиво отвечая на приветствия и низкие поклоны киргизских депутаций. Огромная толпа народа, следовавшая со всех сторон за экипажем наследника цесаревича, состоявшая преимущественно из русских, оглашала воздух восторженным “ура”.

Нужно заметить, что киргизы, по обычаю, не почитают громкое выражение восторга пред августейшими особами, а поэтому как при встрече, так и при проходах его имп<ераторского> высочества киргизы оставались в глубоком почтительном и благоговейном молчании.

Проехав арку, его имп<ераторское> высочество остановился на том месте, где стояли выборные киргизы, местная администрация и военный губернатор, и, выйдя из экипажа, обратился к этим лицам с следующими словами: «Пребывание мое в Тургайской области оставит во мне самое приятное воспоминание. Еще раз благодарю вас и прошу передать мою сердечную благодарность народу».

Затем, милостиво простившись с означенными лицами, его имп<ераторское> высочество сел в экипаж и в 10 ½ ч. утра изволил отбыть через г. Орск в г. Оренбург, восторженно приветствуемый киргизами, глубоко тронутыми приветливостью и милостями первородного царского сына»⁴⁹.

И хотя в Оренбурге не планировались (и не состоялись) встречи с казахами, так как губерния давно перестала считаться пограничной и военно-народного управления не имела, встреча наследника здесь была обставлена с необычной для внутренней территории империи пышностью. Итак, Николай Александрович прибыл в Оренбург в 6 часов вечера 26 июля. Вот что сообщала «Всемирная иллюстрация» об этом событии: «При въезде в Оренбургскую станицу, в форштадте, оренбургским казачьим сословием была сооружена триумфальная арка, увитая гирляндами зелени и цветов и украшенная флагами; по сторонам арки были помещены надписи следующего содержания: справа – “Да шествует во славе на радость и счастье верноподданных его императорское высочество обожаемый благоверный государь наследник цесаревич, августейший атаман казачьих войск, из далекого трудного пути, предпринятого для блага России. Да благословит Всевышний благие начинания и дальнейшие пути его высочества и сохранит драгоценную жизнь государя наследника на многая, многая лета на радость любвеобильному царю и на благо народов”, и слева – “Да запечатлится в сердцах наших и пребудет незабвенным радостный достопамятный день милостивого посещения его императорским высочеством 26 июля 1891 г. станицы Оренбургской. От верноподданных торговых казаков Оренбургской станицы”. Его императорское высочество был встречен у этой триумфальной арки наказным атаманом Оренбургского казачьего войска и депутацией от казаков, поднесшей наследнику цесаревичу хлеб-соль. <...>

При въезде в Оренбург, у новой триумфальной арки, его императорское высочество ожидала городская депутация с хлебом-солью; огромные толпы народа, население Оренбурга и окрестных станиц, а также собравшиеся издалека для этого торжественного дня жители Оренбургской губернии заполняли улицы города по всему пути, каким должен был проследовать, по расписанию, государь наследник цесаревич. Прекрасная погода еще увеличивала радостное настроение города. Громовое «ура» встретило наследника всероссийского престола, когда его императорское высочество приблизился к арке. По улицам, убранным флагами и зеленью, уставленным шпалерами из учащихся всех оренбургских учебных заведений, мужских и женских, полным неисчислимыми толпами народа, его императорское высочество

⁴⁹ Путешествие его императорского высочества наследника цесаревича через Сибирь. Ч. 9, 10 // Всемирная иллюстрация. 1891. № 1188. С. 297–298.

чество проследовал к кафедральному собору; воспитанники и воспитанницы учебных заведений пели гимн и усыпали цветами дорогу высокого гостя. <...>

Из собора наследник цесаревич проехал в дом начальника губернии; здесь последовал прием депутаций от дворянства, купечества, крестьян, башкир и от Илецкой Защиты, удостоившихся поднести его императорскому высочеству хлеб-соль...»⁵⁰.

Вечером 27 июля пришло время оставить гостеприимный Оренбург. Железнодорожный «вокзал был роскошно иллюминирован; перед ним была воздвигнута триумфальная арка, на которой была составлена из огней надпись: «Привет желанному». Экстренный поезд ожидал высокого путешественника для следования в Уральск»⁵¹.

Встреча цесаревича в Оренбурге, действительно, была кульминационной. Даже в Уральске, который праздновал знаменательный юбилей Уральского казачьего войска, Николай Александрович удостоился лишь двух триумфальных арок и те не со столь панегирическими надписями:

«Государь наследник цесаревич прибыл в г. Уральск 29 июля около 6 часов вечера при колокольном звоне и пушечной пальбе. <...> На Туркестанской площади, у построенной триумфальной арки, его имп<ераторскому> высочеству была поднесена хлеб-соль на серебряном блюде от купцов, мещан и крестьян г. Уральска. На триумфальной арке со стороны въезда виднелась надпись: «Государю наследнику цесаревичу Николаю Александровичу», а сверху арки помещен государственный герб с изображением по бокам его годов 1591–1891⁵²; с противоположной стороны находилась надпись: «Верноподданные жители Уральска», и сверху надписи был помещен герб Уральской области»⁵³.

Очередное «великолепное серебряное блюдо» наследнику поднесли высшие чины и депутаты от казачьего войска в доме наказного атамана, в котором остановился цесаревич. На следующий день цесаревич принял участие в открытии школы в войсковом хуторе. А далее последовала встреча с местными киргизами: «С хутора наследник цесаревич изволил проследовать за Урал к киргизам, где, после представления ему киргизских властей, его имп<ераторское> высочество взошел в принесенную ему в дар киргизами кибитку и здесь изволил кушать предложенный ему кумыс из серебряного кувшина с двумя чашками. Здесь же киргизы подвели в дар его имп<ераторскому> высочеству двух лошадей под седлами с бархатными расшитыми серебром и золотом попонами работы киргизок»⁵⁴.

31 августа состоялось собственно празднование 300-летия Уральского казачьего войска с литургией, закладкой храма, показательным плавенным рыболовством, обедом в особом павильоне и демонстрацией еще одной триумфальной арки с надписью «Августейшему атаману – уральские казаки», а также с государственным и войсковым гербами и датами – «1591–1891».

Детальные пересказы в прессе церемоний встречи наследника-цесаревича с подданными убеждают, что они были практически идентичны рассмотренным выше церемониям туркестанского генерал-губернатора: та же пышность и яркость мероприятий, организованные шпалеры местных чиновников и массы простых людей, военные смотры или высочайшие посещения лагерей, возведение триумфальных арок и беседок, встреча с представителями коренного населения, принятие от

⁵⁰ Путешествие е. и. в. государя наследника цесаревича через Сибирь. Ч. 11 // Всемирная иллюстрация. 1891. № 1189. С. 303.

⁵¹ Там же.

⁵² 300-летие Уральского казачьего войска.

⁵³ Путешествие е. и. в. государя наследника цесаревича через Сибирь. Ч. 12 // Всемирная иллюстрация. 1891. № 1190. С. 323.

⁵⁴ Там же.

него подарков, посещение увеселений, устроенных для местных нерусских жителей. Однако имелись и отличия. Они подчеркивали большую, фактически историческую, значимость момента. Речь идет о посещении военных, общественных, благотворительных и учебных заведений, участии цесаревича в освящении памятников и вновь возведенных культовых сооружений, нарочитом пафосе и блеске экстерьера мероприятий (фейерверки, огромные портреты, транспаранты, иллюминация и пр.). Некоторые элементы этих церемониалов со временем были восприняты и переработаны новой большевистской властью России⁵⁵.

Выводы

Итак, знакомство с конкретными примерами встречи центральноазиатских подданных с наследником престола позволяют выделить следующие важнейшие их составляющие: встреча с начальством, с представителями русского и коренного населения, с предпринимателями и учащимися, военные демонстрации разного рода и посещение православных и других культовых святынь. Все это ради демонстрации единения общества с монархией, ее силы и величия. Обязательные атрибуты – императорские портреты, гербы, вензеля и триумфальные арки. В качестве изысков – иллюминация и праздники коренного населения. Встречи с последним становились главным элементом публичного общения с населением туркестанского генерал-губернатора, олицетворявшего собой верховную власть в Туркестанском крае.

Все эти мероприятия вполне укладывались в государственную идеологему «самодержавие – православие – народность» и служили ее укоренению в массах за незначительным изменением применительно к Туркестану, где власти придерживались тактики игнорирования ислама⁵⁶ и некоторого сдерживания православного прозелитизма, отсюда – центральный элемент триады минимизировался. С другой стороны, церемонии встреч с туркестанским генерал-губернатором сопровождались усиленной демонстрацией величия русского оружия и презентацией мощи административного аппарата. Остается загадкой, почему на самой величественной и богато украшенной арке перед въездом в Орск надпись «Да не забудет киргизский народ настоящего радостного события во веки веков» красовалась на русском языке. Не исключено, что это было косвенным напоминанием русским поселенцам об их особой миссии в регионе.

Рукопись поступила: 5 февраля 2020 г.

Submitted: 5 February 2020

Библиографический список

- Алимджанов Б.А.* Дискуссии вокруг промышленной политики Российской империи в Туркестанском генерал-губернаторстве // Исторический журнал: научные исследования. 2017. № 1. С. 18–22.
- Арапов Д.Ю., Васильев Д.В.* Проекты устройства Управления духовными делами мусульман в Туркестане. Документы Архива внешней политики Российской империи. 1900 г. // Исторический архив. 2005. № 1. С. 150–174.
- Бахтурина А.Ю.* А.Н. Куропаткин и среднеазиатское восстание 1916 г. // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 3. С. 65–74.

⁵⁵ *Рябов А.В.* Художник и власть (борьба и сотрудничество, 1918–1932 гг.). СПб., 2000. С. 26–27, 32–34.

⁵⁶ *Арапов Д.Ю., Васильев Д.В.* Проекты устройства Управления духовными делами мусульман в Туркестане. Документы Архива внешней политики Российской империи. 1900 г. // Исторический архив. 2005. № 1. С. 150–174.

- Брежнева С.Н.* Генерал М.Г. Черняев: личность на фоне военной кампании по завоеванию Туркестана Россией // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2014. № 1. С. 106–117.
- Васильев Д.В.* Китайский вопрос в Русском Туркестане: к истории российской администрации в Илийском крае // *Вестник Томского государственного университета*. 2019. № 449. С. 93–101.
- Васильев Д.В.* Русский Туркестан: судьба и власть (туркестанские генерал-губернаторы в 1865–1886 годы) // *Азиатская Россия: люди и структуры империи: сборник научных статей к 50-летию со дня рождения профессора А.В. Ремнева*. Омск: ОмГУ, 2005. С. 351–392.
- Васильев Д.В., Любичанковский С.В.* Русская власть в Туркестанском крае: визуализация имперского пространства как фактор аккультурации // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2018. № 54. С. 17–26.
- Волкова М.А.* Символы власти в русской художественной культуре XVIII века // *Вестник МГУКИ*. 2009. № 3. С. 74–77.
- Захарова О.Ю.* Власть церемониалов и церемониалы власти в Российской империи XVIII – начала XX века: Коронации, дипломатические приемы, высочайшие выходы, военные парады, рыцарские карусели, церемониальные застолья, балы. М.: АиФ Прин, 2003. 398 с.
- Захарова О.Ю.* Государственный церемониал как программа власти. М.: Центрполиграф, 2014. 381 с.
- Зимин И.В.* Царская работа. XIX – начало XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М.: Издательство Центрполиграф, 2011. 638 с.
- Колокольцев Д.Г.* Воспоминания генерал-лейтенанта Колокольцова 1887 года. (О Константине Петровиче Кауфмане). М.: [Б. и.], 1887. 36 с.
- Коновалов В.В., Макеев Д.А.* Средства массовой информации об освоении Россией среднеазиатских владений (середина 1870-х годов) // *Вестник ВлГУ. Серия: Социальные и гуманитарные науки*. 2017. № 1. С. 7–13.
- Котюкова Т.В.* Алексей Николаевич Куропаткин – последний туркестанский генерал-губернатор // *Мир политики и социологии*. 2018. № 2. С. 27–50.
- Крылова Е.Е.* Первые выставки среднеазиатских работ В.В. Верещагина в периодической печати и проблема интерпретации произведений туркестанского цикла // *Знание. Понимание. Умение*. 2015. № 4. С. 335–342.
- Лисицына Н.Н.* Расширение Российской империи в Центральной Азии и восприятие русских и России населением Туркестана (вторая половина XIX в.) // *Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология*. 2014. № 2. С. 26–30.
- Почакаев Р.Ю.* Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2017. 384 с.
- Почакаев Р.Ю.* Особенности административного развития Илийского края в 1871–1881 гг.: между традициями и фронтальной модернизацией // *Общество и государство в Китае*. 2016. Т. 46. № 2. С. 531–542.
- Почакаев Р.Ю.* Особенности правового положения Илийского края в 1760–1860-е гг. // *Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки*. 2018. Т. 20. № 4. С. 152–166.
- Рябов А.В.* Художник и власть (борьба и сотрудничество, 1918–1932 гг.). СПб: Санкт-Петербургский государственный университет, 2000. 310 с.
- Схиммельпэнник ван дер Ойе Д.* Русский ориентализм. Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 287 с.
- Уортман Р.С.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. М.: ОГИ, 2004. 608 с.
- Шадманова С.Б.* Образ мусульманских учебных заведений на страницах периодической печати Туркестана (конец XIX – начало XX вв.) // *Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию медресе «Галия»*. Уфа: Мир печати, 2016. С. 146–154.

References

- Alimdzhanov, V.A. “Discussions around the industrial policy of the Russian Empire in Turkestan Governor General.” *History magazine: researches*, no. 1 (2017): 18–22 (in Russian).

- Arapov D.Yu., and Vasil'yev, D.V. "Projects of the organization of the Office of Muslim Spiritual Affairs in Turkestan. Documents of the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire. 1900." *Historical archive*, no. 1 (2005): 150–174 (in Russian).
- Bakhturina, A.Yu. A.N. "Kuropatkin and the Central Asian Uprising of 1916." *Jurisprudence: history and modernity*, no. 3 (2019): 65–74 (in Russian).
- Brezhneva, S.N. "General M.G. Chernyaev: personality against the background of military campaign on Russia's conquest of Turkestan." *RUDN Journal of Russian History*, no. 1 (2014): 106–117 (in Russian).
- Kolokol'tsev, D.G. *Vospominaniya general-leytenanta Kolokol'tsova 1887 goda. (O Konstantine Petroviche Kaufmane)*. Moscow: [S.n.], 1887 (in Russian).
- Kononov, V.V., and Makeyev, D.A. "Mass media about Russia's development of authorities of Middle Asia (the middle of the 1870-s)." *Vestnik of Vladimir State University*, no. 1 (2017): 7–13 (in Russian).
- Kotyukova, T.V. "Alexey Nikolaevich Kuropatkin – the last Turkestan Governor General." *The World of Politics and Sociology*, no. 2 (2018): 27–50 (in Russian).
- Krylova, Ye.Ye. "First exhibitions of V.V. Vereshchagin's works from Central Asia in press and the problem of the Turkestan series interpretation." *Knowledge. Understanding. Skill*, no. 4 (2015): 335–342 (in Russian).
- Lisitsyna, N.N. "The expansion of the Russian Empire in Central Asia and the perception of Russians and Russia by the population of Turkestan (second half of the twentieth century)." *Moscow State Pedagogical university and the Sholokhov*, no. 2 (2014): 26–30 (in Russian).
- Pochekayev, R.Yu. *Gubernatory i khany. Lichnostnyy faktor pravovoy politiki Rossiyskoy imperii v Tsentral'noy Azii: XVIII – nachalo XX v. M.: Izd. Dom Vyshey shkoly ekonomiki Publ., 2017* (in Russian).
- Pochekayev, R.Yu. "Features of the administrative development of the Ili region in 1871–1881: between traditions and frontier modernization." *Society and State in China* 46, no. 2 (2016): 531–542 (in Russian).
- Pochekayev, R.Yu. "Features of the legal status of the Ili region in the 1760–1860s." *Journal of the Ural Federal University. Series 2. Humanities* 20, no. 4 (2018): 152–166 (in Russian).
- Ryabov, A.V. *Khudozhnik i vlast' (bor'ba i sotrudnichestvo, 1918–1932 gg.)*. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2000 (in Russian).
- Skhimmel'pennink van der Oyye, D. *Russkiy oriyentalizm. Aziya v rossiyskom soznanii ot epokhi Petra Velikogo do Beloy emigratsii*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2019 (in Russian).
- Shadmanova, S.B. "Obraz musul'manskikh uchebnykh zavedeniy na stranitsakh periodicheskoy pechati Turkestana (konets XIX – nachalo XX vv.)." In *Idealy i tsennosti islama v obrazovatel'nom prostranstve XXI veka: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 110-letiyu medrese «Galiya»*, 146–154. Ufa: Mir pechati Publ., 2016 (in Russian).
- Uortman, R.S. *Stsenarii vlasti: Mify i tseremonii russkoy monarkhii*. Moscow: OGI Publ., 2004 (in Russian).
- Vasilyev, D.V. "The Chinese Question in Russian Turkestan: On the History of the Russian Administration in the Ili Region." *Tomsk State University Journal*, no. 449 (2019): 93–101 (in Russian).
- Vasilyev, D.V. "Russkiy Turkestan: sud'ba i vlast' (turkestanskiye general-gubernatory v 1865–1886 gody)." In *Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii: sbornik nauchnykh statey k 50-letiyu so dnya rozhdeniya professora A.V. Remneva*, 351–392. Omsk: OmGU Publ., 2005 (in Russian).
- Vasilyev, D.V., and Lyubichankovskiy, S.V. "Russian power in the Turkestan region: visualization of the imperial space as a factor in acculturation." *Tomsk State University Journal. History*, no. 54 (2018): 17–26 (in Russian).
- Volkova, M.A. "Symbols of power in the Russian art culture of the XVIII century." *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*, no. 3 (2009): 74–77 (in Russian).
- Zakharova, O.YU. *Vlast' tseremonialov i tseremonialy vlasti v Rossiyskoy imperii XVIII – nachala XX veka: Koronatsii, diplomaticheskiye priyomy, vysochayshiy vykhody, voyennyye parady, rytsarskiye karuseli, tseremonial'nyye zastol'ya, baly*. Moscow: AiF Prin Publ., 2003 (in Russian).
- Zakharova, O.YU. *Gosudarstvennyy tseremonial kak programma vlasti*. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2014 (in Russian).
- Zimin, I.V. *Tsarskaya rabota. XIX – nachalo XX v. Povsednevnyaya zhizn' Rossiyskogo imperatorskogo dvora*. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2011 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Васильев Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Московского городского педагогического университета.

Dmitry V. Vasilyev, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor of the Department of Russian History, Moscow City University.

Рябов Александр Вячеславович, кандидат культурологии, заведующий кафедрой философии и социальных наук Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы МЧС России.

Aleksandr V. Ryabov, Kandidat Kul'turologii [Ph.D. in Cultural], Head of the Department of Philosophy and Social Sciences, St. Petersburg University of the State Fire Service EMERCOM of Russia.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-612-624>

Научная статья / Research article

Teaching the Non-Russian Adult Population of Orenburg Province from the Late 19th to the First Third of the 20th Century

Svetlana A. Aleshina, Larisa V. Petrich

Orenburg State Pedagogical University; 19, Sovetskaya St., Orenburg, 460000, Russia;
ospu@ospu.ru, Lorapavlova@list.ru

Образовательная и просветительная работа среди взрослого нерусского населения Оренбургского края в конце XIX – первой трети XX века

С.А. Алешина, Л.В. Петрич

Оренбургский государственный педагогический университет;
460000, Россия, Оренбург, ул. Советская, 19; ospu@ospu.ru, Lorapavlova@list.ru

Abstract: This article examines the education of the Orenburg region's non-Russian adults from the end of the 19th century until the end of the 1930s. It begins with a brief review of the relevant historiography and the sources. It goes on to analyse the data of the First General Census of 1897, which sheds light on the scope of the task of schooling that remained to be done among the province's non-Russian nationalities. Already before the Revolution of 1917, local authorities and private individuals were active in cultural and educational work among this population by opening libraries as well as arranging readings and evening classes. At the same time, Zemstvos also strove to train the necessary teachers. During the early Soviet era, educational work was politicized. All educational activities were carried out using emergency methods, since the new government urgently needed a literate population. Due to the exigencies of the Civil War and famine, the authorities had no funds to spare and transferred the task's entire financial burden to public organizations and private individuals, although in the early 1920s, education in the province practically stopped. However, as the national economy recovered by the mid-1920s, schools reopened. The next important step in eradicating of illiteracy among the non-Russian population came around 1937. The author concludes that in the pre-revolutionary and Soviet periods, educating Orenburg's minorities faced major obstacles, namely the lack of funds, qualified personnel, as well as popular resistance.

Keywords: cultural and educational activities, local governments, Orenburg region, literacy, non-Russian population, literacy rate

For citation: Aleshina, Svetlana A., and Petrich, Larisa V. "Teaching the Non-Russian Adult Population of Orenburg Province from the Late 19th to the First Third of the 20th Century." *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 3 (August 2020): 612–624. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-612-624>

Аннотация: В статье ставится проблема раскрыть просветительную и образовательную работу среди взрослого нерусского населения Оренбуржья в период с конца XIX века и вплоть до конца 1930-х гг. В статье дается краткий историографический обзор, а также источниковая база исследования. Начало статьи предвьяет анализ данных Первой всеобщей переписи населения 1897 г., что дает материал для размышления по поводу глубины задач, связанных с последующим просвещением нерусских национальностей губернии. Характеризуя дореволюционный этап, не вызывает сомнения роль органов местного самоуправления в культурно-просветительной работе среди нерусского населения губернии. Среди нерусского населения проводились народные

© Aleshina S.A., Petrich L.V., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

чтения, устраивались библиотеки, вечерние курсы. Земства проводили серьезную работу по подготовке квалифицированного педагогического персонала для обучения нерусских народностей. Кроме того, культурно-просветительной работой занимались общественные организации и частные лица. В годы Советской власти просветительной работе был придан политический акцент. Вся просветительная деятельность проводилась с помощью чрезвычайных методов, так как новой власти нужно было грамотное население в сжатые сроки и с минимальными затратами. Государство, в силу трудностей, связанных с Гражданской войной и голодом, переложило всю финансовую нагрузку по обучению населения на общественные организации и частные лица. В начале 1920-х гг. с связи с указанными трудностями просветительная работа в губернии практически прекратилась, к середине 1920-х годов народное хозяйство восстанавливается, просветительная работа возобновляется. На рубеже 1920–1930-х гг. просветительная работа велась при помощи чрезвычайных кампаний. Следующий значимый этап ликвидации неграмотности среди нерусского населения пришелся на середину – вторую половину 1930-х гг. Таким образом, можно сделать вывод, что и в дореволюционный, и в советский период работа по обучению нерусского населения сопровождалась определенными трудностями, а именно нехваткой средств, квалифицированных кадров, непониманием необходимости учиться среди местного населения.

Ключевые слова: культурно-просветительная деятельность, органы местного самоуправления, ликвидация неграмотности

Для цитирования: Алешина С.А., Петрич Л.В. Образовательная и просветительская работа среди взрослого нерусского населения Оренбургского края в конце XIX – первой трети XX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 3. С. 612–624. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-612-624>

Introduction

Interethnic relations in Russia, including those with government officials, continue to attract considerable scholarly attention. This is particularly true during times of political upheaval. Both Soviet and post-Soviet specialists of education among non-Russian nationalities at the turn of the 20th century have noted that literacy among Slavs was much higher than among many ethnicities.¹ Only Germans, Jews and the Baltic peoples had literacy rates equal to or even higher than those of Slavs. Modern historians of the pre-revolutionary period highlight the special place of zemstvos (local elected councils) in educating non-Russian nationalities in the province of Orenburg.² They have convincingly proved that, in this respect, a very important role was played by civil society, such as public organizations, local

¹ I.M. Bogdanov, *Gramotnost' i obrazovaniye v dorevolyutsionnoy Rossii i v SSSR: (Istoriko-statisticheskiye ocherki)* (Moscow: Statistika Publ., 1964); Yu.N. Serebrennikov, *Uroven' gramotnosti i obrazovaniya naseleniya Urala (1861–1917 gg.)* (Orenburg: Orenburgskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet Publ., 1998); V.B. Zhiromskaya, *Demograficheskaya istoriya Rossii v 1930-ye gg. Vzglyad v neizvestnoye* (Moscow: ROSSPEN Publ., 2001); A.A. Safronov, "Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossii 1897 g.: razrabotka dannykh o gramotnosti, ikh informatsionnyy potentsial i dostovernost'," in *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'* (Yekaterinburg: Ural'skiy universitet Publ., 2003); S.V. Lyubichankovskiy, "Foreign education" in the south Ural as a subject of study of regional historiography (1869–2004)," *Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical sciences* 1, no. 1 (2019): 99–104; S.V. Lyubichankovskiy, "Educational policy of the Russian Empire and the formation of the Kazakh intelligentsia in the Orenburg region in the second 19th century," *Samara Scientific Bulletin* 7, no. 4 (2018): 245–249; S.V. Lyubichankovskiy, "Acculturation model of understanding empire as a methodological alternative to the colonial approach," *History Journal*, accessed November 13, 2019, <https://history.jes.su/s207987840006065-0-1/>; D.V. Vasil'yev, S.V. Lyubichankovskiy, "Kazakhs and Russians: domestic acculturation in the 19th century," *Voprosy istorii*, no. 3 (2018): 151–165; K.G. Akanov, S.V. Lyubichankovsky, "Orenburg in the History of Integration of Kazakh Steppe in the Russian Imperia XVIII – beginning of XX century," *Bylye Gody* 48, no. 2 (2018): 484–495.

² D.F. Sivovolov, M.R. Yusupov, *Kul'turno-prosvetitel'naya deyatelnost' zemstv Urala (1864 – fevral 1917 g.)* (Chelyabinsk: SHVVAKKIU Publ., 2008); L.V. Petrich, "Consideration of the ethnic component in the education of Kazakhs in the Orenburg Territory in the first third of the 20th century," *History Journal*, <http://history.jes.su>; S.V. Lyubichankovskiy, *Politika akkul'turatsii sredstvami prosveshcheniya islamskikh poddannykh Rossiyskoy imperii: istoricheskiy opyt Orenburgskogo kraya (seredina XIX – nachalo XX vv.)* (Orenburg: OGAU Publ., 2018).

government bodies, and the efforts of progressive individuals. Its initiatives were motivated by growing awareness of national identity and changes in policies for educating the region's minorities, not to mention their large share of the population.³ However, scholars add, such schooling was hampered by a lack of teaching aids, personnel, and money, as well as the public's inertia, among other.⁴ As for the Soviet period, the emphasis in pedagogy was on instilling a communist worldview in the population.

This article examines education among Orenburg's adult non-Russian population from the late 19th century to the 1930s. We have taken the comparative historical method, which enabled us to consider both general and specific aspects of education in the province, including that of non-Russian nationalities, during this period.

Primary sources include documents held in both regional and federal archives: The State Archive of the Orenburg Region (hereafter GAOO), the Orenburg State Archive of Socio-Political History (OGASPI), and the State Archive of the Russian Federation (GARF). These collections preserve materials from the Orenburg district department of public education for the elimination of illiteracy among national minorities (including the charters of relevant societies in the Government of Orenburg), records of the Orenburg District Committee and the city committees of the All-Russian Communist Party, as well as the All-Russian Extraordinary Commission for the Elimination of Illiteracy. These include the minutes of meetings of the Council for the Education of Nationalities of the Non-Russian Language of the People's Commissariat for Education of the RSFSR and reports on the elimination of illiteracy in Orenburg's districts.

We have also examined such important sources as the findings of the First General Census of the Population of 1897, which collected data on the literacy rate of the peoples living there.⁵ Local newspapers and magazines (*Orenburgskaia Gazeta*, *Orenburgskoe Zemskoe Delo*, etc.) reported on the activities of cultural and educational societies for non-Russian nationalities in Orenburg. At the same time, we also studied the Orenburg Zemstvo Assembly's reports on public education, which also dealt with extracurricular activities among the non-Russian nationalities of the Orenburg region.⁶

Cultural and educational activities among Orenburg's non-Russian population at the turn of the 20th century

According to the 1897 census, Orenburg's population was ethnically diverse, and literacy among different nationalities varied greatly. Let look at the Table 1.

Table 1 shows that literacy was higher among its Jews, Poles, and Germans. Moreover, differences in literacy between the sexes was minimal. By contrast, Kirghiz, Moldovians, and the Chuvash were the least literate. Among these nationalities literacy among their men was three or more times higher than that of women. This census defined literacy as the ability to read. Since literacy in the mother tongue was registered only if a respondent could not read Russian, we were unable to determine how many of the minori-

³ A.D. Safarova, *Razvitiye obrazovaniya natsional'nykh men'shinstv v Orenburgskom kraye (konets XIX veka – 1940 g.)* (Orenburg: Orenburgskiy gosudarstvennyy pedagogicheskii universitet Publ., 2009); L.V. Petrich, S.V. Lyubichankovskiy, "The literacy rate of the adult population of Orenburg region based on the materials of the first Soviet censuses," *Samara Scientific Bulletin* 6, no. 3 (2017): 242–246.

⁴ N.B. Tsibul'skiy, "Rabota po likvidatsii negramotnosti sredi natsional'nykh men'shinstv v Chelyabinskoy oblasti v 1930-ye gody," in *Dvenadtsatye Biryukovskiy cheniya: Tezisy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (Chelyabinsk: [S.n.], 1996), 69–71; S.A. Bakanov, "About the rate of liquidation of illiteracy in Kazakhstan in 1926–1939," *Voprosy istorii*, no. 8 (2002): 142–145.

⁵ N.A. Troynitskiy, *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.* (St. Petersburg: [S.n.], 1904).

⁶ *Doklady po narodnomu obrazovaniyu. Orenburg, 1916; Orenburgskoye gubernskoye zemskoye sobraniye. 3-ya ocherednaya sessiya. Doklady po narodnomu obrazovaniyu* (Orenburg: Tipo-litografiya B.A. Breslina Publ., 1916).

ties were literate in two languages. Moreover, we could not identify the proportion of those who could read in their native tongue.

Table 1

Literacy Rates among Orenburg's nationalities according to the 1897 Census

Languages	Literacy rates (% of total population)		
	Male	Female	Both Sexes
Great Russian	31.43	10.41	20.61
Little Russian	29.17	7.51	18.41
Belorussian	39.05	13.69	25.85
Bashkir	22.71	12.81	18.01
Tatar	32.75	22.10	27.68
Mordovian	16.95	3.32	10.10
Teptyar	19.86	15.87	17.93
German	54.21	53.14	53.69
Chuvash	19.66	2.22	11.12
Kirghiz	14.60	1.88	10.12
Meshcheriak	25.60	14.90	20.54
Jewish	69.44	55.35	62.80
Polish	62.75	64.86	63.44
Kalmyk	37.15	6.64	23.03

Source: N.A. Troinitskiy, *The First General Census of the Population of the Russian Empire of 1897* (St. Petersburg: Edition of the Central Statistics Committee of the Ministry of the Interior, 1904), 8.

Improving literacy among certain minorities in Orenburg was an important challenge, which social groups addressed in various ways. At a meeting of Orenburg's government in 1902, one of its officials, M.M. Eversman, presented a report on "Measures to raise the level of mental and moral development of the Bashkir population." He drew attention to the fact that inadequate education was the main reason for the "Failures in the mental and moral development of Bashkirs,"⁷ even though the province was particularly active in teaching its Muslim population.

In 1906, Zigangir Baiazitov, Mirkhaidar Kurpiachev, Khusain Donskoi and others founded the Muslim Society in Orenburg's eponymous capital⁸. The organization operated a library, which was housed in a two-room building on Soliany Lane that its members bought two years later. While people of different nationalities visited it, this was the only library for the city's Muslims. Known as the reading room of the Orenburg Muslim Society, it was renamed the Central Muslim Library No. 2 in the Soviet era.

In 1908, another Muslim Society was chartered in the town of Orsk. Founded by Akhmet-Safa Musich Burnaev and Akhmetzian Khabibullin Rakhmatullin, among others, its goal was "educating persons of the Mohammedan faith," and to achieve it, the society arranged public lectures, discussions, vocational courses, etc.⁹. The following year, the Troitsk Muslim Charity Society was registered in that town. The first paragraph of its charter stated that this organisation's purpose was to provide funds to improve the material, cultural and moral well-being of the Muslims in Troitsk and its surroundings. The plan was to open training schools, general education courses and reading rooms, where all Muslims could be admitted "without distinction as to gender, rank and class."¹⁰ Meanwhile, in 1912,

⁷ Gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti (thereafter – GAOO), f. 15, op. 1, d. 43/1, l. 51.

⁸ Ibid., f. 10, op. 1, d. 386/1, l. 2, 18.

⁹ Ibid., f. 47, op. 1, d. 1, l. 1–1 ob.

¹⁰ Ibid., f. 10, op. 2, d. 202, l. 3–3 ob.

to educate Muslim women, Fatima Mirkmilevna, Zainab Mustafievna Adamovas and Khadich Mustafievna Kutlubulatova established the Orenburg Muslim Women's Society, which also planned to open public libraries, arrange public lectures, literary evenings, and meetings, among other.¹¹

Other educational organizations were also set up in 1906–1907 to teach the province's Islamic population: the Bashkir Society of the village of the Usergan *volosts* of the Orsk *uezd*, the Muslim Society of the town of Iletskaia Zashchita, while the Orenburg *uezd* saw the establishment of Muslim societies for the Bashkirs-Burzians of the Kipchak *volost*, the Bashkirs of Bushman Suun, and the Bashkirs of the Burzianskii *volost*.¹² In all, we identified 16 Muslim societies with educational goals.

Poles undertook a similar initiative when in 1915, two officials, Mintzler, A.A. Petrellevich, as well as the mining technician B.I. Piotrovsky, created the “Polish Circle” in Troitsk. The circle's aim was “to unite the Polish society of Troitsk and to make it a place of constant communication, to provide moral and material support to the Poles without distinction as to religion.” Its members intended to arrange “lectures, amateur performances, literary and musical evenings in Polish not only for the members, but also for guests.”¹³ And in the following year, a second educational society for men and women of that nationality, the “Polish House”, was founded in Orenburg. With a charter similar to Moscow's Polish House, which had been set up in 1907, the society intended to open schools for the province's children and adults, libraries, reading rooms, and to organize lectures.¹⁴

A truly important development in educating Orenburg's non-Russian population was the cultural and educational activity of the province's *zemstvo*, which planned the following activities for those nationalities:

- 1) To develop a program for primary and two-year non-Russian schools...
- 2) To examine the existing textbooks and manuals for non-Russian schools and try producing new textbooks...
- 3) To apply to the Ministry of Education to open two Tatar teacher seminaries in the city of Orenburg ...
- 4) To start training teaching staff...
- 5) To recommend to the *uezd zemstvos* books in the native language of minorities.¹⁵

From 1915, I.M. Bikchenteev and his assistant, S.K. Sharipov, managed the province's “foreign department.” To understand the state of the non-Russian population's education, the department's staff distributed a 30-question questionnaire.

Meanwhile, folk libraries, evening courses, and readings were organized for the non-Russian population, primarily its Muslims. Their clergy often encouraged the need for literacy to members of their mosques.¹⁶

In 1915, the Orenburg *Zemstvo* Government developed a program of classes for the adult Muslim population. The training program was for 18–20 weeks for three hours, five days a week, or a total of 270 hours. Conducted in Russian, there were classes in Scripture (for 20 hours); arithmetic (40 hours) and Russian language and writing (80 hours).¹⁷

In 1916, nine courses for the province's adults were opened in six locations.¹⁸ Given the traditions and household conditions of the Muslim population, students were separated by sex. According to field reports, the courses were popular. Cheliabinsk's government wrote about courses in the Metelevskii *volost*:

¹¹ GAOO, f. 10, op. 1, d. 340, l. 1, 6.

¹² *Ibid.*, f. 11, op. 2, d. 3439, l. 69–75.

¹³ *Orenburgskaya gazeta*, June 25, 1915.

¹⁴ GAOO, f. 10, op. 2, d. 263, l. 2–6.

¹⁵ *Ibid.*, f. 43, op. 1, d. 106, l. 523–524.

¹⁶ *Orenburgskoye zemskoye delo*, no. 8 (1917): 13.

¹⁷ GAOO, f. 15, op. 1, d. 282, l. 150–150 ob.

¹⁸ *Orenburgskoye zemskoye delo*, no. 8 (1917).

A little test during the last school season showed that evening courses for non-Russian adults were extraordinarily successful; thus from the very beginning of the four month school 'year' until the end 90 men and 42 women attended the courses in the small village of Metelevo. To attract as many women as possible, they were segregated according to sex. In both groups, residents of neighboring villages made up almost a third of all students, and in the female group there were several women, even from the Shadrinsk district, who came solely for the courses.¹⁹

Evening classes were conducted for both literate and illiterate people at libraries, primary schools, and they were accompanied by visual aids, experiments, and practical work.

According to the decrees of the provincial zemstvo's first and second meetings in 1915, six non-Russian foreign libraries operated the following villages: Mrakovo (in Orenburg uezd), Metelevo (Cheliabinsk), Uchaly and First Askarov (Verkhneuralsk) as well as Temiasovo and Idilbaevo (Orsk Uezd). And by 1916 and 1917, local government bodies operated 24 and 32 such libraries, respectively.²⁰ Meanwhile, the province's department of public education opened a library with books in all languages spoken in Orenburg, including Russian.²¹ Readers greatly appreciated the new libraries. Metelevo's librarians reported that the new courses led to an increase in patrons:

Before courses began, there had been no women among the readers; two months after the opening of the courses there were 40 of them, and the number of male readers doubled.²²

Since a large number of Muslims, especially the Bashkirs of Orskii, Verkhneuralskii and Troitskii uezds, led a nomadic existence, the zemstvos also began to organize mobile libraries. In addition to opening libraries, zemstvos distributed free brochures in the Tatar language on such topics as "What is a zemstvo," "Pension and benefits to the lower ranks and their families," and "On infectious and contagious diseases."²³

Public readings and lectures for the non-Russian population were to be conducted in their native language and to be consistent with their way of life and psychology. Topics included: "on the harm of idleness," "on the advantages of settled life over nomadic life," as well as history and culture, hygiene, drunkenness and its consequences, as well as customs and morals.²⁴ For example, in 1915 in the Seitovskii Posad readings were organized on: "What is a zemstvo," "On the activity of zemstvo in the field of public education," "Credit partnership," while there were lectures on religion and morals, cooperative societies, and veterinary medicine.²⁵ Zemstvo leaders recommended accompanying the readings with music, singing, lanterns and shadow projections.

There were not enough teachers for these cultural and educational efforts among the non-Russian population. This shortage became particularly acute when men were drafted for military service as Russia entered the First World War in 1914. Members of the Orenburg Zemstvo calculated the "foreign schools" required 987 teachers, and there was even greater need for extra-curricular education workers.²⁶

¹⁹ GAOO, f. 43, op. 1, d. 106, l. 549 a.

²⁰ *Doklady po narodnomu obrazovaniyu. Orenburg, 1916; Orenburgskoye gubernskoye zemskoye sobraniye. 3-ya ocherednaya sessiya. Doklady po narodnomu obrazovaniyu* (Orenburg: Tipo-litografiya B.A. Breslina Publ., 1916), 75, 91, 119; GAOO, f. 43, op. 1, d. 106, l. 560.

²¹ *Ibid.*, 118.

²² GAOO, f. 43, op. 1, d. 106, l. 561.

²³ *Doklady po narodnomu obrazovaniyu; Orenburgskoye gubernskoye zemskoye sobraniye*, 119–120.

²⁴ GAOO, f. 43, op. 1, d. 106, l. 565.

²⁵ *Doklady po narodnomu obrazovaniyu; Orenburgskoye gubernskoye zemskoye sobraniye*, 233.

²⁶ *Ibid.*, 55.

In August 1915, a provincial meeting to discuss of two-year zemstvo courses issued the following ruling:

1. To recognize the need to begin courses to train students for Russian and non-Russian schools, as well as for students of two-year program;
2. To entrust the provincial council to develop and submit a report on the establishment of two-year courses to the regular provincial zemstvo assembly;
3. In the event of a decision to begin courses at the provincial assembly, to convene a meeting of representatives of district zemstvos and towns, together with specialists in public education, to develop a program of courses and budgets.²⁷

At the time, funded mainly by the zemstvo, both regular and short-term pedagogical courses for teachers were also occasionally organized. In 1917, such courses were opened in: religious knowledge, the mother tongue, the Russian language, arithmetic, motherland studies, methods and didactics, social studies, school hygiene, etc.²⁸ They were very popular: in addition to local teachers, more than 80 Muslim women from various Russian towns took them, for a total of 250 participants.

The Islamic population reacted ambiguously to new cultural and educational ideas, and the press repeatedly reported about resistance to education. Thus, in the village of Imangulovo, the Bashkir Regional Council of the Bashkir Imangulov Society ordered the school and zemstvo library to be closed and courses for adults ended, and teachers were persecuted.²⁹ This was not the only such case.

Eliminating illiteracy among Orenburg's non-Russian population in the 1920–1930s

During the Soviet era, the most important task was eliminating mass illiteracy, together with political propaganda and other efforts to instill socialist ideals. The decree of the Council of People's Commissars "On the elimination of illiteracy among the population of the RSFSR" of December 26, 1919 emphasized that

the entire population of the republic, aged between 8 and 50, that are illiterate, must learn to read and write in their native or Russian language, according to preference.³⁰

Officials set up emergency commissions to abolish illiteracy.

During their first months in power, the Soviet government attacked illiteracy in two ways: teaching adults to read and write, and the creation of a network of school institutions to prepare for universal education. Teaching non-Russian nationalities was supervised by the Education Department for National Minorities, which was created under the People's Commissariat of the RSFSR. The "Regulation on the organization of education of the peoples of the non-Russian language" of February 1920 ordered the district education departments to teach the entire population of their territory, regardless of nationality. To coordinate its work among national minorities, the People's Commissariat of the RSFSR operated a special body, the Council for the Education of Nationalities of the Non-Russian Language (Sovnatsmen) of the People's Commissariat of Education of the RSFSR, which was subsequently transformed into the Committee for the Education of National Minorities in the RSFSR (Kommats) at the collegium of the People's Commissariat of Education of the RSFSR. Kommats was directly connected to the Department of Nationalities of the All-Russian Central Executive Committee of the RSFSR.

²⁷ *Doklady po narodnomu obrazovaniyu; Orenburgskoye gubernskoye zemskoye sobraniye*, 56.

²⁸ *Orenburgskoye zemskoye delo*, May 21 (June 3), 1917.

²⁹ *Orenburgskoye zemskoye delo*, December 17, 1917.

³⁰ *Sobraniye zakononiy i rasporyazheniy pravitel'stva za 1919 g.* (Moscow: Politizdat Publ., 1943), 845–846.

A meeting of the All-Russian Extraordinary Commission on the Elimination of Illiteracy with the representatives of the Council for the Education of Nationalities of the Non-Russian Language of the People's Commissariat of Education of the RSFSR in 1924 drafted a resolution on the "Elimination of Illiteracy among National Minorities," which, inter alia, stated:

1. To consider it necessary that all provincial and district emergency commissions for the elimination of illiteracy pay attention to work among national minorities...
- 2 ...Trade unions should register illiterate people according to nationality.
3. ...Military registration and enlistment offices should indicate the geographical location in the information available to them on the national composition of pre-conscripts.
4. Depending on local conditions... an organizational plan should be drafted eliminate illiteracy among each nationality.
5. For nationalities leading a nomadic and semi-nomadic lifestyle... it is recommended to organize mobile schools and mobile teachers...
7. To consider it necessary to educate persons not speaking Russian in their native language...
8. To ask the All-Russian Extraordinary Commission on the Elimination of Illiteracy to develop a manual to train people from nationalities that do not speak Russian but wish to study it.³¹

On June 15, 1920, the Orenburg Provincial Executive Committee issued an order on the elimination of illiteracy among the province's population in connection with the decree of the Council of People's Commissars of December 26, 1919, according to which classes with illiterate people were to begin on July 1, 1919.³² During the first years of Soviet power, the Orenburg region lacked the basics for classes, including premises, lighting, and equipment. Funding educational institutions was assigned to local budgets and contributions of various organizations.

As the Civil War raged from 1918 to 1921, efforts to eliminate illiteracy at the local level were minimal and inconsistent, given the lack of money for educational materials, fuel, textbooks in national languages, and qualified teachers, as well as the cultural backwardness of the population. According to one report, in village of Burtinsky volost of the Orenburg district: ...2) more than 90% of the population is illiterate; 3) there are no cultural institutions in the village, except for a one-room school.³³ This situation was typical of most villages with a predominantly non-Russian population. Because there were not enough teachers, classes were often conducted by people who were barely literate. Moreover, one teacher instructed 15–25 students.³⁴ In 1920 Sh. Aminov, the head of the department of national minorities at the Party's Ilets district committee, reported to the Party's provincial committee that practically no work was being done to eliminate illiteracy. At the time, only Sh. Aminov worked for the department, and the rest of its staff was mobilized to thresh the grain.³⁵ Meanwhile, in 1922, the sub-department of national minorities of the Orenburg Department of Public Education stopped its work due to the complete lack of staff, and two years later only three schools for national minorities operated in the province.³⁶

In the mid-1920s, as the national economy recovered under the New Economic Policy public education improved. By fall 1925, a shock campaign was planned to eliminate illiteracy among non-Russian nationalities.³⁷ At the time, 40% of the Tatar-Bashkir

³¹ Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (hereafter – GARF), f. 2314, op. 8, d. 100, l. 13.

³² "Prikaz Orenburgskogo gubispolkoma o likvidatsii negramotnosti sredi naseleniya gubernii v svyazi s izdaniyem dekreta SNK ot 26 dekabrya 1919 g.," in *Kul'turnoye stroitel'stvo v Orenburzh'ye: Dokumenty i materialy. 1918–1941* (Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1985), 20–21.

³³ Orenburgskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (hereafter – OGASPI), f. 1, op. 1, d. 353, l. 4.

³⁴ GARF, f. 2314, op. 2, d. 42, l. 4 ob.

³⁵ OGASPI, f. 1, op. 1, d. 75, l. 24.

³⁶ Ibid., d. 551, l. 2 ob.

³⁷ GARF, f. 2306, op. 69, d. 178, l. 17.

population, mostly farm workers, of Orenburg Province were illiterate.³⁸ Already that year, in the Orsk district, out of 53 departments for eliminating illiteracy, 11 taught its Kirghiz and there were four for the Tatar population. There were also a Tatar club, as well as a library for 500 readers, which supplied literature to all the district libraries. The library's staff published the newspaper *Krasnyi Chitatel'* (Red Reader), and organized the "Society of Friends of the Library," with 25 members.³⁹ However, the Muslim clergy discouraged the education of its believers, especially women.

The 1926 All-Union census reported on literacy rates among Orenburg's various nationalities: 43% of the Russian population, 44% of the Tatars and 24% of other minorities.⁴⁰ Among the province's 4,659 educated people, 1,146 (25%) were from its non-Russian nationalities.⁴¹ During the first decade of Soviet power, literacy among non-Russian nationalities did improve in the RSFSR as a whole, and during the 1926/1927 academic year there were 4,710 elementary schools for national minorities in the country.⁴²

Nevertheless, the finding in the census about Orenburg's low literacy disappointed the government, and during the late 1920s and early 1930's, it decided to deal with this deficiency by mobilizing the masses through cultural "storms," "month campaigns" (*mesiachniki*), cultural relays (*kul'testafet*), cultural "assaults" (*kul'tpokhody*), etc. In other words, the authorities hoped rapidly to eliminate illiteracy with widespread political agitation and propaganda, along with its efforts with to study the agro-minimum in the countryside and to improve the population's way of life.

During the month campaign to eliminate illiteracy in the Orenburg district in 1928, the relevant commission planned a wide network of educational centers and schools for semi-literate people, primarily among ethnic minorities. It paid particular attention to the such "backward" regions as Dombarovskii and Burtinskii. At that time, these centers and schools taught 12% of illiterate Tatars, 4% of Kazakhs, 5% of Bashkirs and Mordovians, 6% of Ukrainians and 1% of Germans. A shortage of supplies and teachers hampered this work, although little effort was needed for the district's Mennonite Germans, since they were already fully literate.⁴³

The Tatar-Bashkir Bureau of the party's central committee announced a cultural campaign among members of that population through:

1. Publication of a special brochure, "The first results of the cultural campaign," and the illustrated newspaper *Kul'tpokhod* ("Cultural campaign").
2. Publication of the *Kul'tpokhod* wall newspaper and special newspapers for the semi-literate in the NTA [the new Turkic alphabet], posters and slogans...
3. Approaching Vostoko-Kino (Eastern cinema) to produce a film about the cultural campaign among Eastern minorities.⁴⁴

The cultural campaign reported increases in the number of educational centers, propaganda rooms, and libraries. It also endeavored to disseminate political, agro-zoo-technical, veterinary and sanitary-educational information, and intensified the activities of volunteer societies. However, the campaign would have been more effective if it had operated with greater competence. Overstated and often unrealistic plans, poor implementation, as well as the low educational level of the teachers – all meant that "cultural storm"

³⁸ OGASPI, f. 1, op. 1, d. 731, l. 25.

³⁹ Ibid., f. 7, op. 7, d. 372, l. 4, 13 ob.

⁴⁰ Ibid., f. 1, op. 1, d. 969, l. 43–43 ob.

⁴¹ GAOO, f. 451, op. 1, d. 1, l. 169.

⁴² OGASPI, f. 1, op. 1, d. 1043, l. 33 ob.

⁴³ N.B. Tsibul'skiy, "Novyy etap dvizheniya za vseobshchuyu gramotnost' v Chelyabinskoy oblasti vo vtoroy polovine 30-kh godov," in *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo i politicheskogo razvitiya Urala v XVIII–XX vekakh* (Chelyabinsk: Chelyabinskii gosudarstvennyi universitet Publ., 1997), 167.

⁴⁴ OGASPI, f. 4, op. 1, d. 163, l. 13, 24 ob.

(*kul'turshturn*, i.e. work to eliminate Illiteracy) was carried out by autodidacts. Combined with the wide dispersion of the non-Russian population, the low wages did not attract even partially trained specialists. Therefore, random members of the population were recruited, including Komsomol youth, who were not respected by adults, as well as insufficiently prepared to carry out their task.

In the mid-1920s, the Soviet government replaced the Arabic and Old Mongolian alphabets traditionally used by its relevant minorities to the new Turkic alphabet, which used Latin letters. Then, in 1936–1940, the state moved from Latin to Cyrillic script. Such changes made eliminating illiteracy and semi-literacy even more difficult, as students had to learn to read and write repeatedly. The mass campaign to transition to the Latin, and then to the Cyrillic alphabets among ethnic minorities was directed by the central committees of the party at all levels and carried out by central, regional and district committees of the new Turkic alphabet.

On November 30, 1928, the Orenburg District Bureau was set up to with the ambitious task of introducing the new Turkic alphabet to the Bashkir, Tatar and Kazakh population. Given their large share of the province's minorities, it was not an easy task. To eliminate illiteracy among the non-Russian population more effectively, the cells charged with introducing the new Turkic alphabet merged with those of the "Down with Illiteracy" Society. Once again, this process was significantly hampered by the lack of the necessary teaching supplies.⁴⁵

The vicissitudes of the alphabet complicated the elimination of illiteracy of the non-Russian population in their native language. During the cultural campaign, the Central Committee's Tatar-Bashkir Bureau resolved to introduce short-term courses for Tatar-Bashkir activists, issue enough textbooks, and mobilize the press to organize a competition of Komsomol cells among teachers of the new Turkic alphabet.⁴⁶ However, after the campaign, efforts to eliminate illiteracy, and the number of educational centers decreased.

Then, in early 1930, all of Orenburg's educational centers and schools for semi-literate people adopted the new Latin alphabet. Since industry and the Red Army presupposed Russian literacy among national minorities, instructors at many schools taught in both Russian and native languages. Nevertheless, in the second half of the 1930s, training the region's non-Russian peoples remained difficult. Among other, education continued to be hindered by the use of Arabic and Old Mongolian alphabets among the Muslim population and the lack of Soviet reading matter.

The 17th Party Congress in 1934 announced the goal to eliminate all illiteracy and semi-literacy by the end of the Second Five-Year Plan (1933–37). As a result, in its decree "On the Preparation of Schools for Adults for the New School Year" of August 15, 1935, the Orenburg Region Executive Committee's presidium noted that work to eliminate illiteracy in the province's national regions was unsatisfactory. The heads of public education bodies were given personal responsibility for provide schools for all minorities.⁴⁷ During the 1935–1936 academic year, 278 (15%) of 1,797 adult students in Orenburg's 41 schools were from non-Russian nationalities.⁴⁸

By the mid-1930s, reforming schools for adults became urgent. To this end, the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and the Council of People's Commissars of the USSR adopted the resolution "On the work of training the illiterate and semi-literate" in 1936. The document ordered the full elimination of il-

⁴⁵ OGASPI, f. 209, op. 1, d. 50, l. 3.

⁴⁶ Ibid., f. 4, op. 1, d. 145, l. 1–3.

⁴⁷ Ibid., f. 209, op. 1, d. 50, l. 3.

⁴⁸ К.А. Morgunov, *Istoricheskiy opyt gosudarstvennogo regulirovaniya natsional'nykh otnosheniy na Yuzhnom Urale (1917–1939 gg.)* (Orenburg: Orenburgskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet Publ., 2000), 234–235.

literacy and semi-literacy among all people under 50 during the 1936–37 school year, and approved curricula and programs for schools for adults. The decree galvanized work to implement full literacy. A survey of the region was carried out. Taking into account all Kazakhs working on collective farms, the heads of state farms (*sovkhozy*) and political departments were instructed to identify the level of their literacy and eliminate illiteracy in their native language by the end of 1936. Plans were also made to provide newspapers and other reading matter, to teams of the most literate collective farmers.⁴⁹

The survey of seven districts of the region in 1936 revealed that teaching the non-Russian population remained hard due to continuing shortages lack of the necessary facilities, textbooks, as well as qualified teachers. In the Akbulakskii district, the school at the Kazakh collective farm “Communist” was located in the residence of its horse grooms, while there were no textbooks in the Kazakh language.⁵⁰ To address this situation, the Party’s Orenburg regional committee ordered educational centers to obtain notebooks and textbooks in the Kazakh and Tatar languages, as well as to teach Kazakh during vacation.⁵¹

Conclusions

Teaching Orenburg’s non-Russian adults proved to be very difficult. This can be partially explained by the fact that the work was carried out among the most poorly organized rural population. Given the predominance of Muslims among the province’s minorities and the brief existence of its *zemstvo*, plans to educate non-Russians were barely implemented before 1917. Nevertheless, the local government bodies made a significant contribution to the educational work among non-Russian peoples by setting up courses and public libraries, as well as organizing public readings tailored to the needs of minorities.

After the 1917 Revolution, the new authorities continued the work. However, eliminating illiteracy among these nationalities continued to lag. In parallel with teaching them to read and write, campaigns were launched to wean Turkic-Tatar ethnic groups away from the Arabic alphabet and adopt the new, Latin script (*ianalif*), and then retrain them to use Cyrillic letters. Nevertheless, eliminating illiteracy in the Soviet period established *de facto* equality among the country’s many peoples. Improving the population’s cultural and educational levels of the population helped to shape a new generation of Soviet citizens in the socialist spirit, as well as promoting the rise of an intelligentsia among each nationality in the republics.

Рукопись поступила: 12 января 2020 г.

Submitted: 12 January 2020

References

- Akanov, K.G., and Lyubichankovsky, S.V. “Orenburg in the History of Integration of Kazakh Steppe in the Russian Imperia XVIII – beginning of XX century.” *Bylye Gody* 48, no. 2 (2018): 484–495.
- Bakanov, S.A. “About the rate of liquidation of illiteracy in Kazakhstan in 1926–1939.” *Voprosy istorii*, no. 8 (2002): 142–145 (in Russian).
- Bogdanov, I.M. *Gramotnost' i obrazovaniye v dorevolyutsionnoy Rossii i v SSSR: (Istoriko-statisticheskiye ocherki)*. Moscow: Statistika Publ., 1964 (in Russian).
- Lyubichankovskiy, S.V. “Educational policy of the Russian Empire and the formation of the Kazakh intelligentsia in the Orenburg region in the second 19th century.” *Samara Scientific Bulletin* 7, no. 4 (2018): 245–249 (in Russian).

⁴⁹ GARF, f. 374, op. 27, d. 488, l. 132.

⁵⁰ OGASPI, f. 371, op. 1, d. 451, l. 24–25.

⁵¹ *Ibid.*, f. 371, op. 1, d. 682, l. 11.

- Lyubichankovskiy, S.V. *Politika akkul'turatsii sredstvami prosveshcheniya islamskikh poddannyykh Rossiyskoy imperii: istoricheskiy opyt Orenburgskogo kraya (seredina XIX – nachalo XX vv.)*. Orenburg: OGAU Publ., 2018 (in Russian).
- Lyubichankovskiy, S.V. “Foreign education” in the south Ural as a subject of study of regional historiography (1869–2004).” *Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical sciences* 1, no. 1 (2019): 99–104 (in Russian).
- Morgunov, K.A. *Istoricheskiy opyt gosudarstvennogo regulirovaniya natsional'nykh otnosheniy na Yuzhnom Urale (1917–1939 gg.)*. Orenburg: Orenburgskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet Publ., 2000 (in Russian).
- Petrich, L.V., and Lyubichankovskiy, S.V. “The literacy rate of the adult population of Orenburg region based on the materials of the first Soviet censuses.” *Samara Scientific Bulletin* 6, no. 3 (2017): 242–246 (in Russian).
- Safarova, A.D. *Razvitiye obrazovaniya natsional'nykh men'shinstv v Orenburgskom krae (konets XIX veka – 1940 g.)*. Orenburg: Orenburgskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet Publ., 2009 (in Russian).
- Safronov, A.A. “Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossii 1897 g.: razrabotka dannykh o gramotnosti, ikh informatsionnyy potentsial i dostovernost'.” In *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'*, 203–219. Yekaterinburg: Ural'skiy Universitet Publ., 2003 (in Russian).
- Serebrennikov, Yu.N. *Uroven' gramotnosti i obrazovaniya naseleniya Urala (1861–1917 gg.)*. Orenburg: Orenburgskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy Universitet Publ., 1998 (in Russian).
- Sivovolov, D.F., and Yusupov, M.R. *Kul'turno-prosvetitel'naya deyatel'nost' zemstv Urala (1864 – fevral 1917 g.)*. Chelyabinsk: CHVVAKKIU Publ., 2008 (in Russian).
- Tsibul'skiy, N.B. “Rabota po likvidatsii negramotnosti sredi natsional'nykh men'shinstv v Chelyabinskoy oblasti v 1930-ye gody.” In *Dvenadtsatye Biryukovskiy chteniya: Tezisy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, 69–71. Chelyabinsk: [S.n.], 1996 (in Russian).
- Tsibul'skiy, N.B. “Novyy etap dvizheniya za vseobshchuyu gramotnost' v Chelyabinskoy oblasti vo vtoroy polovine 30-kh godov.” In *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo i politicheskogo razvitiya Urala v XVIII–XX vekakh*, 159–169. Chelyabinsk: Chelyabinskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 1997 (in Russian).
- Vasil'yev, D.V., and Lyubichankovskiy, S.V. “Kazakhs and Russians: domestic acculturation in the 19th century.” *Voprosy istorii*, no. 3 (2018): 151–165 (in Russian).
- Vladykina, V.A. “Conceptual problems of national education in Soviet Russia (1920–1930s).” *Pedagogy*, no. 10 (2000): 71–75 (in Russian).
- Zhiromskaya, V.B. *Demograficheskaya istoriya Rossii v 1930-ye gg. Vzgl'yad v neizvestnoye*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2001 (in Russian).

Библиографический список

- Баканов С.А. О темпах ликвидации неграмотности в Казахстане в 1926–1939 годах // Вопросы истории. 2002. № 8. С. 142–145.
- Богданов И.М. Грамотность и образование в дореволюционной России и в СССР: (Историко-статистические очерки). М.: Статистика, 1964. 195 с.
- Васильев Д.В., Любичанковский С.В. Казахи и русские: бытовая аккультурация в XIX в. // Вопросы истории. 2018. № 3. С. 151–165.
- Владыкина В.А. Концептуальные проблемы национального образования в Советской России (1920–1930-е гг.) // Педагогика. 2000. № 10. С. 71–75.
- Жиromская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. 280 с.
- Любичанковский С.В. Образовательная политика Российской империи и формирование казахской интеллигенции на территории Оренбургского края во второй XIX века // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7. № 4. С. 245–249.
- Любичанковский С.В. Политика аккультурации средствами просвещения исламских подданных Российской империи: исторический опыт Оренбургского края (середина XIX – начало XX вв.). Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2018. 264 с.

- Любичанковский С.В.* «Инородческое образование» на Южном Урале как предмет изучения региональной историографии (1869–2004) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2019. Т. 1. № 1. С. 99–104.
- Моргунов К.А.* Исторический опыт государственного регулирования национальных отношений на Южном Урале (1917–1939 гг.). Оренбург: Оренбургский государственный педагогический университет, 2000. 279 с.
- Петрич Л.В., Любичанковский С.В.* Уровень грамотности взрослого населения Оренбуржья по материалам первых советских переписей // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 3. С. 242–246.
- Сафарова А.Д.* Развитие образования национальных меньшинств в Оренбургском крае (конец XIX века – 1940 г.). Оренбург: Оренбургский государственный педагогический университет, 2009. 186 с.
- Сафронов А.А.* Первая всеобщая перепись населения России 1897 г.: разработка данных о грамотности, их информационный потенциал и достоверность // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург: Уральский университет, 2003. С. 203–219.
- Серебренников Ю.Н.* Уровень грамотности и образования населения Урала (1861–1917 гг.). Оренбург: Оренбургский государственный педагогический университет, 1998. 166 с.
- Сиволов Д.Ф., Юсупов М.Р.* Культурно-просветительная деятельность земств Урала (1864 – февраль 1917 г.). Челябинск: ЧВВАККИУ, 2008. 156 с.
- Цибульский Н.Б.* Работа по ликвидации неграмотности среди национальных меньшинств в Челябинской области в 1930-е годы // Двенадцатые Бироковские чтения: Тезисы научно-практической конференции. Челябинск: [Б.и.], 1996. С. 69–71.
- Цибульский Н.Б.* Новый этап движения за всеобщую грамотность в Челябинской области во второй половине 30-х годов // Проблемы социально-экономического и политического развития Урала в XVIII–XX веках. Челябинск: Челябинский государственный университет, 1997. С. 159–169.
- Akanov K.G., Lyubichankovskiy S.V.* Orenburg in the History of Integration of Kazakh Steppe in the Russian Imperia XVIII – beginning of XX century // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 48. № 2. P. 484–495.

Информация об авторах / Information about the authors

Алешина Светлана Александровна, кандидат педагогических наук, ректор Оренбургского государственного педагогического университета.

Svetlana A. Aleshina, Kandidat Istoricheskikh Nauk [Ph.D. in History], Rector of the Orenburg State Pedagogical University.

Петрич Лариса Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета.

Larisa V. Petrich, Kandidat Pedagogicheskikh Nauk [Ph.D. in Pedagogical], Associate Professor, Department of Russian History, Orenburg State Pedagogical University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-625-640>

Научная статья / Research article

Целинный фронтир: особенности освоения целины в Оренбуржье

Е.В. Пахомова

Оренбургский государственный педагогический университет;
460014, Россия, Оренбург, ул. Советская, 19; e-v-pahomova@yandex.ru

Virgin Frontier: Features of Virgin Land Development in Orenburg Region

Elena V. Pakhomova

Orenburg State Pedagogical University;
19, Sovetskaya St., Orenburg, 460014, Russia; e-v-pahomova@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена массовому освоению целины как особому фронтирному процессу советского периода. Автор характеризует целинные регионы как пространство уникального внутреннего фронта. Основной предпосылкой к началу широкомасштабной освоенческой кампании стало наличие на востоке страны внушительных по площади, слабозаселенных и практически неиспользуемых земельных массивов. В процессе исследования Оренбургский край рассматривается в качестве одного из крупнейших регионов, развернувших «наступление на целину». В процессе распашки новых земельных массивов практически не учитывалась специфика регионов, вошедших в непосредственную зону освоения. Применение шаблонных приемов негативно отразилось на развитии созданных на целине хозяйств. Очевидные просчеты были допущены в ходе организации производственной и социальной инфраструктуры. В статье акцентируется внимание на тяжелых условиях жизни и труда на целине в первые годы ее освоения. Освоение новых земель привело к формированию уникального целинного пространства. Его созданию предшествовал сложный процесс. «Целинное братство» строилось посредством совместного преодоления многих трудностей, параллельно с развитием целинных поселков. На первоначальном этапе сплочению переселенческого сообщества отчасти способствовали территориальная и информационная изоляция. Доказывается, что постепенно целина изживала черты, характерные для фронтирных регионов в целом. Уже в середине 1960-х гг. зона освоения новых земель в Оренбуржье практически полностью утратила присущую ей в начале кампании фронтирную специфику.

Ключевые слова: освоение целинных и залежных земель, оренбургская целина, Оренбургский край, фронтирные процессы, целинный фронтир

Для цитирования: Пахомова Е.В. Целинный фронтир: особенности освоения целины в Оренбуржье // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 3. С. 625–640. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-625-640>

Abstract: The present article studies the massive virgin land campaigns as a special frontier process of the Soviet period. The author characterizes virgin regions as a space of a unique inner frontier. The main prerequisite for the beginning of a large-scale development campaign was the presence, in the East of the country, of vast areas that were sparsely populated and almost unused. This study identifies Orenburg region as one of the largest regions that saw an «attack on virgin land». As the virgin campaign unfolded, it began to face various kinds of problems and difficulties. In the process of plowing new land masses, the specifics of the regions in the immediate development zone were practically

not taken into account. The use of standardized techniques had a negative impact on the development of the farms established on virgin land. Obvious mistakes were made in the course of organizing the production and social infrastructure. The article focuses on the difficult living and working conditions on virgin land in the first years. The development of new lands led to the formation of a unique virgin area. Its creation was preceded by a complex process. A «virgin brotherhood» emerged through the joint overcoming of many difficulties, in parallel with the development of virgin villages. At the initial stage, the territorial and informational isolation of the region contributed to the consolidation of the resettlement community. It is demonstrated that the virgin land gradually lost the features typical for frontier regions. Already by the mid-1960s, the zone of development of new lands in Orenburg region almost completely lost the inherent frontier specificity that it had at the beginning of the campaign.

Keywords: development of virgin and fallow lands, Orenburg virgin land, Orenburg region, frontier processes, virgin frontier

For citation: Pakhomova, Elena V. “Virgin Frontier: Features of Virgin Land Development in Orenburg Region.” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 3 (August 2020): 625–640. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-625-640>

Введение

В современной российской исторической науке концепция фронта становится все более популярной и востребованной. Первоначальное ее ядро составляло представление об открытом, очевидном противостоянии двух миров – «цивилизации – дикости», «своих – чужих» и т.п., что нашло отражение в многочисленных трудах зарубежных и отечественных историков, социологов, культурологов и др.¹ По мере погружения исследователей во «фронтирную» проблематику стали открываться новые научные горизонты, освоение которых способствовало складыванию самостоятельного концептуального направления. И, как следствие этого, под влиянием «фронтирной» научной школы в последние годы происходит серьезное переосмысление важнейших этапов российской истории.

Представители данного направления рассматривают Россию как страну с ярко выраженной фронтирной организацией, которая на протяжении столетий сохраняла «освоенческий синдром». Доказательством этого служат хронологическая растянутость колонизационных процессов, экстенсивный характер аграрной экономики, региональные и этнокультурные контрасты и диспропорции и, наконец, различная степень заселенности и освоенности территорий². В традиционном понимании фронт характеризуется как территория мультикультурности, зона формирования стереотипов, отличных от соседствующих групп и исходных традиций, как пространство неизбежных конфликтов³.

¹ Романова А.П. Межкультурные коммуникации на фронтире и вне фронта (сравнительный анализ) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 3. С. 298–304; Романова А.П. Специфика межкультурных коммуникаций на фронтирных территориях // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 3. С. 266–271; Якушенков С.Н., Якушенкова О.С. Изобилие ресурсов как одна из черт фронтирных территорий // Человек. Сообщество. Управление. 2013. № 2. С. 4–15; Хлыщева Е.В. Проблемы межкультурного взаимодействия на фронтирных территориях: к проблеме культурной безопасности // Журнал Фронтирных Исследований. 2016. № 1. С. 33–43; Дроздова А.А. Фронтирное расширение Запада в контексте взаимоотношений центра и периферии // Вопросы науки и образования. 2018. № 15. С. 76–79; Мецержков А.Ю. Изобилие ресурсов как одна из черт фронтирных территорий (на примере Амурского края и Нижнего Поволжья) // Астраханские Петровские чтения: «Россия – Астрахань – Восток»: интегральное взаимодействие (к 300-летию образования Астраханской области): материалы Междунар. науч. конф. Астрахань, 2018. С. 189–192.; Самарина В.П., Скуфына Т.П. Северные регионы России как фронтирные территории: демографические показатели и инновации в управлении // Инновации. 2018. № 11. С. 39–44; Напольникова П.К. Этнический фактор на пограничной территории // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 24. № 182. С. 220–224.

² Побережников И.В. Азиатская Россия: фронт, модернизация // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2011. № 4. С. 193.

³ Епимахов А. Теория фронта и археология бронзового века Урала // Quaestio Rossica. 2018. Т. 6. № 1. С. 208.

Для региональной истории особое значение приобретает такое понятие, как «внутренний фронтир». Специфика внутреннего фронта проявляется в его условности. Как правило, данное понятие применяется в отношении территорий, которые оказались зажатыми между более развитыми метрополиями и находящимися во взаимодействии с ними⁴. Важно подчеркнуть, что это не периферия, а территория, окруженная со всех сторон отличающимися фронтирными акторами⁵.

Фронтирные процессы советской поры были довольно многочисленными и отличались невероятной масштабностью. Однако особое место среди них занимало массовое освоение целинных и залежных земель, развернувшееся в восточных районах страны в середине XX в. Став уникальным экономическим и общественно-политическим явлением советской действительности, целинная кампания ознаменовала собой грандиозную эпоху отечественной истории в новейший период. Целинные регионы, ставшие эпицентрами «наступления на веками пустовавшие степи», образовали пространство уникального внутреннего фронта.

Специфика целинного фронта

Освоение целины началось в середине 1950-х гг. и растянулось на целое десятилетие. Основной предпосылкой к его началу стало наличие на востоке страны внушительных по площади, слабозаселенных и практически неосвоенных в хозяйственно-экономическом отношении земельных массивов. В числе российских регионов, развернувших «наступление на целину», особое место принадлежало Оренбуржью.

То, что Оренбургский край стал местом проведения такой широкомасштабной кампании, было вполне объяснимо. Одно из первых научно-популярных изданий по этой теме – «Подвиг на целине. Летопись освоения целинных и залежных земель в Оренбургской области» – следующим образом характеризует имевшиеся здесь природные ресурсы: «Оренбургская область – одна их крупнейших на юго-востоке европейской части Советского Союза. Она протянулась... на 750 километров. На ее территории, равной 122,8 тысячи квадратных километров, могут уместиться Дания, Голландия и Швеция, вместе взятые... Преобладающая часть области занята плодородными степями: четыре пятых ее земель – тучные и обыкновенные черноземы. По области текут, окаймленные зелеными берегами, реки Урал, Сакмара, Салмыш, Орь, Тобол, Илек, Суундук, Кумак и другие. В широкие равнины, как островки в море, вкраплены большие и малые озера»⁶.

В период проведения массовой целинной кампании в Оренбуржье было создано 11 новых крупных совхозов и освоено более 1,8 млн га новых земель⁷. Как большинство фронтирных процессов, освоение оренбургских целинных просторов отличала некоторая хронологическая растянутость. В рамках проводившейся широкомасштабной кампании можно выделить два основных этапа. Первый охватил 1954–1956 гг. Это было время непосредственного введения в сельскохозяйственный оборот колоссальных земельных массивов и устремления на целину массовых переселенческих потоков, когда буквально «с первого колышка» в голой степи были организованы новые совхозы. Второй этап относился к 1957–1964 гг. – периоду дальнейше-

⁴ Якушенков С. Внутренний фронтир как фактор международных отношений // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 3. С. 129.

⁵ Якушенков С. Фронтир как культурная парадигма // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 1. С. 292.

⁶ Подвиг на целине. Летопись освоения целинных и залежных земель в Оренбургской области. Оренбург, 1961. С. 9.

⁷ Футорянский Л.И. Из истории освоения целинных и залежных земель в Оренбургской области: сборник документов и материалов. Оренбург, 1988. С. 7.

го хозяйственного освоения территорий, создания на них современной для того времени производственной и социальной инфраструктуры⁸.

Реализация целинного проекта оказалась многоступенчатой и была направлена на последовательное решение нескольких важных задач. Безусловно, приоритетной задачей массового освоения новых земель являлась скорейшая ликвидация кризиса зернопроизводства. В восточных районах страны создавались современные совхозы-гиганты, которые должны были стать настоящими «фабриками зерна». Благодаря массовому вовлечению в сельскохозяйственный оборот целины и залежей производство хлеба в регионе поднялось на невиданную ранее высоту. За пятилетний период (с 1953 по 1958 гг.) сборы зерна выросли на 48 %, а товарного зерна – на 74 %⁹. В 1956 и 1968 гг. в результате сбора рекордных урожаев (153 и 360 млн пуд. зерна соответственно) Оренбургская область была награждена орденом В.И. Ленина¹⁰.

Следующим важнейшим шагом должно было стать развитие товарного животноводства. В связи с тем, что организованные на целинных землях совхозы в основном были сориентированы на зернопроизводство, с их помощью планировалось сформировать зерновые фонды, предназначенные для откорма скота в традиционных сельскохозяйственных (нецелинных) районах, и, таким образом, преодолеть существовавшую проблему кормовой базы в животноводческой отрасли. Однако транспортировка зерна и отходов зернопроизводства с целины потребовала значительных затрат, что, в свою очередь, приводило к увеличению себестоимости продукции животноводства. По причине экономической нецелесообразности от этих планов пришлось отказаться. В кратчайшие сроки общая концепция развития животноводческой отрасли была пересмотрена. Как следствие, в конце 1950-х гг. ставка была сделана на развитие товарного животноводства уже непосредственно в целинных хозяйствах, где для этого имелись все необходимые условия: развитое зернопроизводство (и, как следствие этого, достаточное количество зерновых отходов), наличие обширных пастбищ и сенокосных угодий, естественных и искусственных водоемов и др. С этого времени в рамках целинной кампании стало набирать обороты организованное движение за освоение «второй» (животноводческой) и «голубой»¹¹ (птицеводческой) целины¹².

Призывы организовать на новых землях крупные животноводческие и птицеводческие фермы были поддержаны в Оренбуржье. В начале 1960-х гг. целый ряд целинных хозяйств области добился в этом направлении высоких показателей. Успешный опыт их работы стал широко внедряться в производство. В рассматриваемый период лидирующие позиции в развитии птицеводства занимали совхозы «Брацлавский», «Адамовский», «Каинды-Кумакский», «Комсомольский» и «Аниховский». Серьезные достижения в организации овцеводства на целине имел совхоз «Комсомольский». В 1964 г. в районах освоения новых земель активно велись работы по внутрисовхозной специализации для того, чтобы целенаправленно развивать крупные специализированные молочные, мясные, овцеводческие и птицеводческие фермы с учетом специфики каждого отдельного хозяйства¹³.

⁸ Семенов Е.А. Геологическая и эколого-экономическая интерпретация понятийно-терминологических дефиниций целинной регионалистики // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 10. С. 432.

⁹ Футорянский Л.И. Из истории освоения... С. 5.

¹⁰ Крючков В.П. Оренбургской области – 40 лет. Оренбург, 1974. С. 18.

¹¹ Под «голубой» целиной в конце 1950-х – начале 1960-х гг. подразумевали голубую гладь водоемов целинных районов (прудов, озер и рек).

¹² Воронов Г. Полнее использовать резервы сельского хозяйства // Коммунист. 1959. № 12. С. 21.

¹³ Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф. Р-846. Оп. 3. Д. 1601. Л. 138–139.

И все же инициированная на втором этапе кампании затея с освоением «второй» и «голубой» целины оказалась довольно неоднозначной. В четырех наиболее крупных целинных районах Оренбуржья наблюдался устойчивый рост производства животноводческой продукции. Однако ситуация по области в целом оставалась довольно сложной. В начале 1960-х гг. на освоенных землях стала резко снижаться урожайность зерновых культур. В некоторых хозяйствах из-за этого произошел падеж скота. Ряд совхозов столкнулся с проблемой водоснабжения. И с середины 1960-х гг., в условиях отсутствия дополнительного государственного финансирования, целинное животноводство стало регулярно испытывать трудности¹⁴.

Исключительной особенностью оренбургского целинного фронта можно считать отсутствие здесь фактора этнической напряженности. На протяжении советского периода целину воспевали как «кузницу дружбы народов», «планету ста языков», «школу интернационального воспитания» т.п. Трудовые коллективы в районах освоения новых земель повсеместно состояли из представителей различных национальностей. В Оренбургский край добровольцы приезжали из Белоруссии, Украины, Латвии, Эстонии, Чувашии, Мордовии, Кабардино-Балкарии и других регионов страны¹⁵. Тем не менее, внутри образовавшегося целинного сообщества этнический фактор себя практически не проявлял. В целом на протяжении десятилетнего периода – с 1954 по 1964 гг. – на оренбургской целине не было отмечено конфликтов, которые имели бы межнациональную подоплеку.

Располагавшиеся на территории Оренбуржья районы освоения новых земель, по существу, являлись внутренним фронтиром. Они оказались зажатыми между территориями, в значительной степени от них отличавшимися. Широкомасштабная кампания практически десятилетие не сходилась с передовиц советских периодических изданий и постоянно находилась в поле зрения общественности. Несмотря на это, целинные районы жили своей обособленной жизнью. На территории Оренбургского края предназначенные к подъему земельные массивы находились в малонаселенной местности со слабо развитой инфраструктурой. Новые хозяйства создавались вдали от железных дорог, в среднем их удаленность от железнодорожных магистралей составляла порядка 100–200 км, а иногда и более. Помимо этого, в районах освоения практически не было шоссейных дорог. Добраться до целинных совхозов и МТС на первоначальном этапе можно было только по плохо укатанным проселочным дорогам. Иногда точное место расположения центральных усадеб будущих хозяйств можно было определить только при помощи карты и компаса¹⁶.

В условиях весенней или осенней распутицы грунтовые дороги раскисали настолько, что целинникам приходилось по нескольку дней ждать, пока до них доберутся машины с водой, продуктами, различными товарами, корреспонденцией и пр. Соответственно, и пробиться из организованных на целинных землях хозяйств «на большую землю» также можно было с большим трудом. В зимнее время из-за сильных буранов переселенцы часто оказывались отрезанными близлежащих населенных пунктов. Для того, чтобы не допустить гибели людей, которые при неблагоприят-

¹⁴ Якушов А.И. Деятельность Оренбургской партийной организации по освоению целинных земель и увеличению производства зерна // Ученые записки Орского государственного педагогического института им. Т.Г. Шевченко. Орск, 1962. С. 154; Бельков Г.И. Оренбургской целине – 50 лет: вчера, сегодня, завтра // Проблемы целинного земледелия: сборник научных трудов к 50-летию начала освоения целинных земель. Оренбург, 2004. С. 8–9.

¹⁵ Федорова А.В. Освоение целинных и залежных земель в Оренбуржье: опыт, проблемы, уроки // Тезисы докладов научно-практической конференции, посвященной 40-летию освоения целины. Оренбург, 1994. С. 11.

¹⁶ Малыгин В. Преображенная степь // По родному краю: сб. краеведческих очерков / ред. Г.В. Худяков. Чкалов, 1956. С. 49.

ных погодных условиях по тем или иным причинам могли оказаться в степи, местные власти шли на чрезвычайные меры. Так, зимой 1956 г., оказавшейся морозной и буранной, был отмечен случай, когда снегопад продолжался более недели, в связи с чем местными властями на целину были направлены телефонограммы о запрете под личную ответственность руководителей хозяйств выпускать людей из населенных пунктов¹⁷. В последующий период территориальную изоляцию районов освоения новых земель удалось преодолеть по мере развития сети автомобильных дорог, а также благодаря строительству на оренбургской целине узкоколейной железной дороги.

На начальном этапе проведения кампании еще одним фактором, обусловившим некоторую оторванность целинных хозяйств от остального мира, стала их информационная изоляция. Она стала результатом отсутствия в районах освоения телефонной и радиосвязи, а также регулярного почтового сообщения. На тот момент в новых совхозах и МТС еще не были созданы отделения связи, поэтому доставка адресованной первоцелинникам корреспонденции возлагалась исключительно на сами хозяйства. Например, в совхоз «Комсомольский» почту возили на тракторе, а когда из-за разлива рек дороги портились, – сбрасывали с самолета¹⁸. Газеты и журналы приходили на целину с большим опозданием. Поэтому главным источником новостей для переселенцев становились люди, приехавшие к ним «с большой земли», либо сами первоцелинники, выезжавшие за пределы своих хозяйств.

В первые месяцы освоения новых земель связь с целинниками можно было поддерживать только посредством использования раций. Это был единственный доступный информационный канал. Поэтому в 1954 г. все без исключения хозяйства, организованные в зоне освоения целины и залежей, были обеспечены рациями, благодаря которым поддерживалась связь с Орским трестом совхозов¹⁹.

По мере развития транспортной инфраструктуры, телефонной сети и радиосвязи, а также почтовых отделений информационный барьер между целиной и нецелинными территориями был постепенно разрушен. Вместе с ним из жизни переселенцев уходило ощущение забытости, брошенности «на краю географии». Очевидно, что такая вынужденная территориальная и информационная изоляция способствовала еще большему сплочению целинного сообщества, его превращению в настоящий социальный монолит.

«Болевые точки» массовой целинной кампании

По мере освоения новых земель постепенно появляются различного рода проблемы и трудности. Возникавшие «барьеры» не могли тормозить освоенческий процесс в целом, но существенным образом сказывались на темпах его развития. Главная причина этого заключалась в том, что при проведении целинной кампании практически не учитывалась специфика регионов, вошедших в зону освоения новых земель. Довольно быстро выяснилось, что четко следовать инструкциям и директивам, направлявшимся на места, невозможно, так как постоянно возникала необходимость приспособлять их к конкретным условиям. Например, распахать вековую целину оказалось совсем непросто. В некоторых совхозах и МТС Оренбургского края предназначенные для освоения поля оказались усыпанными каменными глыбами. Поэтому, прежде чем приступить к подъему новых земель и не вывести из строя сельскохозяйственную технику, приходилось сначала эти камни собирать²⁰.

¹⁷ Планета-целина: сборник статей. Оренбург, 2004. С. 58.

¹⁸ Там же. С. 51.

¹⁹ Оренбургский государственный архив социально-политической истории (далее – ОГАСПИ). Ф. 371. Оп. 17. Д. 2004. Л. 3.

²⁰ Тяжельников Е.М. Покорители целины. Челябинск, 1957. С. 21–22.

Помимо этого в первые дни полевых работ выяснилось, что тракторам С-80, преобладавшим в тракторных парках организованных хозяйств, не хватает мощности для того, чтобы тянуть, как это предписывала инструкция, два плуга. Целинная земля не поддавалась. Сельскохозяйственная техника (прежде всего плуги и бороны) ломалась, и, как следствие этого, установленные нормы производительности труда не выполнялись. Ситуация усугублялась перерасходом горючего. Поэтому трактористы были вынуждены использовать только один плуг. Это неизбежно приводило к проблемам с выполнением норм выработки, которые приходилось компенсировать за счет оптимизации других производственных процессов, например, усовершенствования порядка заправки тракторов и ухода за ними, либо самостоятельно «доводить до ума» несовершенную технику, направляя на это силы радионализаторов и местных умельцев²¹.

Игнорирование региональной специфики и применение на целине шаблонных приемов, в конечном счете, обошлось очень дорого. В первые годы целинной кампании темпы распашки земель опережали процесс определения их пахотнопригодности и проведения землеустроительных работ. Теоретически подъем новых земель должен был ограничиться освоением черноземных почв под земледелие и каштановых почв – под скотоводство. По факту в сельскохозяйственный оборот оказались вовлечены почвы с различными агрометеорологическими свойствами (солонцы, солонцеватые и засоленные почвы и пр.)²².

Применение в целинных регионах агротехнических приемов, неадаптированных к местным условиям, обернулось настоящей катастрофой. Насажение пропашной системы земледелия привело к необратимым последствиям. Сплошная глубокая вспашка, практиковавшаяся в целинных хозяйствах, повлияла на структуру почвы и способствовала интенсивному разрушению гумусного слоя. С середины 1950-х гг. серьезной проблемой для восточного Оренбуржья стали пыльные бури, поднимавшие в воздух в основном плодородный слой почвы и повлекшие за собой уничтожение огромных площадей посевов и степной растительности. Нередкими стали явления смыва почвы. Нарушение элементарных правил агротехники обусловило увеличение общей массы сорняков на полях. В совокупности эти факторы негативно отразились на способности оренбургских степей к саморегуляции и самовосстановлению²³.

Работы над созданием системы земледелия, соответствовавшей целинной специфике, были начаты в начале 1960-х гг., когда урожайность зерновых культур в районах освоения новых земель угрожающе снизилась. Только спустя десять лет после начала кампании начали внедряться эффективные меры по защите почв и посевов от водной и ветровой эрозии, по предотвращению пыльных бурь на распаханых массивах, снижению влияния засухи и т. д. Новая почвозащитная система земледелия

²¹ Тяжельников Е.М. Покорители целины. Челябинск, 1957. С. 23–24; Теляковский В.А. Целина – это прежде всего обилие хлеба // Герои целины. Из опыта покорителей целины Казахстана, Сибири, Урала и Поволжья: Сборник статей. М., 1957. С. 537.

²² Климентьев А.И. Сельскохозяйственное освоение черноземных степей Оренбуржья // География, экономика и экология Оренбуржья: сборник статей, посвященный 250-летию Оренбургской губернии: труды Оренбургского филиала Русского географического общества. Оренбург, 1994. С. 19–20; Дубачинская Н.Н., Тейхриб П.П., Попов А.Н. Эффективность освоения целинных и залежных земель // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2004. № 4. С. 13.

²³ Бельков Г.И. Повышение эффективности использования биоклиматических ресурсов освоенных земель // Тезисы докладов научно-практической конференции, посвященной 40-летию освоения целины. Оренбург, 1994. С. 59; Дубачинская Н.Н. Адаптация растений в агроландшафтной системе земледелия степной зоны Южного Урала // Тезисы докладов научно-практической конференции, посвященной 40-летию освоения целины. Оренбург, 1994. С. 73; Левыкин С.В. Социально-экономические и экологические последствия освоения целины в Оренбуржье в 1954–1962 гг. // География, экономика и экология Оренбуржья: сборник статей, посвященный 250-летию Оренбургской губернии: труды Оренбургского филиала Русского географического общества. Оренбург, 1994. С. 89–90.

лия была предназначена специально для степных районов страны. Ее применение устранило угрозу экологического кризиса, однако не решило данную проблему кардинально²⁴.

Вместе с тем очевидные просчеты были допущены по ходу организации в целинных регионах производственной и социальной инфраструктуры. История любого нового хозяйства начиналась с палаточного городка в степи. Со временем на их месте должны были вырасти крупные современные поселки. Объекты, обеспечивавшие производственную деятельность совхозов (конторы, гаражи, ремонтные мастерские, производственные фермы, складские помещения и пр.), и объекты соцкультбыта (дома, общежития, школы, больницы, магазины, бани, обувные и швейные мастерские, парикмахерские, клубы и т.д.) должны были строиться одновременно. В реальных условиях строительные работы на целине велись с большим опозданием, нередко ставя под угрозу срыва утвержденные планы. Первоочередное внимание уделялось распашке целинных массивов, поэтому все прочие работы велись по остаточному принципу. Рабочие строительных специальностей были в большом дефиците. Как правило, директора целинных совхозов и МТС были вынуждены направлять на строительство все кадры, не задействованные в полевых работах. Этим обстоятельством объяснялось низкое качество большинства объектов, возведенных на целине в первые годы ее освоения²⁵.

В силу должностных обязанностей руководители целинных хозяйств принимали самое активное участие в организации строительных работ. В частности, они имели возможность повлиять на очередность строительства требовавшихся им зданий. В первоочередном порядке на центральных усадьбах совхозов и МТС возводили жилые помещения, а также те объекты, в которых была особая необходимость (например, столовые, бани и т.д.). Такой подход был продиктован заботой о первоцелинниках, стремлением создать для них максимально комфортные условия.

Но при этом в отдельных случаях руководители принимали некорректные, не всегда обоснованные решения. В частности, в некоторых хозяйствах в качестве первоочередных объектов строили совхозные конторы, здания магазинов и пр. Сами новоселы к подобной практике относились резко отрицательно. Местные и центральные власти также выражали свое неодобрение. Но, даже когда руководство таких хозяйств получало «гневный окрик» со стороны властных структур, эти признанные второстепенными объекты либо «замораживались», либо их все-таки доводили до конца. В любом случае это приводило к тому, что строительство необходимых помещений откладывалось (как отодвигалось на неопределенную перспективу создание комфортных условий для жизни и труда первоцелинников).

Реальный шанс ускорить темпы строительства видели в использовании сборных конструкций. Эта практика оправдала себя в других регионах, поэтому и при освоении новых земель ее решено было взять на вооружение. Но подобного рода конструкции оказались неприспособленными для целинных районов и при сильных морозах промерзали. Степные ветра продували сборно-щитовые дома насквозь. И среди целинников за ними прочно закрепилось название «сборно-щелевые». Новоселы прилагали колоссальные усилия для того, что построенные по данной техно-

²⁴ Бискаев Н.К. Почвозащитное земледелие в целинных районах Оренбуржья // Проблемы целинного земледелия: сборник научных трудов К 50-летию освоения целинных земель. Оренбург, 2004. С. 38–56. С. 49; Рычков А.В. Освоение целины в СССР: научный проект и его воплощение // Вестник Государственного аграрного университета Северного Зауралья. 2013. № 1. С. 93.

²⁵ ГАОО. Ф. Р-846. Оп. 3. Д. 776. Л. 152–153.

логии сооружения были пригодны к нормальной эксплуатации (в частности, они требовали дополнительного утепления и т. п.)²⁶.

Условия жизни на целине в первые годы ее освоения были невероятно тяжелыми. Переселенцы в полной мере испытали на себе и холод, и голод, и прочие неурядицы. Первые добровольцы прибыли в Оренбургский край, когда здесь еще свирепствовали морозы, а степь лежала под огромными снежными сугробами. Прибывших размещали в брезентовых палатках и утепленных вагончиках. В них постоянно топились «буржуйки», за которыми следили специально назначавшиеся дежурные по палатке. Первоцелинники вспоминали, что двойные стенки палаток насквозь продувались степными ветрами. Умыться приходилось такой холодной водой, что ломило руки. Когда отступили холода, переселенцы страдали от комаров, в результате приходилось постоянно носить марлевые повязки²⁷.

Трудовая деятельность первоцелинников также проходила в экстремальных условиях. Еще до начала весенне-полевых работ для созданных на новых землях совхозов и МТС основной задачей стала организация доставки направлявшихся им грузов. Поэтому часть рабочих отправляли на железнодорожные станции для выполнения разгрузочно-погрузочных работ, другая часть занималась доставкой грузов в целинные хозяйства, третья – принимала эти грузы на месте. Работы велись, невзирая на погодные условия. Позже, когда уже приступили к распашке степных массивов, работать приходилось по 16–18 часов в сутки²⁸. В случаях, когда имелся достаточный кадровый резерв, трудовую деятельность организовывали в две смены, и, таким образом, полевые работы велись круглосуточно²⁹.

Целина в человеческом измерении

Кадровый вопрос для целины стал определяющим. В первые годы проведения кампании целинные районы буквально кипели от непрерывно движущихся внутри них потоков переселенцев. Люди в массовом порядке прибывали в едва созданные хозяйства, а комсомольские активисты и партийные функционеры регулярно отчитывались о систематическом направлении на целину новых отрядов добровольцев. Потом люди также массово выбывали, но об этом предпочитали не говорить во всеуслышание, представляя отток кадров как бегство отдельных незаслуживающих общественного доверия «элементов». В середине 1950-х гг. в некоторых хозяйства восточного Оренбуржья «обратная волна» переселенцев составила более половины прибывших специалистов³⁰. В дополнение к этому по мере необходимости в районы освоения новых земель прибывали сезонные рабочие (строители, трактористы, комбайнеры, шоферы и др.), военнослужащие, а также работники культуры, различные проверяющие и контролирующие комиссии. Подобное движение весьма неоднородного по своему составу населения можно считать вполне закономерным для фронтального региона.

Другой характерной для подобных территорий особенностью стала ярко выраженная на начальном этапе освоения новых земель гендерная диспропорция. Благодаря организованному переселенческому движению на целине в рекордно короткие сроки были сформированы трудовые коллективы. И практически сразу проявился

²⁶ Пахомова Е.В. Жилищный вопрос на целине в период массового ее освоения (1954–1956 гг.) // Труды института крестьяноведения Южного Урала им. В.П. Данилова. Оренбург, 2007. С. 171–172.

²⁷ Альтов А. Подвиг первопроходцев // Блокнот агитатора. Оренбург, 1974. № 7. С. 17; Орел В. Планета-целина: сб. ст. Оренбург, 2004. С. 229, 240.

²⁸ Планета-целина... С. 51.

²⁹ Тяжельников Е.М. Покорители целины. Челябинск, 1957. С. 25; Советское село. 1984. 17 марта.

³⁰ Мотревич В.П. Освоение уральской целины // Бизнес, менеджмент и право. 2005. № 3. С. 126.

очевидный просчет кадровой политики – преимущественно мужской состав населения целинных хозяйств. Объяснялась такая ситуация довольно просто – на целине были востребованы специалисты традиционно мужских профессий (трактористы, прицепщики, шоферы, строители и т.д.). Дефицит женского контингента негативно отразился на общем психологическом климате в переселенческой среде. Сами участники кампании вспоминали, что ввиду отсутствия девушек первые месяцы пребывания в районах освоения новых земель показались им скучными и однообразными. Немногочисленные представительницы прекрасного пола, являясь объектом повышенного мужского внимания, также чувствовали себя некомфортно. Известны случаи, когда мужчины буквально силой пытались добиться женского расположения.

Устранить возникшее напряжение и установить более или менее устойчивое гендерное равновесие помогло привлечение в районы освоения специалистов «женских» профессий (поваров, медицинских работников, учителей, доярок, телефонисток и пр.). Прозвучавший по всей стране призыв «Девушки, на целину!» нашел самый широкий отклик. Прибытие «девичьего десанта» способствовало нивелированию гендерных диспропорций. Одновременно с этим наблюдалось значительное потепление морально-психологического климата в трудовых коллективах. Свободное от работы время стали заполнять танцы, концерты художественной самодеятельности, выступления приезжих творческих коллективов, сеансы кинопередвижек, спортивные соревнования и другие мероприятия, которые в равной степени представляли интерес и для мужской, и для женской части целинных хозяйств³¹.

Благодаря системе пропаганды и агитации в обществе сложилось мнение, что получить комсомольскую путевку на целину могут только лучшие из лучших, те, кто сможет оправдать оказанное им доверие и с честью справиться с возложенной на них задачей освоения новых земель. Поэтому для приехавших в районы освоения новых земель добровольцев довольно неприятным открытием стало знакомство с тем фактом, что наряду с ними участниками кампании стали люди с недавним криминальным прошлым. Сами целинники называли их «уголовниками». Это были бывшие осужденные, которые в обмен на согласие поехать поднимать целину досрочно освобождались из мест заключения. Прибывшие по комсомольским путевкам добровольцы всячески пытались отмежеваться от «криминальных элементов», и те, в свою очередь, также стремились подчеркнуть свою обособленность, не желая иметь ничего общего с «идейными».

Вплоть до настоящего времени исследователям не удается установить точный процент амнистированных среди участников целинной кампании. По всей видимости, он был невелик. Однако его все же хватало для того, чтобы в некоторых хозяйствах буквально терроризировать остальной прибывший контингент: в одних случаях «уголовники» отличались хулиганскими выходками и дебошами, в других – установлением среди первоцелинников привычных для них «уголовных порядков». Как правило, подобного рода «подвиги» переселенцев с криминальным прошлым заканчивались по истечении первых трех месяцев освоительской кампании, и уже летом 1954 г. основная часть спецконтингента была вновь привлечена к уголовной ответственности³².

Особая страница целинной кампании связана с реэмигрантами из Китайской Народной Республики. К этой категории относили представителей второго поколения эмигрантов, покинувших Россию в годы Гражданской войны и в первые годы после ее окончания, которые согласились поехать на освоение новых земель и, таким

³¹ Сталинская смена. 1955. 1 января; *Бирюкова В.И.* Сказание о хлебе Оренбургском. Оренбург, 2004. С. 78.

³² *Ударова О.* Целина: история и практика // Блокнот агитатора. 1989. № 14–15. С. 40.

образом, получили возможность вернуться на родину. Их представления о жизни в СССР были во многом иллюзорными и строились на образах, сформированных популярными в тот период советскими кинофильмами, такими, как «Кубанские казаки», «Свадьба с приданным» и др. Реемигранты ожидали увидеть идиллические картины жизни советского села. Вместо этого они оказались в самой гуще «штурма» целины – там, где ежедневно приходилось сталкиваться с пресловутыми «трудностями организационного периода», пытаясь приспособиться к жизни в советском государстве одновременно с обустройством на новых землях.

В основной массе прибывшие в Оренбургский край «китайские» целинники довольно быстро адаптировались к новым для них условиям жизни. И только в исключительных случаях отмечались эпизоды выпадения из советской реальности: например, представители местной власти были шокированы, когда прибывшие их КНР отдельные переселенцы обратились к ним с просьбой о помощи в организации частной торговой лавки, а также швейной мастерской³³. Не менее «странной» для советских реалий стала просьба реемигрантов об организации крестного хода (как и присутствие икон в их домах)³⁴. Но и эти выделявшиеся на первых порах особенности «китайского» контингента целина смогла сгладить.

В конечном счете, зона покорения целинных и залежных земель стала пристанищем для самых разных людей: для комсомольцев и молодежи, мечтавших о героических свершениях; для демобилизованных военнослужащих и воспитанников детских домов, которым выпал шанс устроиться на новом месте; для представителей старшего поколения, стремившегося изменить свою жизнь к лучшему; для реемигрантов, пытавшихся вернуться на родину, и многих других. Все они формировали уникальное «целинное пространство», отличавшееся и от граничивших с ним нецелинных районов, и от мест прежнего проживания переселенцев.

Как оказалось, «первопроходцы целины» вообще имели довольно смутное представление о той местности, в которую они направлялись. В 1954 г. первые эшелоны с добровольцами стали прибывать в Оренбургский край еще в марте, когда повсюду еще лежали огромные зимние сугробы и стояли сильные морозы. Переселенцам предстояло преодолеть значительные расстояния для того, чтобы от железнодорожных станций добраться до затерянных в степи целинных совхозов и МТС. Многие переселенцы оказались не готовы к суровым природно-климатическим условиям³⁵.

Добровольцы, изъявившие желание поехать поднимать целинные и залежные земли, были полны решимости в кратчайшие сроки возвести в степи современные совхозы-гиганты, преобразить огромные пустующие просторы, превратить их в очаги цивилизации в отдаленных и малонаселенных районах страны. Однако, прибыв к месту назначения, переселенцы убедились, что территория грядущего освоения не так уж пустынна. Оказалось, что предназначенные для новых хозяйств земельные массивы имеют местное население, которое не всегда было радо такому решительному «насаждению цивилизации». Например, в тех районах Оренбургского края, где традиционно развивалось пастбищное животноводство, довольно часто старожилы не разделяли энтузиазма прибывших и в штыки воспринимали идею сплошной распашки степей. Безусловно, они не могли повлиять на принятое партийным руководством решение и предотвратить грядущий «штурм целины». Их протестные заявления

³³ Пахомова Е.В. Организация условий труда на целине в первые годы ее освоения // Труды института крестьяноведения Южного Урала им. В.П. Данилова. Оренбург, 2010. С. 216.

³⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 556. Оп. 22. Д. 31. Л. 76.

³⁵ Сталинская смена. 1955. 1 января.

были немногочисленными и преподносились официальными властями как отголоски дремучей старины, крайнее проявление политической несознательности и нежелание идти в ногу со временем. В пылу проведения целинной кампании мало кто задумывался над тем, что для местного населения (особенно для старшего поколения) освоение новых земель стало настоящей трагедией: оно обернулось не просто радикальным изменением привычного природного ландшафта, а привело к неизбежному разрушению всего привычного уклада жизни.

Выводы

Появление этого особого «целинного мира» не было результатом простого переселения людей на новое место жительства. Созданию этого социального монолита предшествовал сложный и во многом болезненный процесс: переселенцы вопреки многочисленным «трудностям организационного периода» преобразовали веками пустовавшие степи и одновременно менялись сами, как говорили тогда, «закаляя свой характер». Тех, кто первыми прибыли в районы освоения, кто поднимал целину буквально «с первой борозды», кто на себе испытал все тяготы и лишения этой грандиозной кампании, называли «первоцелинниками». И для их современников, как и последующих поколений, это слово стало символом трудового подвига, своеобразным признанием их несомненных заслуг. В 1950–1960-е гг. «первоцелинник» звучало едва ли не также гордо и значимо, как незадолго до этого «фронтовик». Во многих целинных поселках Оренбуржья до сих пор на домах таких людей располагаются небольшие таблички с надписью «Здесь живет семья первоцелинника»³⁶.

«Целинное братство» строилось посредством совместного преодоления многих трудностей, параллельно с созданием на бескрайних степных просторах островов цивилизации – целинных поселков. Оно выросло из противостояния стихиям и обстоятельствам, благодаря преодолению множества самых разных трудностей. Для одних целина стала местом разбившихся иллюзий, для других – возможностью начать новую жизнь и найти свое место в этом «краю просторов и подвигов».

Тот факт, что широкомасштабное освоение новых земель стало явлением выдающимся, выходящим за привычные рамки советской действительности, подчеркивали сами современники. Ярким свидетельством этого может служить известное каждому советскому человеку выражение – «целинный меридиан». Он стал условной границей, разделившей советскую страну в пространственном и временном отношении. В первом случае освоение целинных и залежных земель привело к созданию особых во многих отношениях территорий, ставших местом ежедневного трудового подвига для сотен тысяч человек. Во втором случае целинный фронтир разделил советскую историю на две эпохи – «до» и «после» подъема целины.

Со временем характерная для фронтирных регионов обособленность стала исчезать. Для того, чтобы целина стала органичной частью единого социально-экономического пространства Оренбуржья, потребовалось всего лишь десятилетие. В середине 1960-х гг. зона освоения новых земель практически полностью утратила присущую ей в начале кампании фронтирную специфику.

Рукопись поступила: 5 января 2020

Submitted: 5 January 2020

³⁶ *Нетбаева Д.А.* Музейные источники по изучению истории освоения целинных и залежных земель в Оренбуржье (из фондов Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея) // Целинная эпопея: источниковедческий и историографический аспекты: сборник материалов заседания Научного совета ГБУ «ЦДНННО». Оренбург, 2 апреля 2014 г. Оренбург, 2014. С. 46.

Библиографический список

- Альтов А.* Подвиг первопроходцев // Блокнот агитатора. 1974. № 7. С. 15–18.
- Бискаев Н.К.* Почвозащитное земледелие в целинных районах Оренбуржья // Проблемы целинного земледелия: сборник научных трудов к 50-летию освоения целинных земель. Оренбург: ОГУ, 2004. С. 38–56.
- Бирюкова В.И.* Сказание о хлебе Оренбургском Оренбург: Орлит-А, 2004. 216 с.
- Бельков Г.И.* Повышение эффективности использования биоклиматических ресурсов освоенных земель // Тезисы докладов научно-практической конференции, посвященной 40-летию освоения целины. Оренбург: ВНИИМС, 1994. С. 58–60.
- Бельков Г.И.* Оренбургской целине – 50 лет: вчера, сегодня, завтра // Проблемы целинного земледелия: сборник научных трудов к 50-летию начала освоения целинных земель. Оренбург: [Б.и.], 2004. С. 8–9.
- Воронов Г.* Полнее использовать резервы сельского хозяйства // Коммунист. 1959. № 12. С. 16–25.
- Дубачинская Н.Н.* Адаптация растений в агроландшафтной системе земледелия степной зоны Южного Урала // Тезисы докладов научно-практической конференции, посвященной 40-летию освоения целины. Оренбург: ВНИИМС, 1994. С. 73–74.
- Дубачинская Н.Н., Тейхриб П.П., Попов А.Н.* Эффективность освоения целинных и залежных земель // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2004. № 4. С. 10–21.
- Дроздова А.А.* Фронтирное расширение Запада в контексте взаимоотношений центра и периферии // Вопросы науки и образования. 2018. № 15. С. 76–79.
- Епимахов А.* Теория фронта и археология бронзового века Урала // Quaestio Rossica. 2018. Т. 6. № 1. С. 207–219.
- Климентьев А.И.* Сельскохозяйственное освоение черноземных степей Оренбуржья // География, экономика и экология Оренбуржья: сборник статей, посвященный 250-летию Оренбургской губернии: труды Оренбургского филиала Русского географического общества. Оренбург: ОГУ, 1994. С. 19–20.
- Крючков В.П.* Оренбургской области – 40 лет. Оренбург: [Б.и.], 1974. 36 с.
- Левыкин С.В.* Социально-экономические и экологические последствия освоения целины в Оренбуржье в 1954–1962 гг. // География, экономика и экология Оренбуржья: сборник статей, посвященный 250-летию Оренбургской губернии: труды Оренбургского филиала Русского географического общества. Оренбург: ОГУ, 1994. С. 89–90.
- Малыгин В.* Преображенная степь // По родному краю: сборник краеведческих очерков. Чкалов: Книжное издательство, 1956. С. 47–52.
- Мотревич В.П.* Освоение уральской целины // Бизнес, менеджмент и право. 2005. № 3. С. 125–127.
- Мецераков А.Ю.* Изобилие ресурсов как одна из черт фронтальных территорий (на примере Амурского края и Нижнего Поволжья) // Астраханские Петровские чтения: «Россия – Астрахань – Восток»: интегральное взаимодействие (к 300-летию образования Астраханской области): материалы международной научной конференции. Астрахань: Астраханский университет, 2018. С. 189–192.
- Напольникова П.К.* Этнический фактор на пограничной территории // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 24. № 182. С. 220–224.
- Нетбаева Д.А.* Музейные источники по изучению истории освоения целинных и залежных земель в Оренбуржье (из фондов Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея) // Целинная эпопея: источниковедческий и историографический аспекты: сборник материалов заседания Научного совета ГБУ «ЦДНПО». Оренбург, 2 апреля 2014 г. Оренбург: Университет, 2014. С. 43–50.
- Пахомова Е.В.* Жилищный вопрос на целине в период массового ее освоения (1954–1956 гг.) // Труды института крестьяноведения Южного Урала им. В.П. Данилова. Оренбург: ОГУ, 2007. С. 164–175.
- Пахомова Е.В.* Организация условий труда на целине в первые годы ее освоения // Труды института крестьяноведения Южного Урала им. В.П. Данилова. Оренбург: ОГУ, 2010. С. 205–219.
- Побережников И.В.* Азиатская Россия: фронт, модернизация // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2011. № 4. С. 191–203.
- Подвиг на целине. Летопись освоения целинных и залежных земель в Оренбургской области. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1961. 272 с.
- Планета-целина: сборник статей / сост. В.И. Дубровкина. Оренбург: Оренбургский край, 2004. 288 с.

- Романова А.П. Межкультурные коммуникации на фронтире и вне фронта (сравнительный анализ) // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2013. № 3. С. 298–304.
- Романова А.П. Специфика межкультурных коммуникаций на фронтальных территориях // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2015. № 3. С. 266–271.
- Рычков А.В. Освоение целины в СССР: научный проект и его воплощение // *Вестник Государственного аграрного университета Северного Зауралья*. 2013. № 1. С. 89–94.
- Самарина В.П., Скуфьина Т.П. Северные регионы России как фронтальные территории: демографические показатели и инновации в управлении // *Инновации*. 2018. № 11. С. 39–44.
- Семенов Е.А. Геологическая и эколого-экономическая интерпретация понятийно-терминологических дефиниций целинной регионалистики // *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2015. № 10. С. 430–434.
- Теляковский В.А. Целина – это прежде всего обилие хлеба // *Герои целины. Из опыта покорителей целины Казахстана, Сибири, Урала и Поволжья: Сборник статей*. М.: Сельхозгиз, 1957. С. 535–543.
- Тяжельников Е.М. *Покорители целины*. Челябинск: Книжное издательство, 1957. 67 с.
- Ударова О. Целина: история и практика // *Блокнот агитатора*. 1989. № 14–15. С. 39–42.
- Федорова А.В. Освоение целинных и залежных земель в Оренбуржье: опыт, проблемы, уроки // *Тезисы докладов научно-практической конференции, посвященной 40-летию освоения целины*. Оренбург: ВНИИМС, 1994. С. 10–24.
- Футорянский Л.И. Из истории освоения целинных и залежных земель в Оренбургской области: сборник документов и материалов. Оренбург: ОГУ, 1988. 166 с.
- Хлыщева Е.В. Проблемы межкультурного взаимодействия на фронтальных территориях: к проблеме культурной безопасности // *Журнал Фронтальных Исследований*. 2016. № 1. С. 33–43.
- Якушенков С. Фронт как культурная парадигма // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2015. № 1. С. 288–298.
- Якушенков С.Н., Якушенкова О.С. Изобилие ресурсов как одна из черт фронтальных территорий // *Человек. Сообщество. Управление*. 2013. № 2. С. 4–15.
- Якушенков С. Внутренний фронт как фактор международных отношений // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2018. № 3. С. 125–133.
- Якушов А.И. Деятельность Оренбургской партийной организации по освоению целинных земель и увеличению производства зерна // *Ученые записки Орского государственного педагогического института им. Т.Г. Шевченко*. Орск: ОГПИ, 1962. С. 151–159.

References

- Al'tov, A. "Podvig pervoprokhodtsev." *Bloknot agitator*, no. 7 (1974): 15–18 (in Russian).
- Biskayev, N.K. "Pochvozashchitnoye zemledelie v tselinnykh rayonakh Orenburzh'ya." In *Problemy tselinnogo zemledeliya: sbornik nauchnykh trudov K 50-letiyu osvoyeniya tselinnykh zemel'*, 38–56. Orenburg: OGU Publ., 2004 (in Russian).
- Biryukova, V.I. *Skazaniye o khlebe Orenburgskom*. Orenburg: Orlit-A Publ., 2004 (in Russian).
- Belkov, G.I. "Povysheniye effektivnosti ispol'zovaniya bioklimaticheskikh resursov osvoennykh zemel'." In *Tezisy dokladov nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 40-letiyu osvoyeniya tseliny*, 58–60. Orenburg: VNIIMS Publ., 1994 (in Russian).
- Belkov, G.I. "Orenburgskoy tseline – 50 let: vchera, segodnya, zavtra." In *Problemy tselinnogo zemledeliya: sbornik nauchnykh trudov k 50-letiyu nachala osvoyeniya tselinnykh zemel'*, 8–9. Orenburg: [S.n.], 2004 (in Russian).
- Drozдова, A.A. "Frontal expansion of the West in the context of relations between the center and the periphery." *Science and Education Issues*, no. 15 (2018): 76–79 (in Russian).
- Dubachinskaya, N.N. "Adaptatsiya rasteniy v agrolandshaftnoy sisteme zemledeliya stepnoy zony Yuzhnogo Urala." In *Tezisy dokladov nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 40-letiyu osvoyeniya tseliny*, 73–74. Orenburg: VNIIMS Publ., 1994 (in Russian).
- Dubachinskaya, N.N., and Teykhrib, P.P. "Popov A.N. Efficiency of development of virgin and fallow lands." *Orenburg State Agrarian University Journal*, no. 4 (2004): 10–21 (in Russian).
- Dubrovkina, V.I., ed. *Planeta-tselina: sbornik statey*. Orenburg: Orenburgskiy kray Publ., 2004 (in Russian).
- Fedorova, A.V. "Osvoyeniye tselinnykh i zaleznykh zemel' v Orenburzh'ye: opyt, problemy, uroki." In *Tezisy dokladov nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 40-letiyu osvoyeniya tseliny*, 10–24. Orenburg: VNIIMS Publ., 1994 (in Russian).

- Futoryanskiy, L.I. *Iz istorii osvoyeniya tselinnykh i zaleznykh zemel' v Orenburgskoy oblasti: sbornik dokumentov i materialov*. Orenburg: OGU Publ., 1988 (in Russian).
- Kliment'yev, A.I. "Sel'skokhozyaystvennoye osvoyeniye chernozemnykh stepey Orenburzh'ya." In *Geografiya, ekonomika i ekologiya Orenburzh'ya: sbornik statey, posvyashchenny 250-letiyu Orenburgskoy gubernii: trudy Orenburgskogo filiala Russkogo geograficheskogo obshchestva*, 19–20. Orenburg: OGU Publ., 1994 (in Russian).
- Khlyshcheva, Ye.V. "Constructs of cross-cultural interaction on the frontier's territories: to a problem of cultural safety." *Journal of Frontier Studies*, no. 1 (2016): 33–43 (in Russian).
- Kryuchkov, V.P. *Orenburgskoy oblasti – 40 let*. Orenburg: [S.n.], 1974 (in Russian).
- Levykin, S.V. "Sotsial'no-ekonomicheskiye i ekologicheskiye posledstviya osvoyeniya tseliny v Orenburzh'ye v 1954–1962 gg." In *Geografiya, ekonomika i ekologiya Orenburzh'ya: sbornik statey, posvyashchenny 250-letiyu Orenburgskoy gubernii: trudy Orenburgskogo filiala Russkogo geograficheskogo obshchestva*, 89–90. Orenburg: OGU Publ., 1994 (in Russian).
- Malygin, V. "Preobrazhennaya step'." In *Po rodnomu krayu: sbornik krayevedcheskikh ocherkov*, 47–52. Chkalov: Knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1956 (in Russian).
- Motrevich, V.P. "Development of the Ural virgin lands." *Business, Management and Law*, no. 3 (2005): 125–127 (in Russian).
- Meshcheryakov, A.Yu. "Izobiliye resursov kak odna iz chert frontirnykh territoriy (na primere Amurskogo kraya i Nizhnego Povolzh'ya)." *Astrakhanskiye Petrovskkiye chteniya: «Rossiya – Astrakhan' – Vostok»: integral'noye vzaimodeystviye (k 300-letiyu obrazovaniya Astrakhanskoy oblasti): materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*, 189–192. Astrakhan': Astrakhan University Publ., 2018 (in Russian).
- Napolnikova, P.K. "Ethnic factor on the frontier territory." *Tambov University Review. Series Humanities* 24, no. 182 (2019): 220–224 (in Russian).
- Netbayeva, D.A. "Muzeynyye istochniki po izucheniyu istorii osvoyeniya tselinnykh i zaleznykh zemel' v Orenburzh'ye (iz fondov Orenburgskogo gubernatorskogo istoriko-krayevedcheskogo muzeya)." In *Tselinnaya epopeya: istochnikovedcheskiy i istoriograficheskii aspekty: sbornik materialov zasedaniya Nauchnogo soveta GBU «TSDNIOO». Orenburg, 2 aprelya 2014 g.*, 43–50. Orenburg: Universitet Publ., 2014 (in Russian).
- Pakhomova, Ye.V. "Zhilishchnyy vopros na tseline v period massovogo yeye osvoyeniya (1954–1956 gg.)." In *Trudy instituta krest'yanovedeniya Yuzhnogo Urala im. V.P. Danilova*, 164–175. Orenburg: OGU Publ., 2007 (in Russian).
- Pakhomova, Ye.V. "Organizatsiya usloviy truda na tseline v pervyye gody yeye osvoyeniya." In *Trudy instituta krest'yanovedeniya Yuzhnogo Urala im. V.P. Danilova*, 205–219. Orenburg: OGU Publ., 2010 (in Russian).
- Poberezhnikov, I.V. "Asian Russia: Frontier, Modernization." *Ural State University Journal. Series 2: Humanities*, no. 4 (2011): 191–203 (in Russian).
- Romanova, A.P. "Mezhkul'turnyye kommunikatsii na frontire i vne frontira (sravnitel'nyy analiz)." *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura*. 2013. № 3. S. 298–304.
- Romanova A.P. "The specifics of intercultural communications in the frontier territories." *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, no. 3 (2015): 266–271 (in Russian).
- Rychkov, A.V. "Development of virgin lands in the USSR: a scientific project and its implementation." *Bulletin of the State Agrarian University of the Northern Trans-Urals*, no. 1 (2013): 89–94 (in Russian).
- Samarina, V.P., and Skufina, T.P. "Russia's Northern regions as frontier territories: evaluation of demographic indicators and innovations in management." *Innovations*, no. 11 (2018): 39–44 (in Russian).
- Semenov, Ye.A. "Geo-ecological and ecological-economic the interpretation of terminological definitions of virgin of regionalistics." *Vestnik of the Orenburg State University*, no. 10 (2015): 430–434 (in Russian).
- Telyakovskiy, V.A. "Tselina – eto prezhde vsego obiliye khleba." In *Geroi tseliny. Iz opyta pokoriteley tseliny Kazakhstana, Sibiri, Urala i Povolzh'ya: Sbornik statey*, 535–543. Moscow: Sel'khozgiz Publ., 1957 (in Russian).
- Tyazhel'nikov, Ye.M. *Pokoriteli tseliny*. Chelyabinsk: Knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1957 (in Russian).
- Udarova, O. "Tselina: istoriya i praktika." *Bloknot agitator*, no. 14–15 (1989): 39–42 (in Russian).
- Voronov, G. "Polneye ispol'zovat' rezervy sel'skogo khozyaystva." *Kommunist*, no. 12 (1959): 16–25 (in Russian).
- Yakushenkov, S. "Frontier as a cultural paradigm." *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, no. 1 (2015): 288–298 (in Russian).

- Yakushenkov, S.N., and Yakushenkova, O.S. “Abundance resources as one of the peculiarities of frontier territories.” *Human. Community. Management*, no. 2 (2013): 4–15.
- Yakushenkov, S. “Vnutrenniy frontir kak faktor mezhdunarodnykh otnosheniy.” *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, no. 3 (2018): 125–133 (in Russian).
- Yakushov, A.I. “Deyatel'nost' Orenburgskoy partiynoy organizatsii po osvoyeniyu tselinnykh zemel' i uvelicheniyu proizvodstva zerna.” In *Uchenyye zapiski Orskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. T.G. Shevchenko*, 151–159. Orsk: OGPI Publ., 1962 (in Russian).
- Yepimakhov, A. “The Frontier Theory and Bronze Age Archaeology in the Urals.” *Quaestio Rossica* 6, no. 1 (2018): 207–219 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Пахомова Елена Витальевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета.

Elena V. Pakhomova, Kandidat Istoricheskikh Nauk [Ph.D. in History], Associate Professor of the Department of Russian History, Orenburg State Pedagogical University

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-641-653>

Научная статья / Research article

Основы культурного народничества И.И. Каблицы (Юзова)

Г.Н. Мокшин

Воронежский государственный университет;
394068, Россия, Воронеж, Московский пр., 88; mok410@mail.ru

The Cultural Populism of Iosif I. Kablits (Yuzov) and its Foundations

Gennadiy N. Mokshin

Voronezh State University; 394068, Russia, Voronezh, Moskovsky pr., 88; mok410@mail.ru

Аннотация: Данная статья посвящена реконструкции культурнической доктрины известного народнического публициста И.И. Каблицы (Юзова). Автор стремится доказать, что так называемая «юзовщина» – это узкая трактовка культурничества, характерная для крайне правого народничества в период подъема в стране народовольческого движения. Именно Каблиц в 1880 г. первым из легальных народников поставил вопрос «что такое народничество?». По убеждению публициста, в основе «истинного» народничества должен быть положен принцип соответствия форм общественной жизни народа уровню развития его сознания. Эволюцию Каблицы от бакунизма к «крестьянофильскому» народничеству автор статьи связывает с особенностями интерпретации им причин раскола интеллигенции с народом. Каблиц считал их антагонистами и определял конечной целью народников освобождение народа из-под власти «интеллигентско-бюрократического меньшинства», которое якобы пытается подчинить жизнь масс своей воле. В статье анализируются главные положения отстаиваемой Каблицей социокультурной концепции общественных преобразований: аполитизм, популизм и самодеятельность народных масс. Устанавливаются отличия его программы развития «культурной самобытности» народа от понимания задач «культурной работы» другими народниками. Особое внимание уделено отношению Каблицы-Юзова к проблеме просвещения народных масс. Это был один из немногих русских народников, кто выступал против изменения основ мировоззрения народа, на том основании, что это приведет к разрушению традиционных нравственных ценностей деревни, в том числе и чувства коллективизма. Определяется вклад ведущего публициста газеты «Неделя» в становление культурнического направления в народничестве на рубеже 1870/80-х гг. По мнению автора, Каблицу принадлежит ведущая роль в формировании идеологии правого фланга культурнического направления в народничестве. Однако «чистое» народничество Каблицы оказалось слишком наукообразным, догматическим и иррациональным, чтобы надолго увлечь демократическую интеллигенцию, уже успевшую разочароваться в идее народа как творца новых форм общественной жизни.

Ключевые слова: культурное народничество, «культурная работа», теория «малых дел», интеллигенция, народ, Каблицы (Юзов)

Для цитирования: Мокшин Г.Н. Основы культурного народничества И.И. Каблицы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 3. С. 641–653. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-641-653>

Abstract: This article reconstructs the cultural doctrine of the famous publicist of populism (narodnichestvo), I.I. Kablits (Yuzov). To just equate Kablits' views with the slogan of "yuzovshchina" would be a narrow interpretation of his kul'turnichestvo; the slogan is characteristic for extreme right-wing

populism during the upsurge of the revolutionary populist movement (*narodovol'cheskoe dvizhenie*). In 1880, Kablits was the first of the legal populists to pose the question, “What is populism?” According to the publicist, “true” *narodnichestvo* should be based on the principle that the forms of public life of the people must be in conformity with the development level of their consciousness. The author explains Kablits’ evolution from Bakunism to a peasant-centered *narodnichestvo* by his interpretation of the reasons for the split between the intelligentsia and the people. Kablits considered them antagonists, and defined the ultimate goal of the *narodniki* as the liberation of the people from the power of the “intellectual-bureaucratic minority,” the latter supposedly trying to subjugate the life of the masses to its will. The article analyzes the main provisions of Kablits’ sociocultural concept of social transformations: apolitism, populism, and the initiative of the masses. The article identifies the differences between his program of developing the “cultural identity” of the people, on the one hand, and other populists’ understanding of the tasks of “cultural work,” on the other. Particular attention is paid to Kablits-Yuzov’s attitude towards the problem of educating the masses. Kablits was one of the few Russian populists who opposed the idea that the foundations of the worldview of the people must be changed, arguing that this would eliminate the traditional moral values of the village, including the sense of collectivism. The author assesses how Kablits, the leading publicist of the newspaper *Nedelya*, contributed to the establishment of a cultural direction in *narodnichestvo* at the turn of the 1870s and 1880s. According to the author, Kablits played a leading role in shaping the ideology of the right flank of the cultural direction in *narodnichestvo*. However, the “pure” populism of Kablits turned out to be too pseudo-scientific, dogmatic and irrational to attract the democratic intelligentsia for a long time; the latter had already become disillusioned with the idea of the people as the creator of new forms of social life.

Keywords: cultural populism, “cultural work,” the theory of “small affairs,” the intelligentsia, people, Kablits (Yuzov)

For citation: Mokshin, Gennadiy N. “The Cultural Populism of Iosif I. Kablits (Yuzov) and its Foundations.” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 3 (August 2020): 641–653. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-641-653>

Введение

Иосиф Иванович Каблиц (1848–1893) – один из главных теоретиков «культурного» (умеренно правого) народничества последней трети XIX в.¹ Однако такая интерпретация его теории социального реформаторства до сих пор вызывает сомнения и споры среди отечественных народниковедов. Проблема в том, что взгляды Каблицы очень сложно вписать в историю классического культурного народничества из-за его резко негативного отношения к русской интеллигенции и ее культурно-просветительной миссии. И все-таки именно Каблиц стал первым народническим теоретиком, кто дал систематическое обоснование идее развития «культурной самобытности» простого народа.

До недавнего времени основными представителями культурного народничества считались Я.В. Абрамов и С.Н. Кривенко. При этом само культурничество умеренно правых народников по традиции, сложившейся еще в дореволюционной литературе, воспринималось в духе теории «малых дел», предлагавшей интеллигенции отказаться от борьбы за коренные изменения существующего общественного строя и сосредоточить свои усилия на повседневных нуждах народа, т. е. примириться с действительностью². Первым исследователем, кто причислил Каблицу к народникам-культурникам, причем на положении основоположника упомянутой теории, был Г.А. Бялый³.

В конце 1970-х гг. изучением «юзовщины» (Юзов – литературный псевдоним Каблицы) очень плодотворно занимался В.И. Харламов. По мнению исследователя,

¹ Мокшин Г.Н. Кто такие народники-культурники? // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2016. № 3. С. 82–86.

² Мокшин Г.Н. Основные этапы истории культурного народничества // Вестник РУДН. Серия: История России. 2016. № 2. С. 19–28.

³ Бялый Г.А. Основные направления в публицистике, журналистике, критике // Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1965. С. 242.

с «окрестьянивания» взглядов Каблиц на рубеже 1870/80-х гг. началось формирование идеологии всего «либерально-культурнического» народничества⁴. Спустя десять лет Харламов вновь обратился к данной теме, впервые акцентировал внимания на сильных сторонах культурнической доктрины народников: постановка вопроса о культурных предпосылках социальной революции, критика насилия как движущей силы прогресса, отстаивание идеи самобытного развития страны, обращенность к реальным нуждам народных масс и т.д.⁵

В современной историографии особенности народничества Каблиц (Юзова) анализировались в трудах Б.П. Балужева, Д.Д. Жвания, С.Н. Касторного, В.В. Зверева⁶. Но, к сожалению, тезис Харламова о необходимости культурнической интерпретации «юзовщины» развития не получил⁷. Лишь Дм. Жвания попытался связать постоянную апелляцию Каблиц к менталитету («коллективной мысли») русского народа с развитием народниками-культурниками цивилизационного подхода, или, говоря их языком, теории народной самобытности⁸.

В данной статье автор стремится доказать, что так называемая «юзовщина» – это узкая трактовка культурничества, характерная для крайне правого народничества в период подъема в стране народовольческого движения. Для этого необходимо решить две взаимосвязанные задачи: во-первых, установить главные положения социокультурной концепции правого народничества, общие для всех народников-культурников, а, во-вторых, показать отличия культурного народничества Каблиц, его истоков и смысла от нового понимания задач «культурной работы» в эпоху массового хождения интеллигенции «в народ» середины 1880-х – первой половины 1890-х гг.

Иосиф Каблиц в поисках «истинного» народничества

В истории пореформенной общественной мысли Каблиц известен как зачинатель споров о том, что такое народничество. Однако четкого ответа на данный вопрос в трудах публициста мы так и не нашли. Есть лишь общие указания на то, что народничество – это новый тип общественного мировоззрения и соответствующая ему социальная доктрина, которые появляются в странах, где народ находится под властью «интеллигентско-бюрократического меньшинства»⁹. Зато Каблиц предельно ясно сформулировал главный принцип народничества, отличающий пока немногочисленных «истинных» народников (интеллигентов-альтруистов) от мнимых «народолюбцев» (интеллигентов-эгоистов). Речь идет о принципе устройства идеального общества, согласно которому формы общественной жизни народа должны соответствовать уровню развития его сознания, то есть чувствам, мысли и воли основного населения страны¹⁰.

Обычно народники выделяли в социальной структуре общества только два элемента: народ и не-народ, олицетворявшие два начала: материальное и духовное.

⁴ Харламов В.И. Из истории либерального народничества в России в конце 70-х – начале 90-х годов XIX в. Общественно-политические воззрения Каблиц /Юзова/. М., 1980.

⁵ Харламов В.И. Публицисты «Недели» и формирование либерально-народнической идеологии в 70-х – 80-х годах XIX в. // Революционеры и либералы России: сборник статей. М., 1990. С. 182–183.

⁶ Балужев Б.П. Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М., 1995. С. 48–54; Жвания Д.Д. Народники-реформисты о крестьянской общине в 70–90-е гг. XIX в. (В.П. Воронцов, И.И. Каблиц, П.А. Соколовский). СПб., 1997. С. 205–230; Касторнов С.Н. Народники-реформисты о социальных и общественно-политических проблемах России второй половины XIX – начала XX вв. Сравнительный анализ. Орел, 2002. С. 30–35; Зверев В.В. Русское народничество. М., 2009. С. 181–195.

⁷ Мокшин Г.Н. В.И. Харламов и становление современной историографии правого народничества // Вестник РУДН. Серия: История России. 2015. № 1. С. 43–57.

⁸ Жвания Д.Д. Народники-реформисты... С. 226.

⁹ Каблиц И. Основы народничества. СПб., 1893. С. 488, 505.

¹⁰ Там же. С. 332.

Такой подход лучше всего отражал главную, по убеждению радикальной интеллигенции, причину торжествующей в жизни общества социальной несправедливости: люди, занимающиеся духовной деятельностью (в силу своего привилегированного положения), существовали за счет прямой или косвенной эксплуатации физически трудящихся классов. Отсюда вытекала идея построения социально однородного общества, где все будут равны и свободны.

Корень разногласий между народниками второй половины 1870-х – начала 1880-х гг. – это вопрос о положении интеллигенции в обществе и ее ближайших задачах. Большинство из них, вдохновляясь идеями П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского, считало, что русская интеллигенция – это бессословная социальная группа, сплоченная идеалом социального прогресса и поэтому способная выражать и защищать интересы простого народа, т.е. играть в его жизни руководящую и направляющую роль.

По Каблицу, интеллигенция и народ – антагонисты. Между ними глубокая, вековая рознь и полнейшее непонимание. Мало того, что интеллигенция олицетворяет чуждую народу «господскую» культуру. Она и сама стремится к господствующему положению над народом, желая переделать его по своему образу и подобию во имя торжества своих «книжных» идеалов. В этом публицист видит эгоистический и бюрократический характер интеллигенции, предпочитающей действовать не убеждением, а принуждением. Вот почему он так беспокоился об *ограждении* народа от забот интеллигенции. Пытаясь форсировать переход деревни к коллективному ведению хозяйства, насаждая здесь свои школы, ссудо-сберегательные кассы и артельные сыроварни, она только мешала нормальному (органичному) развитию народной жизни, плодя кулачество, то есть ускоряя расслоение крестьянства¹¹.

И все-таки народ нуждался в помощи интеллигенции. Каблиц этого не отрицает, и в этом – одно из главных противоречий его народнической доктрины. Интеллигенция вместе с властью должны были помочь осуществиться тому, чего хочет сам народ. Только интеллигенция понималась здесь в широком смысле слова, как носительница различного рода знаний и профессиональных навыков (учитель, техник, офицер, священник и т. д.)¹².

Позиция Каблицы по вопросу о взаимоотношениях интеллигенции с народом выдает в нем представителя крайне правого крыла культурного народничества. Данный фланг начинает формироваться во второй половине 1870-х гг., после первого массового хождения интеллигенции «в народ». Тогда вдруг оказалось, что сознание народа – не чистая доска, на которой интеллигенция может писать все, что ей угодно. У народа есть собственные идеалы и стремления, причем созвучные самым передовым теориям социального прогресса. Только действовать теперь надо было иначе. Не навязывать народу свою программу преобразований, а стремиться реализовать те задатки нового типа общественных отношений, основанных на нравственности и коллективизме, которые сохраняются в крестьянской общине¹³.

Одним из первых народников, поставивших вопрос о необходимости развития «культурной самобытности» народа (а не о приобщении его к передовой европейской культуре), был П.П. Червинский. В статьях 1875–1876 гг. на страницах газеты «Неделя» он доказывал, что не народ должен учиться у интеллигенции, а она сама у людей деревни, так как именно здесь находится центр русской жизни¹⁴. «Новое слово» Червинского в понимании взаимоотношений интеллигенции с народом

¹¹ Каблиц И.И. Интеллигенция и народ // Неделя. 1880. № 10. Стб. 309–310; Юзов И. Деревня и город // Русское богатство. 1883. № 1. С. 212.

¹² Каблиц И.И. Интеллигенция и народ в общественной жизни России. СПб., 1886. С. 144.

¹³ Каблиц И.И. Что такое народничество? // Неделя. 1880. № 31. Стб. 986.

¹⁴ Червинский П.П. Отчего безжизненна наша литература? // Неделя. 1875. № 44. Стб. 1431–1432.

многие исследователи рассматривают как предтечу «юзовщины». Сам же он вскоре отошел от публицистики, увлекшись земской статистикой.

В 1877 г. новую тактику сближения с народом взяли на вооружение землевольты – идейные наследники М.А. Бакунина. Одев идеалы социализма в мужицкую сермягу, то есть максимально упростив свою программу деятельности в народе до понятных ему лозунгов «Земля» и «Воля», они надеялись поднять деревню на всероссийский бунт. Те же землевольты первыми назвали себя народниками. Кстати, если верить Л.А. Тихомирову, в начале 1870-х гг. так уже «в шутку» именовали бакунистов чайковцы¹⁵.

Активный участник народнического движения 1870-х гг. Иосиф Каблиц первоначально был бакунистом, «вспышкопускателем», свято верившим в готовность народа к немедленному восстанию. В этом качестве он ходил «в народ», а в 1876 г. сближается с «Землей и волей», принимая активное участие в дискуссиях на ее нелегальных квартирах. Уже тогда он развивает идею Г. Спенсера об особой роли чувств в развитии общества, доказывая преимущества революционной агитации перед пропагандой¹⁶. В 1878 г. для популяризации идей землевольтцев в легальной печати Каблиц становится сотрудником газеты «Неделя», редакция которой сочувствовала народникам. В споре «деревенщиков» и «политиков» начинающий народнический публицист занял сторону Г.В. Плеханова. Но после раскола «Земли и воли» к «Черному переделу» не примкнул, хотя его и просили поддержать их газету своими статьями¹⁷.

Дело в том, что с появлением «Народной воли» взгляды Каблица стремительно эволюционируют вправо – в сторону «крестьянофильского» (ортодоксального, консервативного) народничества, главным органом которого на рубеже 1870/80-х гг. становится газета «Неделя». По меткому замечанию С.Ф. Ковалика, «народничество, составлявшее лишь средство для революционной деятельности, он (Каблиц. – Г.М.) поставил целью»¹⁸. Иными словами, тактический принцип «Земли и воли» действовать в соответствии с наличным уровнем развития народного сознания, Каблиц сделал программным, по сути призвав интеллигенцию смотреть на задачи русской жизни глазами мужика.

Причины, по которым Каблиц стал «правоверным» народником, следует искать опять-таки в его бунтарском прошлом. Прежде всего, это верность Каблица анархическому учению М. Бакунина о способности русского мужика, социалиста «по инстинкту», к самостоятельному социальному творчеству. Оба народника настаивали на том, что любой народ должен устраивать свою жизнь сам, руководствуясь собственным историческим опытом, а не книжными теориями идеального общественного устройства. Соответственно, интеллигенции они отводили сугубо служебную роль. По Бакунину, она заключалась в объединении разрозненных деревенских миров для подготовки всенародного бунта, по Каблицу – в развитии народной самобытности, правда, уже для решения задач текущего дня¹⁹.

Еще одна причина превращения Каблица в крайнего народника – его знакомство с историей и современным положением раскола, которое еще больше укрепило веру молодого бунтаря в умственные и нравственные силы народа. Общение с «русскими диссидентами» во время хождения «в народ» окончательно убедило Каблица,

¹⁵ Тихомиров Л. Что такое народничество? // Русское обозрение. 1892. № 12. С. 915.

¹⁶ Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Воспоминания. М., 1964. С. 148.

¹⁷ Аптекман О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. По личным воспоминаниям. Пгр., 1924. С. 400–401.

¹⁸ Ковалик С.Ф. Революционное движение семидесятых годов и процесс 193-х. М., 1928. С. 65.

¹⁹ Мокшин Г.Н. О влиянии бакунизма на становление идеологии крайне правого народничества (юзовщины) // Электронный научно-образовательный журнал «История». URL: <http://www.history.jes.su/s207987840001011-1-1> (дата обращения: 19.03.2015).

что в нем все еще живы начала древней русской свободы совести и даже гражданской свободы. Спустя много лет он напишет в своей автобиографии, что пешее «путешествие» по ряду южных губерний «внушило мне радостную уверенность в правильности моих народнических убеждений, в основе которых лежит полное признание человеческих прав крестьянина на самоопределение своей жизни, с устранением всякого насильственного воздействия интеллигенции, хотя бы она действовала ради того, что считает прогрессом»²⁰. Ту же идею вынес из сочинений Каблица о раскольниках его близкий друг Л.Е. Оболенский, утверждавший, что русской интеллигенции необходимо прислушиваться к голосу самого народа и серьезно считаться с этим голосом, не навязывая народу того, что не в его духе или национальном характере²¹.

И, наконец, третья причина – резкое неприятие деятельности народовольцев и их сторонников из либерально-народнического лагеря. Все поборники неотложных политических преобразований руководствовались принципом «для народа, но без народа». И хотя в противостоянии радикальной интеллигенции с самодержавием простой народ по-прежнему поддерживал батюшку-царя, народников-политиков это не смущало. Голос народа и его интересы, по признанию Н.К. Михайловского, – «это совсем не одно и то же»²². Если массы политически неразвиты, инертны и привыкли к повиновению властям, то они пока не в состоянии понять, кто их действительный друг, а кто – враг.

Каблиц относился к «голосу» народа совершенно иначе. Он для него и есть истинное выражение «народной воли», потому что народ – не ребенок, которого надо водить на помочах. И в своих интересах он разбирается заведомо лучше интеллигента, привыкшего судить о русской жизни с позиции своих идеалов²³.

Если этот важнейший народнический принцип (уважение «мнений» народа) представить в виде доктрины социального действия, как это сделал В.П. Воронцов в начале 1890-х гг.²⁴, то получится следующая формула народничества Каблица. «Истинные» народники: 1) ставят на первое место вопросы, связанные с повседневными нуждами народа; 2) при их разрешении опираются на средства, на которые указывает сам народ; 3) стремятся удовлетворять коллективные желания народа по мере их созревания в его сознании, без какого-либо вмешательства со стороны интеллигенции²⁵.

Основные черты социокультурной концепции народничества И.И. Каблица

Истоки и смысл культурнической трактовки народничества пытались разгадать многие исследователи. Так, дореволюционный историк А.А. Корнилов как-то заметил, что в 1880-е гг. народники оказались на перепутье: «или перейти на путь медленной, относительно мирной, культурной пропаганды и деятельности, или перестать быть народниками»²⁶. В действительности еще до политизации народничества и легалисты, и революционеры по сути занимались культурничеством, хотя признавались в этом единицы. Но большинство народниковедов с таким подходом

²⁰ Рукописный отдел Института русской литературы (далее – РО ИРЛИ). Ф. 377. Оп. 7. Ед. хр. 1670. Л. 3.

²¹ *Оболенский Л.Е.* Литературные воспоминания и характеристики // Исторический вестник. 1902. № 3. С. 887.

²² *Михайловский Н.К.* Полн. собрание сочинений. СПб., 1909. С. 707.

²³ *Каблиц И.* Интеллигенция и народ... С. 92.

²⁴ *Воронцов В.П.* Наши направления. СПб., 1893.

²⁵ *Каблиц И.И.* Что такое народничество... Стб. 984–986.

²⁶ *Корнилов А.А.* Общественное движение при Александре II. Исторические очерки. М., 1909. С. 234.

категорически несогласно, и увлечение народников-восьмидесятников культурно-просветительской деятельностью в деревне до сих пор рассматривается как отклонение от магистральной линии развития народнического движения, которую задали народовольцы и их эпигоны 1880–1890-х гг.²⁷

Лично мы в данном вопросе придерживаемся точки зрения С.Я. Новака. Теория «малых дел» – это отказ от попыток *непосредственного* введения социализма в России, время для которого еще не пришло, а не от социалистического идеала²⁸. Каблиц прямо писал, что народничество противно либерально-буржуазному строю и идеал народников остается для них путеводной звездой, но его осуществление будет результатом «медленного общественного развития»²⁹. Важно и то, что многие народники-культурники рассматривали переход к «культурной работе» в деревне как возрождение старого принципа народников 1870-х гг. «все для народа и через народ»³⁰.

К сожалению, анализом идеологии культурного народничества 1880–1890-х гг. никто из исследователей серьезно не занимался. Просто принято считать, что в основе данной идеологии лежит теория «малых дел» (хотя ее идейное содержание понимается по-разному³¹). В этом есть своя логика. Народники-культурники действовали не в составе организации, а каждый сам по себе. И свести их взгляды к одному знаменателю непросто. Но это, как говорится, полбеда. Пытаясь сформулировать социокультурную концепцию народничества того же Каблица, мы сталкиваемся с еще одной проблемой. Будучи профессиональным публицистом, он писал в основном на «злобу дня» и не пытался систематизировать свои взгляды. Даже его «Основы народничества» (СПб., 1888–1893) – это 2-томный сборник статей. Поэтому мы стараемся разобраться в народничестве Каблица, отталкиваясь от общей типологии революций и реформ³².

Собственно, речь идет о двух противоположных типах общественных преобразований – социальном и политическом. Первый из них ориентируется на органическое развитие общества, то есть на его внутренние возможности. Поэтому этот подход характеризуют аполитизм, популизм и, как следствие, признание необходимости развития самостоятельности масс. Сторонники второго типа преобразований делают ставку на инновационное развитие (за счет заимствования извне). Его специфические черты – политизм, элитаризм и этатизм – признание решающего значения в реализации программы преобразований за политической надстройкой. В легальном народничестве последней трети XIX в. социальную концепцию развивали «культурники», начиная с первого их идеолога Каблица, а политическую, соответственно, «политики» из окружения Михайловского.

Каблиц мыслил, конечно, не так системно, как современные обществоведы, и в его народничестве много специфических добавок. Например, в начале 1880-х гг., уже будучи народником-консерватором, он высказывал идею исключительности русского народа как нации, хотя обычно использовал слово «народ» в узком его значении – физически трудящиеся классы³³. Сохранилось немало свидетельств его непри-

²⁷ Зверев В.В. Русское народничество... С. 276.

²⁸ Новак С.Я. Я.В. Абрамов – пионер «теории малых дел» // Отечественная история. 1997. № 4. С. 84.

²⁹ Каблиц И. Интеллигенция и народ... С. 275; Каблиц И. Либерал и народничество // Неделя. 1880. № 33. Стб. 1057.

³⁰ Воронцов В.П. От семидесятых годов к девятидесятым: сб. ст. СПб., 1907. С. 93.

³¹ Мокшин Г.Н. Проблема реконструкции теории «малых дел» в отечественном народниковедении // Народники в истории России: межвузовский сборник научных трудов. Воронеж, 2016. Вып. 2.

³² Блюм Р.Н. Некоторые методологические вопросы изучения истории революционной мысли // Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по философии. Тарту, 1982. С. 68–92.

³³ Юзов И. Национализм, его приверженцы и враги // Русское богатство. 1882. № 7. С. 64.

язненного отношения к евреям. Потянув за это ниточку, можно, конечно, вслед за Борисом Савинковым, дойти до признания Каблицы «первым русским фашистом». Но, на наш взгляд, национализм не относится к базовой характеристике классического русского народничества в любой его конфигурации.

Итак, рассмотрим основные положения культурного народничества Каблицы (Юзова) сквозь призму указанной выше социальной концепции преобразований. Обнаружить ее черты в сочинениях нашего мыслителя не представляет большого труда. И теперь мы можем дать им оригинальное (юзовское) обоснование.

1. *Аполитизм*. По Каблицу, истинные народники отдают предпочтение социальным реформам перед политическими, потому что так делает народ. Сам народник, безусловно, понимал значение политической демократизации России. Однако скороспелая политическая реформа не могла сделать монархиста демократом. Для подготовки народа к политической системе, где он будет «всему голова», нужны были соответствующие социальные и культурные преобразования. Попытки же построения «народного государства» при помощи насилия угрожали его скорым перерождением в диктатуру интеллигентского меньшинства³⁴.

Гармоничное развитие общества, по Каблицу, предполагало соответствие заложенных в нем принципов поведения коллективному чувству и мышлению входящих в него социальных групп, то есть по сути подчинялось законосообразности психического развития личности. Согласно теории прогресса Каблицы, объективных законов в истории не существует. Социальный мир изменяется в процессе развития эмоциональной и нравственной жизни людей (на почве коллективного общежития), а не путем накопления знаний и выработки новых общественных идеалов³⁵. Так народник пытался утвердить приоритет «общинно чувствующих масс» перед «критически мыслящими личностями» (то есть интеллигенцией) П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского.

2. *Популизм*. Некоторые современные исследователи, например, В.Г. Хорос, считают, что апелляция к народу – это выражение сути всего русского народничества³⁶. На наш взгляд, эта черта в наибольшей мере характерна для идеологов крайне правого народничества. Именно Каблиц больше всех идеализировал народ, ставя его выше интеллигенции не только в нравственном, но и в умственном отношении. Более высокий умственный потенциал народа Каблиц объяснял его способностью доходить до самых высших идей путем собственных наблюдений и рассуждений. У интеллигенции же, по мнению Каблицы, своего ума нет вообще, ибо все свои идеи она якобы заимствовала из иностранных книг. Интересно, что сочинения самого Каблицы – это тоже набор цитат из Спенсера, Милля, Бокля, Льюиса, Дарвина и других авторов, которые он интерпретирует в удобном для себя духе³⁷.

С другой стороны, мы не должны забывать, что упования Каблицы на народную мудрость – это прямая реакция на распространившуюся в русском обществе рубежа 1870/80-х гг. веру во всемогущество интеллигенции («соль земли», «совесть народа», «мозг нации» и т.п.). Кроме того, Каблиц неоднократно оговаривался, что авторитет народа ограничивается сферой его общественной жизни и не распространяется на науку, искусство и др. области общественной жизни³⁸.

3. *Самодетельность масс*. Это положение вытекает из предыдущих. Весь пафос народнической доктрины Каблицы как раз и сводился к отстаиванию принципа

³⁴ Каблиц И.И. Интеллигенция и народ... С. 144.

³⁵ Юзов И. Социологические очерки. Основы народничества. СПб., 1882. С. 19, 30.

³⁶ Хорос В.Г. Русская история в сравнительном освещении. М., 1996. С. 77.

³⁷ Голосенко И.А. Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX века. Л., 1978. С. 193.

³⁸ Каблиц И. Интеллигенция и народ... С. 102.

самостоятельности деревенской жизни, неотъемлемого права народа на свободное определение своих действий и своей жизни, даже если при этом он будет хуже есть, пить и одеваться³⁹. Чтобы оградить народ от влияния чуждой ему интеллигентской культуры, Каблиц даже предлагал законодательное охранение сословной обособленности крестьянства⁴⁰. Мера – явно консервативная и антидемократичная, но народник готов был на это пойти ради развития культурной самобытности народа. Для этого надо было сохранить народное мировоззрение (тяготение к работе на земле, к общинности и коллективизму) в неприкосновенном виде. Интеллигенция же, распростирая в деревне современную (буржуазную) цивилизацию и культуру, вольно или невольно утверждала «чуждые» народу ценности и идеалы.

Особенности культурничества И.И. Каблица

Можно ли поставить И.И. Каблицу в один ряд с общепризнанными теоретиками культурного народничества 1880–1890-х гг.: Я.В. Абрамовым, С.Н. Кривенко, В.П. Воронцовым, А.С. Пругавиным, Е.Д. Максимовым? Думаем, что да. С ними у Каблицы больше сходств, чем различий. Не будем забывать, что он одним из первых заговорил о служебной роли интеллигенции в деревне. И основы народничества Юзова вполне вписываются в социокультурную концепцию общественных преобразований. Но есть и существенные отличия, свидетельствующие об особом положении Каблицы в культурном народничестве.

Что объединяет всех народников-культурников? Прежде всего, это признание культурной деятельности в деревне (труд учителя, врача, агронома, земского статистика и т. д.) главной практической задачей интеллигенции. Цель данной работы заключалась в подъеме умственного и нравственного уровня простого народа, в развитии его самодеятельности и инициативы. Вооружив крестьянство культурными средствами борьбы за существование (образование, новейшая техника, интенсивное хозяйство), народники-культурники надеялись привести его к такому состоянию, когда оно само будет в силах справиться со своими экономическими и моральными «болезнями» и нуждами.

Каблиц формально разделял эти положения. Но в его культурничестве нет места главному – *просвещению* в общепринятом его понимании как широкому распространению знаний и иных достижений культуры, отвечающих запросам времени и способствующих правильному пониманию жизни в целом или отдельных ее сторон. У нашего народника, как бывшего бакуниста, ум и знание всегда находились на «запятках». И если Каблиц призывал интеллигенцию учить народ, то только тому, чему он сам желает. Прямо-таки в духе популярного в то время учения Л.Н. Толстого о задачах народной школы.

В русском народничестве с 1860-х гг. сложилось уважительное отношение к наукам и знанию как главным движущим силам общественного развития. Считалось, что на пути страны к лучшему будущему стоят две главные преграды: бедность и невежество основного населения страны. И виновата здесь не только власть, но и сам народ, его отношение к своей жизни, которое строится на заветах дедов и отцов. Говоря современным языком, мировоззрение, уровень культурных потребностей пореформенного российского крестьянства соответствовали нормам традиционного аграрного общества, а жизнь под влиянием Великих реформ Александра II шла вперед и ставила перед ним новые задачи. Не случайно русская интеллигенция в своем большинстве предпочитала заниматься в деревне не революционной агитацией и пропагандой, а культурно-просветительской деятельностью.

³⁹ Каблиц И. Интеллигенция и народ... С. 106.

⁴⁰ Юзов. Будущность сословий // Русское богатство. 1885. № 1. С. 180, 183.

Как уже отмечалось выше, Каблиц считал интеллигенцию чуть ли не главным и опаснейшим врагом народа, потому что она якобы пыталась лишить мужика самостоятельной роли в устройстве собственной жизни. Это был один из немногих русских народников, кто выступал против изменения основ мировоззрения народа (по крайней мере, в ближайшее время), т. е. по сути против расширения круга его культурных потребностей, на том основании, что это приведет к разрушению традиционных нравственных ценностей деревни, в том числе и чувства коллективизма. Вот почему культурническая программа Каблица акцентировала внимание лишь на обеспечении экономической самостоятельности народа: на укреплении «народного производства» (общины, артели), расширении земельных наделов, снижении налогового бремени и т. п.⁴¹

До 1885 г. Каблиц – ведущий публицист газеты «Неделя». На волне всеобщей интеллигентофобии, захлестнувшей Россию после убийства членами «Народной воли» царя-освободителя, его непримиримая позиция по отношению к представителям радикального народничества имела определенный успех. Было время, когда споры вокруг народничества Каблица (Юзова) разделяли интеллигенцию на «юзовцев» и «антиюзовцев», хотя последних всегда оказывалось несравнимо больше. Однако после того, как правительство подавило революционное движение, в либерально-демократическом обществе возник запрос на новую программу деятельности, и прежде всего в органах земского самоуправления, где интеллигенция могла работать для народа на легальной почве. Каблиц как представитель консервативного (крайне правого) народничества ее предложить не смог. Центром тяжести русской жизни для него всегда был крестьянский «мир». «Нет сомнения, – будет повторять публицист все 1880-е гг., – что наше крестьянство стремится: во-первых, к усилению местного самоуправления; во-вторых, к сближению с царской властью посредством выборных ходяков, помимо бюрократии, и, в-третьих, к свободе вероисповедания. Осуществление этих стремлений дало бы, по нашему мнению, такие результаты, которыми удовлетворилась бы и интеллигенция»⁴². Но подобная программа деятельности больше соответствовала «народной» политике Александра III, чем стремлениям демократической русской интеллигенции. В итоге в середине 1880-х гг. И.И. Каблиц уступит место главного идеолога культурного народничества Я.В. Абрамову – будущему автору книги «Что сделало земство и что оно делает» (СПб., 1889), посвященной реабилитации деятельности «трудовой» интеллигенции, в том числе и на ниве народного просвещения.

Выводы

Как известно, «юзовская» интерпретация народничества не устроила ни его единомышленников, ни критиков (от консерваторов до радикалов). Именно Каблиц ввел слово «народничество» в широкое употребление, и он же его дискредитировал. В 80–90-е гг. XIX в. в России мало кто называл себя народником, чтобы его не ставили в один ряд с «юзовцами».

Современники Каблица обвиняли его во всех «смертных грехах»: в обскурантизме, интеллигентофобии, национализме, монархизме и, разумеется, в народопоклонстве. Той же точки зрения на «юзовщину» придерживаются и современные исследователи. Даже В.И. Харламов, первый, кто попытался разобраться в сильных и слабых сторонах народничества Каблица, втайне посмеивался над своим героем (особенно над его планами устранить влияние на народную жизнь бюрократии путем

⁴¹ Юзов И. Современная русская жизнь и ее задачи // Мысль. 1881. № 1. С. 115.

⁴² Юзов И. Социологические очерки... С. 250; Юзов И. Основы народничества... С. 324.

прямого общения царя с народом)⁴³. Очевидно, что в народническом лагере Каблиц был аутсайдером.

И тем не менее И.И. Каблицу принадлежит ведущая роль в становлении культурнического направления в народничестве, точнее – его правого фланга. (Как шутят историки, правее Каблица – только стена.) Перечислим его главные заслуги: 1) Каблиц одним из первых обратил внимание на связь между типом и темпом социального развития общества и менталитетом входящих в него социальных групп и отразил ее в своей формуле народничества (необходимость учета «мнений» народа); 2) он же первым из правых народников дал теоретическое обоснование всем главным положениям социокультурной концепции преобразований (аполитизм, популизм и самодеятельность масс); 3) наконец, именно Каблиц в самый разгар противостояния народовольцев и самодержавия призвал интеллигенцию вернуться в народ и работать «засучив рукава», чтобы стать действительной общественной силой (в духе теории «малых дел»).

Однако «чистое» народничество Каблица оказалось слишком наукообразным, догматическим и иррациональным, чтобы надолго увлечь демократическую интеллигенцию, уже успевшую разочароваться в идее народа – творца новой жизни. (После 1 марта 1881 г. стало ясно, что идеалы крестьянства и интеллигенции не совпадают.) К тому же бывший бакунист явно перестарался с критикой пороков радикальной русской интеллигенции, смешивая ее то с бюрократией, то с буржуазией. Поэтому разработкой новой программы хождения «в народ» (для демократической интеллигенции 1880–1890-х гг.) займутся другие идеологи культурного народничества.

Рукопись поступила: 20 декабря 2019 г.

Submitted: 20 December 2019

Библиографический список

- Аптекман О.В.* Общество «Земля и воля» 70-х гг. По личным воспоминаниям. Пгр.: Колос, 1924. 460 с.
- Балуев Б.П.* Либеральное народничество на рубеже XIX – XX веков. М.: Наука, 1995. 267 с.
- Блюм Р.Н.* Некоторые методологические вопросы изучения истории революционной мысли // Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по философии. Тарту: [Б.и.], 1982. С. 68–92.
- Бялый Г.А.* Основные направления в публицистике, журналистике, критике // Очерки по истории русской журналистики и критики. Л.: ЛГУ, 1965. С. 239–249.
- Воронцов В.П.* Наши направления. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1893. 215 с.
- Воронцов В.П.* От семидесятых годов к девятистам: сборник статей. СПб.: «Общественная Польза», 1907. 230 с.
- Голосенко И.А.* Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX века. Л.: Наука, 1978. 416 с.
- Жвания Д.Д.* Народники-реформисты о крестьянской общине в 70–90-е гг. XIX в. (В.П. Воронцов, И.И. Каблиц, П.А. Соколовский). СПб.: Северо-Западная академия госслужбы, 1997. 313 с.
- Зверев В.В.* Русское народничество. М.: РАГС, 2009. 286 с.
- Каблиц И.И.* Интеллигенция и народ // Неделя. 1880. № 10. Стб. 308–313.
- Каблиц И.И.* Что такое народничество? // Неделя. 1880. № 31. Стб. 981–986.
- Каблиц И.И.* Либерал и народничество // Неделя. 1880. № 33. Стб. 1055–1057.
- Каблиц И.И.* Интеллигенция и народ в общественной жизни России. СПб.: Тип. Н.А. Лебедева, 1886. 304 с.
- Каблиц И.* Основы народничества. СПб.: Тип. Н.А. Лебедева, 1888–1893. 509 с.

⁴³ *Щербакова Е.И.* Воспоминания об учителе. Аникин А.В. // «Будущего нет и не может быть без наук...». (Памяти профессора Московского университета Михаила Герасимовича Седова). М., 2005. С. 461.

- Касторнов С.Н. Народники-реформисты о социальных и общественно-политических проблемах России второй половины XIX – начала XX вв. Сравнительный анализ. Орел: ОГУ, 2002. 310 с.
- Ковалик С.Ф. Революционное движение семидесятых годов и процесс 193-х. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1928. 195 с.
- Корнилов А.А. Общественное движение при Александре II. Исторические очерки. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1909. 263 с.
- Михайловский Н.К. Полное собрание сочинений. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1909. 904 с.
- Мокишин Г.Н. В.И. Харламов и становление современной историографии правого народничества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2015. № 1. С. 43–57.
- Мокишин Г.Н. Кто такие народники-культурники? // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2016. № 3. С. 82–86.
- Мокишин Г.Н. Основные этапы истории культурного народничества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2016. № 2. С. 20–29.
- Мокишин Г.Н. Проблема реконструкции теории «малых дел» в отечественном народниковедении // Народники в истории России: межвузовский сборник научных трудов. Воронеж: ВГУ, 2016. С. 20–36.
- Новак С.Я. Я.В. Абрамов – пионер «теории малых дел» // Отечественная история. 1997. № 4. С. 80–85.
- Оболенский Л.Е. Литературные воспоминания и характеристики // Исторический вестник. 1902. № 3. С. 882–907.
- Тихомиров Л. Что такое народничество? // Русское обозрение. 1892. № 12. С. 915–926.
- Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Воспоминания. М.: Мысль, 1964. 439 с.
- Харламов В.И. Из истории либерального народничества в России в конце 70-х – начале 90-х годов XIX в. Общественно-политические воззрения Каблица /Юзова/. М.: МГУ, 1980. 18 с.
- Харламов В.И. Публицисты «Недели» и формирование либерально-народнической идеологии в 70-х – 80-х годах XIX в. // Революционеры и либералы России: сборник статей. М.: Наука, 1990. С. 163–185.
- Хорос В.Г. Русская история в сравнительном освещении. М.: ЦГО, 1996. 171 с.
- Червинский П.П. Отчего безжизненна наша литература? // Неделя. 1875. № 44. Стб. 1427–1433.
- Щербакова Е.И. Воспоминания об учителе. Аникин А.В. // «Будущего нет и не может быть без наук...». (Памяти профессора Московского университета Михаила Герасимовича Седова). М.: МГУ, 2005. С. 450–466.
- Юзов И. Современная русская жизнь и ее задачи // Мысль. 1881. № 1. С. 107–118.
- Юзов И. Национализм, его приверженцы и враги // Русское богатство. 1882. № 7. С. 49–67.
- Юзов И. Социологические очерки. Основы народничества. СПб.: Тип. А.М. Котомина и К°, 1882. 325 с.
- Юзов И. Деревня и город // Русское богатство. 1883. № 1. С. 197–213.
- Юзов И. Будущность сословий // Русское богатство. 1885. № 1. С. 175–183.

References

- Aptekman, O.V. *Obshchestvo «Zemlya i volya» 70-kh gg. Po lichnym vospominaniyam*. Petrograd: Kolos Publ., 1924 (in Russian).
- Baluyev, B.P. *Liberal'noye narodnichestvo na rubezhe XIX–XX vekov*. Moscow: Nauka Publ., 1995 (in Russian).
- Blyum, R.N. “Nekotoryye metodologicheskiye voprosy izucheniya istorii revolyutsionnoy mysli.” In *Uchenyye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Trudy po filosofii*, 68–92. Tartu: [S.n.], 1982 (in Russian).
- Byalyy, G.A. “Osnovnyye napravleniya v publitsistike, zhurnalistike, kritike.” In *Ocherki po istorii russkoy zhurnalistiki i kritiki*, 239–249. Leningrad: LGU Publ., 1965 (in Russian).
- Chervinskiy, P.P. “Otchego bezzhiznenna nasha literatura?” *Nedelya*, no. 44 (1875): 1427–1433 (in Russian).
- Figner, V.N. *Zapechatlennyy trud. Vospominaniya*. Moscow: Mysl' Publ., 1964 (in Russian).
- Golosenko, I.A. *Sotsiologicheskaya mys' v Rossii. Ocherki istorii nemarksistskoy sotsiologii posledney treti XIX – nachala XX veka*. Leningrad: Nauka Publ., 1978 (in Russian).
- Kablits, I.I. “Intelligentsiya i narod.” *Nedelya*, no. 10 (1880): 308–313 (in Russian).
- Kablits, I.I. “Chto takoye narodnichestvo?” *Nedelya*, no. 31 (1880): 981–986 (in Russian).
- Kablits, I.I. “Liberal i narodnichestvo.” *Nedelya*, no. 33 (1880): 1055–1057 (in Russian).

- Kablits, I.I. *Intelligentsiya i narod v obshchestvennoy zhizni Rossii*. St. Petersburg: Tip. N.A. Lebedeva Publ., 1886 (in Russian).
- Kablits, I. *Osnovy narodnichestva*. St. Petersburg: Tip. N.A. Lebedeva Publ., 1888–1893 (in Russian).
- Kastornov, S.N. *Narodniki-reformisty o sotsial'nykh i obshchestvenno-politicheskikh problemakh Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv. Sravnitel'nyy analiz*. Orel: OGU Publ., 2002 (in Russian).
- Kovalik, S.F. *Revolutsionnoye dvizheniye semidesyatykh godov i protsess 1930-kh*. Moscow: Izd-vo Vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev Publ., 1928 (in Russian).
- Kornilov, A.A. *Obshchestvennoye dvizheniye pri Aleksandre II. Istoricheskiye ocherki*. Moscow: Tovarithchestvo tipografii A.I. Mamontova Publ., 1909 (in Russian).
- Kharlamov, V.I. *Iz istorii liberal'nogo narodnichestva v Rossii v kontse 70-kh – nachale 90-kh godov XIX v. Obshchestvenno-politicheskiye vozzreniya Kablitsa /Yuzova/*. Moscow: MGU Publ., 1980 (in Russian).
- Kharlamov, V.I. “Publitsisty «Nedeli» i formirovaniye liberal'no-narodnicheskoy ideologii v 70-kh – 80-kh godakh XIX v.” In *Revolutsionery i liberaly Rossii: sbornik statey*, 163–185. Moscow: Nauka Publ., 1990 (in Russian).
- Khoros, V.G. *Russkaya istoriya v sravnitel'nom osveshchenii*. Moscow: TSGO Publ., 1996 (in Russian).
- Mikhaylovskiy, N.K. *Polnoye sobraniye sochineniy*. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha Publ., 1909 (in Russian).
- Mokshin, G.N. “V.I. Kharlamov and formation of modern historiography of right-wing populism.” *RUDN Journal of Russian History*, no. 1 (2015): 43–57 (in Russian).
- Mokshin, G.N. “Who are the Populists-Culturist?” *Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology*, no. 3 (2016): 82–86 (in Russian).
- Mokshin, G.N. “Main stages of history of “Cultural” Populism.” *RUDN Journal of Russian History*, no. 2 (2016): 20–29 (in Russian).
- Mokshin, G.N. “Problema rekonstruktsii teorii «malykh del» v otechestvennom narodnikovedenii.” In *Narodniki v istorii Rossii: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov*, 20–36. Voronezh: VGU Publ., 2016 (in Russian).
- Novak, S.Ya. “Ya.V. Abramov – pioner ‘teorii malykh del’.” *Otechestvennaya istoriya*, no. 4 (1997): 80–85 (in Russian).
- Obolenskiy, L.Ye. “Literaturnyye vospominaniya i kharakteristiki.” *Istoricheskiy vestnik*, no. 3 (1902): 882–907 (in Russian).
- Shcherbakova, Ye.I. “Vospominaniya ob uchitele. Anikin A.V.” In *«Budushchego net i ne mozhет byt' bez nauk...»*. (Pamyati professora Moskovskogo universiteta Mikhaila Gerasimovicha Sedova), 450–466. Moscow: MGU Publ., 2005 (in Russian).
- Tikhomirov, L. “Chto takoye narodnichestvo?” *Russkoye obozreniye*, no. 12 (1892): 915–926 (in Russian).
- Vorontsov, V.P. *Nashi napravleniya*. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha Publ., 1893 (in Russian).
- Vorontsov, V.P. *Ot semidesyatykh godov k devyatisotym: sbornik statey*. St. Petersburg: «Obshchestvennaya Pol'za» Publ., 1907 (in Russian).
- Yuzov, I. “Budushchnost' sosloviy.” *Russkoye bogatstvo*, no. 1 (1885): 175–183 (in Russian).
- Yuzov, I. “Derevnya i gorod.” *Russkoye bogatstvo*, no. 1 (1883): 197–213 (in Russian).
- Yuzov, I. “Natsionalizm, yego priverzhentsy i vragi.” *Russkoye bogatstvo*, no. 7 (1882): 49–67 (in Russian).
- Yuzov, I. “Sovremennaya russkaya zhizn' i yeye zadachi.” *Mysl'*, no. 1 (1881): 107–118 (in Russian).
- Yuzov, I. *Sotsiologicheskiye ocherki. Osnovy narodnichestva*. St. Petersburg: Tip. A.M. Kotomina i K^o Publ., 1882 (in Russian).
- Zhvaniya, D.D. *Narodniki-reformisty o krest'yanskoy obshchine v 70–90-ye gg. XIX v. (V.P. Vorontsov, I.I. Kablits, P.A. Sokolovskiy)*. St. Petersburg: Severo-Zapadnaya akademiya gossluzhby Publ., 1997 (in Russian).
- Zverev, V.V. *Russkoye narodnichestvo*. Moscow: RAGS Publ., 2009 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Мокшин Геннадий Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Воронежского государственного университета.

Gennady N. Mokshin, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor of the Department of Russian History, Voronezh State University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-654-672>

Научная статья / Research article

Анатомия протестов политических ссыльных Западной Сибири в 1880-х гг.

О.А. Милевский

Сургутский государственный педагогический университет;
628417, Россия, ХМАО – Югра, Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2; olegmilevsky@mail.ru

Anatomy of the Protests of Political Exiles in Western Siberia in the 1880s

Oleg A. Milevsky

Surgut State Pedagogical University; 10/2, 50 years of the Komsomol St., Surgut,
Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra, 628417, Russia; olegmilevsky@mail.ru

Аннотация: В статье на основе использования исследовательских подходов, присущих направлению региональной истории, изучаются ранее малоизвестные страницы истории западносибирской политической ссылки. Это позволяет под другим углом зрения посмотреть на сам механизм функционирования института политической ссылки, в том числе в плоскости взаимоотношений губернская власть – политические ссыльные. Источниковой базой статьи являются ранее не введенные в научный оборот документы из архивохранилищ Тобольска и Сургута. На основе анализа различного вида источников выявляется комплекс причин, вызывавших столкновения политических ссыльных с местной администрацией и приведших в итоге к серии протестов политической ссылки. На примере реконструкции и изучения повседневной жизни ссыльных революционеров анализируется механизм принятия решений центральной и губернской властью в отношении революционеров, находящихся на положении политических ссыльных. Особое внимание уделяется выявлению обстоятельств жизни политссыльных на Тобольском севере, в частности в городе Сургуте, где противостояние ссыльных и местной администрации дошло до крайней степени напряженности, что привело в 1888 г. к «Сургутскому протесту», а в дальнейшем стало толчком к крупнейшему в истории политической ссылки Якутскому протесту 1889 г., закончившемуся уже прямым кровопролитием. На основе изученного материала автор приходит к выводу, что недалёковидность царского правительства, а также мелочное и мстительное желание обслуживающих его чиновников всех уровней, чьему примеру Тобольская губерния, жестоко и часто чрезмерно покарать и наказать противников существующей политической системы имело пагубные для Российской империи последствия: с одной стороны, все более накаляя страсти во взаимоотношениях власти и оппозиционной части общества, а с другой, серьезно подрывая престиж самодержавия на международной арене и склоняя чашу мирового общественного мнения в сторону поддержки российского революционного движения.

Ключевые слова: революционное движение, народничество, политическая ссылка, Тобольская губерния, Обской Север

Для цитирования: Милевский О.А. Анатомия протестов политических ссыльных Западной Сибири в 1880-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 3. С. 654–672. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-654-672>

Abstract: Using the methods of regional history, the present paper studies some little-known pages of the history of the political exile life in Western Siberia. The present case gives us a new perspective on the institution of political exile, and insights into the relationship between the provincial government

and political exiles. The article is based on hitherto unstudied documents from the archives of Tobolsk and Surgut. The focus is on collisions of political exiles with the local administration, which resulted in a series of protests by political exiles. Reconstructing the daily life of exiled revolutionaries, the author analyzes the decision-making by central and provincial authorities towards exiled revolutionaries. Special attention is paid to the life circumstances of political prisoners in the Tobolsk North, in particular in the town of Surgut, where the confrontation between exiles and the local administration reached an extreme degree of tension, leading in 1888 to the "Surgut protest". These events later triggered the Yakut protest of 1889, the largest in the history of political exile, which ended in direct bloodshed. The author emphasizes the short-sightedness of the tsarist government as well as the petty and vindictive desire of officials at all levels to brutally and often excessively punish opponents of the existing political system. These factors had harmful consequences for the Russian Empire. On the one hand, the relationship between the government and the opposition became more tense; on the other, the harsh treatment of political exiles seriously undermined the prestige of the autocracy on the international scene, moving world public opinion into the direction of supporting the Russian revolutionary movement.

Keywords: Revolutionary movement, populism, autocracy, political exile, Western Siberia, Tobolsk province, "Order of exiles", Ob North, "Surgut protest", "Yakut tragedy"

For citation: Milevsky, Oleg A. "Anatomy of the Protests of Political Exiles in Western Siberia in the 1880s." *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 3 (August 2020): 654–672. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-654-672>

Введение

Протесты политических ссыльных, вызванные ужесточением режима содержания государственных преступников, имеют давнюю историю изучения. Наиболее известные из них – Якутская и Карийская трагедии 1889 г. – практически сразу же получили освещение в революционной печати и огласку в западной прессе. Эту «газетную компанию» организовал Дж. Кеннан¹. В годы Первой русской революции об этих событиях уже писала и отечественная либерально-демократическая журналистика². После «Великой революции»: 1917–1922 гг., когда в Советской России возникло «Всесоюзное Общество политкаторжан и ссылопоселенцев», на страницах его журнала «Каторга и ссылка» было опубликовано большое количество материалов о самых мрачных и темных страницах карательной политики самодержавия. Выходили и отдельные сборники воспоминаний и документов, посвященных событиям в Якутске и на Каре³.

Советские и российские историки, а также ряд западных специалистов⁴ активно занимались и занимаются различными проблемами политической ссылки⁵, в том числе карательной политикой царизма⁶. Однако главное их внимание концентриро-

¹ *Степняк-Кравчинский С.М.* В лондонской эмиграции. М., 1968. С. 229; *Slulis T. George Kennan: Russian Specialist of the 1890s // Russian Review.* 1970. Vol. 29. № 3. P. 275–285.

² *Мельшин Л.* *Vae Victis!* (Две трагедии 1889 года в Сибири) // *Русское богатство.* 1906. № 1. С. 1–18; Виллоец. Якутская трагедия 1889 г. (Из воспоминаний ссыльного) // *Русская мысль.* 1906. № 3. С. 55–77.

³ *Кротов М.А.* Якутская ссылка 70–80-х годов. Исторический очерк по неизданным материалам. М., 1925; *Брагинский М.А.* Якутская трагедия. 22 марта (3 апреля) 1889 года. Сборник воспоминаний и материалов. М., 1925; *Ростов Н.* Карийская трагедия. М., 1927; *Ивановская П.С.* Документы о смерти Сигиды // *Каторга и ссылка.* 1929. № 11. С. 108–127.

⁴ *Skok H.* *Polacy nad Bajkalem 1863–1883.* Warszawa, 1974; *Качинская Э.* Поляки в Сибири (1815–1914). Социально-демографический аспект // *Сибирь в истории и культуре польского народа.* М., 2002. С. 265–277.

⁵ *Галиев В.З.* Ссыльные революционеры в Казахстане (вторая половина XIX в.). Алма-Ата, 1978; *Роцевская Л.П.* Революционеры-разночинцы в западносибирском изгнании. Л., 1983; *Казарян П.Л.* Якутия в системе политической ссылки России. 1826–1917 гг. Якутск, 1998; *Пашков А.М.* Политическая ссылка и развитие краеведения на Русском Севере в XIX – начале XX вв.: опыт переосмысления // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России.* 2012. № 2. С. 112–126; *Мауль В.Я.* Как поссорились Иван Иванович с Егором Гавриловичем (из истории Якутской политической ссылки) // *Вестник Томского государственного университета. История.* 2017. № 48. С. 80–87.

⁶ *Троцкий Н.А.* Царизм под судом прогрессивной общественности: 1866–1895 гг. М., 1979.

валось как раз на изучении наиболее крупных столкновений между ссыльнокаторжанами и администрацией. В результате достаточно изученными оказались выше упомянутые события на Каре и в Якутске⁷, а также Сургутский протест 1888 г.⁸

Хотя сами революционеры в воспоминаниях не раз подчеркивали то обстоятельство, что «Якутская трагедия» имела свою предысторию⁹ и корни ее уходят в недальновидную и заведомо провокационную политику царизма по отношению к ссыльным революционерам, вылившуюся в ряде сибирских губерний в середине 1880-х гг. в локальные акции протеста. Поэтому, думается, чтобы лучше понять логику событий, приведших в 1889 г. политических ссыльных и власть к прямому столкновению, необходимо проанализировать обстоятельства, которые ему предшествовали.

Таким образом, целью данной статьи является изучение взаимоотношений политических ссыльных и властей прежде всего Тобольской губернии, дающее возможность выявить причины, приведшие к первым серьезным стычкам между ссыльными и администрацией в первой половине 1880-х гг. Именно их следствием и стали мощные протесты ссылки 1888–1889 гг.

Революционный подъем 1870-х гг. и правительственная реакция

События 1870-х гг. вошли в историю общественно-политической жизни России как эпоха ранее невиданного революционного подъема, связанного с движением революционного народничества. На этот период «бури и натиска» царское правительство ответило шквалом арестов. Апофеозом стал знаменитый процесс-монстр – «процесс 193-х», закончившийся 23 января 1878 г.¹⁰ В это время начинает быстро расти и количество ссылаемых за политические преступления на Русский Север и в Сибирь. Дальнейшее противостояние общества и власти еще более накалило политическую атмосферу в стране. На смену народничества «розовой юности», как называл его А.И. Желябов, пришли сначала «землеволюльцы», а затем народовольцы – сторонники борьбы за политические свободы, в том числе и посредством использования против правительства террора¹¹.

Государство отреагировало на это ужесточением наказаний и еще более активным использованием такого метода воздействия на оппозицию, как административная ссылка. 5 апреля 1879 г. был оглашен указ, по которому вся Россия делилась на 6 военных округов под властью генерал-губернаторов, облеченных чрезвычайными полномочиями. В частности, они получили право на «высылку в административном порядке всех лиц, чье дальнейшее проживание в данном округе может считаться вредным для общественного порядка» и на «принятие всех мер, какие они сочтут нужными, для поддержания спокойствия и порядка в подчиненных им округах»¹².

То есть в руках «шести Аракчевых» (термин Н.А. Троицкого. – *О.М.*) оказалась огромная и практически неподконтрольная судебная власть с явной задачей за-

⁷ Гернет М.Н. История царской тюрьмы (1870–1900). М., 1981. С. 323–330; Троицкий Н.А. Царизм под судом... С. 74–76.

⁸ Роцевская Л.П. «Сургутская история» (Волнения политических ссыльных 80-х годов XIX века в Западной Сибири) // Классовая борьба и общественно-политическая жизнь дореволюционной России. Тюмень, 1977. С. 48–82.

⁹ Швецов С.П. К «предыстории» Якутской бойни // Каторга и ссылка. 1929. № 4. С. 119–128; Майнов И.И. На закате народовольчества (Памяти В.Я. Богучарского) // Былое. 1917. № 5–6. С. 41–81.

¹⁰ Пелевин Ю.А. «Хождение в народ» 1874–1875 гг. // Вопросы истории. 2013. № 6. С. 43.

¹¹ Пелевин Ю.А. Желябов и другие террористы: покушение под Александровском // Российская история. 2015. № 5. С. 80–83.

¹² Степняк-Кравчинский С.М. Россия под властью царей // С.М. Степняк-Кравчинский. Сочинения. М., 1987. С. 167.

душить распространение революционной крамолы. В результате число неблагонадежных сосланных в различные места империи перевалило с сотен до тысяч. Глава Верховной Распорядительной комиссии (далее – ВРК, создана в 1880 г. – *О.М.*) и Министерства внутренних дел М.Т. Лорис-Меликов признал «пробывание в различных частях империи 2873 ссыльных, из которых все, кроме 271, были высланы в короткий период с 1878 по 1880 год»¹³. И это не говоря о лицах, находящихся под полицейским надзором, а их было в разы больше. По ведомости ВРК, к 1 января 1880 г. в стране насчитывалось 6790 поднадзорных¹⁴. Хотя среди приближенных к трону в этом же 1880 г. говорили о том, что «по всей России находится 400 тысяч человек под надзором полиции»¹⁵. Естественно, что немалая часть ссыльных по политическим статьям попала и в западносибирские губернии.

Тобольская губерния как центр политической ссылки в Западную Сибирь

Материалы Тобольского приказа о ссыльных (с 1870 г. находился в Тюмени. – *О.М.*), через который проходили все ссыльные Сибири и Степного края, показывают, что в 1864–1894 гг. в Сибирь поступало 57,32 % политических, получивших тяжелые наказания¹⁶. Всего же с 1882 по 1890 гг. в Сибирь административным порядком по политическим статьям было сослано 2018 человек¹⁷.

Центром стечения ссыльных в силу своего географического положения стала Тюмень, куда пребывали все ссыльные с Запада страны, отправляемые далее в Сибирь. Уже из Тюмени потоки перенаправлялись либо на Юг, в Степной край и юг Тобольской губернии, либо на Север, в Тобольск и далее на Обской север, либо на Восток, в Восточную Сибирь и Якутию. С 1883 г. была изменена и доставка ссылокаторжных в Сибирь. Теперь их стали отправлять этапом вместе с уголовными преступниками. Оценивая это решение, «Журнал политической ссылки» (был тайно напечатан в 1888 г. – *О.М.*) писал: «Неудобства этапного путешествия усугубляются грубостью и нахальством разного рода начальства, вследствие чего возникают столкновения»¹⁸. К этому можно добавить и неготовность сибирских пересыльных тюрем принимать резко возросшую в 1880-е гг. массу арестантов.

Вот как описывал положение дел в Тюменской пересыльной тюрьме посетивший ее в 1885 г. Дж. Кеннан: «Тюменская тюрьма первоначально была рассчитана на 550 арестантов, но позднее ее вместимость была увеличена за счет пристройки барачков до 850 человек. В день нашего посещения в ней находился 1741 человек... Вентиляции в камере практически никакой не было, и воздух был тяжел и отвратителен... Мы побывали в 6 камерах... и в каждой из них находилось в три или четыре раза больше того количества арестантов, на которые она была рассчитана»¹⁹. Естественно, что периодически в наэлектризованной обстановке пересыльных тюрем возникали конфликты политических с местной администрацией.

Так, в 1885 г. произошли беспорядки в Тюменской тюрьме, организованные 1-й партией политссыльных (30 человек)²⁰. Вот как описывал ситуацию «Журнал политической ссылки»: «Как только партия явилась в Тюмень, пересылаемым было

¹³ *Степняк-Кравчинский С.М.* Россия под властью царей... С. 211.

¹⁴ *Троцкий Н.А.* Царизм под судом прогрессивной общественности: 1866–1895 гг. М., 1979. С. 32.

¹⁵ *Богданович А.В.* Три последних самодержца. Дневник. М., 1990. С. 45.

¹⁶ *Роцевская Л.П.* Революционеры-разночинцы в западносибирском изгнании. Д., 1983. С. 30.

¹⁷ *Роцевская Л.П.* История политической ссылки в Западной Сибири во второй половине XIX в. (60 – начало 80-х годов). Тюмень, 1976. С. 31.

¹⁸ *Лурье Г.* Журнал безвременья // Катورها и ссылка. 1931. № 6. С. 160.

¹⁹ *Кеннан Дж.* Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885–1886 гг.). М., 1999. С. 134.

²⁰ *Лазарев Е.Е.* Моя жизнь. Прага, 1935. С. 263–264.

заявлено, что назначаемых в Тюкалинск, Тару; степи и проч., отправят пешком этапом вместе с уголовными. Зная все неудобства подобного путешествия, ссылаемые вынуждены были протестовать, и протест вышел дружный и сильный»²¹. Сохранилось и свидетельство очевидца и непосредственного участника событий 23 мая 1885 г. Е.Е. Лазарева: «Объявили, что “западники”, за исключением “сургутцев” и “березовцев”, отправляются на другой день пеше-этапным порядком. Утомленные, разбитые дорогой “западники” решили протестовать против такого пути и бороться силой. “Восточники” присоединились... Первая партия в прежние годы шла водой до Омска, и потому в отправке пеше-этапным путем следует видеть просто репрессалии правительства... мы решили позвать смотрителя и объявить, что завтра «западники» не поедут. Смотритель пришел, мы предъявили это требование и потребовали, чтобы он вызвал исправника. Смотритель уехал и привез отказ исправника. Тогда, готовясь к крутой развязке мы на сходке решили идти на крайности... Утром после раннего чая, стали готовиться к вооруженному отпору... Начали перекликать, и Гончаренко (ссылный. – *О.М.*), по ошибке, вышел за ворота, чтобы заявить свой отказ, но с этим выходом он фактически юридически считался сданным конвою. Его уже не пускали во двор, и он, воспользовавшись оплошностью солдат, бросился к калитке... Произошла свалка: мы тащили Гончаренко во двор, а солдаты – на улицу. Вскоре мы взяли верх. После этого возбуждение дошло до крайних пределов, и мы отказались идти на вызов. Вошел офицер и заявил издали, что нас возьмут силой. Мы тотчас же вошли в камеру и хотели баррикадироваться»²².

Далее события разворачивались следующим образом. В ситуацию вмешался исправник, и был составлен протокол о неповиновении, а требования ссылных были отправлены телеграммой губернатору. В дальнейшем 25 мая состоялась встреча ссылных с губернатором, после которой было объявлено, что «степняки отправятся по маршруту прежних лет – водой до Омска, а “ишимцам” обещали возможное облегчение»²³. Конечно, это была хоть маленькая, но победа ссылных. В дальнейшем по пути водного следования части этой партии из Тобольска в Сургут из-за неисполнения по прихоти конвойного начальника законных требований политических на перевозившей их барже также произошли серьезные беспорядки, которые едва не закончились применением конвойными оружия²⁴.

Это были только первые ласточки политических протестов, вызванных изменением режима доставки политических к местам ссылки. В 1886 г. по этому же поводу в Тюмени происходят столкновения с тюремной администрацией 1-й партии (19 человек) политссылных, но уже без выгодного для ссылных результата. Повидимому, это свидетельствовало о том, что губернская власть получила санкции свыше на более жесткие действия. Эпоха революционного безвременья брала свое. Власти и в центре, и на местах чувствовали себя все более уверенно и безнаказанно в своем наступлении на права политических арестантов.

Конечно, столкновения происходили и в других тюрьмах – это и события 1887 г. с 4-й партией политссылных в Томске, и безобразия с избиением и заковыванием в кандалы политического Фурора (1888 г.), отправляемого в Ахтубу²⁵. Сходные истории тогда происходили на этапах и в тюрьмах других регионов империи, предназначенных для мест ссылки политических преступников.

Но в Тобольской губернии ситуация оказалась наиболее сложной. Здесь совпали два фактора. Во-первых, эта губерния выступала в роли своеобразных «ворот

²¹ Лурье Г. Журнал безвременья... С. 160.

²² Лазарев Е.Е. Моя жизнь... С. 264.

²³ Там же. С. 266.

²⁴ Лурье Г. Журнал безвременья... С. 160.

²⁵ Там же. С. 165.

в Сибирь». То есть в Тюмени на короткий срок концентрация ссыльных была наивысшей. Во-вторых, с начала 1880-х гг. Тобольская губерния стала крупнейшим в Западной Сибири центром скопления политических ссыльных. По оценке Л.П. Рощевской, всего в Тобольской губернии «в 1878–1890 гг. политических было 212 человек из 520 (тех, кто находился в имеющихся статейных списках)»²⁶, при этом одновременно в Акмолинской области максимальное число ссыльных составляло 41–44 человека, в Семипалатинской – 54–57, в Томской – 54–58, а в Тобольской – 110–118²⁷.

Поэтому от эффективности действия местных властей зависело многое. В это время губернатором был В.А. Лысогорский (1878–1886 гг.), начало деятельности которого выпало на период серьезного внутривластного кризиса в стране, вызванного убийством народовольцами Александра II. После событий 1 марта 1881 г. глава ВРК М.Т. Лорис-Меликов отправил ему следующее предписание: «Ваше превосходительство, имейте обращать самое тщательное внимание на всякий отдельный слух и всякое отдельное нарушение порядка, восстанавливая истину соответствующими объяснениями, и нарушенный порядок принятием надлежащих осторожных мер лично и через лиц вполне надежных и понимающих значение переживаемых Россией дней»²⁸.

В соответствии с указаниями сверху В.А. Лысогорский предпринял меры по усилению бдительности. В одном из своих распоряжений от 14 июля 1881 г. он прямо указывал: «Полицейские власти и учреждения побудить иметь усиленное наблюдение за всеми вообще прибывающими неизвестными лицами и теми из временных или постоянных жителей, которые навлекают подозрение в неблагонадежности, а равно и за сношениями их»²⁹. Понятное дело, что подобного рода инструкции падали на благодатную почву, а учитывая низкий культурный уровень местных полицейских урядников, не говоря уже о низших полицейских чинах, порождали массу поводов для будущих конфликтов со ссыльными.

Не будем забывать и того обстоятельства, что 1880-е гг. – это период правительственной реакции. Тягостная общественная атмосфера не могла не оказывать гнетущего психологического воздействия на ссыльных революционеров. В такой ситуации они выбирали для себя различные стратегии поведения. Одни из них, обычно мало скомпрометированные перед властями, смирились с действительностью и стремились просто выжить, чтобы затем вернуться в Европейскую Россию и начать жизнь с чистого листа. Кто-то замыкался в себе, тяжело переживая свою участь и гибель того дела, которому служил – это, в свою очередь, могло вести к депрессиям, психическим расстройствам, алкоголизму и самоубийствам. Часть ссыльных, имевшая высокий интеллектуальный уровень развития и сохранившая интерес к учебе, начинала активно заниматься самообразованием, уходила в науку и многое сделала для изучения Сибири. Немало среди ссыльных было и несломленных бойцов, ощущавших себя пленными, но не сдавшимися. Эта позиция будет позже озвучена якутскими ссыльными: «Мы понимаем, что ссылка является тем же полем борьбы против произвола и насилия, как и то, что мы здесь остаемся теми же борцами, что и на воле, только в иных условиях»³⁰.

Но на деле революционное движение к середине 1880-х гг. явно пошло на спад. Натиск «Народной воли» самодержавие отбило. Страна понемногу успокаивалась и

²⁶ Рощевская Л.П. История политической ссылки в Западной Сибири во второй половине XIX в. (60 – начало 80-х годов). Тюмень, 1976. С. 31.

²⁷ Рощевская Л.П. Революционеры-разночинцы в западносибирском изгнании. Л., 1983. С. 30.

²⁸ Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы / под ред. В.В. Ковалова. Тюмень, 2000. С. 349.

²⁹ Там же. С. 354.

³⁰ Круссер Р.Г. Политическая ссылка и «Сибирская газета» // Сибирские огни. 1969. № 3. С. 142.

сползала к периоду «контрреформ» Александра III. Все это еще более остро ощущалось в настроениях осужденных и высланных, они-то были людьми подневольными, вынужденными терпеть произвол начальства. С.П. Швецов отмечал: «В самом положении политссыльного того времени было два обстоятельства, которые в каждый момент могли послужить источником самых разных столкновений между политссыльными и полицией. Это прежде всего требование политссыльными от всякого “начальства”... корректного с ними обращения. А затем, право загородных отлучек, что вызывалось отчасти соображениями экономического порядка»³¹.

И здесь-то Тобольская губерния отличалась явно не в лучшую сторону. Именно в ней посредством прикрывающегося либеральными фразами В.А. Лысогорского с 1882 г. начинает устанавливаться униженный, а зачастую и чрезмерный контроль за проживанием политических ссыльных, что, например, разительно контрастировало с соседней Томской губернией, где отношение властей к поднадзорным в то время было достаточно лояльным. Это отмечал даже такой суровый критик царского режима, как Дж. Кеннан: «Положение политических ссыльных в Томске было лучше, чем где-либо во всей Сибири... власти не были так своевольны, как в Тобольской губернии; политические ссыльные могли свободно сходить друг с другом; корреспонденция по большей части не подлежала просмотру полиции; вообще, вся жизнь в Томске была вполне сносно»³². Это же можно сказать и о Степном губернаторстве³³.

Иначе дела обстояли в Тобольской губернии. Причем губернские власти зачастую расширительно и не в пользу политических трактовали даже официальные документы, регламентирующие положение политических ссыльных. Так, в 1882 г. было принято «Положение о поднадзорных», где в параграфе 1 было сказано, что оно не применяется к лицам, отданным под надзор, в силу состоявшегося о них судебного приговора. В практике же тобольских властей оно применялось и в отношении этих лиц, и это несмотря на прошения ссыльных на имя губернатора и МВД³⁴.

К тому же в 1883–1884 гг. в губернии начались запреты даже на кратковременные отлучки за город. Так, в Ишиме внешняя граница города обозначала предел передвижения для ссыльных. Пересечение этой черты и посещение соснового бора в нескольких километрах от Ишима с целью сбора грибов в 1883 г. стало причиной жандармского доноса исправника Киселева на политссыльного писателя-народника Н.Е. Петропаловского (Коронина). В результате последний по решению губернатора был за самовольную отлучку подвергнут недельному аресту³⁵.

Абсурдность ситуации был в том, что во многих местах губернии, особенно на Тобольском севере, подобные отлучки диктовались не желанием подышать свежим воздухом, а насущной необходимостью, связанной с обеспечением себя продовольствием (охота, рыбалка, сбор дикороссов) и хоть каким-то дополнительным заработком. Поэтому ссыльным приходилось обращаться по каждому случаю планируемой отлучки к официальным лицам. Вот одно из таких обращений. К губернатору в 1882 г. обращается Д.К. Пршибасов: «Вследствие распоряжения Экспедиции о ссыльных я заключен в Кондинское общество по категории лишенного всех прав состояния с трех летнюю льготой. Таким образом, я должен был бы пользоваться паем в тех промыслах, которыми занимаются здешние крестьяне. К сожалению, пай у меня есть, но пользоваться им по причине запрещения отлучки за черту селе-

³¹ Швецов С.П. К «предыстории» Якутской бойни // Каторга и ссылка. 1929. № 4. С. 120.

³² «Сибирская газета» в воспоминаниях современников / под ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2004. С. 83.

³³ Лурье Г. Журнал безвременья... С. 156.

³⁴ Там же. С. 154.

³⁵ Ретунский В.Ф. Государственные преступники. Страницы истории политической ссылки в Зауралье. Сургут, 1992. С. 118.

ния, я не в состоянии. Между тем, если Ваше Превосходительство вспомните положение селения Кондинского, то увидите, что из окрестностей гораздо труднее бежать чем из самого селения. Все же промыслы находятся вне селения. В виду этого я осмеливаюсь беспокоить Ваше Превосходительство просьбою о разрешении мне выезда на промыслы под поручительством кого-нибудь из старожил. При этом я должен прибавить, что отлучаться на промыслы всегда приходится с народом вследствие чего бегство невозможно, и что без подобных отлучек приписка к обществу и трехлетняя льгота для меня не имеют никакого значения. Отлучаться на промыслы приходится недалеко и ненадолго причем я все также могу согласно подписке являться 1 раз или даже 2 в неделю к начальству, под надзором коего я состою»³⁶. В свою очередь, такая несуразность раздражала ссыльных и нередко порождала столкновения с местным исправником.

Усилили власти и общий контроль за поднадзорными, широко практикуя поквартирный обход, а по положению они могли без всякого предупреждения вторгаться в жилища, занимаемые ссыльными. Кроме того, на местах брали подписки с местных жителей в домах, в которых проживали ссыльные, о том, что те будут информировать власти о «противозаконных действиях» последних. Требовали также расписок и с самих ссыльных. Вот пример подобной расписки, данной Н.А. Короткевичем: «1881 г. 23 ноября. Я, нижеподписавшийся даю сию расписку господину Березовскому окружному исправнику в том, что я обязуюсь являться каждый день в Березовское полицейское управление в 11 часов утра и... не отлучаться из города Березова дальше жилых строений»³⁷. Подобный тотальный контроль, инициированный на местах с подачи губернской власти, провоцировал еще больший рост недовольства среди ссыльных. Причем такая ситуация была характерна для всей Тобольской губернии.

Так, например, Туринск хотя и считался «неплохим местом ссылки», но все бывшие там ссыльные в 1880-х гг. отмечали, что порядки тамошние издавна установились для ««политиков» несноснейшие»³⁸. Полицию местную совсем задержали требованиями не спускать глаз с «государственных преступников»³⁹, что в силу своего разумения та и пыталась делать, множа и порождая конфликты. Неудивительно, что именно там и произошло очень серьезное столкновение политссыльного с представителем местной жандармской власти.

3 сентября 1884 г. в момент очередного поквартирного обхода между политссыльным Г.А. Глико и жандармским надзирателем А. Томиловым произошел очередной конфликт с применением уже физического насилия. Из полицейского рапорта явствовало, что «Глико нанес Томилову удары палкою по лицу в правую щеку и по рукам, но свидетелей при этом не было, так как дело происходило в комнате»⁴⁰. По итогам разбирательства на имя губернатора туринским исправником Д. Навродским был направлен рапорт, в котором содержалась просьба о переводе Г.А. Глико из Туринска «во избежание более серьезных последствий, могущих произойти между стражниками и Глико, так как он их не редко оскорблял словами, при посещении его квартиры»⁴¹. В отношении же данного инцидента исправник писал, что «следствие по этому предмету начать нельзя, по неимению свидетелей»⁴². В результате дело

³⁶ Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (далее – ГБУ ТО ГА в г. Тобольске). Ф. И 152. Оп. 8. Д. 400. Л. 123 об.

³⁷ ГБУ ТО ГА в г. Тобольске. Ф. И 531. Оп. 1. Д. 13. Л. 8.

³⁸ *Майнов И.И.* На закате народофильства (Памяти В.Я. Богучарского) // Былое. 1917. № 5–6. С. 41.

³⁹ Там же. С. 41.

⁴⁰ ГБУ ТО ГА в г. Тобольске. Ф. И 330. Оп. 1. Д. 84. Л. 403.

⁴¹ Там же. Л. 405.

⁴² Там же.

ограничилось решением губернатора о переводе ссыльного в более северный город Березово⁴³. Схожий случай произошел и в 1885 г., когда политссыльный В.А. Померанцев дал пощечину полицейскому стражнику, за что и был переведен из Сургута в Березово⁴⁴.

В условиях постоянного наступления на права ссыльных было вполне объяснимо их желание выйти из-под действия репрессивного законодательства с помощью побегов. И таковые попытки в начале 1880-х гг. не раз предпринимались. В основном они шли из населенных пунктов Тобольской губернии, расположенных на юге. Так, например, в 1882 г. из Кургана бежали известный революционер С. Иванов, а также А. Беляевский, Н. Тулузаков, Ф. Шефтель, а из Пельма И. Коломиец⁴⁵. В 1883 г. из Ишима бежала О. Кафиеро (урожденная Кутузова), из Кургана – Л. Чемоданова и Иванова, из Тары – Н. Волянский, из Мариинска – М. Лаговский⁴⁶.

В свою очередь, губернские власти для предотвращения побегов рекомендовали усилить контроль за ссыльными. Причем делалось это по-иезуитски двусмысленно и окончательно сбивало местную власть с толку. Так, в одном из своих распоряжений губернатор ставил перед полицейскими чинами весьма «деликатную» задачу, в очередной раз подчеркивая, что «местная полиция должна строго наблюдать за тем, чтобы поднадзорное лицо не только не имело возможности оставить назначенное для него место жительства, но даже временно не отлучалось бы за черту поселения, для чего в инструкции Начальникам полиции предлагаются надлежащие правила (п. 8, 9 и 10)». Но этой же инструкцией далее рекомендуется «особенная осторожность по наблюдению за преступниками, так, чтобы оно ни к коем случае не было стеснительным или оскорбительным для подчиненного надзору полиции»⁴⁷.

То есть губернатор предписывал полицейским чинам действовать строго – за пределы города ссыльных не выпускать и при этом соблюдать максимальную корректность. Естественно, это вызывало настоящий когнитивный диссонанс в головах местных служаков! Такая позиция губернских властей фактически создавала ситуацию «порочного круга», провоцируя и множа новые конфликты. Так, большую известность получило сопротивление ссыльных в 1884 г. в Ялуторовске. Они вышли встречать вновь прибывшую партию политических, а так как конвойные окружили прибывших, то попытались прорваться сквозь охранение. В результате началась потасовка, и Н.Л. Зотов сорвал погон у начальника военной команды⁴⁸.

В такой ситуации, когда политссыльные отказывались давать подписки о виновности, выходили на прогулки за городскую черту, открыто демонстрировали неуважение к исполнению обязанностей нижними полицейскими чинами, да еще и устраивали побеги, у власти появился соблазн решить все проблемы одним махом, перенеся место ссылки для наиболее «буйных головушек» подальше, а именно – на Тобольский Север. Надо сказать, что в данном случае власти губернии действовали в общем тренде политики МВД, которая заключалась в том, чтобы наиболее опасных в представлении властей революционеров отправлять в такие места, откуда бы они не могли ни вести разрушительной для властей деятельности, ни сбежать. Так, например, в 1884 г., сразу же после открытия Шлиссельбурга министром внутренних дел было предложено генерал-губернатору Восточной Сибири «принять самые решительные меры к водворению порядка в тюрьме (на Каре. – *О.М.*) и предупреж-

⁴³ ГБУ ТО ГА в г. Тобольске. Ф. И 330. Оп. 1. Д. 84. Л. 410.

⁴⁴ Лурье Г. Журнал безвременья... С. 142.

⁴⁵ Хроника социалистического движения в России. 1878–1887 гг. Официальный отчет. М., 1907. С. 225.

⁴⁶ Там же. С. 248.

⁴⁷ ГБУ ТО ГА в г. Тобольске. Ф. И 330. Оп. 8. Д. 84. Л. 388 об.

⁴⁸ Роцевская Л.П. Революционеры-разночинцы... С. 85.

дению побегов арестантов, причем выражено было, что для достижения первого не встречается препятствий к отправлению в Департамент полиции главных зачинщиков беспорядка, не более шести человек и притом долгих сроков». В результате 4 августа 1884 г. 10 узников из Кары были доставлены в только что открытую Шлиссельбургскую крепость⁴⁹.

В отношении Тобольской губернии, где также было немало побегов, возмущений и протестов, решено было использовать в качестве «тюрьмы без решеток» населенные пункты Тобольского севера. На один из запросов МВД в 1883 г. губернатор ответил, что «наиболее удобным местом для ссылки является Сургут, так как он расположен вдали от крупных городов и главного сибирского тракта, а население там наиболее отсталое и не поддается пропаганде»⁵⁰.

На пути к «Сургутскому протесту»

Следует признать, что идея губернатора превратить Сургут в центр скопления наиболее опасных в глазах властей политических преступников строилась только на основе географического положения этого населенного пункта. В этом отношении огромный Сургутский край действительно поражал своей незаселенностью. Его население составляло к концу 1870-х гг. примерно 6,5 тысяч человек, не считая самого Сургута, где проживало еще около 1200 человек⁵¹. Плотность населения в Сургутском крае, без самого Сургута, составляла 1 человек на 295 кв. верст. Для сравнения: в Якутской области, которая слывла самым тяжелым местом ссылки в 1880-х – 1890-х гг. в самом густонаселенном Якутском округе, плотность населения составляла 1 человек на 5,17 кв. версты, а в Колымском – 1 человек на 105,6 кв. версты. То есть по плотности населения Сургутский край уступал даже Якутской области. Крайне суровым был и климат этого «края лесов и болот».

Однако, делая ставку на Сургут как естественную тюрьму, власти не учли ряд других важных факторов. Во-первых, это отсутствие хотя бы минимальной социальной инфраструктуры, которая давала бы возможность ссыльным, среди которых было немало образованных людей, по-иному приложить свои силы. Пример тому Енисейская губерния, где в Минусинске ссыльные, например Д.А. Клеменц, не только участвовали в работе местного музея, но и получали возможность длительных легальных отлучек для проведения экспедиционных исследований⁵². Про библиотеку в Сургуте и речи не шло. Да и в целом с книгами дело обстояло очень плохо. Ссыльные преимущественно довольствовались журналами и газетами, присылавшими им товарищами из-за Урала⁵³.

Во-вторых, Сургут был слишком мал для помещения туда большой колонии ссыльных. В пиковый период 1887–1888 г. получалось, что 1 ссыльный приходился менее чем на 50 жителей. Это, в свою очередь, создавало большие трудности для получения ссыльными хоть какого-нибудь дополнительного заработка, так как казенного пособия для покрытия хотя бы минимальных медико-биологических потребностей организма не хватало. Минимум для более или менее сносного прожи-

⁴⁹ Колосов Е.Е. Государева тюрьма – Шлиссельбург. М., 1930. С. 77.

⁵⁰ Роцевская Л.П. «Сургутская история» (Волнения политических ссыльных 80-х годов XIX века в Западной Сибири) // Классовая борьба и общественно-политическая жизнь дореволюционной России. Тюмень, 1977. С. 53.

⁵¹ Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века / под ред. Л.П. Роцевской и др. Екатеринбург, 1998. С. 38, 39.

⁵² Милевский О.А. Рождение путешественника: географические исследования Д.А. Клеменца в Минусинской ссылке // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2017. № 2. С. 100–108.

⁵³ Швецов С.П. Ник. Як. Фалин // Каторга и ссылка. 1925. № 3. С. 216.

вания в Сургуте составлял 10 рублей в месяц⁵⁴ (при казенном пособии для привилегированного 6 рублей, а для непривилегированного – 3 руб. 30 копеек. – *О.М.*). При этом отлучаться за пределы населенного пункта, даже с целью какого-либо промысла, без специального разрешения было нельзя.

И наконец, в-третьих, власти не учли и чисто полицейского фактора. Имеется в виду нехватка личного состава надзирателей для организации должного (с точки зрения существующих в губернии регламентов. – *О.М.*), контроля за политссыльными. Впоследствии на это указывали сами представители «силовых структур». Так, 23 февраля 1888 г. начальник тобольского ГЖУ писал: «Политические ссыльные в г. Сургуте в последнее время ведут себя до такой степени дерзко, что по ограниченности личного состава в этом городе чинов общей полиции, является небезопасным дальнейшее помещение на жительство в оный политических ссыльных, где они благодаря и без того значительному их скоплению, совершенно игнорируют существующий над ними гласный надзор полиции»⁵⁵.

Однако власти осознают это позже, а пока, начиная с 1885 г., в Сургут, который, по характеристике С.П. Швецова (отбывал ссылку в Сургуте в 1880–1881 гг. – *О.М.*), представлял из себя «ничтожное поселение, по какому-то недоразумению носящее название города»⁵⁶, начинают активно перемещать из других мест губернии политических преступников. Особенно активно эта практика стала реализовываться при новом губернаторе В.А. Тройницком (1886–1893 гг.).

В одном из писем ссыльных губернатору была дана крайне уничижительная характеристика: «Губернатором... теперь некто Тройницкий – либерал который объявил ссыльным, что входит в их положение и будет стараться не ухудшать его без нужды. Первым шагом его либеральной деятельности было воспрещение загородных прогулок: ссыльные единодушно выразили протест этому бесправию... Немедленно после этого последовали страшные преследования, одних арестовали, других переселили, затем большинство выслали на дальний север»⁵⁷.

В результате к зиме 1887–1888 гг. в Сургуте находилось уже 25 политссыльных. Это была одна из самых больших ссыльных колоний не только в Тобольской губернии, но и во всей Западной Сибири. Кто-то в Сургуте находился еще с конца 1870-х гг., как член «Южнороссийского союза рабочих» В.Я. Мрачковский, кто-то поступил в начале 1880-х гг., как в 1883 г. народники-пропагандисты супруги А.Н. и Е.Н. Аверкиевы, или в 1884 г. – студент Н.А. Блинов. Но многие попадали в Сургут уже из других мест Тобольской ссылки за различные правонарушения. Так, в 1884 г. сюда перевели из Ишима В.А. Броневского, дважды пытавшегося бежать. В 1885 г. из-за подозрения в подготовке побега из Ишима переводят Д.И. Ослопова⁵⁸, а в 1886 г. из Туринска – народовольца Я.И. Дибобеса⁵⁹.

В 1887 г. из того же Туринска в Сургут был отправлен В.Я. Яковлев (Богучарский), докучавший властям защитой законных прав ссыльных. По воспоминаниям товарищей, он прекрасно изучил все правительственные документы, регламентирующие ссылку, и выступал главным ходатаем по всем спорным вопросам между ссыльными и администрацией. В результате нажил себе массу недоброжелателей и «после одной из тамошних “историй”, он и еще несколько человек, столь же упрямых

⁵⁴ Лурье Г. Журнал безвременья... С. 154.

⁵⁵ Роцевская Л.П. «Сургутская история»... С. 64.

⁵⁶ Швецов С.П. Н.Я. Фалин // Каторга и ссылка. 1925. № 3. С. 215.

⁵⁷ Роцевская Л.П. «Сургутская история»... С. 53.

⁵⁸ Лурье Г. Журнал безвременья... С. 155.

⁵⁹ ГБУ ТО ГА в г. Тобольске. Ф. И 152. Оп. 11. Д. 13. Л. 24.

в бумажной борьбе за свои, будто-бы права, вылетели в Сургут»⁶⁰. Среди них были: Л.М. Рудницкий, П.И. Зарембо, И.И. Лазаревич, Я.А. Меримкин, А.Т. Вадзинский, Л.В. Колегаев⁶¹. Из Ялуторовска перевели наиболее активных участников «событий 1884 г.» и участников «систематических отлучек за город»: М.П. Орлова, А.В., Молдавского, А.Н. Лебедева и Н.Л. Зотова⁶².

По подсчетам Л.П. Роцевской, из 25 политссыльных Сургута 17 человек до перевода сюда участвовали в Западной Сибири «в различных столкновениях с полицией, писали протесты и заявления, то есть проявили себя людьми, не желавшими уступать и подчиняться правительству»⁶³.

Следует отметить, что и до их прибытия взаимоотношения между ссыльными Сургута и местным исправником складывались не просто. Так, исправник Разумовский и помощник исправника Иноземцев неоднократно докладывали губернатору о постоянных отлучках ссыльных за городскую черту и их непозволительном поведении. В частности, это были несанкционированные отлучки Н.И. Гамолицкого, Л.А. Иванова, В.А. Броневского и А.Н. Аверкиева «по разным надобностям» – на рыбалку, в лес на обжигание угля (для кузнечного ремесла А.Н. Аверкиева и В.Я. Мрачковского)⁶⁴. Отлучки ссыльных за пределы Сургута Л.А. Иванов объяснял тем, что «...в городе нельзя найти не только работы, но и почти жизненных припасов... потому что иначе невозможно поддерживать свое существование в таком месте, где никакие ремесла не обеспечат это существование и природные жители живут исключительно промыслами»⁶⁵.

Другое столкновение с представителями власти произошло у Н.А. Блинова в 1886 г. В результате он по приговору Тобольско-Сургутского окружного суда 2 недели провел под арестом⁶⁶. Не раз в 1887–1888 гг. возникали, конфликты между исправником и политссыльными из-за попыток последних встретиться на пристани со следующими через нее партиями государственных преступников. Особую известность приобрел инцидент 2 июля 1887 г., зафиксированный в секретном рапорте окружного исправника тобольскому губернатору⁶⁷. 12 сентября 1887 г. он опять направил в Тобольск рапорт о нарушении ссыльными распоряжений губернатора и о самовольной отлучке их к пристани⁶⁸.

Случались между ссыльными и исправником и открытые конфликты на бытовой почве. Наиболее вопиющий случай произошел под новый 1888 г., когда все ссыльные собрались вместе. В дом ворвался исправник, сорвал маску с одной из жен ссыльного и ударил ее. Чаша терпения переполнилась. В.Я. Мрачковский отнял и сломал у исправника шашку и все вместе вытолкнули его из помещения, за что В.Я. Мрачковский был подвергнут аресту⁶⁹.

Так что колония сургутских ссыльных к началу 1888 г. представляла из себя, по мнению власти, людей «отпетых», с которыми можно было не слишком церемониться. Однако это порождало отпор со стороны последних. Фактически губернские власти создали в Сургуте критическую массу из людей, доведенных до крайней

⁶⁰ Майнов И.И. На закате народовольчества (Памяти В.Я. Богучарского) // Былое. 1917. № 5–6. С. 42.

⁶¹ Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века / под ред. Л.П. Роцевской и др. Екатеринбург, 1998. С. 408–409.

⁶² Роцевская Л.П. «Сургутская история»... С. 55.

⁶³ Там же. С. 56.

⁶⁴ ГБУ ТО ГА в г. Тобольске. Ф. И 152. Оп. 10. Д. 100. Л. 40–41.

⁶⁵ Там же. Л. 8.

⁶⁶ Троцкий Н.А. «Народная воля» перед царским судом (1880–1894). Саратов, 1983. С. 394.

⁶⁷ ГБУ ТО ГА в г. Тобольске. Ф. И 152. Оп. 12. Д. 56. Л. 1–1 об.

⁶⁸ Там же. Л. 7.

⁶⁹ Архивный отдел управления документационного и информационного обеспечения администрации г. Сургута. Ф. И. 217. Оп. 1. Д. 59. Л. 2.

степени раздражения и готовых в отстаивании своих человеческих прав идти до конца.

Очень точно эту взрывоопасную психологическую ситуацию в плоскости взаимоотношений политссыльные – местные власти изобразил С.П. Швецов: «Здесь скопилось три десятка молодых людей, до последней степени раздраженных обрушившимся на них губернаторско-полицейским произволом и насилием, этапными мытарствами, полуголодным существованием в приполярном городишке, где для такой массы ссыльных никакой работы не могло найтись, полнейшео бездеятельностью и острым осознанием своего бессилия. Взрыв был неизбежен»⁷⁰.

Ситуацию усугубляло и практически полное отсутствие квалифицированной медицинской помощи. Формально в Сургуте существовала больница Приказа общественного Призрения. Она имела 12 кроватей, но обустроена была настолько плохо, что «сплошь и рядом здесь нельзя достать (в городе, конечно, нет аптеки, и лекарства продаются при больнице) самых элементарных медикаментов, вроде, например, хины или салицилового натра»⁷¹. Вообще эта больница не пользовалась популярностью среди населения, и зачастую в ней лежали доставляемые из округа остяки, преимущественно страдающие сифилисом⁷².

С медицинским персоналом дело обстояло еще хуже. По оценкам политссыльного И. Я. Неклепаева, специально занимавшегося этим вопросом, до 1888 г. на весь округ был один врач, и «когда он уезжал по округу, а в округе есть селения, отстоящие от Сургута на 1000 и более верст, не говоря уж про сургутские пути сообщения... то все городское население на несколько месяцев оставалось совершенно без всякой медицинской помощи на попечении одного фельдшера»⁷³. В свою очередь, среди поднадзорных были и люди со здоровьем, изрядно подорванным «тюремно-ссыльной эпопеей», и семьи с детьми.

Именно медицинская тема и стала спусковым крючком к самому серьезному в то время протесту политических ссыльных в России. События набирали оборот следующим образом. Находясь в Сургуте с 1880 г. Л.А. Иванов (который до этого с 1877 г. отбывал ссылку в Туринске. – *О.М.*) тяжело заболел. У него началось воспаление спинного мозга, парализовало руку и ногу, отнялся язык. Эффективной помощи он в Сургуте получить, естественно, не мог, но даже с оказанием минимальных медицинских услуг из-за пьянства врача Соковнина были проблемы. Как вспоминал впоследствии С.П. Швецов: «Политссыльные товарищи Л.А. (Иванова. – *О.М.*) еще летом, во время навигации и пароходного с Сургутом сообщения, обратились к Тройницкому с просьбой разрешить Иванову временный перевод в Тобольск, где он мог бы быть помещен в больницу и ему была бы оказана требуемая медицинская помощь»⁷⁴. Однако на неоднократные просьбы ссыльных о переводе Иванова губернатор долго не отвечал⁷⁵, хотя это решение было полностью в его компетенции. Когда же наконец Л.А. Иванов получил разрешение на выезд в Тобольск, он был уже так плох, что по дороге 29 мая 1887 г. умер. Встречающие его в Тобольске ссыльные на свои деньги организовали похороны, которые вылились в настоящую политическую демонстрацию. «Подобные похороны имеют характер политической демонстрации»⁷⁶, – отзывался губернатор.

⁷⁰ Швецов С.П. К «предыстории» Якутской бойни... С. 124.

⁷¹ Тобольский Север глазами политических ссыльных... С. 308.

⁷² Там же. С. 44.

⁷³ Там же. С. 307.

⁷⁴ Швецов С.П. К «предыстории» Якутской бойни... С. 125.

⁷⁵ Роцевская Л.П. «Сургутская история»... С. 58.

⁷⁶ Там же.

Но это было только начало. Известие о кончине Л.А. Иванова вызвало возмущение политссыльных по всей губернии, а особенно в Сургуте, где его все очень любили. Власть недооценила всю остроту ситуации, полагаясь на силу только надзирающе-карательных органов. Не изменилось и медицинское обслуживание.

В результате наплевательское отношение Соковнина к исполнению своих обязанностей продолжалось, что вызывало сильнейшее недовольство ссыльных.

Впрочем, и в этом случае никаких серьезных оргвыводов не последовало, и врач, пользуясь покровительством местных властей, продолжал прежнюю разгульную жизнь. В результате в декабре 1887 г. последовал новый эксцесс. Теперь он произошел с заболевшими И.И. Лазаревичем и В.Я. Яковлевым. Врач не смог установить диагноз и признал их здоровыми. В результате было отправлено очередное прошение к губернатору о перемещении в тобольскую больницу, так как «при существующих в Сургуте условиях никакое лечение немыслимо»⁷⁷. Власть вновь молчала. Возможно, такая реакция объяснялась тем, что губернатор усматривал в прошениях ссыльных симуляцию с целью попасть в Тобольск, откуда легче будет бежать. Но в любом случае ситуация выходила из-под контроля.

Следствием бездействия властей стало то, что 22 декабря 1887 г. ссыльные Сургута числом 21 человек подписали коллективное заявление губернатору, в котором подчеркивалось, что они использовали все легальные средства, чтобы обратить внимание «на одно из незаконных и вопиющих нарушений наших прав». Они писали об отсутствии медикаментов и медицинской помощи, о невменяемости пьяницы и «психопата» – сургутского врача и делали следующий вывод: «Таким образом, всецело на Вас падает ответственность за смерть Иванова»⁷⁸.

Это и стало началом «Сургутского протеста», подробно исследованного Л.П. Роцевской. Он сопровождался подачей еще нескольких весьма жестких заявлений на имя губернатора и как постфактум отгектографированной петиции отправленной в МВД 16 февраля 1888 г. Документ был озаглавлен «Гонение политических ссыльных в Сургуте». А так как реакции губернских властей на обращение ссыльных не последовало, то они подготовили и осуществили побег из Сургута – И.И. Лазаревича и А.И. Лебедева. Он состоялся в ночь с 18 на 19 февраля 1888 г. и был организован при прямой помощи местных жителей И.Ф. Кайдалова, Л.П. Кушника, А.Я. Баталына⁷⁹ и одного из полицейских надзирателей Проскуракова, вплоть до 10 марта скрывавшего побег от своего начальника⁸⁰.

Одной из целей побега являлось стремление донести информацию о происшедших в Сургуте событиях до российской, а по возможности и мировой общественности, что в результате и удалось сделать.

Последствия Сургутского протеста

«Сургутский протест» был подавлен в ночь с 17 на 18 марта 1888 г. тайно прибывшей в город полицейской командой во главе с тобольским полицмейстером Пасынковым. В ее составе кроме 8 прибывших с ним полицейских были также сургутский исправник и его помощник, 11 местных стражников и трое нанятых тут же лиц⁸¹. После облавы политссыльных, внезапно арестованных на рассвете, на подводах вывезли из Сургута. Первоначально их разбросали по различным селениям «низовой

⁷⁷ Роцевская Л.П. «Сургутская история»... С. 58.

⁷⁸ Там же. С. 59.

⁷⁹ Сургутянин. Сто лет Сургутской ссылке // Каторга и ссылка. 1929. № 12. С. 103.

⁸⁰ Роцевская Л.П. «Сургутская история»... С. 62.

⁸¹ Там же. С. 65.

Оби». В результате обстановка на всем Тобольском Севере оказалась взрывоопасной для властей.

Так, часть протестантов, а именно В.Ф. Казакова, супругов Аверикевых, Я.А. Меримкина, В.Я. Яковлева (Богучарского), А.Т. Водзинского, а также В.А. Померанцева из Березово отправили в Кондинское⁸², где вновь прибывшие нашли поддержку у переведенного туда ранее Г.А. Глико. В результате в Кондинском столкновения начались практически сразу же по прибытии туда новых ссыльных.

Уже 28 марта 1888 г. березовскому исправнику сообщалось о дерзком поведении В.А. Померанцева и Г.А. Глико⁸³. В рапорте надзирателя сообщалось следующее: «Будучи же у политического ссыльного Глико, перед уходом моим от него он высказал, чтобы я и не думал впредь ходить к нему в квартиру, а то, в крайнем случае будет для меня весьма неприятная встреча с ним при первом же нами его посещениях»⁸⁴.

Так, в обстановке жесткого противостояния прошла вся весна 1888 г. Казалось бы, когда все «протестанты» были распределены по северным деревням, из МВД пришло распоряжение о том, что необходимо возбудить против них дело по сургутским событиям. В результате началась новая полоса преследований и перемещений. Так, в конце мая в села Кондинское и Локосовское нагрянули жандармы, где обнаружили более 40 писем и запрещенные издания⁸⁵, и, похоже, что это мероприятие не обошлось без стычек с политссыльными, в том числе с участием Г.А. Глико и В.А. Померанцева.

Недаром по итогам этого жандармского набега было принято решение о переводе Г.А. Глико и В.А. Померанцева в более отдаленное и малонаселенное сельцо Кушеватское, а о степени оценки их опасности можно судить по тексту секретного послания губернатора березовскому исправнику (от 3 июня 1888 г.): «Признавая необходимым состоящих под надзором полиции г. Березова политических ссыльных: Гавриила Глико и Владимира Померанцева в виду дерзкого их поведения по отношению к чинам полиции, ныне же перевести на жительство в с. Кушеватское вверенного вам округа... А так как с водворением Глико и Померанцева в с. Кушеватское количество поднадзорных временно впредь до отправления находящихся увеличится до 5 человек, надзор за которыми должен быть более бдителен и строгий, чего конечно нельзя ожидать от одного сельского начальства, я предлагаю Вам Милостивый Государь, одного из находящихся в Вашем ведении надзирателей за политическими ссыльными назначить для улучшения надзора в село Кушеватское»⁸⁶.

Летом 1888 г. часть участников «сургутского протеста» для проведения следствия перевезли в тюрьмы губернии. М.П. Орлова, И.М. Соколова и Н.Л. Зотова – в Туринскую, супругов Аверкиевых и С.М. Лесневича – в Тарскую, Н.А. Блинова, Л.В. Колегаева и В.Я. Мрачковского – в Курганскую⁸⁷. В результате МВД приняло следующее решение по участникам «сургутского протеста» – М.Д. Гуревича, А.Т. Вадзинского, В.Я. Яковлева, А.В. Молдавского, а также чуть позднее Н.Л. Зотова, И.М. Соколова и М.П. Орлова (ранее были сосланы в Пелым. – *О.М.*) отправить в Якутскую область, а остальных расселить по селам Обского севера.

Под влиянием «Сургутского протеста» в 1888 г. в Сибири появился документ под названием «Протест русской политической ссылки» на имя Александра III. В нем были и такие строки: «Как ваше величество объясняет участие тобольского губер-

⁸² Тобольский Север глазами политических ссыльных ... С. 403–404.

⁸³ ГБУ ТО ГА в г. Тобольске. Ф. И330. Оп. 1. Д. 84. Л. 438.

⁸⁴ Там же. Л. 438 об.

⁸⁵ *Роцевская Л.П.* «Сургутская история»... С. 69.

⁸⁶ ГБУ ТО ГА в г. Тобольске. Ф. И330. Оп. 1. Д. 84. Л. 439–439 об.

⁸⁷ *Роцевская Л.П.* «Сургутская история»... С. 71.

натора г. Тройницкого в убийстве Льва Иванова в г. Сургуте? Русская политическая ссылка протестует против потаенного убивания своих товарищей оставлением их без возможности добывать себе хлеб, вне районов медицинской помощи... и требует, чтобы ваше величество или отменило подобный произвол, или обнародовало, что он принимает на себя ответственность за эти убийства»⁸⁸. Попал этот документ и за границу. Так, американский журналист и общественный деятель Дж. Кенанн в своих материалах о политической ссылке в Сибирь, публикуемых на Западе, отмечал, что «Лев Иванов в буквальном смысле погиб от бюрократической жестокости и равнодушия»⁸⁹.

Выводы

«Сургутский протест» стал своеобразной квинтэссенцией локальных конфликтов, ранее возникавших в западносибирской политической ссылке, в первую очередь в 1880-х гг. в Тобольской губернии, Протесты политссыльных во многом были порождены недалевидностью как центральной, так и местной властей. Стремление власть предержащих собрать в самых «медвежьих углах» губернии наиболее враждебно настроенных к режиму политических преступников было отражением общего курса правительства на подавление любой оппозиции самодержавию. Однако это решение не учитывало многих объективных факторов. Более того, мстительное желание обслуживающих правящий режим чиновников, чему пример Тобольская губерния, покарать и наказать злоумышленников имело в дальнейшем пагубные последствия.

Это проявилось в активизации протестной активности политссыльных, отстаивавших свое человеческое достоинство, всеми доступными для них средствами уже по всей Сибири. Апогеем противостояния власти и политической ссылки стали Карийская и Якутские трагедии 1889 г., окончившиеся уже кровью. И следует особо отметить, что в «якутской бойне», в которой из 32 протестующих 6 было убито и 8 ранено⁹⁰, среди лиц, занимавших наиболее бескомпромиссную позицию, оказалось двое сосланных в Якутию участников «Сургутского протеста» – М.П. Орлов и Н.Л. Зотов. Причем по решению военно-полевого суда Н.Л. Зотова как зачинщика вооруженного сопротивления ссыльных вместе с Л.М. Коганом-Бернштейном и А.Л. Гаусманом казнили⁹¹.

Таким образом, можно утверждать, что, провоцируя непродуманными решениями первые одиночные и групповые протесты политссыльных в больших и малых населенных пунктах Западной Сибири, местные власти, уверенные в своей безнаказанности, сеяли ветер, а бурю уже пожали в Восточной Сибири и Якутской области. Следствием сначала «Сургутского протеста», а затем событий, разразившихся в Якутске и на Каре, стало, с одной стороны, еще более обострившееся противостояние власти и радикальной оппозиции внутри страны, что привело в начале 1900-х гг. к новому революционному подъему. С другой стороны, эти события, получившие мировую огласку⁹², нанесли серьезные имиджевые потери российскому самодержавию, а западное общественное мнение стало склоняться в сторону поддержки русских революционеров.

Рукопись поступила: 4 ноября 2019 г.

Submitted: 4 November 2019

⁸⁸ Проект протеста русской политической ссылки в 1888 г. // Красный архив. 1930. С. 210.

⁸⁹ *Роцевская Л.П.* Навечно и еще 10 лет // Урал. 1976. № 5. С. 130.

⁹⁰ *Брагинский М.А.* Якутская трагедия – 22 марта (3 апреля) 1889 года. Сборник воспоминаний и материалов. М., 1925. С. 17.

⁹¹ Там же. С. 23.

⁹² *Троицкий Н.А.* Царизм под судом прогрессивной общественности: 1866–1895 гг. М., 1979. С. 261–263; *Good E.* America and the Russian revolutionary movement, 1888–1905 // *Russian Review*. 1982. Vol. 41. № 3. P. 273–287.

Библиографический список

- Богданович А.В.* Три последних самодержца. Дневник. М.: Новости, 1990. 504 с.
- Галиев В.З.* Ссылные революционеры в Казахстане (вторая половина XIX в.). Алма-Ата: Казахстан, 1978. 138 с.
- Гернет М.Н.* История царской тюрьмы (1870–1900). М.: Юридическое издательство, 1981. 247 с.
- Ивановская П.С.* Документы о смерти Сигиды // Каторга и ссылка. 1929. № 11. С. 108–127.
- Казарян П.Л.* Якутия в системе политической ссылки России. 1826–1917 гг. Якутск: Сахаполиграфиздат, 1998. 496 с.
- Качинская Э.* Поляки в Сибири (1815–1914). Социально-демографический аспект // Сибирь в истории и культуре польского народа. М.: Ладомир, 2002. С. 265–277.
- Колосов Е.Е.* Государева тюрьма – Шлиссельбург. М.: Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1930. 328 с.
- Кеннан Дж.* Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885–1886 гг.). М.: БЛИЦ, 1999. 396 с.
- Кротов М.А.* Якутская ссылка 70–80-х годов. Исторический очерк по неизданным материалам. М.: Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1925. 242 с.
- Круссер Р.Г.* Политическая ссылка и «Сибирская газета» // Сибирские огни. 1969. № 3. С. 142–151.
- Лурье Г.* Журнал безвременья // Каторга и ссылка. 1931. № 6. С. 141–165.
- Лазарев Е.Е.* Моя жизнь. Прага: [Б.и.], 1935. 135 с.
- Майнов И.И.* На закате народолюбия (Памяти В.Я. Богучарского) // Былое. 1917. № 5–6. С. 41–81.
- Мауль В.Я.* Как поссорились Иван Иванович с Егором Гавриловичем (из истории Якутской политической ссылки) // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 48. С. 80–87.
- Милевский О.А.* Рождение путешественника: географические исследования Д.А. Клеменца в Минусинской ссылке // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2017. № 2. С. 100–108.
- Мельшин Л.* Vaee Victis! (Две трагедии 1889 года в Сибири) // Русское богатство. 1906. № 1. С. 1–18.
- Паишев А.М.* Политическая ссылка и развитие краеведения на Русском Севере в XIX – начале XX вв.: опыт переосмысления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия История России. 2012. № 2. С. 112–126.
- Пелевин Ю.А.* «Хождение в народ» 1874–1875 гг. // Вопросы истории. 2013. № 6. С. 38–50.
- Пелевин Ю.А.* Желябов и другие террористы: покушение под Александровском // Российская история. 2015. № 5. С. 80–83.
- Ростов Н.* Карийская трагедия. М.: Гудок, 1927. 62 с.
- Роцевская Л.П.* Революционеры-разночинцы в западносибирском изгнании. Л.: ЛГУ, 1983. 177 с.
- Роцевская Л.П.* «Сургутская история» (Волнения политических ссыльных 80-х годов XIX века в Западной Сибири) // Классовая борьба и общественно-политическая жизнь дореволюционной России. Тюмень: [Б.и.], 1977. С. 48–82.
- Роцевская Л.П.* История политической ссылки в Западной Сибири во второй половине XIX в. (60 – начало 80-х годов). Тюмень: ТГУ, 1976. 137 с.
- Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века / под ред. Л.П. Роцевской, В.К. Белобородова. Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 1998. 429 с.
- Роцевская Л.П.* Навечно и еще 10 лет // Урал. 1976. № 5. С. 130–157.
- Ретунский В.Ф.* Государственные преступники. Страницы истории политической ссылки в Зауралье. Сургут: «Северный дом», 1992. 206 с.
- Степняк-Кравчинский С.М.* В лондонской эмиграции. М.: Наука, 1968. 447 с.
- Степняк-Кравчинский С.М.* Россия под властью царей // С.М. Степняк-Кравчинский. Сочинения. М.: Художественная литература, 1987. С. 140–185.
- Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы / под ред. В.В. Коновалова. Тюмень: Тюменский издательский дом, 2000. 576 с.
- «Сибирская газета» в воспоминаниях современников / под ред. Н.М. Дмириенко. Томск: Изд-во НТЛ, 2004. 200 с.
- Троицкий Н.А.* Царизм под судом прогрессивной общественности: 1866–1895 гг. М.: Мысль, 1979. 350 с.
- Троицкий Н.А.* «Народная воля» перед царским судом (1880–1894). Саратов: Саратовский университет, 1983. 423 с.
- Швецов С.П.* К «предыстории» Якутской бойни // Каторга и ссылка. 1929. № 4. С. 119–128.
- Швецов С.П.* Николай Яковлевич Фалин // Каторга и ссылка. 1925. № 3. С. 210–225.

- Good E. America and the Russian revolutionary movement, 1888–1905 // *Russian Review*. 1982. Vol. 41. № 3. P. 273–287.
- Slulis T. George Kennan: Russian Specialist of the 1890s // *Russian Review*. 1970. Vol. 29. № 3. P. 275–285.
- Skok H. Polacy nad Bajkalem 1863–1883. Warszawa: Państw. wyd-wo naukowe, 1974. 161 c.

References

- Bogdanovich, A.V. *Tri poslednikh samoderzhtsa. Dnevnik*. Moscow: Novosti Publ., 1990 (in Russian).
- Dmirienko, N.M., ed. *'Sibirskaya gazeta' v vospominaniyakh sovremennikov*. Tomsk: NTL Publ., 2004 (in Russian).
- Galiyev, V.Z. *Ssyl'nyye revolyutsionery v Kazakhstane (vtoraya polovina XIX v.)*. Alma-Ata: Kazakhstan Publ., 1978 (in Russian).
- Gernet, M.N. *Istoriya tsarskoy tyur'my (1870–1900)*. Moscow: Yuridicheskoye izdatel'stvo Publ., 1981 (in Russian).
- Good, E. "America and the Russian revolutionary movement, 1888–1905." *Russian Review* 41, no. 3 (1982): 273–287.
- Ivanovskaya, P.S. "Dokumenty o smerti Sigidy." *Katorga i ssylka*, no. 11 (1929): 108–127 (in Russian).
- Kazaryan, P.L. *Yakutiya v sisteme politicheskoy ssylki Rossii. 1826–1917 gg.* Yakutsk: Sakhapoligrafizdat Publ., 1998 (in Russian).
- Kachinskaya, E. "Polyaki v Sibiri (1815–1914). Sotsial'no-demograficheskiy aspekt." In *Sibir' v istorii i kul'ture pol'skogo naroda*, 265–277. Moscow: Ladomir Publ., 2002 (in Russian).
- Kolosov, Ye.Ye. *Gosudareva tyur'ma – Shlissel'burg*. Moscow: Vsesoyuznoye obshchestvo politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev Publ., 1930 (in Russian).
- Konovalov, V.V., ed. *Sibirskiy i tobol'skiy gubernatory: istoricheskiye portrety, dokumenty*. Tyumen': Tyumenskiy izdatel'skiy dom Publ., 2000 (in Russian).
- Kennan, Dzh. *Sibir' i ssylka. Putevyye zametki (1885–1886 gg.)*. Moscow: BLITS Publ., 1999 (in Russian).
- Krotov, M.A. *Yakutskaya ssylka 70–80-kh godov. Istoricheskiy ocherk po neizdannym materialam*. Moscow: Vsesoyuznoye obshchestvo politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev Publ., 1925 (in Russian).
- Krusser, R.G. "Politicheskaya ssylka i 'Sibirskaya gazeta'." *Sibirskiy ogni*, no. 3 (1969): 142–151 (in Russian).
- Lazarev, Ye.Ye. *Moya zhizn'*. Praga: [S.n.], 1935 (in Russian).
- Lur'ye, G. "Zhurnal bezvremen'ya." *Katorga i ssylka*, no. 6 (1931): 141–165 (in Russian).
- Maynov, I.I. "Na zakate narodovol'chestva (Pamyati V.YA. Bogucharskogo)." *Byloye*, no. 5–6 (1917): 41–81 (in Russian).
- Maul', V.Ya. "How Ivan Ivanovich quarreled with Egor Gavrilovich (from the history of the Yakut political exile)." *Tomsk State University Journal of History*, no. 48 (2017): 80–87 (in Russian).
- Milevskiy, O.A. "Traveller's birth: geographical researches of D.A. Klements in the Minusinsk Exile (1882–1886)." *Izvestiya RAN (Akad. Nauk SSSR). Seriya Geograficheskaya*, no. 2 (2017): 100–108 (in Russian).
- Mel'shin, L. "Vae Victis! (Dve tragedii 1889 goda v Sibiri)." *Russkoye bogatstvo*, no. 1 (1906): 1–18 (in Russian).
- Pashkov, A.M. "Political exile and the development of local history in the Russian North in the 20th – early 20th centuries: the experience of rethinking." *RUDN Journal of Russian History*, no. 2 (2012): 112–126 (in Russian).
- Pelevin, Yu.A. "Khozhdeniye v narod' 1874–1875 gg." *Voprosy istorii*, no. 6 (2013): 38–50 (in Russian).
- Pelevin, Yu.A. "Zheliabov and other terrorists: the regicide attempt near Alexandrovsk." *Russian History*, no. 5 (2015): 80–83 (in Russian).
- Rostov, N. *Kariyskaya tragediya*. Moscow: Gudok Publ., 1927 (in Russian).
- Roshchevskaya, L.P. *Revolutsionery – raznochintsy v zapadnosibirskom izgnanii*. Leningrad: LGU Publ., 1983 (in Russian).
- Roshchevskaya, L.P. "'Surgutskaya istoriya' (Volneniya politicheskikh ssyl'nykh 80-kh godov XIX veka v Zapadnoy Sibiri)." In *Klassovaya bor'ba i obshchestvenno-politicheskaya zhizn' dorevolutsionnoy Rossii*, 48–82. Tyumen': [S.n.], 1977 (in Russian).
- Roshchevskaya, L.P. *Istoriya politicheskoy ssylki v Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX v. (60 – nachalo 80-kh godov)*. Tyumen': TGU Publ., 1976 (in Russian).
- Roshchevskaya, L.P., and V.K. Beloborodov, eds. *Tobol'skiy Sever glazami politicheskikh ssyl'nykh XIX – nachala XX veka*. Yekaterinburg: Sredne-Ural'skoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1998 (in Russian).
- Roshchevskaya, L.P. "Navechno i yeshche 10 let." *Ural*, no. 5 (1976): 130–157 (in Russian).

- Retunskiy, V.F. *Gosudarstvennyye prestupniki. Stranitsy istorii politicheskoy ssylki v Zaural'ye*. Surgut: Severnyy dom Publ., 1992 (in Russian).
- Shvetsov, S.P. “K ‘predystorii’ Yakutskoy boyni.” *Katorga i ssylka*, no. 4 (1929): 119–128 (in Russian).
- Shvetsov, S.P. “Nikolay Yakovlevich Falin.” *Katorga i ssylka*, no. 3 (1925): 210–225 (in Russian).
- Stepnyak-Kravchinskiy, S.M. *V londonskoy emigratsii*. Moscow: Nauka Publ., 1968 (in Russian).
- Stepnyak-Kravchinskiy, S.M. “Rossiya pod vlast'yu tsarey.” In *S.M. Stepnyak-Kravchinskiy Sochineniya*, 140–185. Moscow: Khudozhestvennaya literature Publ., 1987 (in Russian).
- Slulis, T. “George Kennan: Russian Specialist of the 1890s.” *Russian Review* 29, no. 3 (1970): 275–285.
- Skok, H. *Polacy nad Bajkalem 1863–1883*. Warszawa: Panstowowe Wydawnictwo Naukowe Publ., 1974 (in Polish).
- Troitskiy, N.A. *Tsarizm pod sudom progressivnoy obshchestvennosti: 1866–1895 gg.* Moscow: Mysl' Publ., 1979 (in Russian).
- Troitskiy, N.A. *Narodnaya volya' pered tsarskim sudom (1880–1894)*. Saratov: Saratovskiy universitet Publ., 1983 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Милевский Олег Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарного образования, Сургутский государственный педагогический университет.

Oleg A. Milevsky, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor of the Department of Social and Humanitarian Education, Surgut State Pedagogical University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-673-683>

Научная статья / Research article

Маньчжурское сельскохозяйственное общество и попытка создания Колонизационного банка в 1914–1915 гг.

М.В. Ходяков

Санкт-Петербургский государственный университет;
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; m.khodyakov@spbu.ru

The Manchurian Agricultural Society and Attempts to Establish a Colonization Bank in 1914–1915

Mikhail V. Khodjakov

Saint Petersburg State University;
7/9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russia; m.khodyakov@spbu.ru

Аннотация: В статье на основе материалов Российского государственного исторического архива Дальнего Востока и ряда других источников рассматриваются малоизвестные страницы деятельности Маньчжурского сельскохозяйственного общества (МСХО). Основанное в Харбине в 1912 г., оно активно включилось в процесс, направленный на освоение плодородных земель вдоль полосы отчуждения Китайско-Восточной железной дороги. Особо отмечается, что руководство Общества выступило с планами колонизации Северной Маньчжурии, территория которой принадлежала Китаю. Под таким углом зрения деятельность МСХО ранее не рассматривалась в историографии. Ему приписывалась роль проводника российских сельскохозяйственных знаний, подчеркивалась важность подготовки специалистов для сельского хозяйства в Маньчжурии и агротехническое просвещение населения, проживавшего вдоль линии Китайско-Восточной железной дороги. До момента вступления России в Первую мировую войну МСХО имело некоторые шансы на поддержку своего проекта в торговых и промышленных кругах, которые были заинтересованы в усилении русского влияния на северо-востоке Китая. Автором отмечается, что серьезные корректировки в деятельности МСХО были обусловлены той политической конъюнктурой, которая складывалась на международной арене в 1914–1915 гг. Правительственные круги России были заинтересованы в сохранении дружественных отношений со своими восточными соседями – Китаем и Японией. Показано, что в изменившихся условиях, не получив поддержки со стороны российского правительства и Приамурского генерал-губернатора, Общество сумело скорректировать направление своей деятельности. Его руководство сконцентрировало усилия на попытках создания специального Колонизационного общества и субсидирующего его Колонизационного банка, средства которого должны были складываться из акционерного капитала, облигаций и субсидий казны. Целью нового Общества и банка провозглашалась поддержка экономических начинаний России на Дальнем Востоке – организация сельскохозяйственных и промышленных предприятий, оказание им финансовой и технической помощи. Однако неудачно складывавшаяся для России Первая мировая война не позволила осуществиться этим планам, и проблемы колонизации края решены не были.

Ключевые слова: Маньчжурское сельскохозяйственное общество, Китайско-Восточная железная дорога, колонизационный банк, экономика Дальнего Востока

Благодарности и финансирование: Статья выполнена при поддержке Российского Научного Фонда. Проект № 18-18-00142 «Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917)».

Для цитирования: *Ходяков М.В.* Маньчжурское сельскохозяйственное общество и попытки создания Колонизационного банка в 1914–1915 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 3. С. 673–683. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-673-683>

Abstract: Based on materials from the Russian State Historical Archive of the Far East and a number of other sources, the present article examines the activities of the Manchurian Agricultural Society (MAS). Founded in Harbin in 1912, MAS was actively involved in the developing of fertile land along the Sino-Eastern Railway (Kitaisko-vostochnaia zheleznaya doroga) strip. As the article points out, the leadership of the Company also came up with plans for the colonization of Northern Manchuria, the territory of which belonged to China. So far historians never considered the activities of MAS from this angle; MAS has so far been credited with the role of a conductor of Russian agricultural knowledge, through training specialists for agriculture in Manchuria and offering agro-technical education to the population living along the Sino-East Railway. Until Russia entered the First World War, MAS had some chances of obtaining support for its project in commercial and industrial circles, which were interested in strengthening Russian influence in northeast China. The author notes that serious adjustments in the activities of MAS were due to changes in the international political situation in 1914–1915. Circles in the Russian government were interested in maintaining friendly relations with their eastern neighbors, China and Japan. It is shown that in the changing political environment, without receiving support from the Russian government and the Governor-General of the Amur Province, the Company was able to redirect its activities. Its leadership concentrated on trying to create a special Colonization Society and a subsidizing Colonization Bank, whose funds were to be composed of shares, bonds, and treasury subsidies. The goal of this new Society and the Bank was to support Russia's economic undertakings in the Far East – the organization of agricultural and industrial enterprises, and the provision of financial and technical assistance to them. However, the First World War, which went very badly for Russia, did not allow for a realization of these plans. The problems of the colonization of the region were not resolved.

Keywords: Manchurian Agricultural Society, Sino-Eastern Railway, Colonization Bank, Far East Economy

Acknowledgements and Funding: This research was supported by the Russian Science Foundation. Project № 18-18-00142 “The Center and the regions: state economic policy on the outskirts of the Russian Empire (1894–1917)”.

For citation: Khodjakov, Mikhail V. “The Manchurian Agricultural Society and Attempts to Establish a Colonization Bank in 1914–1915.” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 3 (August 2020): 673–683. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-673-683>

Введение

Проникновение России на северо-восток Маньчжурии, начавшееся в конце XIX в. со строительством Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), спровоцировало активное обсуждение вопроса о геополитических интересах государства. Свои мысли по данной проблеме излагали не только литераторы и публицисты, предлагавшие в условиях роста территориальных appetites империи различные формы контроля над Северной Маньчжурией, принадлежавшей Китаю. У военных и государственных деятелей был свой подход к обустройству дальневосточных рубежей России, продиктованный ожиданием грядущих вооруженных столкновений¹.

Современные исследователи не обошли вниманием вопросы, связанные с колонизацией дальневосточных окраин России². При всем разнообразии существую-

¹ *Суботич Д.И.* Задачи России на Дальнем Востоке: письмо генерала Д. И. Суботича к Военному министру А. Н. Куропаткину в 1903 году. Ревель, 1908; *Деникин А.И.* Русско-китайский вопрос. Военно-политический очерк. Варшава, 1908; *Унтербергер П.Ф.* Приамурский край. 1906–1910. СПб., 1912; *Куропаткин А.Н.* Китайский вопрос. СПб., 1913.

² *Зиновьев В.В.* Современная историография хозяйственного освоения Сибири в XVIII – начале XX вв. // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX века. Новосибирск, 2007. С. 26–34; *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб., 2008; *Шиловский М.В.* Геополитическая значимость Азиатской России для России в XVII – начале XX вв. // Россия между прошлым и будущим:

щих мнений и точек зрения на будущее российского Дальнего Востока очевидно одно – в начале XX столетия край переживал тяжелые времена.

Одним из путей решения комплекса социальных и экономических проблем региона представлялось создание специального Колонизационного банка. Эту идею вынашивали не только представители торговых и промышленных кругов, но и представители образованного в Харбине на рубеже 1911–1912 гг. Маньчжурского сельскохозяйственного общества (МСХО), полагавшие, что рост торговли и промышленности в крае зависит исключительно от успехов сельского хозяйства³. Деятельность МСХО в отечественной историографии рассматривалась исследователями преимущественно через призму его вклада в распространение русскими учеными аграрных знаний, подготовку специалистов для сельского хозяйства в Маньчжурии, осуществление миссии по агротехническому просвещению местного населения⁴. Между тем сохранившиеся документы свидетельствуют и о планах Общества по колонизации Маньчжурии.

Рождение идеи создания Колонизационного банка

30 января 1913 г. председатель Владивостокского Биржевого комитета обратился с телеграммой на имя Председателя Совета министров, указывая на разразившийся в регионе финансово-экономический кризис, способный привести российскую дальневосточную окраину к экономической катастрофе. 11 марта эта информация была заслушана на заседании Совета министров, который высказался за необходимость выработки комплекса мер и обсуждения их в междуведомственном совещании по делам Дальнего Востока, учрежденном под председательством Приамурского генерал-губернатора. Вслед за этим в подготовленной для междуведомственного совещания справке была отмечена «неустойчивость политического положения» России на Дальнем Востоке. Одной из мер, призванных вывести регион из кризисного состояния, виделась организация Колонизационного банка, деятельность которого предполагалось направить «...не только на поднятие и упрочение сельскохозяйственных промыслов, но и на развитие его добывающей и обрабатывающей промышленности»⁵.

Маньчжурское сельскохозяйственное общество предполагало решить проблему посредством освоения богатых земель в полосе отчуждения КВЖД. Поскольку

исторический опыт национального развития. Материалы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2008. С. 648–653; *Побережников И.В.* Азиатская Россия: фронт, модернизация // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2011. № 4. С. 191–203; *Ремнев А.В., Суворова Н.Г.* Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века. Омск, 2013; *Заколотная А.С.* Основные направления деятельности Переселенческого Управления на Дальнем Востоке России в годы Первой мировой войны (1914–1916) // Вглядываясь в прошлое: Мировые войны XX века в истории Дальнего Востока России. Владивосток, 2015. С. 99–119; *Янченко Д.Г., Старовойтова Е.О.* Дискуссии об экономическом развитии Китайской Восточной железной дороги после Русско-японской войны // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 3. С. 581–592; *Ходяков М.В.* «Желтороссия» конца XIX – начала XX веков в геополитических планах русской военной элиты // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 4. С. 880–897.

³ К истории Маньчжурского Сельск.-Хоз. О-ва // Сельское хозяйство в Северной Маньчжурии. 1913. № 1. С. 6–10.

⁴ *Хисамутдинов А.А.* Естественнонаучные исследования русских ученых-эмигрантов в Северном Китае (первая половина XX века) // Вестник Дальневосточного отделения Российской Академии наук. 2016. № 1. С. 99–107; *Белоглазов Г.П.* Научно-образовательная деятельность аграрных обществ в Маньчжурии в первой трети XX столетия // Образовательный потенциал Тихоокеанской России. XVIII–XXI вв. (Восьмые Крушановские чтения, 2016 г.). Владивосток, 2017. С. 238–245.

⁵ *Троицкая Н.А.* Справка по вопросу о мерах для устранения финансово-экономического кризиса в Приамурье // Для пользы и процветания: из истории внешнеэкономических связей Российского Дальнего Востока со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. 1865–1925 гг.: Документы и материалы. Владивосток, 2012. С. 374.

Общество было утверждено 20 марта 1912 г. Особым Советом при управлении КВЖД, оно имело определенную поддержку руководителей дороги и ряда известных общественных деятелей. Почетным председателем Совета МСХО стал управляющий КВЖД генерал Д.Л. Хорват, а почетными членами – товарищ председателя правления Общества КВЖД, тайный советник инженер А.Н. Вентцель, жена управляющего КВЖД К.А. Хорват, помощник управляющего по общим вопросам М.Е. Афанасьев, первый заместитель управляющего дорогой инженер князь С.Н. Хилков, главный контролер КВЖД М.И. Мещерский, председатель Харбинского городского совета М.С. Уманский, а также крупный естествоиспытатель К.А. Тимирязев⁶. К моменту, когда в ноябре 1913 г. структура и состав Общества приобрели вполне определенные очертания, его деятельность возглавил ученый-агроном, автор ряда работ о сельском хозяйстве и климате Северной Маньчжурии В.В. Солдатов.

Одним из первых решений общего собрания членов МСХО, принятых 3 июня 1912 г., стало поручение Совету Общества «всеми зависящими от него мерами добиваться от Управления дороги отвода в арендное пользование на продолжительные сроки и льготных условиях некоторого количества земли, удобной для хозяйственных целей, для общего выпаса скота и т. д.»⁷. Не найдя понимания в этом вопросе у руководителей КВЖД, члены Совета Общества посетили председателя Российской экспортной палаты (располагавшейся в Санкт-Петербурге на Невском пр., 92), члена Государственного совета и известного предпринимателя В.И. Денисова⁸, который выступил с поддержкой ряда начинаний Общества. В частности, в материалах канцелярии Приамурского генерал-губернатора сохранилась переписка с Переселенческим управлением и МСХО об учреждении Русско-маньчжурского колонизационного общества со специально финансирующим его колонизационным банком. 9 июля 1914 г. за подписью В.И. Денисова на имя главноуправляющего Землеустройством и Земледелием (ГУЗиЗ) было направлено письмо, в котором говорилось о необходимости «мирного экономического и культурного завоевания» Маньчжурии и Внешней Монголии, их присоединения к русским дальневосточным владениям. В письме также отмечалось: «С этой целью Россия в свое время приступила к сооружению железнодорожного пути от границ Забайкальской области через Монголию и Маньчжурию к Владивостоку и от Харбина на юг к крепости Порт-Артур»⁹.

«Назревшим и наиболее важным» в письме назывался вопрос русской колонизации Маньчжурии. Ключевым аргументом при этом стало напоминание о том, что в Южной Маньчжурии японцы уже основали колонизационное общество с колонизационным банком, имея задачей заселение Маньчжурии и закрепление ее за Японией. Россия же, по мнению авторов письма, в этом направлении «пока ничего не сделала». Более того, правление КВЖД сдавало земли в полосе отчуждения только на краткие сроки – 3–4 года, причем сдавало их «главным образом не русским, а китайцам»¹⁰. Для мелких русских хозяев-крестьян получить землю в полосе отчуждения было крайне трудно, а за полосой отчуждения – практически невозможно, поскольку китайцы земли русским сдавать отказывались. При этом иностранцы и японцы арендовали эти земли беспрепятственно¹¹.

⁶ Протокол годового общего собрания членов Маньчжурского сельскохозяйственного общества 9 февраля 1914 г. // Сельское хозяйство в Северной Маньчжурии. 1914. № 3–4. С. 8.

⁷ К истории Маньчжурского сельского хозяйства // Сельское хозяйство в Северной Маньчжурии. 1913. № 1. С. 7.

⁸ Официальный отдел // Сельское хозяйство в Северной Маньчжурии. 1913. № 6–7. С. 2.

⁹ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (далее – РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 5. Д. 141. Л. 12.

¹⁰ Несколько слов о земельной политике в полосе отчуждения // Сельское хозяйство в Северной Маньчжурии. 1913. № 4–5. С. 2.

¹¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 141. Л. 12 об.

Авторы письма полагали, что разрешить данную задачу «возможно только соответствующим воздействием на Китайскую Восточную железную дорогу и учреждением русского колонизационного общества и банка, имеющих задачей заселить русскими земледельцами свободные пустопорожные земли в Северной Маньчжурии, число которых, по данным министерства земледелия Китая в тот момент определялось для Гиринской провинции в 20 500 000 десятин, а для Цицикарской провинции – в 36 000 000 десятин. Из них для земледелия было пригодно не менее 40 млн десятин. На этих свободных землях двух провинций Маньчжурии «могло бы быть поселено» не менее 100 000 семейств русских земледельцев»¹².

Развивая тезис о необходимости колонизации Северной Маньчжурии, авторы письма, направленного в ГУЗиЗ, отмечали высокое плодородие почв и благоприятные климатические условия: «климат теплый, влажный, засух не бывает». Действительно, в тот момент в районе полосы отчуждения КВЖД нормальным считался урожай 75–100 пудов с десятины¹³. Здесь можно было возделывать пшеницу, кукурузу, ячмень, кунжут, рис и другие культуры. В цитируемом письме отмечалось также, что «по климатическим условиям Северная Маньчжурия напоминает Юг России. Возможно самое широкое скотоводство». Тех, кто выступал за активную колонизацию Северной Маньчжурии, без сомнения, привлекала и дешевизна китайских рабочих рук. В письме говорилось: «Колонизовать Маньчжурию, при энергичном содействии нашего Правительства, не представлялось бы делом особенно трудным». При этом вполне естественной казалась мысль о том, что, заселенная русскими Северная Маньчжурия явилась бы «естественным этапом для дальнейшего развития восточных краев Сибири»¹⁴.

Однако колонизационные планы МСХО противоречили взглядам приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти относительно перспектив этого края. Представляют интерес замечания и комментарии, оставленные им 7 сентября 1914 г. на документе, исходившим из недр МСХО. На первой же странице текста он сделал ремарку: «Все это не так просто, как кажется. Китайцы сами начали колонизацию Маньчжурии, и с ними конкурировать не легко, если говорить о мелкой единице – земельной, если же говорить о крупных ... то пользы государству это не принесет, а лишь будет способствовать, благодаря вложению своих капиталов, колонизации Маньчжурии китайцами, так как рабочая сила будет только китайская». Русской колонизации края, по мнению Н.Л. Гондатти, будет препятствовать и то, что богатые земли располагаются «вдали от удобных средств сообщения»¹⁵.

22 января 1915 г. глава Приамурского управления государственных имуществ П.И. Делле направил в канцелярию Приамурского генерал-губернатора письмо, в котором сообщал о документе за подписью председателя комитета Российской экспортной палаты от 9 июля 1914 г. (№ 1964) на имя Главноуправляющего Землеустройством и Земледелием по вопросу о развитии русского земледелия в Маньчжурии и об учреждении Русско-Маньчжурского Колонизационного общества со специальным финансирующим его Колонизационным банком. Приамурское управление государственных имуществ подготовило и направило в канцелярию для доклада Главному начальнику края свои соображения по сути этого вопроса. На полях данного документа Н.Л. Гондатти также оставил свои комментарии.

По мнению Приамурского управления государственных имуществ, пока Маньчжурия не присоединена политически к российскому государству, «нет смысла тра-

¹² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 141. Л. 13.

¹³ *Меньшиков П.* Об урожае хлебов в Хэйлунцзянской и Гиринской провинциях в 1913 г. // Сельское хозяйство в Северной Маньчжурии. 1913. № 4–5. С. 24.

¹⁴ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 141. Л. 13 об.

¹⁵ Там же. Л. 12.

тить и русских денег на культурное ее развитие так как это в конечном итоге принесет пользу лишь китайцам, с которыми борьба в области экономической русским не под силу, а в особенности в сельскохозяйственной промышленности, в которой китайский труд и предприимчивость уже заняли доминирующую роль на лучших и ближайших к экономическим пунктам землях (район долины реки Сунгари)»¹⁶. Напротив этого абзаца на полях оставлены чернильные пометы Н.Л. Гондатти: «Верно»; «Конечно»; «Надо поддерживать русский (неразборчиво. – М.Х.), ...а не Маньчжурию, которая является ему конкурентом. Если бы Маньчжурия принадлежала России, тогда дело другое. 23 января 1915 г.»¹⁷. Здесь со всей наглядностью проявилась позиция Н.Л. Гондатти в отношении поддержки российских производителей, которую он неоднократно демонстрировал на всех уровнях. Так, еще 24 декабря 1912 г. в секретном письме министру финансов и председателю Совета министров В.Н. Кокцову он высказался за ограничение ввоза на Дальний Восток дешевого маньчжурского хлеба, поскольку это должно было повлечь «...если не упадок, то полный застой в деле развития собственного производства»¹⁸.

Оценивая идею учреждения Маньчжурско-Русского Колонизационного Общества со специальным финансирующим его Колонизационным банком и замечание Приамурского управления государственных имуществ о том, что это «...было бы несправедливым по отношению к русскому Дальнему Востоку, который подобным, столь важным культурным учреждением пока не располагает», Н.Л. Гондатти заметил: «Совершенно верно». Свое видение перспектив КВЖД Приамурский генерал-губернатор отразил в том месте документа, где говорилось, что до присоединения Маньчжурии КВЖД в экономическом отношении может быть «...лишь коммерческим предприятием, которое должно давать России при наименьших затратах возможно больший доход и в то же время поддерживать русскую торговлю, в отношении же политическом дорога эта должна обслуживать наши нужды лишь на случай войны. И только исходя из последних соображений может быть было бы желательно развить русское земледелие, в особенности огородничество, вблизи станций и полотна железной дороги, лишь в полосе отчуждения, на которой возможно вести правительственную политику в отношении русских предпринимателей». Помета Н.Л. Гондатти на полях была весьма красноречивой: «И то лишнее, так как кит. правит-во может выкупить дорогу, когда захочет»¹⁹.

Оценивая перспективы российской колонизации края, чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе М.П. Куренков в ответ на запрос о «о заселении русскими земледельцами свободных земель в Северной Маньчжурии» сообщал 26 января 1915 г. в канцелярию генерал-губернатора о том, что принятие с российской стороны каких-либо мер к проведению в жизнь данной меры «едва ли целесообразно...». Признавая, что Северная Маньчжурия «находится с сфере нашего влияния», он указывал, что «это не дает нам оснований игнорировать права Китая, как государственной единицы и совершенно свободно распоряжаться в пределах принадлежащей ему территории». К тому моменту сдача в аренду иностранцам Маньчжурских земель в принципе не допускалась. Обычно китайские власти просто выдавали иностранцам «билеты на право эксплуатации земельных угодий» – сенокосения, рубки леса, ломки камня и т.п. Такие билеты в районе, тяготеющем к КВЖД, выдавались преимущественно русским подданным. В этих условиях любая попытка «...использовать Маньчжурские земли по нашему усмотрению», на взгляд чиновника по дипло-

¹⁶ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 141. Л. 4.

¹⁷ Там же. Л. 4.

¹⁸ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 323. Оп. 1. Д. 780. Л. 7 об.

¹⁹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 141. Л. 4 об.

матической части, должна была встретить вполне справедливый отпор со стороны китайского правительства. М.П. Куренков писал: «Возбужденный вопрос о заселении нашими земледельцами этих земель обречен, по-видимому, на гибель, тем более, что последние годы национальное самосознание китайцев принимает все более определенный характер и Китай пользуется каждым подходящим случаем, чтобы раз и навсегда освободиться от иностранного влияния во всех сферах своего государственного хозяйства вообще и, в особенности, в области землепользования, на какую китайское правительство в колонизаторских целях обращает исключительное внимание, и вопросу о заселении пустопорожних земель своей обширной территории придает кардинальное значение и с экономической и с политической точек зрения»²⁰. Вердикт чиновника был категоричным: «...Решение вопроса не представляется возможным»²¹.

7 февраля 1915 г. из канцелярии Приамурского генерал-губернатора в Переселенческое управление было направлено письмо. В нем отмечалось, что отношением от 14 августа 1914 г. Управление просило сообщить о заключении Главного начальника края по вопросу об учреждении Русско-Маньчжурского Колонизационного Общества со специальным финансирующим его Колонизационным банком с целью заселения Маньчжурии русскими колонистами. Генерал-губернатор обратил внимание на две стороны вопроса – политическую и экономическую, повторив аргументы, сформулированные в записке чиновника по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе²², сочтя идею создания Колонизационного банка несвоевременной.

Смена ориентиров в деятельности МСХО

Казалось бы, вопрос о Северной Маньчжурии и ее русской колонизации можно было считать закрытым. Тем более, что в мае 1915 г. состоялась поездка в Пекин, Дайрен и Порт-Артур товарища председателя правления Общества КВЖД А.Н. Вентцеля. Представленный им после окончания визита доклад на имя министра финансов больше походил на разведывательное донесение, в котором была дана характеристика ряда государственных деятелей Китая (в том числе министра иностранных дел и министра путей сообщения). По оценке А.Н. Вентцеля, его везде принимали радушно, а президент Китайской республики подарил ему портрет с собственноручной надписью. Встречи превращались в «сплошное чествование», каждый шаг русской делегации фиксировался на фотографиях и киноплёнке, сопровождаясь газетными статьями. Японцы, как и китайцы, демонстрировали радушие, «поселили в лучшем отеле», устроили торжественную манифестацию, кричали «ура». Вывод, который был сделан А.Н. Вентцелем, свидетельствовал о стремлении «просыпающегося гиганта» к установлению «...политической солидарности между Россией и Китаем в дальневосточных делах, как противовеса Японии». Подтверждением тому была разработка русского проекта постройки железной дороги на Благовещенск, а также предпочтения, которые получали российские подданные на участие в освоении естественных богатств Цицикарской провинции и финансировании промышленных предприятий. Более того, генерал-губернатор Маньчжурии, по словам А.Н. Вентцеля, смог склонить правительственные сферы к тому, чтобы «поднять негласно вопрос о заключении секретного соглашения с Россией по делам Дальнего Востока»²³. Интересы России на ее дальневосточных окраинах требовали сохранения друже-

²⁰ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 141. Л. 2–3.

²¹ Там же. Л. 3.

²² Там же. Л. 5–6.

²³ Там же. Ф. 560. Оп. 28. Д. 1287. Л. 173–174.

ственных отношений и вполне определенного политического курса не только по отношению к Китаю, но и Японии.

Эта тема получила отражение и в секретной переписке российских министров. Так, предложение министра финансов П.Л. Барка «добиваться льгот для КВЖД», аналогичных тем, какие получили японцы, сумевшие продлить срок концессии на эксплуатацию Южно-Маньчжурской железной дороги до 2002 г., встретило противодействие министра иностранных дел С.Д. Сазонова²⁴. В ответном письме глава МИД поддержал мнение российского посланника в Пекине В.Н. Крупенского, отметив неблагоприятную военно-политическую обстановку, связанную с поражениями России в 1915 г. на фронтах Первой мировой войны. В этой связи он предлагал «отложить наши домогательства... до наступления подходящих условий». При этом С.Д. Сазонов все же полагал, что Россия «при определенных условиях» могла бы, не прибегая к мерам давления, добиться продления до 99 лет срока железнодорожной концессии, сделав заявление китайскому правительству о том, что концессия КВЖД принадлежит российскому правительству, а не частному обществу. Это дало бы основание требовать ее продления «в виду того, что таковы права Японии на Южно-Маньчжурскую железную дорогу»²⁵.

Почувствовав изменения в политической конъюнктуре, переменяло тактику своих действий и МСХО. Уже 23 апреля 1915 г. его Совет направил на имя Приамурского генерал-губернатора письмо, в котором сообщал, что получил от Российской экспортной палаты отзыв Приамурского генерал-губернатора по поднятому Обществом вопросу. Отмечая, что он выступил против учреждения Колонизационного общества и банка для целей колонизации Маньчжурии, Совет МСХО заметил, что генерал-губернатор все же высказал «сочувствие идее нашего Общества» об организации подобных учреждений для русских Дальневосточных окраин. В письме говорилось: «При соединяясь к воззрениям... о вероятной преждевременности означенных учреждений в Маньчжурии, Совет Общества полагает, что вопрос о создании в помощь Переселенческому Управлению Колонизационного Общества с субсидирующим его Колонизационным Банком для обслуживания Забайкальской, Амурской, Приморской, Сахалинской и Камчатской областей имеет весьма существенное значение для колонизации и экономического процветания Края. В будущем, если бы изменилось наше положение в Маньчжурии в благоприятную сторону, таковое Общество и Банк могли бы расширить свою деятельность и на Маньчжурию»²⁶. Таким образом, МСХО решило отложить на время вопрос о русской колонизации Маньчжурии и содействовать делу развития экономики Дальнего Востока.

В этой связи Совет МСХО просил генерал-губернатора «возбудить перед подлежащими властями означенный выше вопрос», изъявив готовность «возможными для него средствами» способствовать разработке проблемы, «если бы таковое содействие понадобилось»²⁷. Не дожидаясь окончательного решения вопроса «сверху», МСХО 11 июля 1915 г. направило в канцелярию Приамурского генерал-губернатора очередное письмо, сообщая о том, что «Учреждение Колонизационного общества и Банка сельско-хозяйственное общество считает за большую честь взять на себя». К тому моменту для выработки устава Колонизационного общества и Банка уже была избрана специальная комиссия, которая приступила к работе. Именованную новую структуру предполагалось «Русским обществом заселения Дальнего Востока (или Приамурья)». Был очерчен и район его действия: Забайкальская, Приморская, Сахалинская,

²⁴ РГИА ДВ. Ф. 560. Оп. 28. Д. 1287. Л. 193–194.

²⁵ Там же. Л. 199–200.

²⁶ Там же. Ф. 702. Оп. 5. Д. 141. Л. 11.

²⁷ Там же. Л. 11 об.

Камчатская и Амурская области, Маньчжурия и Восточная Монголия. Объявлялась и цель общества – «всеми мерами способствовать Переселенческому управлению в деле скорейшего и прочнейшего заселения русскими подданными Дальнего Востока, а также в этих целях содействовать развитию на Дальнем Востоке сельского хозяйства, торговли и промышленности»²⁸.

Предполагалось, что создаваемое Общество будет частным учреждением. Финансирующей его банк также виделся частным, но с субсидией от казны. Было предложено и название банка – «Русский земельный и торгово-промышленный Дальневосточный Банк», средства которого должны были складываться из акционерного капитала, облигаций и субсидий казны. Местонахождения Общества и банка предполагалось или в Хабаровске (как резиденции генерал-губернатора), или в Петрограде. Отделения Общества и банка планировалось организовать во всех крупных городах, входящих в район действия Общества. Проекты устава Общества и банка планировалось представить Советом Общества в канцелярию генерал-губернатора «тотчас же, как будут закончены разработкой»²⁹.

Находившийся в Хабаровске управляющий госимуществом Приамурского края П.И. Делле 5 августа 1915 г. представил в канцелярию Приамурского генерал-губернатора письмо, в котором сообщал о том, что вопрос об учреждении Колонизационного общества с банком представляется в интересах колонизации Приамурья крайне желательным. Для обсуждения этого вопроса после предварительной разработки компетентным лицом вопроса о банке было предложено образовать во Владивостоке особое совещание с приглашением представителей как заинтересованных ведомств, так и общественных организаций и отдельных слоев населения. Задачей как Общества, так и банка провозглашалось содействие сельскохозяйственной и промышленной колонизации края. Общество при поддержке банка должно было организовывать как сельскохозяйственные, так и промышленные предприятия, а затем передавать их в частные руки, получая в свою пользу сравнительно небольшие проценты прибылей сверх затрат, а также оказывать содействие за скромное вознаграждение частным лицам по организации сельскохозяйственных и промышленных предприятий не только денежными средствами, но и техническими силами. Капитал банка планировалось собрать акционерным порядком, но при условии гарантий со стороны правительства и с неременным участием его представителей, как в распорядительных действиях банка, так и, главным образом, в строгом контроле³⁰. Однако вступление России в Первую мировую войну и поражения на фронтах значительно сузили возможности колонизации края.

Выводы

Участие Колонизационного общества и банка в развитии экономики российского Дальнего Востока не исключало их деятельности и в Маньчжурии, где не только российские промышленные и коммерческие структуры, но и капиталистические сельскохозяйственные предприятия в начале XX в. имели некоторые шансы для успешного развития и конкуренции с китайцами. Непреодолимым препятствием на этом пути стала слабая заселенность края российскими подданными.

По оценкам Амурского рабочего бюро, «сентябрьская мобилизация 1915 г. ослабила и без того ничтожный контингент местной рабочей силы», способствовал свободному допущению «желтого труда» не только на Дальнем Востоке³¹, но и в Евро-

²⁸ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 141. Л. 8.

²⁹ Там же. Л. 8 об.

³⁰ Там же. Л. 9.

³¹ РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 294. Л. 9.

пейской России³². Более того, резкое сокращение количества переселенцев, острая нехватка рабочих рук во всех отраслях привела к активному использованию в экономике региона дешевого труда военнопленных. Данные Переселенческого управления свидетельствовали о том, что для работ по линии министерства земледелия только в Амурском районе в 1916 г. требовалось 4 тыс., а в Приморском – 3 тыс. военнопленных³³.

Планам «наследников А.М. Бозобразова», отстаивавшим идеи активного освоения земель не только в полосе отчуждения КВЖД, но и во всей Северной Маньчжурии, не суждено было осуществиться. История МСХО, таким образом, подтверждает мысль, высказанную рядом современных исследователей, о незавершенности к началу XX в. колониционных процессов и особенностях модернизации Азиатской России.

Рукопись поступила: 15 апреля 2020

Submitted: 15 April 2020

Библиографический список

- Белоглазов Г.П.* Научно-образовательная деятельность аграрных обществ в Маньчжурии в первой трети XX столетия // Образовательный потенциал Тихоокеанской России. XVIII–XXI вв. (Восьмые Крушановские чтения, 2016 г.). Владивосток: «Дальнаука», 2017. С. 238–245.
- Деникин А.И.* Русско-китайский вопрос. Военно-политический очерк. Варшава: Офицерская жизнь, 1908. 55 с.
- Заколотная А.С.* Основные направления деятельности Переселенческого Управления на Дальнем Востоке России в годы Первой мировой войны (1914–1916) // Вглядываясь в прошлое: Мировые войны XX века в истории Дальнего Востока России. Владивосток: Рея, 2015. С. 99–119.
- Зиновьев В.П.* Современная историография хозяйственного освоения Сибири в XVIII – начале XX вв. // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX века. Новосибирск: Рипэл плюс, 2007. С. 26–34.
- Куропаткин А.Н.* Китайский вопрос. СПб.: Новое Время, 1913. 224 с.
- Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб.: Нестор-История, 2008. 668 с.
- Меньшиков П.* Об урожае хлебов в Хэйлунцзянской и Гиринской провинциях в 1913 г. // Сельское хозяйство в Северной Маньчжурии. 1913. № 4–5. С. 23–25.
- Побережников И.В.* Азиатская Россия: фронт, модернизация // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2011. № 4. С. 191–203.
- Ремнев А.В., Суворова Н.Г.* Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века. Омск: Наука, 2013. 248 с.
- Суботич Д.И.* Задачи России на Дальнем Востоке: письмо генерала Д.И. Суботича к Военному министру А.Н. Куропаткину в 1903 году. Ревель: Ревельские известия, 1908. 53 с.
- Унтербергер П.Ф.* Приамурский край. 1906–1910. СПб.: Типография В.Ф. Киришбаума, 1912. 497 с.
- Ходяков М.В., Чжао Ч.* Трудовая миграция китайцев в Россию в годы Первой мировой войны // Новейшая история России. 2017. № 1. С. 7–30.
- Ходяков М.В.* Желтороссия конца XIX – начала XX века в геополитических планах русской военной элиты // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 4. С. 880–897.
- Хисамутдинов А.А.* Естественнонаучные исследования русских ученых-эмигрантов в Северном Китае (первая половина XX века) // Вестник Дальневосточного отделения Российской Академии наук. 2016. № 1. С. 99–107.
- Шлювский М.В.* Геополитическая значимость Азиатской России для России в XVII – начале XX вв. // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Материалы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург: Институт истории и археологии УРО РАН, 2008. С. 648–653.

³² *Ходяков М. В., Чжао Ч.* Трудовая миграция китайцев в Россию в годы Первой мировой войны // Новейшая история России. 2017. № 1. С. 7–30.

³³ РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 335. Л. 1.

Янченко Д.Г., Старовойтова Е.О. Перспективы экономического развития Китайско-Восточной железной дороги после Русско-японской войны: региональный аспект и петербургская политика // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 3. С. 583–597.

References

- Beloglazov, G.P. "Nauchno-obrazovatel'naya deyatelnost' agrarnykh obshchestv v Man'chzhurii v pervoy treti XX stoletiya." In *Obrazovatel'nyy potentsial Tikhookeanskoy Rossii. XVIII–XXI vv. (Vos'myye Krushanovskiye chteniya, 2016 g.)*, 238–245. Vladivostok: «Dal'nauka» Publ., 2017 (in Russian).
- Denikin, A.I. *Russko-kitayskiy vopros. Voyenno-politicheskiy ocherk*. Varshava: Ofiterskaya zhizn' Publ., 1908 (in Russian).
- Khodjakov, M.V., and Chzhao, Ch. "Chinese Labor Migration to Russia during the First World War." *Modern History of Russia*, no. 1 (2017): 7–30 (in Russian).
- Khodjakov, M.V. "Yellow Russia" of the late 19th – early 20th Centuries in the Geopolitical Plans of the Russian Military Elite." *Modern History of Russia* 8, no. 4 (2018): 880–897 (in Russian).
- Khisamutdinov, A.A. "Natural science research of Russian emigrant scientists in North China (first half of the twentieth century)." *Vestnik of Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences*, no. 1 (2016): 99–107 (in Russian).
- Kuropatkin, A.N. *Kitayskiy vopros*. St. Petersburg: «Novoye Vremya» Publ., 1913 (in Russian).
- Lukoyanov, I.V. *'Ne otstat' ot derzhav...'* *Rossiya na Dal'nem Vostoke v kontse XIX – nachale XX vv.* St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2008 (in Russian).
- Men'shikov, P. "Ob urozhaye khlebov v Kheyluntszyanskoy i Girinskoy provintsiyakh v 1913 g." *Sel'skoye khozyaystvo v Severnoy Man'chzhurii*, no. 4–5 (1913): 23–25 (in Russian).
- Poberezhnikov, I.V. "Aziatskaya Rossiya: frontir, modernizatsiya." *Izvestia Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, no. 4 (2011): 191–203 (in Russian).
- Remnev, A.V., and Suvorova, N.G. *Kolonizatsiya Aziatskoy Rossii: imperskiye i natsional'nyye stsenerii vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka*. Omsk: Nauka Publ., 2013 (in Russian).
- Shilovskiy, M.V. "Geopoliticheskaya znachimost Aziatskoy Rossii dlya Rossii v XVII – nachale XX vv." In *Rossiya mezhdu proshlym i budushchim: istoricheskiy opyt natsional'nogo razvitiya. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii*, 648–653. Yekaterinburg: Institut istorii i arkheologii URO RAN Publ., 2008 (in Russian).
- Subotich, D.I. *Zadachi Rossii na Dal'nem Vostoke: pis'mo generala D.I. Suboticha k Voyennomu ministru A.N. Kuropatkinu v 1903 godu*. Revel': Revel'skiye izvestiya Publ., 1908 (in Russian).
- Unterberger, P.F. *Priamurskiy kray. 1906–1910*. St. Petersburg: Tipografiya V.F. Kirshbauma Publ., 1912 (in Russian).
- Yanchenko D.G., Starovoytova Ye.O. Perspektivy ekonomicheskogo razvitiya Kitaysko-Vostochnoy zheleznoy dorogi posle Russko-yaponskoy voyny: regional'nyy aspekt i peterburgskaya politika // Noveyshaya istoriya Rossii. 2018. Т. 8. № 3. С. 583–597.
- Zakolodnaya, A.S. "Osnovnyye napravleniya deyatelnosti Pereselencheskogo Upravleniya na Dal'nem Vostoke Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny (1914–1916)." In *Vglyadyvayas' v proshloye: Mirovyye voyny XX veka v istorii Dal'nego Vostoka Rossii*, 99–119. Vladivostok: Reya Publ., 2015 (in Russian).
- Zinov'ev, V.P. "Sovremennaya istoriografiya khozyaystvennogo osvoyeniya Sibiri v XVIII – nachale XX vv." In *Rol' gosudarstva v khozyaystvennom i sotsiokul'turnom osvoyenii Aziatskoy Rossii XVII – nachala XX veka*, 26–34. Novosibirsk: Ripel plyus Publ., 2007 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Ходяков Михаил Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Санкт-Петербургского государственного университета.

Mikhail V. Khodjakov, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Modern History of Russia Department, Saint Petersburg State University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-684-698>

Научная статья / Research article

Становление системы агроинженерного образования в СССР в 1920–1930-е гг.

Я.П. Лобачевский, Ю.С. Ценч

Федеральный научный агроинженерный центр ВИМ;
109428, Россия, Москва, 1-й Институтский проезд, 5; vimasp@mail.ru

The Establishment of a System of Agricultural Engineering Education in the USSR in the 1920s and 1930s

Yakov P. Lobachevsky, Yuliya S. Tsench

Federal Scientific Agroengineering Center VIM;
5, 1st Institutskiy proyezd, Moscow, 109428, Russia; vimasp@mail.ru

Аннотация: В представленной статье на основании архивных материалов и научной литературы исследована история становления агроинженерного образования в СССР в эпоху глобальных социально-экономических и политических преобразований 1920–1930-х гг. Показана важность коренной перестройки всей системы профессионального образования в соответствии с планами первых пятилеток. Рассмотрены основные нормативные документы, регулирующие организацию и дальнейшее развитие агроинженерных вузов. Отмечено, что при размещении агроинженерных учебных заведений учитывалась специфика почвенно-климатических зон, в которых предполагалось создать агроинженерный вуз, выпускающий специалистов, знающих особенности почв, климата, ландшафта данной зоны и способных работать с техникой, предназначенной для конкретного региона. Выявлено, что с 1930 по 1941 гг. было создано 9 агроинженерных вузов, каждый из которых обладал региональными особенностями в процессе подготовки специалистов и по сути являлся уникальным учебным заведением. Выделена ключевая особенность этапа становления агроинженерного образования, которая заключается в использовании в учебном процессе имеющихся на местах ресурсов (в первую очередь, кадровых и материальных) и технической базы производственных предприятий и передовых в то время совхозов. Авторы приходят к выводу, что создание специализированных агроинженерных высших учебных заведений для подготовки инженеров сельскохозяйственного производства было обусловлено острой необходимостью в условиях начавшейся коллективизации сельского хозяйства и индустриализации производства в СССР; все это способствовало обеспечению населения страны продовольствием и явилось фундаментом для дальнейшего развития агроинженерного образования, науки и сельскохозяйственного машиностроения в нашей стране.

Ключевые слова: агроинженерное образование, механизация, сельское хозяйство, коллективизация, индустриализация, первые пятилетки

Для цитирования: Лобачевский Я.П., Ценч Ю.С. Становление системы агроинженерного образования в СССР в 1920–1930-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 3. С. 684–698. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-684-698>

Abstract: On the basis of archival materials and scientific literature, the article examines the history of agro-engineering education in the USSR during the global socio-economic and political transformations of the 1920s – 1930s. The article shows the importance of radical restructuring of the entire

system of vocational education in accordance with the first Five-Year Plans. Presented are the major normative documents regulating the organization and further development of agricultural engineering universities. It is noted that the establishment of educational institutions took into account the specifics of soil and climatic zones, so that agricultural engineering universities would produce specialists familiar with the characteristics of the soil, climate, landscape of the respective zone, and able to work with equipment designed for the particular region. Between 1930 and 1941, nine agro-engineering universities were created, each designed with an eye for the regional specifics. The article highlights the key features of the formation of agro-engineering education, which consists in the use of local resources (primarily human and material) and of the technical base of industrial enterprises and advanced Sovkhoz state farms. The authors come to the conclusion that the creation of specialized higher educational institutions to train engineers for agricultural production became an urgent need as the collectivization of agriculture and the industrialization of production was unfolding; it established a powerful foundation for the further development of agricultural engineering education, of science, and of agricultural machine production in our country.

Keywords: agro-engineering education, mechanization, agriculture, collectivization, industrialization, first Five-Year Plan

For citation: Lobachevsky, Yakov P., and Tsench, Yuliya S. “The Establishment of a System of Agricultural Engineering Education in the USSR in the 1920s and 1930s.” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 3 (August 2020): 684–698. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-684-698>

Введение

Экономическое положение Советской России после семи лет Первой мировой и Гражданской войн, а также двух революций было катастрофическим. Производство продукции сельского хозяйства – основы экономики государства за эти годы сократилось на треть. Одним из самых серьезных последствий потрясений был голод 1921–1922 гг., от которого, по разным подсчетам, погибло несколько миллионов человек.

Поиски новой экономической политики начались с 1920 г. На VIII Всероссийском съезде Советов в декабре 1920 г. был принят план Государственной комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО), рассчитанный на восстановление экономики на базе электрификации. За 10–15 лет предусматривались строительство 30 крупных электростанций, реконструкция заводов, создание новых отраслей промышленности, восстановление транспорта. Общий объем промышленной продукции должен был увеличиться по сравнению с 1913 г. в два раза. Для подобного экономического рывка потребовались серьезные реформы всей системы профессионального образования.

Создание принципиально новой системы высшего образования в Советской России было начато Декретом Совета народных комиссаров от 2 августа 1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения», в котором была предложена перестройка высшей школы на «новых социалистических началах».

Создание специализированных высших учебных заведений для подготовки инженеров сельскохозяйственного производства стало острой необходимостью в условиях начавшейся коллективизации сельского хозяйства, строительства флагманов тракторной и комбайновой индустрии, широкого внедрения механизации и электрификации аграрного производства. Начиная с 1930 г. в стране было создано 9 агроинженерных институтов для подготовки новой формации специалистов – инженеров-механиков и инженеров-электриков развивающегося механизированного сельскохозяйственного производства. Российское село и сельскохозяйственное производство выходило на новый уровень производственно-технической культуры, которая ранее была неизвестна. В стране резко возросла потребность в новых инженерных и инженерно-педагогических кадрах, которые внесли важный вклад в создание и внедрение передовых для того времени средств механизации и электрификации, способствовали решению главной задачи – многократного увеличения производи-

тельности труда в аграрном производстве и обеспечения населения страны продовольствием.

Целью исследования стало изучение становления агроинженерного образования в СССР в сложный период социально-экономических и политических преобразований в 20–30-е гг. XX века.

В советской и постсоветской историографии ряд исследований был посвящен истории высшего технического и сельскохозяйственного образования. Это работы К.А. Иванович¹, А.Ф. Голикова и А.Н. Литвиненко², Г.А. Гатлих³, Г.Н. Еланского⁴, В.Т. Водяникова⁵ и др.

Некоторые аспекты развития инженерных специальностей в сельскохозяйственных вузах и изложены в учебном пособии С.А. Иофинова.⁶ Автор рассматривает процесс становления агроинженерной науки во взаимосвязи с развитием техники, механизации и электрификации сельского хозяйства, показывает связь агробиологических наук с агроинженерными. Следует отметить, что в данном пособии впервые дана периодизация развития агроинженерной науки и образования.

В отдельных изданиях, выпускавшихся, как правило, к юбилейным датам, рассматривалась история основания столичных и региональных агроинженерных вузов, некоторые проблемы и перспективы их развития⁷. Большую заинтересованность к истории становления и развития агроинженерного образования проявляли в своих трудах академики Ю.Ф. Лачуга⁸, М.Н. Ерохин, профессора И.В. Горбачев, А.Д. Ананьин и др.⁹

В 2007 г. Россельхозакадемией была издана коллективная монография «Агроинженерная наука России: становление, современное состояние, стратегия развития», в которой затрагивались отдельные аспекты развития институтов механизации и электрификации сельского хозяйства в СССР¹⁰.

Тем не менее, комплексные исследования по истории становления и развития агроинженерного образования практически отсутствуют.

Вместе с тем актуальность заявленной темы определена не только историографической ситуацией, но и перспективами развития агроинженерного образования и науки в современных условиях, которые характеризуются стремительным раз-

¹ *Иванович К.А.* Сельскохозяйственное образование в СССР. М., Л., 1928.

² *Голиков А.Ф., Литвиненко А.Н.* Научно-исследовательская работа в сельскохозяйственных вузах. М., 1957.

³ *Гатлих Г.А., Корнев А.И., Литвиненко А.Н.* Сельскохозяйственные вузы СССР. М., 1965.

⁴ *Еланский Г.Н.* Подготовка инженерных кадров. История и перспективы. 1931–2001. М., 2006.

⁵ *Водяников В.Т.* Зарождение, становление и развитие инженерно-экономической науки и образования в агроинженерном вузе // *Вестник ФГОУ ВО МГАУ*. 2014. № 3. С. 45–48.

⁶ *Иофинов С.А., Еникеева В.Г., Скробач В.Ф., Шкрабака В.С.* Становление агроинженерной науки и образования в России (XIX–XX вв.). СПб, 1999.

⁷ *Московская сельскохозяйственная академия имени К.А. Тимирязева. 1865–1965. К столетию основания.* М., 1969; *Зайдинер В.И.* Страницы студенческих лет: очерки истории Азово-Черноморского института механизации сельского хозяйства. Ростов-на-Дону, 1990; *Серегин А.А., Терновой Д.А., Белюсова В.М.* Азово-Черноморская государственная агроинженерная академия. 75 лет. Ростов н/Д, 2005; *Зайдинер В.И., Ковынева С.А.* Наука в Азово-Черноморском инженерном институте: прошлое, настоящее, будущее. Ростов н/Д, 2019; *Большаков В.В., Булатова Н.Г.* ЧИМЭСХ. Челябинский государственный агроинженерный университет. Челябинск, 2008; *Искандаров С.А.* Ташкентский ордена Трудового Красного Знамени институт инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства. 50 лет. Ташкент, 1984.

⁸ *Лачуга Ю.Ф., Горбачев И.В.* О подготовке кадров для агроинженерной науки // *Сельскохозяйственные машины и технологии*. 2009. № 3. С. 7–8.

⁹ *Ерохин М.Н., Дорохов А.С.* Становление и развитие агроинженерной науки и образования в РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева // *Вестник ФГОУ ВО МГАУ*. 2015. № 2. С. 58–63.

¹⁰ *Дринча В.М., Борисенко И.Б.* Агроинженерная наука России: становление, современное состояние, стратегия развития. М., 2007.

витиём инновационных технических средств, созданием и внедрением автоматизированных и роботизированных машин и агрегатов, технологий точного умного земледелия, цифровых технологий, искусственного интеллекта.

В статье поставлена задача показать, в какой мере в условиях стремительно развивающихся технологий можно применить опыт становления и деятельности первых агроинженерных вузов, а именно: максимальное использование имеющихся ресурсов, тесная взаимосвязь с научными учреждениями, передовыми производственными и сельскохозяйственными предприятиями, испытательными центрами, направленность усилий на адаптацию подготовки специалистов к решению приоритетных региональных задач.

Сельскохозяйственное образование в первые послереволюционные годы

Советскому государству в наследство от Российской империи досталось преобладание аграрного сектора в экономике. Сельское хозяйство в нашей стране всегда было донором для других отраслей, источником пополнения национального дохода для решения насущных задач страны. При этом в дореволюционный период в России наблюдался недостаток высших сельскохозяйственных учебных заведений, также незначительными в них были контингент студентов и отсюда выпуск специалистов для сельского хозяйства. Советское правительство с первых лет существования нового государства приступило к созданию широкой сети высших сельскохозяйственных учебных заведений. Много внимания было уделено развитию сельскохозяйственного образования и подготовке национальных кадров в союзных республиках. Уже в 1918 г. открывается 7 сельскохозяйственных высших учебных заведений; из них 2 – в Омске, по одному – в Перми, Иваново, Казани и Саратове и в Северной Осетии. В последующие пять лет, несмотря на тяжелое экономическое положение страны, создается еще 8 институтов сельскохозяйственного профиля.

Учитывая новые потребности сельскохозяйственного производства, Совет народных комиссаров 1 апреля 1921 г. принял декрет «О сельскохозяйственном машиностроении», после чего Главное управление профессионального образования (центральный орган управления профессиональным образованием) Народного комиссариата просвещения РСФСР создало первый в стране факультет индустриального земледелия при Петроградском политехническом институте¹¹.

Продолжала свою работу Петровская земледельческая и лесная академия, основанная еще в 1865 г. в имении Петровско-Разумовское под Москвой и получившая в 1918 г. название «Тимирязевская сельскохозяйственная академия». В 1922 г. в академии было введено деление на пять факультетов: сельскохозяйственный; инженерно-мелиоративный; сельскохозяйственной экономики; рыбохозяйственный; лесной. К 1928 г. структура академии изменилась в связи с тем, что факультеты стали узкоспециализированными, а их количество возросло до семи. Теперь это были: агрономический, инженерно-мелиоративный, механизации, совхозный, рыбохозяйственный и рабочий факультеты, а также высшие педагогические курсы¹².

Упорядочению деятельности профессорско-преподавательского состава вузов, как и всей работы советской высшей школы, в огромной степени содействовало Положение о высших учебных заведениях (1921 г.), направленное на демократизацию дела высшего образования и его перестройку применительно к задачам социалистического строительства.

¹¹ Иофинов С.А., Еникеев В.Г., Скробач В.Ф., Шкрабак В.С. Становление агроинженерной науки и образования в России (XIX–XX вв.). СПб., 1999. С. 127.

¹² Московская сельскохозяйственная академия имени К.А. Тимирязева. 1865–1965. М., 1969. С. 115.

После самых трудных в финансовом отношении 1921–1922 гг. быстро стали расти ассигнования на высшее образование, а вслед за этим и реальная оплата труда вузовских преподавателей. Возобновились закупка научного оборудования, отечественной и иностранной научной литературы, заграничные научные командировки. Конечно, уровень оплаты профессоров и других преподавателей отставал от дореволюционного, не говоря уже о жилищных условиях, но все же был значительно выше средней оплаты труда рабочих и служащих.

К началу 1923/24 учебного года в стране насчитывалось около 30 сельскохозяйственных и зооветеринарных вузов, в которых обучалось более 20 тыс. студентов, в том числе рабочих – 11,6 %, крестьян – 39,8 %, служащих – 23,8 %, прочих – 24,8 %. В период с 1924 по 1929 гг. были организованы еще 4 вуза – Воронежский, Ереванский и Алма-Атинский зооветеринарные институты и пушно-меховой институт в Балашихе Московской области. Для более широкого привлечения в вузы детей рабочих и крестьян при большинстве сельскохозяйственных вузов были открыты рабочие факультеты с 3-х и 4-годовичным сроком обучения¹³.

21 января 1924 г. СНК РСФСР утвердил «Положение о научных работниках высших учебных заведений», явилось развитием и дополнением ранее принятых декретов¹⁴. В нем более четко было сформулировано, кто считается научными работниками вузов, определен порядок зачисления на службу в высшие учебные заведения, а также порядок прохождения этой службы; говорилось также о материальном обеспечении научных работников высшей школы. Важное значение для повышения качества образования имело восстановление ученых степеней, отмененных в 1919 г., и защиты диссертаций.

Благодаря переходу к новой экономической политике уже к 1927 г. сельское хозяйство практически достигло довоенного уровня: было восстановлено 97 % довоенных посевных площадей и 101 % – поголовья скота, то есть около 33 % потерь в посевах и около 40 % в поголовье скота. По данным Госплана СССР, до 1926 г. происходит сокращение беспосевных и малопосевных хозяйств и увеличение многопосевных¹⁵. Однако к 1927 г. в стране разразился очередной «хлебный кризис». Из-за нехватки промышленных товаров для обмена на зерно, а также неурожая в ряде районов сократилось количество поступившего на рынок товарного хлеба, а также продажа сельхозпродукции государству. Промышленность не успевала кормить город через товарообмен. Опасаясь повторения хлебных кризисов и срыва выполнения плана индустриализации, руководство страны решило ускорить проведение сплошной коллективизации.

Агроинженерное образование в начале коллективизации

В декабре 1927 г. на XV съезде ВКП(б) был провозглашен курс на коллективизацию и индустриализацию, которые должны были завершить в СССР переход от аграрной экономики к индустриальной. Средства на развитие промышленности в аграрной стране, какой являлся к тому времени Советский Союз, можно было взять лишь из сельского хозяйства. Обострение международной ситуации, приход к власти фашистских режимов в Европе требовали форсирования процессов развития страны. НЭП к тому времени уже не давал требуемых результатов, так как был ориентирован на постепенное, эволюционное развитие.

¹³ Кабытова Н.Н. Аграрная история XX века. Историография и источники. Самара, 2014.

¹⁴ Карпов Л.И., Северцев В.А. Высшая школа. Основные постановления, приказы и инструкции. М., 1957. С. 88.

¹⁵ Кабытова Н.Н. Аграрная история XX века... С. 287.

Коллективизация имела как минимум четыре цели. Первая, официально провозглашенная партийным руководством – осуществление социалистических преобразований в деревне. Неоднородность и многоукладность экономики воспринималась как противоречие, которое необходимо преодолеть. В перспективе предполагалось создание крупного социалистического сельскохозяйственного производства, которое призвано было обеспечить государство хлебом, мясом и сырьем. К 1927 г. различными формами кооперации, которая рассматривалась как важный способ перехода к социализму, было охвачено свыше трети крестьянских хозяйств. Вторая цель – обеспечение бесперебойного снабжения быстро растущих в ходе индустриализации городов. Основные черты индустриализации проецировались на коллективизацию. Быстрые темпы промышленного роста, урбанизации требовали резкого увеличения в чрезвычайно сжатые сроки поставок продовольствия в города. Третья цель – высвобождение рабочих рук из деревни длястроек первых пятилеток. Колхозы являлись крупными производителями зерна. Внедрение в них техники должно было освободить от тяжелого ручного труда миллионы крестьян, которых ждала работа на заводах и фабриках. Четвертая цель также связана с индустриализацией, заключалась в увеличении с помощью колхозного производства продажи зерна на экспорт. Деньги, вырученные от этой продажи, шли на закупку техники и оборудования для советских заводов. Иного источника валютных средств у государства в то время фактически не существовало.

В связи с началом коллективизации резко возросла потребность в специалистах в области сельского хозяйства, умеющих управлять крупными социалистическими сельскохозяйственными предприятиями. В период с 1931 по 1941 гг. в стране было открыто дополнительно 19 сельскохозяйственных вузов.

1 сентября 1934 г. Совет народных комиссаров СССР принял постановление о стабильной сети сельскохозяйственных вузов Наркомата земледелия, которым предписывалось упорядочить систему сельскохозяйственного образования в стране. В результате к 1940 г. в СССР действовало уже 88 сельскохозяйственных высших учебных заведений с общим количеством студентов 54,6 тыс. чел.¹⁶

Таблица 1 / Table 1

**Высшие учебные заведения сельскохозяйственного профиля в СССР в 1940 г. /
Higher educational institutions of agricultural profile in the USSR in 1940**

Специализация	Общее кол-во вузов	Кол-во факультетов
Сельскохозяйственные	53	147
Зоотехнические и ветеринарные	13	27
Ветеринарные	9	23
Механизации и электрификации сельского хозяйства	8	16
Гидромелиоративные и землеустроительные	5	17

Источники / Sources: Гатлих Г.А., Корнев А.И., Литвиненко А.Н. Сельскохозяйственные вузы СССР. М., 1965; Иофинов С.А., Еникеев В.Г., Скробач В.Ф., Шкрабак В.С. Становление агроинженерной науки и образования в России (XIX–XX вв.). СПб., 1999.; Кабытова Н.Н. Аграрная история XX века. Историография и источники. Самара, 2014. С. 10–103.

В таблице 1 представлена специализация вузов сельскохозяйственной отрасли. Очевидно, что подготовка специалистов традиционных, давно существовавших специальностей агрономов и животноводов была более массовой. В то же время количество вузов агроинженерного профиля составляло менее 10 % от общего числа учебных заведений. Это было связано с тем, что острая необходимость в учебных

¹⁶ Гатлих Г.А., Корнев А.И., Литвиненко А.Н. Сельскохозяйственные вузы СССР. М., 1965. С. 18.

заведениях, которые специализировались исключительно на подготовке инженеров для сельскохозяйственного производства, возникла лишь в конце 1920-х гг.

После начала коллективизации, в 1928 г., стало очевидно, что имевшиеся при некоторых сельскохозяйственных и политехнических вузах факультеты индустриального земледелия и сельскохозяйственного машиностроения уже не могли удовлетворить потребности страны в специалистах. В 1929 г. во всем Советском Союзе насчитывалось всего 579 агрономов-механизаторов¹⁷. Встал вопрос о подготовке инженеров-механизаторов сельскохозяйственного производства (которые могли обеспечить рациональную работу средств механизации, в первую очередь новой тракторной техники) и инженеров-электриков для электрификации села в соответствии с планом ГОЭЛРО.

Инженеров сельскохозяйственного производства в те годы в небольшом количестве готовили инженерный факультет Тимирязевской сельскохозяйственной академии, факультет индустриального земледелия Московского механического института имени М.В. Ломоносова, факультет индустриального земледелия Ленинградского политехнического института и факультет машиноведения Ленинградского сельскохозяйственного института¹⁸. В то же время стране остро необходимы были специальные институты механизации и электрификации сельского хозяйства.

Развитие агроинженерного образования в годы первых пятилеток

В июле 1928 г. на Пленуме ЦК ВКП(б) было принято Постановление «Об улучшении подготовки новых специалистов (ВТУЗа)». Согласно данному документу улучшение дела подготовки специалистов было поставлено в ряд первостепенных задач. Была поставлена задача «поддержать развитие нового типа ВТУЗов и техникумов, которые могут готовить в более сокращенный срок инженеров и техников с более резко выраженной специализацией и со значительной производственной практикой»¹⁹. Первые такие ВТУЗы агроинженерного профиля были созданы в 1930 г. в Ленинграде и Москве – Ленинградский институт механизации и электрификации сельского хозяйства (ЛИМЭСХ) и Московский институт механизации и электрификации сельского хозяйства (МИМЭСХ).

ЛИМЭСХ был создан на базе факультета индустриального земледелия (ФИЗ) Политехнического института и отделения механизации сельского хозяйства Ленинградского сельскохозяйственного института и разместился на месте расформированного Отдела машиноведения Государственного института опытной агрономии в здании служебного корпуса Мраморного дворца Ленинграда. В 1930 г. в состав института входили два факультета: механизации и электрификации. Учебное заведение сразу же было переведено в систему Наркомата земледелия. В 1931 г. при создании Наркомата совхозов институт был передан в его систему, причем факультет электрификации спустя некоторое время был упразднен, а студенты направлены для завершения обучения в Институт железнодорожного транспорта. Поэтому до 1946 г. вуз был однопрофильным и назывался сначала Ленинградский институт инженеров-механиков социалистического земледелия (ЛИИМСЗ), а затем, с 1938 г., – Ленинградский институт механизации сельского хозяйства (ЛИМСХ).

¹⁷ Зайдинер В.И. Страницы студенческих лет: очерки истории Азово-Черноморского института механизации сельского хозяйства. Ростов-на-Дону, 1990. С. 4.

¹⁸ Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 7802. Оп. 1. Д. 93. Л. 85.

¹⁹ Егоров А.Г. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Т. 4. М., 1984. С. 350.

В 1934 г. в ЛИМСХ был организован рабфак инженеров-механиков социалистического земледелия²⁰. Перед Великой Отечественной войной институт готовил инженеров-механиков по эксплуатации и ремонту тракторов, комбайнов, автомобилей и других сельскохозяйственных машин. Ведущими кафедрами являлись кафедры: сельскохозяйственных машин, тракторов, автотракторных двигателей, ремонта автотракторных двигателей и сельскохозяйственных машин, эксплуатации машинотракторного парка в сельском хозяйстве. Для прохождения производственной практики при институте была создана учебно-механическая мастерская.

Московский институт механизации и электрификации сельского хозяйства (МИМЭСХ) был создан на базе факультета Московского сельскохозяйственного института (Тимирязевской сельскохозяйственной академии) и отделения индустриального сельского хозяйства Московского механического института имени М.В. Ломоносова. В числе его основателей были известные ученые – академики В.П. Горячкин, В.Р. Вильямс, М.Г. Евреинов, Б.С. Свирщевский и другие. Развитие науки и образовательных основ высшей инженерной школы во многом определялось научной земледельческой механикой. Создателем этого научного направления был выдающийся ученый и педагог Василий Прохорович Горячкин. Под руководством В.П. Горячкина были созданы научно-методические основы высшего агроинженерного образования в стране, развиты дидактические принципы обучения, систематизирован перечень изданий по сельскохозяйственной технике на 11 европейских языках, разработаны принципы схематизации сельскохозяйственных машин и их узлов (атлас схем), составлено руководство по написанию «Энциклопедии сельскохозяйственного машиностроения». Вышедшая еще в 1919 г. «Земледельческая механика» В.П. Горячкина стала основным учебником при подготовке инженеров сельскохозяйственного производства²¹.

Помимо В.П. Горячкина ведущие кафедры вуза возглавляли в разные годы: Н.И. Мерцалов – механики, В.Р. Вильямс – земледелия и почвоведения, И.П. Проккофьев – сопротивления материалов, Д.К. Карельских – тракторов и автомобилей, В.Н. Степанов – производства и распределения электроэнергии, В.С. Крамаров – ремонта машин, Н.Ф. Болховитинов – технологии металлов и дерева, Ю.С. Четчет – электрических машин.

На двух факультетах механизации и электрификации сельского хозяйства обучалось от 600 до 1200 студентов²². Кроме этих двух факультетов, в институте были открыты рабфак (1930–1934 гг.), вечерний факультет, аспирантура, а с 1935–1938 гг. – отделение по подготовке инженерно-педагогических кадров²³. Первым директором МИМЭСХ был назначен Владимир Иванович Черепашенко, его заместителем – Николай Петрович Пичугин. Деканом факультета механизации стал А.И. Голованов, деканом факультета электрификации – Г.И. Назаров.

Становление МИМЭСХ шло сложно, приходилось преодолевать материальные, организационные и методические трудности. За довоенное десятилетие сменилось девять директоров. Учебных кабинетов, лабораторий, лекционных аудиторий было в пять раз меньше требуемых норм. Студентов отвлекали на различные строительные работы в городе и институте. В 1933 г. закончилось строительство здания для лабораторий и цехов кафедры ремонта машин. Годом позже был реконструирован

²⁰ Весь Ленинград, 1935. Л., 1935. С. 324.

²¹ Ерохин М.Н., Дорохов А.С. Становление и развитие агроинженерной науки и образования в РГАУ-МСХА имени К. А. Тимирязева // Вестник ФГОУ ВО МГАУ. 2015. № 2. С. 58–63.

²² Лачуга Ю.Ф., Лысенко Е.Г. Агроинженерная наука России: становление, современное состояние, стратегия развития. М., 2007. С. 231.

²³ Водяников В.Т. Зарождение, становление и развитие инженерно-экономической науки и образования в агроинженерном вузе // Вестник ФГОУ ВО МГАУ. 2014. № 3. С. 45–48.

гараж для машин, где разместили лаборатории кафедры тракторов и автомобилей. К 1936 г. с введением в строй нового учебного корпуса и кирпичного ангара для техники значительно увеличился аудиторный фонд института.

В предвоенное десятилетие институты механизации и электрификации сельского хозяйства стали открываться в других регионах, главным образом Европейской части СССР. При размещении вузов Наркомзем учитывал разнообразие природно-климатических условий СССР и специфику климатических зон, в каждой из которых предполагалось создать агроинженерный вуз, выпускающий специалистов, знающих особенности почв, климата, ландшафта данной зоны и соответственно способных работать с техникой, предназначенной для именно для этого региона.

26 марта 1930 г. Совнарком СССР принял специальное постановление об открытии на Северном Кавказе Института инженеров-механиков социалистического земледелия. Уникальность данного учебного заведения заключалась в том, что он по сути был создан на базе единственного в СССР учебно-опытного зерносовхоза в Мечетинском районе Донского округа, развернутого осенью 1928 г. при участии лучших советских и американских специалистов, среди которых были Л.С. Марголин и Г. Вэр²⁴. Студентами первого набора стали 494 рабочих крупных предприятий Москвы, Ленинграда, Ростова-на-Дону, Перми, Свердловска и других городов, а также 41 механизатор из только что развернутых зерносовхозов²⁵. Первоначально учебный план подготовки был рассчитан на два года. Студенты овладевали и общеобразовательными и техническими знаниями, оказывали помощь сельскохозяйственному производству. Организация учебной работы строилась так, чтобы теоретическое и производственное обучение были тесно связаны.

В 1931 г. был введен в эксплуатацию главный корпус института, до этого первые пять месяцев студенты занимались в палатках, установленных прямо в поле. Но, несмотря на нехватку в первые месяцы учебной литературы и лабораторного оборудования, к лету 1931 г. была не только пройдена общеобразовательная программа, но началось изучение инженерных дисциплин. В 1932 г. состоялся первый выпуск инженеров-механиков. Большинство выпускников этого набора выехали на работу в Казахстан, на Дальний Восток, в Южный Урал, Западную и Восточную Сибирь.

В 1936 г. в институте был построен лабораторный корпус для практической подготовки студентов. С 1938 г. вуз стал называться Азово-Черноморским институтом механизации сельского хозяйства (АЧИМСХ). К этому времени учебные планы подготовки специалистов были уже переориентированы на полноценное пятилетнее обучение. К 1940 г. в институте было подготовлено 893 инженера-механика и насчитывалось 16 кафедр и 16 лабораторий, где трудились 4 профессора и доктора наук, 15 доцентов и кандидатов наук, 35 ассистентов, а постоянный контингент студентов достигал 800 человек²⁶. Ежегодно издавались «Сборники трудов Азово-Черноморского института механизации сельского хозяйства», в которых получили отражение результаты научно-исследовательских изысканий ученых и преподавателей института, который стал отправной точкой основания и развития зернограда – города земледельческой науки, созданного на месте бывшего зерносовхоза.

Первый агроинженерный вуз Урало-Сибирского региона было решено организовать в Челябинске – крупном промышленном городе, превратившемся в годы первых пятилеток в один из основных союзных центров машиностроения и метал-

²⁴ Зайдинер В.И., Ковынева С.А. Зерноград и зерноградцы. Ростов-на-Дону, 1996. С. 19.

²⁵ Серегин А.А., Терновой Д.А., Белоусова В.М. Азово-Черноморская государственная агроинженерная академия. 75 лет. Ростов-на-Дону, 2005. С. 6.

²⁶ Зайдинер В.И., Ковынева С.А. Наука в Азово-Черноморском инженерном институте: прошлое, настоящее, будущее. Ростов-на-Дону, 2019. С. 37.

лургии. Им стал основанный в 1930 г. Уральский институт индустриального земледелия, чуть позже переименованный в Уральский институт механизации и электрификации сельского хозяйства. Это было первое высшее учебное заведение города Челябинска. В первом наборе студентов было 237 чел.²⁷ После образования в 1934 г. Челябинской области в результате раздела Уральской области вуз получил новое название – Челябинский институт механизации сельского хозяйства (ЧИМСХ). В дальнейшем название вуза менялось неоднократно.

В структуре вуза было три факультета: механизации сельского хозяйства, электрификации сельского хозяйства и заочный по тем же специальностям. В первый же год работы при институте были созданы учебно-опытное хозяйство и учебно-производственные мастерские. В вузы тогда принимали без вступительных экзаменов, а зачисленные имели самый разный уровень образования. Одни окончили девятилетнюю школу, другие – ФЗУ на базе семилетки, третьи – семилетнюю школу и курсы по подготовке во втуз, а некоторые вообще имели за плечами 5–6 классов общеобразовательной школы. Соответственно и по возрасту студенты первого набора также сильно отличались друг от друга²⁸.

В первые годы становления Института механизации сельского хозяйства его учебно-производственная база была довольно слабой. Мастерские вуза размещались в деревянных, плохо отапливаемых хозяйственных постройках. Организация кафедр и оборудование лабораторий также долгое время оставались большой проблемой. Первой специальной кафедрой института стала кафедра тракторов и автомобилей, которую в 1936 г. возглавил Е.М. Харитончик, приехавший из МИМЭСХ. С 1938 г. на кафедре работал легендарный изобретатель, пионер отечественного тракторостроения Я.В. Мамин.

В предвоенные годы институт получил новые возможности для реализации научного потенциала и укрепления уже имеющихся позиций. В 1937 г. в его распоряжение было передано капитальное трехэтажное здание в центре города, в котором также размещались лаборатории кафедры тракторов, электротехники и учебные мастерские кафедры технологии металлов. Были построены дополнительно лаборатории и мастерские кафедры ремонтного дела и кафедры тракторов, испытательная станция и гараж. В автотракторном парке института были представлены грузовые и легковые машины, учебные трактора²⁹.

С 1938 г. в институте начали готовить кадры через аспирантуру. Основной базой для проведения технологических практик и научных исследований стал Челябинский тракторный завод. К началу Великой Отечественной войны в ЧИМЭСХ было уже 17 кафедр. При этом все предвоенное пятилетие численность студентов оставалась почти неизменной – примерно 500 человек.

Почти одновременно с созданием ЧИМСХ в 1930 г. решением ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б) о реорганизации высшей школы в Москве был организован самостоятельный Институт сельскохозяйственного машиностроения имени М.И. Калинина, созданного на базе факультета индустриализации сельского хозяйства механического института имени М.В. Ломоносова, факультета индустриализации сельского хозяйства Ленинградского политехнического института и факультета сельскохозяйственной механики Московской сельскохозяйственной академии имени К.А. Тимирязева.

²⁷ *Большаков В.В., Булатова Н.Г.* ЧИМЭСХ. Челябинский государственный агроинженерный университет. Челябинск, 2008. С. 11.

²⁸ Там же. С. 14.

²⁹ Там же. С. 16.

В 1932 г. институт на основании постановления Совнаркома СССР был переведен в Саратов и переименован в Нижне-Волжский институт сельскохозяйственного машиностроения имени М.И. Калинина. Через год вуз был выведен из подчинения наркомата тяжелой промышленности и передан в ведение наркомата земледелия и переименован в Саратовский институт механизации сельского хозяйства имени М.И. Калинина, в составе которого функционировали два факультета – ремонтный и механизации. В 1938 г. в институте открылась аспирантура. В этот период здесь работали видные ученые, такие, как один из основателей отечественного тракторостроения В.В. Костровский, профессора Г.И. Климчинский, В.В. Красников, А.Ф. Ульянов, Д.Г. Вадивасов.

Свой агроинженерный вуз получило и Черноземье России. В 1930 г. на базе местной машиноиспытательной станции был создан Воронежский институт механизации социалистического сельского хозяйства, который в дальнейшем в качестве факультета механизации вошел в состав Воронежского сельскохозяйственного института. На первый курс было принято 100 чел. Первый выпуск специалистов в количестве 70 чел. состоялся в 1933 г.³⁰

Агроинженерные вузы создавались не только в РСФСР, но и на территории других союзных республик. На территории Украинской ССР было решено разместить два таких учебных заведения. В 1930 г. в Харькове был создан Институт механизации и электрификации сельского хозяйства, а в 1932 г. в Запорожской области открывается Мелитопольский институт механизации сельского хозяйства на базе завода-техникума для подготовки кадров механизаторов сельскохозяйственного производства, при котором был открыт рабфак. В 1932–1936 гг. институт назывался завод-ВТУЗ и финансировался в основном за счет средств завода. Студенты работали токарями, слесарями, литейщиками, мастерами, конструкторами и т. д. В 1937 г. завод-ВТУЗ перевели на госбюджетное обеспечение и переименовали в Институт инженеров-механиков сельского хозяйства имени ОГПУ.

В Средней Азии в 1934 г. на базе технического факультета Туркестанского государственного университета был организован Ташкентский институт инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства с двумя факультетами: гидромелиоративным и механизации сельского хозяйства. В институте функционировало 28 кафедр. Первый набор студентов состоял из 742 чел., из которых большая часть (401 чел.) обучалась на факультете механизации сельского хозяйства. Студенты старших курсов этого факультета проходили производственную практику на Сталинградском тракторном заводе, Галляаральской, Мирзачульской и других МТС. В 1936 г. в вузе была организована аспирантура, а в 1940 г. Ученый совет института получил право приема к защите кандидатских диссертаций по гидромелиорации и механизации сельского хозяйства³¹. Всего до начала войны институт успел подготовить 1099 инженеров для сельского и водного хозяйства.

Таким образом, в годы первых пятилеток в разных регионах Советского Союза было создано 9 специализированных агроинженерных вузов, каждый из которых имел свою специфику в организации подготовки специалистов и по сути являлся уникальным учебным заведением. Особенностью столичных вузов (МИМЭСХ и ЛИМЭСХ) было их постоянное взаимодействие с научными учреждениями системы ВАСХНИЛ. Учебная работа АЧИМСХ была тесно связана с производственной сельскохозяйственной деятельностью на базе Зерносовхоза. В ЧИМЭСХе было организовано сотруд-

³⁰ Лачуга Ю.Ф., Лысенко Е.Г. Агроинженерная наука России... С. 238.

³¹ Искандаров С.А. Ташкентский ордена Трудового Красного Знамени институт инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства. 50 лет. Ташкент, 1984. С. 12–13.

ничество с одним из флагманов сельхозмашиностроения – Челябинским тракторным заводом. Мелитопольский институт был создан на базе завода. Все вузы были размещены в традиционно аграрных регионах.

Таблица 2 / Table 2

**Размещение агроинженерных вузов на территории СССР в довоенный период /
Placement of agricultural engineering universities on territory of USSR in the pre-war period**

Вуз	Регион
Азово-Черноморский институт механизации сельского хозяйства	Южный регион РСФСР, г. Зерноград
Московский институт механизации и электрификации сельского хозяйства	Центральный регион РСФСР
Ленинградский институт механизации и электрификации сельского хозяйства	Северо-Западный регион РСФСР
Челябинский институт механизации сельского хозяйства	Урал
Воронежский институт механизации социалистического сельского хозяйства	Черноземье
Саратовский институт механизации сельского хозяйства	Поволжье
Харьковский институт механизации и электрификации сельского хозяйства	Центральная часть Украинской ССР
Мелитопольский институт механизации сельского хозяйства	Южная часть Украинской ССР
Ташкентский институт инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства	Узбекская ССР

Источники / Sources: Гатлих Г.А., Корнев А.И., Литвиненко А.Н. Сельскохозяйственные вузы СССР. М., 1965; Иофинов С.А., Еникеев В.Г., Скробач В.Ф., Шкрабак В.С. Становление агроинженерной науки и образования в России (XIX–XX вв.). СПб., 1999; Кабытова Н.Н. Аграрная история XX века. Историография и источники. Самара, 2014. С. 180.

Подготовку инженеров-механиков в довоенное время было решено организовать также на базе сельскохозяйственных вузов широкого профиля путем создания в них факультетов механизации. Это было дешевле и быстрее, чем организовывать специализированный вуз «с нуля», так как не требовало такой серьезной материальной базы, кроме того, позволяло обеспечить обучение инженеров силами местных учебных заведений, без привлечения дополнительных преподавательских кадров из других регионов страны. В 1930 г. такой факультет были создан в только что основанном Куйбышевском сельскохозяйственном институте; В 1934 г. – в Иркутском и Казахском сельскохозяйственных институтах (г. Алма-Ата).

В декабре 1939 г. в Москве состоялось первое Всесоюзное совещание работников сельскохозяйственных учебных заведений Наркомата земледелия, где речь шла о более рациональном комплектовании сети вузов, контингенте студентов и его стабильности, о повышении роли науки в развитии сельского хозяйства. Обобщенный материал совещания лег в основу докладной записки Наркомата земледелия «О недостатках высшего сельскохозяйственного образования и мероприятиях по их устранению», направленной в конце 1939 г. в ЦК ВКП(б) и Совнарком. В записке отмечалось, что выпуск кадров для сельского хозяйства и потребность в них колхозов и совхозов не совпадали. Более того, наметилась опасная тенденция в сторону увеличения разрыва между ними³².

³² *Искандаров С.А. Ташкентский ордена Трудового Красного Знамени институт инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства. 50 лет. Ташкент, 1984. С. 15.*

Выводы

Создание специализированных высших учебных заведений в СССР для подготовки инженеров сельскохозяйственного производства было обусловлено острой необходимостью в условиях начавшейся коллективизации сельского хозяйства, широкого внедрения механизации и электрификации аграрного производства. Это стало мощным фундаментом для дальнейшего развития агроинженерного образования, сельскохозяйственной науки и сельскохозяйственного машиностроения в нашей стране.

Ключевая особенность этапа становления агроинженерного образования заключалась в использовании в учебном процессе имевшихся на местах ресурсов (в первую очередь кадровых и материальных) и технической базы производственных предприятий и передовых в то время совхозов.

Размещались агроинженерные вузы по зональному принципу с целью подготовки специалистов, адаптированных к особенностям применяемых в различных регионах страны специальных механизированных технологий. Стремительное внедрение средств механизации – тракторов, зерноуборочных комбайнов, почвообрабатывающих и посевных машин – позволило в десятки раз повысить производительность аграрного производства и полностью обеспечить страну продовольствием накануне Великой Отечественной войны.

Ряд агроинженерных вузов стали первыми высшими учебными заведениями в регионах, которым высшее образование ранее было недоступно. Они не только осуществляли подготовку кадры, но, по сути, создавали иную социальную среду на местах, куда прибывали высококвалифицированные специалисты. Они содействовали развитию культуры, экономики регионов, на базе которых проходила апробация новых достижений сельскохозяйственной науки и техники.

Рукопись поступила: 12 января 2020 г.

Submitted: 12 January 2020

Библиографический список

- Большаков В.В., Булатова Н.Г.* ЧИМЭСХ. Челябинский государственный агроинженерный университет. Челябинск: Губерния, 2008. 295 с.
- Водяников В.Т.* Зарождение, становление и развитие инженерно-экономической науки и образования в агроинженерном вузе // *Вестник ФГОУ ВО МГАУ*. 2014. № 3. С. 45–48.
- Гатлих Г.А., Корнев А.И., Литвиненко А.Н.* Сельскохозяйственные вузы СССР. М.: Высшая школа, 1965. 367 с.
- Голиков А.Ф., Литвиненко А.Н.* Научно-исследовательская работа в сельскохозяйственных вузах. М.: Советская наука, 1957. 286 с.
- Дринча В.М., Борисенко И.Б.* Агроинженерная наука России: становление, современное состояние, стратегия развития. М.: Росинформагротех, 2007. 346 с.
- Егоров А.Г.* КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Том 4. М.: Политиздат, 1984. 575 с.
- Еланский Г.Н.* Подготовка инженерных кадров. История и перспективы. 1931–2001. М.: Московский государственный металлургический институт, 2006. 169 с.
- Ерохин М.Н., Дорохов А.С.* Становление и развитие агроинженерной науки и образования в РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева // *Вестник ФГОУ ВО МГАУ*. 2015. № 2. С. 58–63.
- Зайдинер В.И.* Страницы студенческих лет: очерки истории Азово-Черноморского института механизации сельского хозяйства. Ростов-на-Дону: Ростовского книжное издательство, 1990. 165 с.
- Зайдинер В.И., Ковынева С.А.* Наука в Азово-Черноморском инженерном институте: прошлое, настоящее, будущее. Ростов н/Д: Terra Дон, 2019. 287 с.

- Зайдинер В.И., Ковынева С.А. *Зерноград и зерноградцы*. Ростов-на-Дону: Ростовский университет, 1996. 160 с.
- Иванович К.А. *Сельскохозяйственное образование в СССР*. М., Л.: [Б.и.], 1928. 128 с.
- Искандаров С.А. *Ташкентский ордена Трудового Красного Знамени институт инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства. 50 лет*. Ташкент: Узбекистан, 1984. 223 с.
- Иофинов С.А., Еникеева В.Г., Скробач В.Ф., Шкрабака В.С. *Становление агроинженерной науки и образования в России (XIX–XX вв.)*. СПб.: Химиздат, 1999. 352 с.
- Кабытова Н.Н. *Аграрная история XX века. Историография и источники*. Самара: Самарский университет, 2014. 486 с.
- Карпов Л.И., Северцев В.А. *Высшая школа. Основные постановления, приказы и инструкции*. М.: Советская наука, 1957. 655 с.
- Лачуга Ю.Ф., Лысенко Е.Г. *Агроинженерная наука России: становление, современное состояние, стратегия развития*. М.: Наука, 2007. 256 с.
- Лачуга Ю.Ф., Горбачев И.В. *О подготовке кадров для агроинженерной науки // Сельскохозяйственные машины и технологии*. 2009. № 3. С. 7–8.
- Серегин А.А., Терновой Д.А., Белоусова В.М. *Азово-Черноморская государственная агроинженерная академия. 75 лет*. Ростов н/Д: Терра, 2005. 292 с.

References

- Bol'shakov, V.V., and Bulatova, N.G. *CHIMESKH. Chelyabinskiy gosudarstvennyy agroinzhenernyy universitet*. Chelyabinsk: Guberniya Publ., 2008 (in Russian).
- Drincha, V.M., and Borisenko, I.B. *Agroinzhenernaya nauka Rossii: stanovleniye, sovremennoye sostoyaniye, strategiya razvitiya*. Moscow: Rosinformagrotekh Publ., 2007 (in Russian).
- Gatlikh, G.A., Kornev, A.I., and Litvinenko, A.N. *Sel'skokhozyaystvennyye vuzy SSSR*. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1965 (in Russian).
- Golikov, A.F., and Litvinenko, A.N. *Nauchno-issledovatel'skaya rabota v sel'skokhozyaystvennykh vuzakh*. Moscow: Sovetskaya nauka Publ., 1957 (in Russian).
- Ivanovich, K.A. *Sel'skokhozyaystvennoye obrazovaniye v SSSR*. Moscoq; Leningrad: [S.n.], 1928 (in Russian).
- Iskandarov, S.A. *Tashkentskiy ordena Trudovogo Krasnogo Znameni institut inzhenerov irrigatsii i mekhanizatsii sel'skogo khozyaystva. 50 let*. Tashkent: Uzbekistan Publ., 1984 (in Russian).
- Iofinov, S.A., Yenikeyeva, V.G., Skrobach, V.F., and Shkrabaka, V.S. *Stanovleniye agroinzhenernoy nauki i obrazovaniya v Rossii (XIX–XX vv.)*. St. Petersburg: Khimizdat Publ., 1999 (in Russian).
- Kabytova, N.N. *Agrarnaya istoriya XX veka. Istoriografiya i istochniki*. Samara: Samarskiy universitet Publ., 2014 (in Russian).
- Karpov, L.I., and Severtsev, V.A. *Vysshaya shkola. Osnovnyye postanovleniya, prikazy i instruksii*. Moscow: Sovetskaya nauka Publ., 1957 (in Russian).
- Lachuga, Yu.F., and Lysenko, Ye.G. *Agroinzhenernaya nauka Rossii: stanovleniye, sovremennoye sostoyaniye, strategiya razvitiya*. Moscow: Nauka Publ., 2007 (in Russian).
- Lachuga, Yu.F., and Gorbachev, I.V. "About training for agroengineering science." *Agricultural Machinery and Technologies*, no. 3 (2009): 7–8 (in Russian).
- Seregin, A.A., Ternovoy, D.A., and Belousova, V.M. *Azovo-Chernomorskaya gosudarstvennaya agroinzhenernaya akademiya. 75 let*. Rostov on Don: Terra Publ., 2005 (in Russian).
- Vodyannikov, V.T. "The origin, formation and development of engineering and economic science and education at an agricultural engineering university." *Vestnik of Federal State Educational Establishment of Higher Professional Education "Moscow State Agroengineering University*, no. 3 (2014): 45–48 (in Russian).
- Yegorov, A.G. *KPSS v rezolyutsiya i resheniyakh s"yezdov, konferentsiy i Plenumov TSK. Tom 4*. Moscow: Politizdat Publ., 1984 (in Russian).
- Yelanskiy, G.N. *Podgotovka inzhenernykh kadrov. Istoriya i perspektivy. 1931–2001*. Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy metallurgicheskii institute Publ., 2006 (in Russian).
- Yerokhin, M.N., and Dorokhov, A.S. "Formation and development of agroengineering science and education at RGAU-Moscow Agricultural Academy named after K.A. Timiryazev." *Vestnik of Federal State Educational Establishment of Higher Professional Education of Moscow State Agroengineering University*, no. 2 (2015): 58–63 (in Russian).

- Zaydiner, V.I. *Stranitsy studencheskikh let: ocherki istorii Azovo-Chernomorskogo instituta mekhanizatsii sel'skogo khozyaystva*. Rostov on Don: Rostovskogor knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1990 (in Russian).
- Zaydiner, V.I., and Kovynova, S.A. *Nauka v Azovo-Chernomorskom inzhenernom institute: proshloye, nastoyashcheye, budushcheye*. Rostov on Don: Terra Don Publ., 2019 (in Russian).
- Zaydiner, V.I., and Kovynova, S.A. *Zernograd i zernogradtsy*. Rostov on Don: Rostovskiy universitet Publ., 1996 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Лобачевский Яков Петрович, доктор технических наук, академик Российской академии наук, первый заместитель директора Федерального научного агроинженерного центра ВИМ.

Yakov P. Lobachevsky, Doktor tekhnicheskikh nauk [Dr. habil. tech. sci.], Full Member of Russian Academy of Sciences, First Deputy Director of Federal scientific Agroengineering center VIM.

Ценч Юлия Сергеевна, кандидат педагогических наук, начальник отдела образования НТИ и РИД Федерального научного агроинженерного центра ВИМ.

Tsench S. Yuliya, Kandidat pedagogicheskikh nauk [PhD. in Ped.], Head of Department of Education, Editorial and Publishing Activities of Federal Scientific Agroengineering Center VIM.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-699-714>

Научная статья / Research article

Гуманитарный аспект отношений Китая и России как важный компонент стратегического партнерства

У Юйяо

Российский университет дружбы народов;
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; wu.yuyao@mail.ru

The Humanitarian Aspect of China-Russia Relations as an Important Component of Strategic Partnership

Wu Yuyao

RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia; wu.yuyao@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена гуманитарному сотрудничеству Китая и России в начале XXI века. В настоящее время Китай и Россию объединяет стремление к структуризации как региональной подсистемы, так и глобальной системы международных отношений. В связи с этим все большую актуальность приобретает вопрос, как Китай и Россия выстраивают двусторонние отношения, характеризующиеся как «стратегическое партнерство». Наиболее интересен гуманитарный аспект отношений, так как в современных реалиях глобализации помимо военных и экономических аспектов двустороннего взаимодействия государств, претендующих на значимую роль в системе международных отношений, именно гуманитарный аспект приобретает особую значимость. Популяризируя в стране-партнере свою национальную культуру, развивая двусторонние связи в области образования, науки, информации, спорта и туризма, страны укрепляют двусторонние отношения, что позволяет им более уверенно согласовывать свои действия и реализовывать национальные интересы на глобальном и региональном уровнях. Целью статьи является определение роли, которую гуманитарный аспект играет в современных китайско-российских отношениях. Для достижения поставленной цели был проведен анализ политико-концептуального уровня разработанности гуманитарного вектора внешней политики Китая и России. Также автором был изучен организационный механизм двусторонних отношений в гуманитарной сфере и рассмотрено содержание двустороннего гуманитарного сотрудничества с 2001 г. Автор рассмотрел значение изучаемого сегмента двусторонних отношений в национальном политическом и экспертно-аналитическом дискурсах России и Китая. Автором был сделан акцент на разветвленности структуры двустороннего сотрудничества в данном сегменте российско-китайских отношений. В публикации подчеркиваются элементы сотрудничества государств как через межправительственные механизмы, так и посредством вовлечения негосударственных акторов. В статье дается оценка эффективности политики Китая и России по формированию имиджевой компоненты в стране-партнере. Автор приходит к выводу, что гуманитарный аспект играет важную роль, поскольку является неотъемлемой частью двусторонних отношений и перспективной составляющей реализации национальных интересов.

Ключевые слова: Россия, Китай, гуманитарные отношения, Институт Конфуция, «Сообщество единой судьбы человечества»

Для цитирования: Юйяо У. Гуманитарный аспект отношений Китая и России как важный компонент стратегического партнерства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 3. С. 699–714. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-699-714>

© Юйяо У., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Abstract: The article is devoted to Sino-Russian humanitarian cooperation at the beginning of the 21st century. Currently, the two countries are jointly restructuring both the regional subsystem and the global system of international relations. In this regard, the question of how the neighbors build bilateral ties, characterized as a "strategic partnership", is becoming increasingly relevant. China and Russia are strengthening their bilateral relations, which enables them to coordinate their actions more confidently and realize their national interests both regionally and globally. This article examines the role that the humanitarian aspect plays in contemporary Sino-Russian relations. To this end, the author has analyzed the humanitarian component of the countries' foreign policy at the political and conceptual level. Wu also studied the organizational mechanism as well as the content of bilateral relations in the humanitarian sphere since 2001. At the same time, the author considered the attention paid to this aspect of diplomacy both at the political level as well as by non-government analysts, while stressing their branch structure. The article concludes that the humanitarian aspect is important because it is an integral part of bilateral relations that promises to help advance national interests.

Keywords: Russia, China, humanitarian relations, Confucius Institute, "Community of the common destiny of mankind"

For citation: Yuyao, Wu. "The Humanitarian Aspect of China-Russia Relations as an Important Component of Strategic Partnership." *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 3 (August 2020): 699–714. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-699-714>

Введение

Формула «стратегического партнерства», характеризующая китайско-российские отношения в постбиполярный период, вошла в политический лексикон обеих стран с момента принятия совместной Декларации в апреле 1996 г., где Стороны выразили свою решимость развивать «отношения равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке»¹. Эта формула ознаменовала собой новую веху в китайско-российских отношениях и определила логику двусторонних отношений между двумя державами в XXI в. Лидеры двух стран регулярно встречаются как в двустороннем, так и многосторонних форматах; активно развивается двусторонняя торговля, укрепляется взаимная поддержка позиций по актуальным проблемам, возникающим в условиях турбулентности международных отношений (по протекционистским тенденциям в мировом хозяйстве, борьбе с международным терроризмом и экстремизмом, перспективах создания глобального контроля над вооружениями, реформировании международной валютно-финансовой системы и др.). Также Китай и Россия координируют действия для повышения роли своего участия в глобальном управлении через поддержание авторитетности международных институтов, а также через участие в целом ряде международных правительственных организаций и форматах глобального, регионального и трансрегионального характера (ООН, ШОС, диалоговые форматы АСЕАН, АТЭС, G20, БРИКС). КНР и РФ выступают инициативными акторами в интеграции евразийского пространства, разрабатывая целый ряд мероприятий, направленных на создание комплексной экономической и политической взаимозависимости в широких географических рамках (китайская инициатива «Один пояс, один путь», российская концепция Большой Евразии). В этих условиях особо актуальным представляется исследование двустороннего взаимоотношения двух государств, объединенных интересом структуризации как региональной подсистемы, так и глобальной системы международных отношений.

В современных реалиях изменяющейся под воздействием процессов глобализации международной архитектоники помимо военных и экономических аспектов двустороннего взаимодействия государств, претендующих на важную роль в системе международных отношений, особую значимость приобретает гуманитарный аспект

¹ Совместная Российско-Китайская декларация. 25.04.1996. // Дипломатический вестник. 1996. № 5. С. 18–26.

двусторонних отношений. Направленный на реализацию стратегии внешней политики и достижение национальных интересов посредством поддержания крепких связей между двумя народами этот аспект характеризуется всеобъемлющим наполнением и включает в себя межгосударственную кооперацию по вопросам культуры, образования, науки, информации, спорта и туризма. Очерченный потенциал данного инструмента китайско-российского сотрудничества, усугубленный активным использованием его во внешней политике, актуализирует изучение его применения в двусторонних отношениях государств.

Проблематика, рассматриваемая в статье, нашла свое частичное отражение в трудах ведущих китайских ученых, изучающих различные аспекты гуманитарного диалога между РФ и КНР. Особо стоит отметить труды Фань Юнпэна, Вэй Синьлуна, Чжан Дяньцзюна, Цзи Чжие и Фэн Юйцзюня². Стоит выделить группу исследователей Академии общественных наук Китая (CASS), которые изучают различные аспекты гуманитарного взаимодействия, а также анализируют потенциал китайских экономических и инфраструктурных инициатив в процессе укрепления связей между народами двух стран³. Особое значение для настоящей работы представляют труды российских исследователей внешней политики Китая и китайско-российских отношений, в том числе А.Д. Воскресенского, В.Л. Ларина, С.Г. Лузянина, С.В. Кривохиж, О.В. Лебедевой, Г.В. Куликовой, Р.С. Положевич, А.С. Исаева, К.А. Вотинцевой, Г.И. Цвык и других⁴. В западном академическом сообществе, несмотря на глубокую проработанность гуманитарного компонента межгосударственных отношений, а также его значения в качестве «несилового элемента» внешней политики, исследование гуманитарного взаимодействия на двустороннем китайско-российском треке нашло отражение в сравнительно небольшом количестве работ. Среди них особую значимость представляют труды Дж. Вильсона, М. Гамса и П. Болта⁵.

² 范勇鹏 文化外交 [Фань Юнпэн. Культурная дипломатия] // 安全战略 2013. № 3. С. 21–29; 魏新龙 文化外交: 实现国家国际战略目标的重要手段 [Вэй Синьлун. Культурная дипломатия: важное средство для достижения государственной цели международной стратегии] // 理论与改革 2002. № 2. С. 89–90; 张殿军 和平发展领域的中国文化外交研究 [Чжан Дяньцзюнь. Исследование китайской культурной дипломатии в категории мирного развития]. 中国社会科学出版社, 2013; 季志业, 冯玉军 俄罗斯发展前景与中俄关系走向 [Цзи Чжие, Фэн Юйцзюнь. Перспективы развития России и тенденции китайско-российских отношений]. 时事出版社 2016.

³ 王月 中俄软实力比较研究 [Ван Юэ. Сравнительное исследование мягкой силы в России и Китае] // 中国社会科学院 2014; 马研究院 李霁琴 一带一路倡议下的中国形象 [Ма Яньюань, Ли Жуйцин. Образ Китая в рамках инициативы «Один пояс, один путь»] // 中国社会科学院 2018.

⁴ Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии: историческая динамика политических взаимодействий. М., 2004; Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона: Российско-китайские отношения на рубеже XX–XXI веков. Владивосток, 2006; Лузянин С.Г. Россия – Китай: формирование обновленного мира: монография. М., 2018; Кривохиж С.В. «Мягкая сила» и публичная дипломатия в теории и внешнеполитической практике Китая // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Востоковедение и африканистика. 2012. № 3. С. 103–112; Лебедева О.В. Культурная дипломатия как инструмент внешней политики России на современном этапе // Международная жизнь. 2016. № 9. С. 76–84; Куликова Г.В. Россия – Китай: Народная дипломатия. М., 2012; Положевич Р.С. Гуманитарное сотрудничество Российской Федерации с Китайской Народной Республикой на современном этапе // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 63. С. 147–170; Исаев А.С. Российско-китайское сотрудничество в гуманитарной сфере // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2017–2018: монография. М., 2018. С. 267–277; Вотинцева К.А. Культурная дипломатия Китая // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 11. С. 112–115; Цвык Г.И. Российско-китайское гуманитарное сотрудничество в рамках ШОС // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 2. С. 415–428; Фокин В.И., Эльц Е.Э. Музеи в культурной дипломатии России и Китая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 4. С. 865–882.

⁵ Wilson J.L. Strategic partners: Russian-Chinese relations in the post-Soviet era. N.Y., 2015; Gamsa M. The Cultural and the Social in Chinese–Russian Relations // Cultural and Social History. 2012. № 9. P. 391–405;

Объектом исследования выступает гуманитарный аспект китайско-российских отношений. Предметом исследования являются содержание, механизмы и форматы современных китайско-российских гуманитарных отношений.

Основная цель данного исследования заключается в выявлении тенденций китайско-российских гуманитарных отношений в эпоху «стратегического партнерства». Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи: проанализировать политико-концептуальный уровень разработанности гуманитарной составляющей в политическом и экспертном дискурсе КНР и РФ; изучить организационно-институциональный потенциал двусторонних отношений и рассмотреть содержание гуманитарного сотрудничества России и Китая с 2001 г.

Основу методологии исследования составляет системный подход, в рамках которого гуманитарное сотрудничество Китая и России рассматривается как система взаимосвязанных направлений, определяющих степень реализации взаимных интересов. В рамках данного исследования использован метод сравнительного анализа для соотношения уровня концептуальной обеспеченности двусторонних гуманитарных отношений, а также логический концептуальный анализ, выявляющий целостную картину китайско-российских гуманитарных отношений в XXI в.

Роль гуманитарных отношений во внешнеполитическом курсе современного Китая и России

Параллельно с ростом экономики и военных возможностей Китая в XXI в. во внутривнутриполитическом дискурсе КНР произошло смещение акцентов от социалистических ценностей к традиционной китайской культуре и истории. На протяжении 2000-х гг. дипломатия КНР в основном оперировала идеями, которые подчеркивали традиционно мирный характер китайской культуры. Помимо этого Китай стремится популяризировать свою национальную культуру, особенно в странах-партнерах, чему способствовала организационная база и финансовые возможности.

По мере интенсификации внешнеполитической активности страны политическое руководство разрабатывало ценностную базу для подкрепления проводимой политики. Провозглашенная в 2005 г. Председателем КНР Ху Цзиньтао идея «гармоничного» мира (和谐世界- хэсе шицзе) предполагала повышение социальной ответственности и взаимосвязанности. В качестве «стержневых ценностей» китайской культуры в XXI в. Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК (2012 г.) назвал уникальность (独特性- дутэсин) и толерантность (包容性- баожунсин). Вполне определенно был очерчен китайский «взгляд на ценности», подразумевающий под собой двенадцать компонентов: на уровне государства – богатство и сила, демократия, цивилизация, гармония; на уровне общества – свобода, равенство, справедливость и власть закона; на уровне человека – патриотизм, преданность своему делу, честность, дружба и доброта⁶. Таким образом, китайское руководство заложило ценностный фундамент для улучшения имиджевой составляющей своей глобальной стратегии «выхода за рубеж» и связанных с ней конкретных шагов на мировой арене.

Гуманитарная повестка во внешнеполитической деятельности КНР приобрела особенный импульс с момента провозглашения Председателем КНР Си Цзиньпином концепции построения «сообщества единой судьбы человечества» (人类命运

Bolt P.J. Sino-Russian Relations in a Changing World Order // *Strategic Studies Quarterly*. 2014. Vol. 8. № 4. P. 47–69.

⁶ 18th National Congress of the Communist Party of China. Key Quotes from Hu Jintao's Report to the 18th CPC National Congress // *Beijing Leisure*. 2012. № 42. P. 12.

共同体- жэньлэй минюнь гунтунти) в 2012 г. В данной концепции отражен взгляд китайского руководства на реформирование современной мирополитической структуры и утверждение роли Китая в качестве одного из главных архитекторов миропорядка на обозримую перспективу. Фокусируясь на дипломатии, экономике, безопасности и экологии, конструкт Си Цзиньпина затрагивает и культурную сферу. На этом направлении китайская сторона предлагала содействовать обменов между цивилизациями «при условии взаимного уважения, заимствования положительных моментов, гармоничного сосуществования» и признания идей превосходства одной цивилизации над другой несостоятельными и деструктивными⁷.

В докладе Си Цзиньпина XIX Всекитайскому съезду КПК задача способствовать реализации гуманитарного сотрудничества для построения сообщества единой судьбы осталась прежней. Была снова подчеркнута необходимость «содействовать межцивилизационным обменов, предполагающим гармоничное сосуществование при сохранении своеобразия, взаимовосприятия и взаимодополнения». Однако была оговорена роль непосредственно китайской культуры в этом межцивилизационном обмене. Была подчеркнута необходимость внедрения лучших достижений передовой социалистической культуры с китайской спецификой, а источником одной является «выдающаяся традиционная культура Китая, сформировавшаяся в течение более чем пяти тысячелетней истории китайской цивилизации»⁸. Таким образом, Си Цзиньпин выстроил четкую логику для диалога с международным сообществом, где гуманитарному аспекту отводится значимая роль.

Внешнеполитическая концепция имеет материальное воплощение, связанное с реализацией инфраструктурной инициативы «Один пояс, один путь», которая также содержит «культурный» подтекст. На форуме «Шелковый путь – 2017» Председатель отметил, что инициатива направлена на построение «пути совместного цивилизационного развития» и подчеркнул необходимость способствовать диалогу цивилизаций и придавать большое значение гуманитарному сотрудничеству⁹. Таким образом, инициатива «Один пояс, один путь» предстает как реализация традиционного китайского подхода к внешней политике. В качестве базовых принципов «одного пояса, одного пути» (как и «сообщества единой судьбы человечества») выступают традиционные китайские ценности: дружба, искренность, доброта и всеохватность¹⁰.

Такое внимание к нормативной проработке концепции «Сообщества единой судьбы» и экономических инициатив, которые ее содержательно наполняют, позволяет говорить о возведении Китаем гуманистической концепции в ранг государственной политики. Это корреспондирует с теорией авторитетного ученого из Университета Цинхуа Ян Сюэтуна о «моральном лидерстве» (王权-ваньцюань). Он утверждает, что самое мощное государство в международной системе должно развивать отношения с другими странами на основе взаимоуважения. Все благожелательные

⁷ Выступление председателя КНР Си Цзиньпина в ходе дебатов на 70-й Генассамблее ООН. 28.09.2015 // Посольство Китайской Народной Республики в РФ. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/QQ13/t1320669.htm> (дата обращения: 03.03.2020).

⁸ Си Цзиньпин. Доклад на 19-м Всекитайском съезде КПК // Газета «Жэньминь жибао». URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2017/1028/c64094-29613660-15.html> (дата обращения: 03.03.2020).

⁹ 韩庆祥, 陈远章. 人类命运共同体与中华新文明 [Хан Цинсян, Чэнь Юаньчжан. Сообщество единой судьбы человечества и новая китайская цивилизация] // 学习时报, 2017. С. 3.

¹⁰ 龚婷. “一带一路”倡议的中国传统思想要素初探 [Гун Тин. Исследование элементов традиционной китайской мысли в инициативе «один пояс, один путь»] // 当代世界与社会主义, 06.09.2015.

поступки вождя должны руководствоваться моралью, а не силой¹¹. Создание «системы настоящих ценностей» с акцентом на такие качества, как справедливость (公 正-гунчжэн) и рациональность (合理-хэли), предоставляет альтернативу в условиях доминирования «универсальных ценностей в западном понимании»¹². Следует предположить, что новая внешнеполитическая концепция только усилит форматирование имиджевой составляющей доброжелательного и морального субъекта в риторике Китая, что стимулирует гуманитарную компоненту в отношениях с Россией.

Основные направления политики РФ в сфере международного гуманитарного сотрудничества нашли отражение в одноименном документе, разработанным МИД РФ в декабре 2010 г.¹³ Значимость данного направления была объяснена необходимостью сформировать благоприятный имидж страны за рубежом и отвечать «интересам увеличения числа друзей России, противодействия проведению новых разделительных линий, нейтрализации антироссийских настроений политико-идеологического происхождения». Кроме того, данный документ содержит взгляд на гуманитарное сотрудничество как средство преодоления негативных последствий глобализации, а также поддержания устойчивых и долговременных связей между государствами, общественными организациями и людьми.

Поддержка международных гуманитарных связей обозначена на сегодняшний день как одно из приоритетных направлений государственной политики России¹⁴. В «Концепции внешней политики Российской Федерации» от 2016 г. в качестве основных задач реализации стратегических национальных приоритетов РФ называются укрепление позиций русского языка в мире, популяризация достижений национальной культуры, национального исторического наследия и культурной самобытности народов России, российского образования и науки, консолидация российской диаспоры¹⁵. Среди механизмов достижения столь важных для российской внешней политики задач руководство РФ рассматривает как межгосударственное взаимодействие, так и сотрудничество с международными неправительственными организациями, а средством межцивилизационного диалога называет ресурс общественной дипломатии.

Исходя из содержания основополагающих нормативно-правовых документов, можно констатировать, что в России в понятие «гуманитарные отношения» вкладывается значение налаживания и поддержания международных контактов в сфере образования, культуры, науки, массовых коммуникаций и т.д.

Данные сентенции предсказуемо вызвали дискуссию в российском научном сообществе. Эксперты заключают, что для эффективности реализации национальных целей через гуманитарный аспект РФ необходимо создавать собственную логическую связку, которая бы отвечала имиджу и миссии России в сложном много-

¹¹ 阎学通. 公平正义的价值观与合作共赢的外交原则 [Ян Сюэту. Справедливость и бесприоритетное дипломатическое сотрудничество] // 国际问题研究, 06.12.2013.

¹² Heike H. Shifting Ideologies of Research Funding: The CPC's National Planning Office for Philosophy and Social Sciences // *Journal of Current Chinese Affairs*. 2014. № 2. P. 13–32.

¹³ Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6BZ29/content/id/224550 (дата обращения: 03.03.2020).

¹⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.02.2016 № 326-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 11. С. 1552.

¹⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации. 30 ноября 2016 года // «Гарант» – информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71452062/> (дата обращения: 02.03.2020).

полярном мире, и видят большой потенциал в использовании ценностей мирного сосуществования народов, а также акцентировании внимания на многонациональности, федеративности и единстве с соотечественниками за рубежом¹⁶. Специалист в области прикладного анализа международных отношений А.В. Бирюков отмечает, что России с помощью инструментов сознательного влияния необходимо напоминать о духовной сфере своего развития, а именно – богатейшей культуре, религии, традиционно сильных семейных и родственных узах, мощной науке и т. д.¹⁷ При поиске фундамента для повышения эффективности гуманитарных отношений ведутся дискуссии и о материальном потенциале их реализации.

Важную роль в развитии сотрудничества в гуманитарной сфере играет экономический фактор. Несмотря на то, что потенциал гуманитарного сотрудничества достаточно велик, проблема состоит в своевременном материальном и финансовом обеспечении реализации этого потенциала. Сделать востребованным создание общего образовательного, информационного, научного и культурного пространств (следовательно, гуманитарного) в значительной степени позволит активное развитие экономической интеграции¹⁸. Таким образом, процесс интенсификации гуманитарных отношений поставлен в прямую зависимость от развития двусторонних экономических инициатив.

Организационно-институциональный потенциал гуманитарного китайско-российского сотрудничества

Наращивание китайско-российского сотрудничества в гуманитарной сфере осуществляется на разных уровнях и входит в компетенцию широкого круга участников двустороннего взаимодействия, каждый из которых имеет определенный инструментарий и поле деятельности. Помимо непосредственно межгосударственного и межрегионального сотрудничества, имеющего плановый характер и, соответственно, способного проводить масштабные мероприятия с широким охватом (государство или регион), существует разветвленная сеть двусторонних правительственных институтов, ориентированных на стимулирование контактов в гуманитарном пространстве. К таким организациям следует отнести Российско-Китайскую комиссию по гуманитарному сотрудничеству (действующую с начала 2000-х гг. и имеющую разветвленную структуру подкомиссий, покрывающую фактически все пространство гуманитарных контактов между двумя странами); Российско-китайский деловой совет и ряд других.

Важным компонентом практической реализации задач гуманитарного диалога стали общественные и иные учреждения и институты, созданные Россией и Китаем на территориях друг друга. К таковым относятся Общество российско-китайской дружбы (до 1992 г. – Общество советско-китайской дружбы); Российский культурный центр в Пекине (деятельность которого курирует Россотрудничество); Китайский культурный центр в Москве (поддерживаемый Министерством культуры КНР); Российско-китайский комитет дружбы, мира и развития в качестве основного канала обменов по линии общественности, Русско-китайский фонд развития культуры и образования и др.

¹⁶ *Леонова О.Г.* Мягкая сила: Инструменты и коэффициенты влияния // *Обозреватель*. 2014. № 3. С. 18–28; *Смородина Ю.В.* «Мягкая сила» России и пути повышения ее эффективности // *Россия и современный мир*. 2017. № 3. С. 290–292.

¹⁷ *Бирюков А.В.* Духовные основы развития страны // Центр социально – консервативной политики. URL: <http://eskr.ru/2008/03/20/a-v-biryukov-duhovnye-osnovy-razvitiya-strany/> (дата обращения: 20.03.2020).

¹⁸ *Великая А.А.* Международное гуманитарное сотрудничество: политические аспекты отечественных и западных подходов // *Право и управление*. XXI век. 2012. № 3. С. 63–72.

Мощный импульс китайско-российскому гуманитарному партнерству придают организации, призванные познакомить народы двух стран с языком и культурными традициями своего соседа. Китай располагает глобальной сетью Институтов Конфуция, созданными с целью стать «направляющими центрами» преподавания китайского языка и деятельности китайской культуры. Вариацией модели Института Конфуция, ориентированной на среднее образование, является Класс Конфуция. Данная структура выступает в качестве центра по изучению и преподаванию китайского языка, соединяя средние школы с сетью Институтов Конфуция. Как отмечает российский исследователь А.С. Бельченко, Институты Конфуция организуют следующие виды деятельности и мероприятия: преподавание китайского языка для иностранцев, подготовка и аттестация преподавателей китайского языка, поддержка научных исследований в области китаеведения, проведение научно-просветительских и образовательных мероприятий, направленных на продвижение китайского языка и китайской культуры¹⁹. В России работает 19 Институтов Конфуция и 5 Классов Конфуция, которые осуществляют свою деятельность в 16 городах и 5 субъектах РФ²⁰.

Ведущий китаист американского Института им. Дж. Хопкинса Дэвид. Лэмптон отмечает, что Институты Конфуция являются одним из элементов в «систематических попытках повышения привлекательности и влияния Китая через язык и культуру»²¹, которые осуществляются Государственной канцелярией по распространению китайского языка за рубежом (Hanban). Данный орган КНР осуществляет посреднические функции при подписании договора между российским и китайским вузами. Институт Конфуция учреждается как структурное подразделение университета, и, таким образом, не требуется регистрации в качестве нового юридического лица. По правилам вузов, новое структурное подразделение должно утверждаться решением ученого совета вуза. Однако, как отмечает А.С. Бельченко, в случае с Институтами Конфуция это правило неоднократно игнорировалось и Институты Конфуция учреждались приказом ректора. А поскольку Институты Конфуция не являются юридическими лицами, уставной фонд не формируется и его деятельность не контролируется²². Таким образом, финансирование данных организаций идет из государственного бюджета, а также за счет средств, полученных от курсов китайского языка и культуры (в том числе курсов по китайской каллиграфии, тайцзицюань, живописи и др.). В силу вышеназванных особенностей данной структуры финансовая отчетность не находится в открытом доступе, но из того, что КНР в 2018 г. затратила на культурную дипломатию в общей сложности 20 млрд долл. США²³, можно сделать вывод о развитом операционном ресурсе, которым обладают китайские органы публичной дипломатии.

Россия также располагает аналогичными по функционалу инструментами гуманитарной дипломатии в Китае. Эту роль в сфере высшего образования выполняют Русские центры, а в сегменте среднего образования – Кабинеты Русского мира. На данный момент в Китае работает 7 Русских центров и 4 Кабинета Русского мира. В общей сложности в их орбите находится 9 китайских городов²⁴. Финансиро-

¹⁹ Бельченко А.С. Деятельность Институтов Конфуция в Российской Федерации // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2010. № 1. С. 66.

²⁰ Об Институтах / Классах Конфуция // Институт Конфуция. URL: http://www.hanban.org/confuciousinstitutes/node_10961.htm (дата обращения: 03.03.2020).

²¹ Lampton D.M. *The Three Faces of Chinese Power: Might, Money and Minds*. Berkeley, 2008. P. 157.

²² Бельченко А.С. Деятельность Институтов Конфуция в Российской Федерации // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2010. № 1. С. 68.

²³ Государственный бюджет КНР за 2018 год // Национальная финансовая отчетность. URL: http://yss.mof.gov.cn/2018zyys/201804/t20180403_2859400.html (дата обращения: 03.03.2020).

²⁴ Каталог Русских центров // Информационный портал фонда «Русский мир». URL: <https://www.russkiymir.ru/rucenter/catalogue.php> (дата обращения: 03.03.2020).

вание данных организаций осуществляет Фонд «Русский мир», привлекая бюджетные средства (в среднем – 446 млн руб. в год). Однако, со слов исполнительного директора «Русского мира» Владимира Кочина, финансирование фонда с 2017 г. планомерно сокращается – на 6%, что отечественными экспертами было воспринято как серьезный урон эффективности процесса поддержания гуманитарных отношений России²⁵.

Таким образом, двустороннее гуманитарное сотрудничество в XXI в. имеет разветвленную структуру, отвечающую потребностям двух государств. Существующие механизмы позволяют эффективно осуществлять координацию двусторонних мероприятий, обсуждать актуальную повестку дня гуманитарного сотрудничества или прорабатывать пути для решения конкретных проблем, которые наблюдаются в данной сфере. Однако заметен дисбаланс в возможностях организаций, аффилированных с государствами и служащих проводниками внешней политики на территории своего партнера. Как можно заметить, по географическим и финансовым возможностям российские институты по продвижению русского языка и культуры в Китае значительно уступают аналогичным образованиям КНР. Их деятельность менее активна и, как следствие, менее заметна в китайском обществе, что несколько сдерживает положительный эффект гуманитарного сотрудничества для РФ.

Основные направления китайско-российских гуманитарных отношений в XXI в.

Китайско-российское гуманитарное сотрудничество охватывает весьма разнообразные области, такие, как культура, образование, здравоохранение, туризм и характеризуется исключительной ролью в двустороннем взаимодействии. В основе современного китайско-российского гуманитарного диалога лежит «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР» от 17 июля 2001 г. Статья 16 данного документа отражает нацеленность двух государств способствовать «развитию обменов и сотрудничества в области культуры, образования, здравоохранения, информации, туризма, спорта и права»²⁶. В 2003 г. межправительственным Соглашением «Об изучении русского языка в КНР и китайского языка в РФ» была восполнена важная лакуна в двустороннем взаимодействии²⁷. Данное Соглашение регламентировало обучение китайскому и русскому языкам, придало новый импульс образовательным обменам и сотрудничеству между университетами. Таким образом, данный нормативно-правовой акт установил основные области гуманитарного взаимодействия, осуществляемого двумя сопредельными странами в новый период «стратегического партнерства».

Однако, несмотря на достаточно полную проработку сфер гуманитарного сотрудничества, государства продолжили совместную работу по развитию данной области взаимодействия. Согласно проекту действий по осуществлению положений «Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР» (на 2009–2012 гг.) был разработан комплекс совместных мероприятий в рамках Года русского языка в Китае (2009 г.) и Года китайского языка в России (2010 г.). Так, в 2009 г. в

²⁵ Борисов А.В. «Мягкая сила» «Русского мира»: проблема эффективности // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Стратегия «мягкой силы» в контексте информационных войн». М., 2017. С. 33–37; Исаев А.С. Российско-китайское сотрудничество в гуманитарной сфере // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2017–2018: монография. М., 2018. С. 269.

²⁶ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 5. С. 6–11.

²⁷ Приходько Н.Н. Сборник основных официальных документов, регламентирующих двусторонние международные отношения России и Китая на современном этапе. Благовещенск, 2005. С. 37.

ходе «Года русского языка в Китае» было проведено свыше 260 мероприятий, которые охватывали более 100 млн чел.²⁸ Безусловно, это стало важным шагом в выстраивании двусторонних отношений в духе идейных концепций Договора 2001 г.

Значительная роль в генезисе двустороннего гуманитарного взаимодействия принадлежит «Меморандуму о реализации плана действий по развитию китайско-российского взаимодействия в гуманитарной сфере» (2012 г.)²⁹. В нем были детально проработано наполнение каждого сегмента двустороннего гуманитарного взаимодействия. Сотрудничество в сфере образования подразумевало подготовку специалистов, межуниверситетское сотрудничество, обмены студентов, преподавание и изучение языков, а также страноведения. В области культуры страны выразили свою заинтересованность в проведении мероприятий и обменов, поощрении сотрудничества между культурными учреждениями, кинокомпаниями и кинофондами, создании и поддержке культурных центров. Новое содержательное наполнение приобрели сферы здравоохранения, сотрудничества в области СМИ, в области спорта, туризма, а также архивного дела.

С 2012 г. двустороннее гуманитарное сотрудничество приобрело системный характер и интенсивное развитие. Добиться исключительных успехов странам помогло активное и регулярное проведение «перекрестных» годов: национальных Годов туризма (2012–2013 гг.), Годов дружественных молодежных обменов (2014–2015 гг.) и сменивших их Годов национальных СМИ (2016–2017 гг.) и Годов межрегиональных обменов (2018–2019 гг.). На 2020–2021 гг. главами двух стран запланировано проведение Годов научно-технического и инновационного сотрудничества.

В рамках «перекрестных» годов проводится целый комплекс мероприятий, в котором принимают участие как государственные, так и негосударственные органы. В частности, во время Годов медиасотрудничества (2016–2017 гг.) было реализовано около 250 проектов, в которых активное участие приняли негосударственные акторы. Несмотря на то, что существуют определенные ограничения в виде недостаточной активности граждан Китая и России в новых медиа и социальных сетях, стороны расширили допуск в различные вещательные среды максимального количества китайского и российского новостного, политического, документального и развлекательного контента³⁰. Закрепить все достижения 2016–2017 гг. и сохранить взаимодействие на прежнем уровне интенсивности должна Программа сотрудничества в цифровой сфере³¹. Во время проведения Годов межрегиональных обменов (2018–2019 гг.) общее число мероприятий превысило 8 тыс.³² Положительный эффект от такого сотрудничества заключается в том, что гуманитарные контакты и обмены устанавливались не через центральные органы власти, а по обоюдному согласию областей и провинций или городов-побратимов.

В 2019 г. стороны подписали «Совместное заявление о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в но-

²⁸ Ханько М.В. Российско-китайское гуманитарное и культурное сотрудничество в начале XXI в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2016. Т. 15. № 4. С. 98–103.

²⁹ Совместное коммюнике 17-й очередной встрече премьер-министров России и Китая. 10.12.2012 // Право РФ и КНР. URL: http://www.chinaruslaw.com/CN/CnRuTreaty/he6kd7gn/20121210104055_974010.htm (дата обращения: 28.02.2020).

³⁰ Российско-китайский диалог: модель 2019: доклад № 46/2019 // Российский совет по международным делам (РСМД). М., 2019. С. 85–86.

³¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации No 1632-р. 28.07.2017.

³² Встреча Татьяны Голиковой с Заместителем Премьера Госсовета КНР Сунь Чуньянь // Правительство России. URL: <http://government.ru/news/32864/> (дата обращения: 03.03.2020).

вую эпоху», приуроченное к 70-летию установления дипломатических отношений³³. В гуманитарном аспекте новый уровень китайско-российских отношений выразился в стремлении укреплять дружественные связи между народами России и Китая, взаимообогащать и сближать культуры. Стороны единодушно считают гуманитарные обмены и международное взаимодействие приоритетными направлениями в развитии китайско-российских отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия.

По мере создания благоприятной атмосферы для диверсификации и укрепления двусторонних гуманитарных отношений поступательно развивалась и сфера туризма. В 2018 г. Россию посетили 1,6 млн китайских граждан (около миллиона посетили без визы), а Китай посетили более 2 млн россиян³⁴. Несмотря на то, что количество туристических поездок планомерно увеличивается, китайская Академия туризма отметила достаточно низкий уровень привлекательности России для китайских туристов (12 место среди всех предпочитаемых китайцами направлений)³⁵. Среди причин такого положения эксперты называют до сих пор сложный порядок въезда в Россию для частных лиц и тенденции китайских граждан путешествовать самостоятельно. При получении российской визы китайские частные лица сталкиваются с такими проблемами, как высокая стоимость визы и чрезмерно малое количество визовых центров в КНР (5 центров)³⁶. Туристические ведомства РФ и КНР провели уже несколько раундов переговоров по пересмотру и повторному подписанию соглашения о безвизовых поездках для туристических групп. Эти меры, как прогнозируется, заметно упростят гуманитарный обмен и поспособствуют интенсификации отношений между двумя народами в духе межправительственных документов.

Помимо активного вовлечения новых участников (организации, субъекты Федерации и отдельных индивидов) в двусторонние гуманитарные контакты новые импульсы приобрело сотрудничество РФ и КНР в области спорта, которое с октября 2018 г. развивается на основании Протокола по сотрудничеству в данной сфере, принятого на заседании Российско-Китайской комиссии. В нем предусматривается развитие сотрудничества посредством планирования и организации Олимпийских зимних игр 2022 г., обмена опытом по организации масштабных спортивных состязаний, соглашения о намерении проведения Российско-Китайского студенческого фестиваля зимних видов спорта между Российским студенческим спортивным союзом и Федерацией студенческого спорта КНР, а также проведение совместных научных исследований в области спорта³⁷. Совместное заявление РФ и КНР от 2019 г. дополняет данную сферу такими мероприятиями, как международное ралли «Шелковый путь» и «Высшая хоккейная лига – Кубок Шелкового пути», что наглядно демонстрирует привлечение потенциала гуманитарных отношений в сферу инфраструктурно-экономического взаимодействия.

³³ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. 05.06.2019. // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения: 30.03.2020).

³⁴ Статистические показатели взаимных поездок граждан Российской Федерации и граждан иностранных государств // Федеральное агентство по туризму. URL: <https://www.russiatourism.ru/contents/statistika/statisticheskie-pokazateli-vzaimnykh-poezdok-grazhdan-rossiyskoy-federatsii-i-grazhdan-inostrannykh-gosudarstv/> (дата обращения: 03.03.2020).

³⁵ Академия туризма Китая опубликовала Большой статистический отчет по туризму за 2017 г. 01.03.2018. // China Tourism Academy. URL: <http://www.ctaweb.org/html/2018-2/2018-2-26-11-57-78366.html> (дата обращения: 03.03.2020).

³⁶ Виза в Россию // Посольство России в Китае. URL: http://www.russia.org.cn/ru/consular_issues/viza-v-rossiyu (дата обращения: 03.03.2020).

³⁷ 20-е заседание Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству. 16.09.2019 // Правительство России. URL: <http://government.ru/news/37873/> (дата обращения: 03.03.2020).

Наиболее проработанным представляется сотрудничество в образовательном пространстве. В данной сфере насчитывается более 950 соглашений, в которых задействовано 150 российских и 600 китайских образовательных учреждений. Причем взаимодействие происходит не только среди ВУЗов. Отдел по делам образования Посольства КНР в России ежегодно проводит конкурс на лучшее знание китайского языка среди школьников «Мост китайского языка», в котором принимают участие учащиеся средних школ из разных городов РФ³⁸. Россия также проводит диктанты и олимпиады по русскому языку в Китае, но они достаточно локализованы и проходят на базе Русских центров и Кабинетов Русского мира.

Наиболее яркими достижениями китайско-российского сотрудничества в образовательной сфере следует считать создание совместного университета на базе МГУ имени М.В. Ломоносова – Пекинского политехнического института в Шэньчжэне, который в 2017 г. начал свою деятельность. Значительными совместными проектами выступают Китайско-Российский институт Шелкового пути, созданный на базе сотрудничества Уральского государственного университета путей сообщения и Лючжоуского железнодорожного профессионально-технического училища, китайско-российский совместный Институт искусств в г. Вэйнане, соучредителями которого выступили Московский государственный педагогический университет и Вэйнанский педагогический университет, а также Центр российских исследований в Пекине, созданный на базе Санкт-Петербургского университета и Китайского народного университета³⁹. На 19-м заседании Российско-Китайской межправительственной комиссии по гуманитарному сотрудничеству российский вице-премьер Т. Голикова подтвердила намерение российской стороны увеличить количество китайских учащихся до 100 тысяч человек к 2020 г., а также продолжить развивать китайско-российские ассоциации университетов и китайско-российские молодежные бизнес-инкубаторы⁴⁰. Среди наиболее перспективных форматов стоит выделить проект «100 молодых лидеров», который способствует расширению международного молодежного движения и росту количества совместных программ и мероприятий молодежных организаций России и Китая.

Кроме того, стоит отметить, что сотрудничество в образовательной и научной сферах реализуется РФ и КНР на полях ШОС и БРИКС. Наиболее заметными проектами в данной сфере является Университет ШОС и Сетевой университет БРИКС, которые позволили, в том числе, успешно преодолевать социокультурные барьеры на пути интеграции и интернационализации образования на региональном и трансрегиональном уровнях⁴¹.

Таким образом, можно сделать вывод, что гуманитарное сотрудничество России и Китая, перешедшее на принципиально новый уровень с 2001 г., обретшее достаточно прочный нормативно-договорный каркас и проработанный механизм его реализации в каждой конкретной области. Стороны прилагают значительные усилия по расширению и интенсификации взаимодействия в двустороннем и многостороннем форматах, которое протекает в рамках провозглашенных правительствами

³⁸ Виноградов А.О. Решения XIX съезда КПК и перспективы российско-китайских отношений. М., 2018. С. 97.

³⁹ Положевич Р.С. Гуманитарное сотрудничество Российской Федерации с Китайской Народной Республикой на современном этапе // Государственное управление. 2017. № 63. С. 154–155.

⁴⁰ Россия и Китай подписали протокол об увеличении обмена учащимися // Российское образование. URL: <http://www.edu.ru/news/international/rossiya-i-kitay-podpisali-protokol-ob-uvlichenii-/> (дата обращения: 03.03.2020)

⁴¹ Цвык Г.И. Российско-китайское гуманитарное сотрудничество в рамках ШОС // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 2. С. 422.

крупномасштабных, долговременных проектов перекрестного характера, содержательно состоящих из целого комплекса мероприятий и затрагивающих как межправительственные институты, так и отдельных индивидов.

Выводы

Как для Китая, так и для России гуманитарный аспект является неотъемлемой частью двусторонних отношений и рассматривается как перспективный компонент реализации национальных интересов. Однако, учитывая уровень концептуализации и идейной наполненности гуманитарного аспекта во внешней политике двух государств, Россия находится в несколько реактивной роли на фоне своего партнера, который, реализуя крупные политические и экономические инициативы и наделяя их как рациональными, так и ценностными характеристиками, заинтересован в установлении межкультурного диалога для формирования образа, удовлетворяющего имиджевой политике страны. Стоит полагать, что созданный организационный базис и большое количество мероприятий, охватывающих весь спектр гуманитарных отношений, позволит Китаю вызвать понимание и уважение к собственной позиции по вопросам глобальной повестки дня, что в итоге способствовало бы выстраиванию более выгодных двусторонних отношений. Российской Федерации предстоит, учитывая все векторы и приоритеты внешней и внутренней политики, качественно проработать гуманитарную составляющую для сохранения темпов развития внешнеполитических связей на стабильно высоком уровне.

Институциональный каркас двустороннего гуманитарного сотрудничества диверсифицирован и отвечает потребностям и объективной динамике отношений народов двух стран. Равные возможности в инициировании, планировании и мониторинге мероприятий гуманитарного характера посредством межправительственных механизмов диссонируют с разновеликим финансовым и оперативным потенциалом учреждений и институтов, созданных РФ и КНР на территориях друг друга.

Анализ китайско-российских отношений в гуманитарной сфере в XXI в. позволяет вынести ряд обобщающих суждений. Китайско-российское взаимодействие в гуманитарной сфере планомерно развивалось с 2001 г. и приобрело разветвленную договорно-правовую базу, регламентирующую проведение межгосударственной политики в каждом сегменте гуманитарного сотрудничества. Государственная активность преимущественно направлена на осуществление плановых средне- и долгосрочных мероприятий, в рамках которых задействуются полугосударственные и негосударственные акторы.

Таким образом, алгоритм двустороннего взаимодействия в рассматриваемой области опирается на механизм публичной дипломатии и обладает системным и мультивекторным характером.

Рукопись поступила: 2 апреля 2020 г.

Submitted: 2 April 2020

Библиографический список

- Бельченко А.С.* Деятельность Институтов Конфуция в Российской Федерации // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2010. № 1. С. 65–74.
- Борисов А.В.* «Мягкая сила» «Русского мира»: проблема эффективности // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Стратегия «мягкой силы» в контексте информационных войн». М.: Московский государственный лингвистический университет, 2017. С. 33–37.
- Воскресенский А.Д.* Китай и Россия в Евразии: историческая динамика политических взаимовлияний. М.: Восток-Запад / Муравей, 2004. 603 с.

- Воскресенский А.Д. Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы: научная монография. М.: Стратегические изыскания, 2019. 736 с.
- Вотинцева К.А. Культурная дипломатия Китая // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 11. С. 112–115.
- Исаев А.С. Российско-китайское сотрудничество в гуманитарной сфере // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2017–2018: монография. М.: ИД «ФОРУМ», 2018. С. 267–277.
- Кривохиж С.В. «Мягкая сила» и публичная дипломатия в теории и внешнеполитической практике Китая // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2012. № 3. С. 103–112.
- Куликова Г.В. Россия – Китай: Народная дипломатия. М.: Форум, 2012. 512 с.
- Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона: Российско-китайские отношения на рубеже XX–XXI веков. Владивосток: Дальнаука, 2006. 424 с.
- Лебедева О.В. Культурная дипломатия как инструмент внешней политики России на современном этапе // Международная жизнь. 2016. № 9. С. 76–84.
- Леонова О.Г. Мягкая сила: Инструменты и коэффициенты влияния // Обозреватель. 2014. № 3. С. 18–28.
- Лузянин С.Г. Россия – Китай: формирование обновленного мира: монография. М.: Весь Мир, 2018. 328 с.
- Положевич Р.С. Гуманитарное сотрудничество Российской Федерации с Китайской Народной Республикой на современном этапе // Государственное управление. 2017. № 63. С. 147–170.
- Приходько Н.Н. Сборник основных официальных документов, регламентирующих двусторонние международные отношения России и Китая на современном этапе. Благовещенск: Приамурье, 2005. 112 с.
- Смородина Ю.В. «Мягкая сила» России и пути повышения ее эффективности // Россия и современный мир. 2017. № 3. С. 290–292.
- Фокин В.И., Эльц Е.Э. Музеи в культурной дипломатии России и Китая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 4. С. 865–882.
- Ханько М.В. Российско-китайское гуманитарное и культурное сотрудничество в начале XXI в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2016. Т. 15. № 4. С. 98–103.
- Цвык Г.И. Российско-китайское гуманитарное сотрудничество в рамках ШОС // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 2. С. 415–428.
- Bolt P.J. Sino-Russian Relations in a Changing World Order // Strategic Studies Quarterly. 2014. Vol. 8. № 4. P. 47–69.
- Gamsa M. The Cultural and the Social in Chinese-Russian Relations // Cultural and Social History. 2012. № 9. P. 391–405.
- Heike H. Shifting Ideologies of Research Funding: The CPC's National Planning Office for Philosophy and Social Sciences // Journal of Current Chinese Affairs. 2014. № 2. P. 13–32.
- Lampton D.M. The Three Faces of Chinese Power: Might, Money and Minds. Berkeley: University of California Press, 2008. 361 p.
- Wilson J.L. Strategic partners: Russian-Chinese relations in the post-Soviet era. New York: Routledge, 2015. 268 p.
- 龚婷. “一带一路”倡议的中国传统思想要素初探 [Гун Тин. Исследование элементов традиционной китайской мысли в инициативе «один пояс, один путь»] // 当代世界与社会主义, 2015.
- 韩庆祥, 陈远章. 人类命运共同体与中华新文明 [Хан Цинсян, Чэнь Юаньчжан. Сообщество единой судьбы человечества и новая китайская цивилизация] // 学习时报, 2017. С. 3.
- 阎学通. 公平正义的价值观与合作共赢的外交原则 [Ян Сюэту. Справедливость и беспроигрышное дипломатическое сотрудничество] // 国际问题研究, 2013.
- 范勇鹏. 文化外交 [Фань Юнпэн. Культурная дипломатия] // 安全战略. 2013. № 3. С. 21–29.
- 魏新龙. 文化外交: 实现国家国际战略目标的重要手段 [Вэй Синьлун. Культурная дипломатия: важное средство для достижения государственной цели международной стратегии] // 理论与改革. 2002. № 2. С. 89–90.
- 张殿军. 和平发展论域中的中国文化外交研究 [Чжан Дяньцзюнь. Исследование китайской культурной дипломатии в категории мирного развития]. 北京: 中国社会科学出版社, 2013. 285 с.
- 季志业, 冯玉军. 俄罗斯发展前景与中俄关系走向 [Цзи Чжие, Фэн Юйцзюнь. Перспективы развития России и тенденции китайско-российских отношений]. – 北京: 时事出版社, 2016. 401 с.

- 王月.中俄软实力比较研究 [Ван Юэ. Сравнительное исследование мягкой силы в России и Китае] //中国社会科学院, 2014.
- 马研院,李瑞琴. “一带一路”倡议下的中国形象 [Ма Янюань, Ли Жуйцин. Образ Китая в рамках инициативы «Один пояс, один путь»] //中国社会科学院, 2018.

References

- Bel'chenko, A.S. “Activities of Confucius Institutes in the Russian Federation.” *RUDN Journal of World History*, no. 1 (2010): 65–74 (in Russian).
- Bolt, P.J. “Sino-Russian Relations in a Changing World Order.” *Strategic Studies Quarterly* 8, no. 4 (2014): 47–69.
- Borisov, A.V. “«Myagkaya sila» «Russkogo mira»: problema effektivnosti.” In *Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Strategiya «myagkoy sily» v kontekste informatsionnykh voyn»*, 33–37. Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy lingvisticheskiy universitet Publ., 2017 (in Russian).
- Fan, Yongpeng. “Wenhua wajiao.” *Anquan zhanlue*, no. 3 (2013): 21–29 (in Chinese).
- Fokin, V.I., and El'ts, Ye.E. “The role of museums in Russia’s and China’s cultural diplomacies.” *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 4 (2019): 865–882 (in Russian).
- Gamsa, M. “The Cultural and the Social in Chinese–Russian Relations.” *Cultural and Social History*, no. 9 (2012): 391–405.
- Gong, Ting. “Yidai yilu» changyi de zhongguo chuantong sixiang yaosu chutan.” *Dangdai shijie yu shehuizhuyi*, 2015 (in Chinese).
- Han, Qingxiang, and Chen, Yuanzhang. “Renlei mingyun gongtongti yu zhonghua xin wenming.” *Xuexi shibao*, 2017 (in Chinese).
- Heike, H. “Shifting Ideologies of Research Funding: The CPC’s National Planning Office for Philosophy and Social Sciences.” *Journal of Current Chinese Affairs*, no. 2 (2014): 13–32.
- Isayev, A.S. “Rossiysko-kitayskoye sotrudnichestvo v gumanitarnoy sfere.” In *Kitayskaya Narodnaya Respublika: politika, ekonomika, kul'tura. 2017–2018: monografiya*, 267–277. Moscow: ID «FORUM» Publ., 2018 (in Russian).
- Ji, Zhiye, and Feng, Yujun. *Eluosi fazhan qianjing yu zhong guanxi zouxiang*. Beijing: Shishi chubanshe, 2016 (in Chinese).
- Khan'ko, M.V. “Russian-Chinese humanitarian and cultural cooperation in the early 21st century.” *RUDN Journal of Russian History* 15, no. 4 (2016): 98–103 (in Russian).
- Krivokhizh, S.V. “Soft power and public diplomacy in theory and foreign policy of China.” *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, no. 3 (2012): 103–112 (in Russian).
- Kulikova, G.V. *Rossiya – Kitay: Narodnaya diplomatiya*. Moscow: Forum Publ., 2012 (in Russian).
- Lampton, D.M. *The Three Faces of Chinese Power: Might, Money and Minds*. Berkeley: University of California Press, 2008.
- Larin, V.L. *V teni proshnvshegosya drakona: Rossiysko-kitayskiye otnosheniya na rubezhe XX–XXI vekov*. Vladivostok: Dal'nauka Publ., 2006 (in Russian).
- Lebedeva, O.V. Cultural diplomacy as an instrument of Russian foreign policy at the present stage. *International Affairs*, no. 9 (2016): 76–84 (in Russian).
- Leonova, O.G. “Soft Power: Tools and Odds.” *Observer*, no. 3 (2014): 18–28 (in Russian).
- Luzyanin, S.G. *Rossiya – Kitay: formirovaniye obnovlennogo mira: monografiya*. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' Mir» Publ., 2018 (in Russian).
- Ma, Yanyuan, and Li, Ruiqin. “Yidai yilu» changyixia de zhongguo xingxiang.” *Zhongguo shehui kexueyuan*, 2018 (in Chinese).
- Polozhevich, R.S. “The Currents State of Russian–Chinese Humanitarian Cooperation.” *Public Administration*, no. 63 (2017): 147–170 (in Russian).
- Prihod'ko, N.N. *Sbornik osnovnykh ofitsial'nykh dokumentov, reglamentiruyushchikh dvustoronniye mezhdunarodnyye otnosheniya Rossii i Kitaya na sovremennom etape*. Blagoveshchensk: Priamur'ye Publ., 2005 (in Russian).
- Smorodina, Yu.V. “Russian «soft power» and ways to improve its efficiency.” *Russia and the Modern World*, no. 3 (2017): 290–292 (in Russian).
- Tsvyk G.I. “Russian\Chinese humanitarian cooperation within the shanghai cooperation organization.” *Vestnik RUDN. International Relations* 18, no. 2 (2018): 415–428 (in Russian).
- Voskresenskiy, A.D. *Kitay i Rossiya v Yevrazii: istoricheskaya dinamika politicheskikh vzaimovliyaniy*. Moscow: Vostok-Zapad / Muravey Publ., 2004 (in Russian).

- Voskresenskiy, A.D. *Model' razvitiya sovremennogo Kitaya: otsenki, diskussii, prognozy: nauchnaya monografiya*. Moscow: Strategicheskiye izyskaniya Publ., 2019 (in Russian).
- Votintseva K.A. "China Cultural Diplomacy." *Humanities Scientific Researches*, no. 11 (2014): 112–115 (in Russian).
- Wang, Yue. "Zhonghe ruanshili bijiao yanjiu." *Zhongguo shehui kexueyuan*, 2014 (in Chinese).
- Wei, Xinlong. "Wenhua waijiao: shixian guojia guoji zhanlue mubiao de zhongyao shouduan." *Lilun yu gaige*, no. 2 (2002): 89–90 (in Chinese).
- Wilson, J.L. *Strategic partners: Russian-Chinese relations in the post-Soviet era*. New York: Routledge, 2015.
- Yan, Xuetong. "Gongping zhengyi de jiazhiguan yu hezuo gongying de waijiao yuanze." *Guoji wenti yanjiu*, 2013 (in Chinese).
- Zhang, Dianjun. *Heping fazhan lonyuzhong de zhongguo wenhua waijiao yanjiu*. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe, 2013 (in Chinese).

Информация об авторе / Information about the author

У Юйяо, аспирантка кафедры теории и истории международных отношений факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов.

Wu Yuyao, Postgraduate Student of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-715-726>

Научная статья / Research article

Soviet Recognition of Foreign Higher Educational Credentials in the 1950–90s

Natalia A. Grigorieva, Sergey A. Kovalenko

RUDN University; 6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia;
grigoryeva-na@rudn.ru, kovalenko-sa@rudn.ru

Приоритеты государственной политики СССР в сфере признания иностраных документов об образовании в 1950–90-х гг.

Н.А. Григорьева, С.А. Коваленко

Российский университет дружбы народов; 117198, Россия, Москва,
ул. Миклухо-Маклая, д. 6; grigoryeva-na@rudn.ru, kovalenko-sa@rudn.ru

Abstract: This article studies USSR's unique experience in recognizing credentials issued by foreign educational institutions. It pays particular attention to the special circumstances of the country's involvement in education internationally in this respect. Because its definitions of basic terms in higher education did not correspond with those of its Western partners, cooperation between the USSR and foreign countries was mostly limited to UNESCO's standards, as well as bilateral agreements with "friendly" states. In addition to analyzing the evolution of its legal aspects, the authors also study the evolution of the administrative apparatus for recognizing foreign degrees. Beginning in the 1970s, special units of Patrice Lumumba University and the Scientific Research Institute of Higher School Problems have made important contributions in this regard. The authors consider cooperation between the USSR and the leading international organizations, such as UNESCO and the Council of Europe, as well. At the same time, they also study the Soviet Union's first steps in recognizing foreign educational standards in light of changes in the international political climate. In short, the article discusses the challenges of recognizing foreign higher education qualifications in the Soviet Union as well as the institutions charged with the task from 1950 to the early 1990s.

Keywords: USSR, Soviet Union, recognition of foreign education, recognition of foreign qualifications, equivalence, international cooperation, UNESCO, Council of Europe

For citation: Grigorieva, Natalia A., and Kovalenko, Sergey A. (2020). "Soviet Recognition of Foreign Higher Educational Credentials in the 1950–90s." *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 3 (August 2020): 715–726. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-715-726>

Аннотация: Статья посвящена исследованию исторического опыта признания иностранных документов об образовании в Советском Союзе. Авторы приходят к выводу, что опыт СССР в указанной области является уникальным. Отдельное внимание в исследовании уделяется особым обстоятельствам вовлечения Советского Союза в международное образовательное пространство в рамках признания иностранного образования. Ввиду различных подходов к вопросам признания и несогласованных с западными партнерами позиций относительно основных определений терминов, относящихся к высшему образованию, сотрудничество с СССР с зарубежными государствами в основном ограничивалось нормативно-правовыми документами ЮНЕСКО, а также двусторонними соглашениями о признании квалификации со странами «дружеского» лагеря. Кроме анализа эволюции правовых аспектов становления системы признания иностранного образования в СССР в работе исследовано изменение структуры административного советского аппарата,

© Grigorieva N.A., Kovalenko S.A., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

занимающегося вопросами признания. Большой вклад в эту деятельность внесли начиная с 70-х годов специально созданные подразделения Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы и Научно-исследовательский институт проблем высшей школы. Отдельное внимание в работе уделяется сотрудничеству СССР с ведущими международными организациями, такими как ЮНЕСКО и Совет Европы. В статье также проанализированы начальные шаги российского государства по решению проблем признания иностранного образования, которые ввиду произошедших геополитических изменений неизбежно вышли на передний план. В работе представлены основные направления деятельности Советского Союза по решению проблем признания иностранных квалификаций, указаны основные организации и подразделения, принявшие непосредственное участие в решении данных вопросов.

Ключевые слова: Советский Союз, признание иностранного образования, признание иностранных квалификаций, эквивалентность, международное сотрудничество, ЮНЕСКО, Совет Европы

Для цитирования: Григорьева Н.А., Коваленко С.А. Приоритеты государственной политики СССР в сфере признания иностранных документов об образовании в 1950–90-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 3. С. 715–726. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-715-726>

Introduction

This article's research is relevant because of the growing interest in the evolution of higher education, its internationalization, increasing academic mobility, as well as in the dynamics and history of government policy in recognizing foreign educational credentials.

Until the Second World War, the Soviet Union considered education to be a platform for ideological struggle, and a completely autarchic system that did not need to import qualifications, knowledge or information from abroad.¹ Impressive achievements in rocketry, space and medical research in the postwar period seemed to confirm the validity of this approach, and guided the export of education to countries similarly hostile to the West.² However, in concluding agreements to cooperate in higher and vocational education with its European allies, as well as with many Asian and African countries, the need arose to recognize the validity of foreign degrees and diplomas.

At the same time, the Russian Federation's current international collaboration in higher education, which likewise requires accepting qualifications issued by its partners abroad, also justifies a look at similar approaches in the Soviet past. This is particularly relevant in the context of the "Concept of the State Policy of the Russian Federation in Training Personnel for Foreign Countries in Russian Educational Institutions," which was adopted on October 18, 2002 by the President of the Russian Federation, Vladimir Putin.

The authors have consulted a variety of sources for their research, including legal acts and other official documents involving educational activities and international academic mobility. In addition, they have also relied on a wide range of administrative sources, statistics and reference works,³ as well as memoirs.⁴ This extensive source base enabled them more accurately to track the development of Soviet mechanisms for recognizing foreign qualifications.

Among foreign authors, the work of the prominent Dutch specialist K. Kouwenaar during the 1970's and 1980's⁵ in the best practices of European academic mobility and recog-

¹ S.A. Kovalenko, *Mezhdunarodnyy opyt priznaniya obrazovaniya i kvalifikatsiy v stranakh Yevropeyskogo regiona i Rossiyskoy Federatsii v 1960–2015 gg.* (Moscow: RUDN Publ., 2018).

² A.G. Smirnov, "Vyssheye obrazovaniye v Yevrope," *Yunesko Sepes* 15, no. 2 (1990): 52.

³ A.I. Bogomolov, *Comparability of engineering courses and degrees. A methodological study* (Paris: The Unesco Press, 1974).

⁴ V.A. Belov, *Izbrannyye trudy* (Moscow: RUDN Publ., 2014), 33.

⁵ K. Kouwenaar, "Recognition instruments in Europe," *Higher Education in Europe* 19, no. 2 (1994): 7–26.

nition of qualifications, was particularly valuable,⁶ as were the publications of Sjur Bergan, the head of the Council of Europe's Department of Research and Higher education.⁷

Russian scholars of education have also studied the question, but with a focus on their own country's system. For example, beginning in 1972, there have been groups of specialists at Patrice Lumumba University in Moscow (now the People's Friendship University of Russia). Among the leading experts, special mention should be made of Professor V.M. Filippov,⁸ who directly participated in the development of the Lisbon Convention, while throughout his career Associate Professor G. Tkach,⁹ has helped develop at least half of the current agreements on the mutual recognition of diplomas and qualifications between Russia and other countries. At the same time, Professor V.N. Chistokhvalov made an important contribution to Russian cooperation with members of the European Union, including the Bologna process,¹⁰ and Associate Professor G.A. Lukichev¹¹ has written numerous publications about the international aspects of recognition. As for Russian participation in the Bologna process and the WTO, and their potential impact on the country's higher education system, mention should be made of the work Professor V.S. Senashenko.¹² Meanwhile, Professor V.V. Nasonkin has paid much attention to international educational law and the impact of globalization on the educational policy of EU countries.¹³

⁶ The Dutch organisation for internationalization in education, <https://www.nuffic.nl/en>.

⁷ Sjur Bergan, *Recognition issues in the Bologna Process* (Brussels: Consul of Europe, 2003); Sjur Bergan, Andreys Rauhvargers, *Recognition in the Bologna Process: policy development and the road to good practice* (Brussels: Consul of Europe, 2006); Sjur Bergan, *Not by bread alone* (Brussels: Consul of Europe, 2011); Sjur Bergan, Carita Blomqvist, *The Lisbon Recognition Convention at 15: making fair recognition a reality* (Brussels: Consul of Europe, 2014).

⁸ V.M. Filippov, *Reformy obrazovaniya: Analiticheskiy obzor* (Moscow: Tsentr sravnitel'noy obrazovatel'noy politiki Publ., 2003); V. M. Filippov, *Modernizatsiya rossiysskogo obrazovaniya* (Moscow: Prosvetshcheniye Publ., 2003).

⁹ G.F. Tkach, V.N. Chistokhvalov, "The introduction of a single supplement to the diploma in order to recognize the qualifications of Russian universities abroad," *Civil Aviation High Technologies*, no. 102 (2006): 164–167; G.F. Tkach, "O nekotorykh osobennostiakh sovremennogo etapa mezhdunarodnogo obrazovatel'nogo sotrudnichestva," in *Innovatsionnoe razvitiye obshchestva: usloviya, protivorechiya, priority* (Moscow: MU im. S.Yu. Vitte Publ., 2004), 207–212; G.F. Tkach, "Reforma vysshego obrazovaniya Frantsii," in *Partnerstvo Frantsii i Rossiya: Internationalizatsiya obrazovaniya, nauki, ekonomiki*. Moscow: RANKhGS Publ., (2015), 24–38; G.F. Tkach, V.S. Sevashenko, "Bologna Process: Review of the evolution of priorities and subtotals," *Higher education in Russia*, no. 7 (2015): 119–130.

¹⁰ V.N. Chistokhvalov, *Osobennosti modernizatsii rossiikogo i evropeiskogo vysshego obrazovaniya v 1991–2005 godakh: Istoriko-sravnitel'no analiz* (Moscow: RUDN Publ., 2010); V.N. Chistokhvalov, *Formirovaniya i realizatsiya integratsionnykh obrazovatel'nykh protsessov v Rossiiskoi Federatsii i v Evropeiskom Soiuze v 1991–2005 godakh: Sravnitel'nyi analiz, opyt, problem i perspektivy* (Moscow: RUDN Publ., 2010).

¹¹ G.A. Lukichev, "Bologna Process: Movement towards the creation of a new era of education," *RUDN Journal of Informatization in Education*, no. 1/2 (2005): 16–23; G.A. Lukichev, "O priznanii kvalifikatsiy vysshego obrazovaniya v Yevropeyskom regione. Znachenije Lissabonskoy konventsii o priznanii dlya mezhdunarodnoy integratsii v sfere obrazovaniya," in *Znachenije Lissabonskoy konventsii o priznanii dlya mezhdunarodnoy integratsii v sfere obrazovaniya* (Moscow: RUDN Publ., 2005), 90–104; G.A. Lukichev, V.I. Skorobogatov, "Rossiiskaia kvalifikatsiya 'spetsialist' v izmereniakh evropeiskogo prostranstva vysshego obrazovaniya," in *Sbornik tezisev mezhdunarodnoi konferentsii "Praktika priznaniya, sblizhaia kontinenty* (Moscow: RUDN Publ., 2006), 24–30.

¹² V.S. Senashenko, G.F. Tkach, "On the trends in the formation of Russian higher education," *Higher Education in Russia*, no. 10 (2014): 29–42; V.S. Senashenko, G.F. Tkach, "About Higher Academic and Professional Education," *Higher Education in Russia*, no. 4 (2012): 19–24; V.S. Senashenko, G.F. Tkach, "On the trends in the formation of Russian higher education," *Economics of Education*, no. 2 (2014): 95–98.

¹³ V.V. Nasonkin, G.F. Tkach, "General characteristics of educational systems of foreign legislation at the present stage," *Civil Aviation High Technologies*, no. 116 (2007): 13–19; V.V. Nasonkin, *Natsional'noye i regional'noye izmereniye gosudarstvennoy obrazovatel'noy politiki v kontekste globalizatsii: na primere YES* (St. Petersburg: Rossiyskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut imeni A.I. Gertsena Publ., 2015).

Elsewhere in the Russian capital, a group of experts led by N.I. Zverev at the Institute of International Education of Moscow State University, has examined recognition issues as well,¹⁴ and M.N. Zhitnikova paid particular attention to the organization and implementation of foreign qualifications in the Russian Federation, thereby making a significant contribution to the creation of the domestic recognition system.¹⁵ While at the Institute of International Educational Programs of St. Petersburg State Technical University, E.G. Shevchenko, its head for many years, also carried out much work on the topic.¹⁶

Stage One

Bilateral agreements on the mutual recognition of educational qualifications only became relevant in the mid-1960s, when large numbers of foreign graduates of Soviet higher educational institutions returned home or went to other countries. Already in 1966, the USSR signed such an accord with Egypt and Syria. Over the following decade there were 19 more pacts with other countries in the developing world, and another 15 during the 1980s. In all, by the 1990s there were a total of 52 treaties, affecting foreign students from 160 countries.¹⁷

To simplify the procedure, in 1972 representatives of nine states – Bulgaria, Hungary, Vietnam, German Democratic Republic, Cuba, Mongolia, Poland, the USSR and Czechoslovakia – signed the “Convention on the Mutual Recognition of Equivalent Graduation Certification of Secondary, Secondary Special and Higher Educational Institutions, as Well as Documents on Conferring Academic Degrees and Titles.”¹⁸

Also known as the Prague Convention, this agreement established rules for the mutual recognition of relevant qualifications that took into account both the specifics of national education systems and academic training in general.¹⁹ A unique development in such multilateral agreements, the convention was a good example of international contractual legal practice, and became possible due to the similarity of education systems among its signatories, as well as higher education in these countries. Although subsequent developments among its members limited its practical application, none of them officially renounced the Prague Convention.

With regard to the West, cooperation in education and vocational training between the USSR and Finland was particularly extensive. Thus, from the 1960s, more Finnish students studied in the Soviet Union than from all other Western countries combined, and the two countries concluded an agreement on the mutual recognition of educational degrees and diplomas in 1979.²⁰

¹⁴ N.I. Zverev, M.N. Zhitnikova, G.F. Tkach, “Some practical aspects of the implementation of recognition and establishment of equivalence of foreign qualifications,” *Civil Aviation High Technologies*, no. 116 (2007): 26–35; N.I. Zverev, M.N. Zhitnikova, G.F. Tkach, “On the classification parameters of foreign documents on education, taking into account the specifics of their belonging to national education systems,” *Civil Aviation High Technologies*, no. 128 (2008): 32–42.

¹⁵ M.N. Zhitnikova, M.N. Zverev, G.F. Tkach, “Education System of the Republic of Uzbekistan: Educational Programs and Assigned Qualifications,” *Civil Aviation High Technologies*, no. 128 (2008): 48–58.

¹⁶ *Sbornik dokumentov, kasaiushchikhsia mezhduarodnykh aktov vysshego obrazovaniia* St. Petersburg: ORAKUL Publ., 2000); E.G. Shevchenko, “Gotovimsia k detsentralizatsii rossiiskogo sistema priznaniia inostrannykh dokumentov ob obrazovanii,” in *Praktika priznaniia, sblizhaia kontinenty: Sbornik tezisov mezhdunarodnoi konferentsii* (Moscow: RUDN Publ., 2016), 74–76.

¹⁷ A.G. Smirnov, “Vysshee obrazovaniie v Evrope,” *UNESCO Sepes* 15, no. 2 (1990): 55.

¹⁸ D. Bilibin, “Obrazovanie v edinom i vzaimosviazannom mire,” *Inkorvuz*, no. 2 (1992): 29.

¹⁹ Ministerstvo obrazovaniia i nauki Rossiiskoi Federatsii, “Federal’noe infomatsionno-analistscheskaia Sistema ‘Rossiiskoe obrazovanie dlia inostrannykh grazhdan,” <http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/inter/1972/>

²⁰ Protokol mezhdou Pravitel’stvom Souiza Sovietskikh Sotialisticheskikh Respublik i Pravitel’stvom Finliandskoi Respubliki o vzaimonom priznaniia ravnotsennosti dokumentov o vysshem obrazovanii, uchebnye

In 1972, a research laboratory to study foreign education and evaluate its equivalency in certification with Soviet standards was established at Patrice Lumumba University. The laboratory drafted all draft bilateral agreements on equivalence, with organizational and technological support from the Ministries of Higher Education, Justice, and Foreign Affairs of the USSR. A year later, under the jurisdiction of the Ministry of Higher Education, the Scientific Research Institute of Higher School Problems was founded. The new institution had ten departments devoted to higher education, along with those that specialized in determining the equivalency of degrees and diplomas internationally.

To ease foreign recognition of Soviet degrees in higher education, the Ministry of Higher Education enlisted the institute's specialists, such as A.P. Akat'ev, A.I. Galagan, V.N. Timofeeva, G. F. Tkach, A.G. Smirnov, and K.N. Tseikovich. As the only experts in the matter, their work was indispensable for expanding academic mobility.

The development of relevant cooperation agreements intensified with the Final Act at the Conference on Security and Cooperation (CSCE) in Europe on August 1, 1975, in Helsinki,²¹ which also provided for increasing educational exchanges between the USSR and other European countries. The new treaties implemented the mutual study of education systems, including the technologies for assessing qualifications and knowledge, in order to draft documents on mutual recognition and equivalency of academic qualifications.

Already in September 1975, the Minister of Higher and Secondary Special Education issued the corresponding order,²² which regulated the admission of foreign students holding a Bachelor's degree in their home country's institution into Soviet universities. Moreover, with the examination committee's consent, a Master of Science degree could also be recognized.

The Soviet Union also began talks with a number of West European countries as well as the USA and Canada on mutual recognition of degrees in higher education, but these were disrupted in the early 1980s due to the war in Afghanistan.²³ At the same time, efforts to recognize foreign diplomas in the framework of UNESCO were also stepped up.

In 1979, the Soviet Union signed the Convention on the Recognition of Educational Courses, Higher Education Diplomas and Degrees in Europe, which it ratified three years later. However, there were important differences in the agreement's implementation. Thus, most European countries set up offices to provide information about the equivalency of foreign degrees, which joined to form the European Network of Information Centers (ENIC).²⁴ At the same time, they organized the Regional Committee to monitor the European Convention's implementation. However, there were no corresponding changes in the USSR. Moreover, its representatives were not invited to participate neither in ENIC's deliberations, nor those of the Regional Committee, which hampered academic mobility.

Stage Two

When the Regional Convention on the recognition of Educational Courses, Higher Education Diplomas and Degrees in the States of Asia and the Pacific was signed in 1983, the Soviet delegation did not entirely concur with the document. In particular, it disagreed

stepeni, a takzhe dokumentov, daiushchikh pravo postupleniie v vysshie uchebnye zavedeniia Moskva, 7 December 1917," <http://mn.russia.edu.ru/information/legal/law/inter/soglash/1540/>

²¹ Organizatsiia po bezopasnosti i sotrudnichestvu v Evropy (OBSE), <https://www.osce.org/ru/mc/39505?download=true>

²² "Ob utverzhdenii polozheniia ob obuchenii v vysshikh uchenykh zavedaniakh SSSR inostrannykh grazhdan, imeiushchikh obrazovaniia na urovne bakalavra nauk/iskusstv: Prikaz Ministerstvo vysshego i srednego spetsial'nogo obrazovaniia SSSR No. 840," in *Sbornik dokumentov po voprosam priema, obuchenii i material'nogo obespechaniia inostrannykh grazhdan, obuchaiushchikhsia v SSSR* (Moscow: RUDN, 1983), 10–26.

²³ Smirnov, *Vyshee obrazovaniie v Evrope*, 56.

²⁴ Sjur Bergan, *Not by bread alone* (Brussels: Consul of Europe, 2011).

with section 2b of paragraph 1, which defined "higher education" as any education, training or research preceded by secondary schooling,²⁵ since it understood the term very differently. While most countries had two- or three level systems, higher education in the USSR consisted of one level – a contradiction that could not be resolved, even within the framework of UNESCO.

UNESCO did promote discussion among experts from different countries on such topics as the main directions, forms and mechanisms for developing academic mobility, as well recognition of educational certification. This resulted in six regional UNESCO conventions to promote international academic cooperation.

In 1986, a group of employees of the Scientific Research Institute of Higher School went to Patrice Lumumba University to set up the Scientific and Information Center for Foreign Education, supervised by A. G. Smirnov. Three years later, in 1989, the Committee on Equivalency was established within the framework of State Education of the USSR (Gosobrazovaniia SSSR), which included experts, the heads of the leading higher educational institutions of the country, as well as relevant government officials, to develop principles for comparing educational programs in foreign and Soviet universities, academic degrees and ranks, organizing mechanisms for interstate treaties, as well as cooperation agreements with foreign organizations.

The Scientific and Information Center for Foreign Education at the Patrice Lumumba University acted as the working secretariat of the Committee on Equivalency, and was tasked with providing relevant information and consulting on academic mobility, as well as recognition of educational qualifications. By that time, similar units had already been opened in the leading European countries. The center produced reports and scholarly publications on comparative educational policy.²⁶ At the same time, it also helped to organize UNESCO seminars on policy and reforms in higher education, which were hosted by Patrice Lumumba University in 1989.

The Center's staff was usually invited to participate in the work of the Soviet commission for admitting foreign citizens to study in the USSR. Among the many, multi-faceted accomplishments of the Center's activities was the supplement to Soviet diplomas of higher education, which it developed in 1990 in accordance with the standards of the UNESCO European Center for Higher Education.

Stage Three

The imbalance in international academic mobility became acute during the second half of the 1980s and the early 1990s. Thus, whereas in 1990 120,000 foreigners came to the USSR for post-secondary study, only about 400 Soviet citizens studied abroad. Nevertheless, the situation did improve during Perestroika, when groups of students and interns from the USSR were sent to German, French and American educational institutions.²⁷ Meanwhile, the pace of international exchange programs for teachers, scholars and students increased significantly. At the same time, the Soviet Union's higher education system faced new challenges. Thus, in 1988, UNESCO's International Bureau of Education²⁸

²⁵ "Vystupleniye g-na Nikolaya Sofinskogo, zamestitelya Ministra vysshego i srednego spetsial'nogo obrazovaniya SSSR, glavy delegatsii SSSR," in *Mezhdunarodnaya konferentsiya gosudarstv dlya prinyatiya Regional'noy konventsii o priznanii uchebnykh kursov, diplomov o vysshem obrazovanii v gosudarstvakh Azii i Tikhogo okeana. Zaklyuchitel'nyy doklad* (Paris: [S.n.], 1984), 3.

²⁶ N.M. Timofeeva, G.F. Tkach, O.P. Pobokova, A.A. Samsonova, A.M. Vershina, O.L. Zakharova, *Systemy vysshego obrazovaniia razvivaiushchikh stran: Katalog* (Moscow: UDN Publ., 1986); O.L. Zakharova, I.V. Muraveva, A.B. Osanov, A.G. Smirnov, N.G. Bakradze, N.M. Timofeev, G.F. Tkach. *Systemy vysshego obrazovaniia stran Zapada: Spavochnik* (Moscow: UDN Publ., 1991).

²⁷ "Changing flows in international student mobility," <https://www.nuffic.nl>

²⁸ "International Bureau of Education," <http://www.ibe.unesco.org/en/>

advised against recognizing Patrice Lumumba University's master's degrees on the ground that there were no bachelor's programs in the Soviet Union.²⁹ The university responded with an experimental two-level system of education. Already in 1992, Professor V.M. Filippov, the Dean of its Faculty of Physical, Mathematical and Natural Sciences, began to award bachelor's degrees to students who had successfully completed the new program. This experiment began 22 years before the Russian Federation's law introducing a two-level system of education went into effect.

In 1987, it became clear that an international organization of foreign graduates of Soviet higher educational institutions to cooperate of other national associations was needed to protect their rights, improve their qualifications, help continue their education, and recognize their diplomas. Two years later, a founding conference set up the International Corporation of Graduates of Soviet Educational Institutions (Inkorvuz), adopted its Charter, and prepared a request for its registration in the USSR.³⁰

Delegates from 33 countries certified the founding documents, while the corporation's council included members of the national associations of the USSR, Kuwait, India, Peru, Czechoslovakia, Finland and Tanzania. Among the Soviet institutions of higher education that sent representatives to its constituent assembly were Patrice Lumumba University, Kiev State University, Kiev Polytechnic Institute and Volgograd Pedagogical Institute. Inkorvuz's council elected Professor Devendra Kaushik of Jawaharlal Nehru University in Delhi as its first chairman, as well as Mikhail N. Kuznetsov, a lecturer at the Peoples' Friendship University, to be its director general.

In May 1990, the Council of Ministers certified the status the International Corporation of Graduates of Soviet Educational Institutions as an international non-governmental organization, defining its activities as

...assisting foreign graduates of Soviet higher educational institutions to improve their professional qualifications and retraining in educational, research institutions, to promote international scientific, technical and humanitarian cooperation ... in science, technology, medicine, education, culture, tourism and in other areas.³¹

According to Soviet law, both Inkorvuz and its institutions were exempted from all taxes, duties or fees, which greatly assisted its activities.

The USSR's collapse in 1991 greatly complicated the recognition of the diplomas of foreign graduates of Soviet higher educational institutions just as academic exchanges between its former republics and other countries were intensifying. This made the Committee on Equivalency's work even more important in such tasks as preparing draft treaties and other international agreements, publishing relevant information, comparing foreign education systems, as well as participating in international conferences.³²

Among other, its powers were to issue certificates of educational equivalency to graduates of the Soviet higher educational institutions moving abroad were expanded. In addition, the committee was authorized to compile a list of higher educational institutions abroad whose degrees had been recognized among their Soviet equivalents.³³ Meanwhile, to respond to the please of citizens of Eastern European countries who had graduated from Soviet universities and institutes, as well as citizens from the former Soviet Union

²⁹ V. Filippov, "Predlagaia eksperiment," *Korporativnaia kul'tura*, <http://www.c-culture.ru/read/article/163956>

³⁰ "Biulletin 'Inkovruz,'" *Inkovruz: Dolumenty i fakty*, no. 1 (1992): 18.

³¹ "Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR ot 17 maia 1990," no. 483, <http://docs.cntd.ru/document/901770752>

³² V.S. Senashenko, G.F. Tkach, "O tendentsiakh reformirovaniia rossiiskoi vysshei shkoly," *Economics of Education*, no. 2 (2014): 95–98.

³³ "O priznanii v SSSR dokumentov o vysshem obrazovanii, poluchennykh sovetskimi grazhdanami v uchebnykh zavedeniia zarubezhnykh stran: Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR ot 4 sentiabria 1990 g., <http://docs.cntd.ru/document/9006311>

who were going abroad, the committee developed certificates to confirm their level of education.

The committee's subsequent abolition in the aftermath of the USSR's collapse further aggravated the need for its work, and institutions, primarily non-governmental organizations, jumped in to fill the gap. One important example was the "International Corporation of Soviet Educational Institution Graduates," which created a "Commission of Equivalence" of prominent specialists to recognize the equivalency of Soviet and foreign degrees. Attended by representatives of the educational authorities of Georgia, Kyrgyzstan, Lithuania, Moldova, Russia, Tajikistan, Turkmenistan, Ukraine, and Uzbekistan, the commission first met in Spring 1992.³⁴

Although it issued official certificates confirming the equivalency of a diplomat, which were printed by Goznak, the Russian press for currency and other government certificates, they were advisory and did not guarantee official recognition abroad.

The 1990s saw the broad acceptance of education as a human right. At the same time, the decade rising academic mobility between members of the Commonwealth of Independent States and other countries. Thus, recognizing educational qualifications across international borders enabled men and women to make better use of their skills abroad. This also led to scholarly interest in studying the criteria for comparing the academic degrees and diplomas of countries that developed educational, scientific and cultural contacts.³⁵

Headed by Professor D.P. Bilibin of the Peoples' Friendship University, the commission enabled specialists to rely the experience in recognizing the equivalency of higher education certificates of the USSR, UN, UNESCO, CEPES, IAU, WHO, ICAO, and MAPRYAL, as well as of state and non-state education systems throughout the world. The Commission on Equivalency was abolished when Inkovruz was shut down on January 1, 2002.

Despite UNESCO's intensive efforts, European regional organizations, and individual countries, the challenge of recognizing degrees and diplomas internationally has persisted for decades. This is the result both of the ambiguous understanding of certain levels of education in different countries, and the labor market's demand for new types of training and their corresponding diplomas, which often do not fit into traditional categories. Moreover, sidestepping the requirements for equivalency and simply recognizing foreign certificates do not necessarily solve the problem.

Indeed, countries continue to struggle with agreeing about the validity of foreign degrees. This problem was especially acute in the 1990s, when numerous attempts were made to establish accurate definitions of diplomas issued by educational institutions of different states according to similar international standards. To meet the challenge, the Council of Europe organized the NEED-GROUP, a temporary unit of the Higher Education Section of the Council of Europe, which began to publish relevant information.

Already in early 1993, the Council of Europe issued a request to the State Committee for Science and Higher Education of the Russian Federation to provide descriptions of diplomas and degrees issued by Russian institutions of higher education. This work was entrusted to the Research and Information Center for Foreign Education of the Peoples' Friendship University, which acts as the Russian Information Center for Recognition and Academic Mobility, with the assistance of the State Education Committee.³⁶

This work resulted in descriptions of the main diplomas and academic degrees conferred by Russia's higher educational institutions. Together with the corresponding ad-

³⁴ "Biulletin 'Inkovruz,'" *Inkovruz: Dokumenty i fakty*, no. 1 (1992): 21.

³⁵ V.M. Filippov, "Internationalization of higher education: major trends, challenges and prospects," *Vestnik RUDN. International Relations* 15, no. 3 (2015): 203–212.

³⁶ "Programma 'Universitety Rossii,'" *Opisaniia diplomov i stepeni vysshikh uchenykh zavedenii Rossiiskpoi Federatsiia po standartam Soveta Evropa*, no. 2 (1994): 60.

mission requirements, these descriptions were provided in accordance with the Council of Europe's standards, in both Russian and English, to the council's information bank. Accessible to all, these details are meant to promote academic mobility in Russia.³⁷

By the same token, the Council of Europe's experts familiarized themselves with the structure of Russian higher education, its degrees and diplomas, the requirements for admission, as well as with details about relevant reforms. They supported all of the important provisions and formulations for the Researcher's diploma, as well as the Master's, Candidate's, and Doctor of Science degrees.

As for the Russian Bachelor's degree, it was classified as an "intermediate" degree (diploma), which, as a rule, are issued after two or three years of study in the West. The experts argued that a full secondary education in Russia took 11 years, while it required at least 12 years in other European countries. As a result, Russia's four-year bachelor's program was inferior to those of Western universities. Furthermore, although holders of a bachelor's degree in the West can proceed directly to doctoral programs, Russian graduates must first obtain a master's degree. As a result, the Council of Europe did not consider that a bachelor's degree in the Russian Federation met its standards.

Conclusion

As the number of foreign students attending Soviet institutions of higher education rose during the postwar years, the need to agree on the equivalency of their academic degrees became urgent. Experts from research centers and higher educational institutions were invited to draft documents, along with official representatives of the Ministries of Foreign Affairs and of Higher Education of the USSR. In this regard, bilateral agreements on equivalency and recognition of educational certificates were updated again.

Рукопись поступила: 23 декабря 2019 г.

Submitted: 23 December 2019

References

- Bogomolov, A.I. *Comparability of engineering courses and degrees. A methodological study*. Paris: The Unesco Press, 1974.
- Belov, V.A. *Izbrannyye trudy*. Moscow: RUDN Publ., 2014 (in Russian).
- Bergan, S. *Recognition issues in the Bologna Process*. Brussels: Consul of Europe, 2003.
- Bergan, S., and Rauhvargers, A. *Recognition in the Bologna Process: policy development and the road to good practice*. Brussels: Consul of Europe, 2006.
- Bergan, S. *Not by bread alone*. Brussels: Consul of Europe, 2011.
- Bergan, S., and Blomqvist, C. *The Lisbon Recognition Convention at 15: making fair recognition a reality*. Brussels: Consul of Europe, 2014.
- Bilibin, D. "Образование в едином и взаимосвязанном мире." *Inkorvuz*, no. 2 (1992): 17–29 (in Russian).
- Chistokhvalov, V.N. *Osobennosti modernizatsii rossiikogo i evropeiskogo vysshego obrazovaniia v 1991–2005 godakh: Istoriko-sravnitel'no analiz*. Moscow: RUDN Publ., 2010 (in Russian).
- Chistokhvalov, V.N. *Formirovaniia i realizatsiia integratsionnykh obrazovatel'nykh protsessov v Rossiiskoi Federatsii i v Evropeiskom Soiuze v 1991–2005 godakh: Sravnitel'nyi analiz, opyt, problem i perspektivy*. Moscow: RUDN Publ., 2010 (in Russian).
- Filippov, V.M. *Reformy obrazovaniya: Analiticheskii obzor* (Moscow: Tsentr sravnitel'noy obrazovatel'noy politiki Publ., 2003 (in Russian).
- Filippov, V.M. *Modernizatsiya rossiyskogo obrazovaniya*. Moscow: Prosveshcheniye Publ., 2003 (in Russian).
- Filippov, V.M. "Internationalization of higher education: major trends, challenges and prospects." *Vestnik RUDN. International Relations* 15, no. 3 (2015): 203–212 (in Russian).

³⁷ J. Harris, Ch. Wihak, J. van Kleef, *Handbook of the Recognition of Prior Learning: Research into Practice* (New York: UNESCO, 2015).

- Harris, J., Wihak, Ch., and Kleef, J. van. *Handbook of the Recognition of Prior Learning: Research into Practice*. New York: UNESCO, 2015.
- Kovalenko, S.A. *Mezhdunarodnyy opyt priznaniya obrazovaniya i kvalifikatsiy v stranakh Yevropeyskogo regiona i Rossiyskoy Federatsii v 1960–2015 gg.* Moscow: RUDN Publ., 2018 (in Russian).
- Kouwenaar, K. “Recognition instruments in Europe.” *Higher Education in Europe* 19, no. 2 (1994): 7–26.
- Lukichev, G.A. “Bologna Process: Movement towards the creation of a new era of education.” *RUDN Journal of Informatization in Education*, no. 1/2 (2005): 16–23 (in Russian).
- Lukichev, G.A. “O priznanii kvalifikatsiy vysshego obrazovaniya v Yevropeyskom regione. Znacheniiye Lissabonskoy konventsii o priznanii dlya mezhdunarodnoy integratsii v sfere obrazovaniya.” In *Znacheniiye Lissabonskoy konventsii o priznanii dlya mezhdunarodnoy integratsii v sfere obrazovaniya*, 90–104. Moscow: RUDN Publ., 2005 (in Russian).
- Lukichev, G.A., and Skorobogatov, V.I. “Rossiiskaia kvalifikatsiia ‘spetsialist’ v izmereniiakh evropeiskogo prostranstva vysshego obrazovaniia.” In *Sbornik tezisev mezhdunarodnoi konferentsii ‘Praktika priznaniia, sblizhaiia kontinenty*, 24–30. Moscow: RUDN Publ., 2006 (in Russian).
- Nasonkin, V.V., and Tkach, G.F. “General characteristics of educational systems of foreign legislation at the present stage.” *Civil Aviation High Technologies*, no. 116 (2007): 13–19 (in Russian).
- Nasonkin, V.V. *Natsional'noye i regional'noye izmereniye gosudarstvennoy obrazovatel'noy politiki v kontekste globalizatsii: na primere YES*. St. Petersburg: Rossiyskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut imeni A.I. Gertsena Publ., 2015 (in Russian).
- Senashenko, V.S., and Tkach, G.F. “About Higher Academic and Professional Education.” *Higher Education in Russia*, no. 4 (2012): 19–24 (in Russian).
- Senashenko, V.S., and Tkach, G.F. “On the trends in the formation of Russian higher education.” *Higher Education in Russia*, no. 10 (2014): 29–42 (in Russian).
- Senashenko, V.S., and Tkach, G.F. “On the trends in the formation of Russian higher education.” *Economics of Education*, no. 2 (2014): 95–98 (in Russian).
- Shevchenko, E.G. “Gotovimsia k detsentralizatsii rossiiskogo sistema priznaniia inostrannykh dokumentov ob obrazovanii.” In *Praktika priznaniia, sblizhaiia kontinenty: Sbornik tezisev mezhdunarodnoi konferentsii*, 74–76. Moscow: RUDN Publ., 2016 (in Russian).
- Smirnov, A.G. “Vyssheye obrazovaniye v Yevrope.” *Yunesko Sepes* 15, no. 2 (1990): 49–54 (in Russian).
- Timofeeva, N.M., Tkach, G.F., Pobokova, O.P., Samsonova, A.A., Vershinina, A.M., and Zakharova, O.L. *Sistemy vysshego obrazovaniia razvivaiushchikh stran: Katalog*. Moscow: UDN Publ., 1986 (in Russian).
- Tkach, G.F. “O nekotorykh osobennostiakh sovremennogo etapa mezhdunarodnogo obrazovatel'nogo sotrudnichestva.” In *Innovatsionnoe razvitiye obshchestva: usloviia, protivorechiia, priority*, 207–212. Moscow: MU im. S.Yu. Vitte Publ., 2004 (in Russian).
- Tkach, G.F., and Chistokhvalov, V.N. “The introduction of a single supplement to the diploma in order to recognize the qualifications of Russian universities abroad.” *Civil Aviation High Technologies*, no. 102 (2006): 164–167 (in Russian).
- Tkach, G.F. “Reforma vysshego obrazovaniia Frantsii.” In *Partnerstvo Frantsii i Rossiia: Internationalizatsiia obrazovaniia, nauki, ekonomiki*, 24–38. Moscow: RANKhGS Publ., 2015 (in Russian).
- Tkach, G.F., and Sevashenko, V.S. “Bologna Process: Review of the evolution of priorities and subtotals.” *Higher education in Russia*, no. 7 (2015): 119–130 (in Russian).
- Zakharova, O.L., Muraveva, I.V., Osanov, A.B., Smirnov, A.G., Bakradze, N.G., Timofeev, N.M., and Tkach, G.F. *Sistemy vysshego obrazovaniia stran Zapada: Spavochnik*. Moscow: UDN Publ., 1991 (in Russian).
- Zverev, N.I., Zhitnikova, M.N., and Tkach, G.F. “Some practical aspects of the implementation of recognition and establishment of equivalence of foreign qualifications.” *Civil Aviation High Technologies*, no. 116 (2007): 26–35 (in Russian).
- Zverev, N.I., Zhitnikova, M.N., and Tkach, G.F. “On the classification parameters of foreign documents on education, taking into account the specifics of their belonging to national education systems.” *Civil Aviation High Technologies*, no. 128 (2008): 32–42 (in Russian).
- Zhitnikova, M.N., Zverev, M.N., and Tkach, G.F. “Education System of the Republic of Uzbekistan: Educational Programs and Assigned Qualifications.” *Civil Aviation High Technologies*, no. 128 (2008): 48–58 (in Russian).

Библиографический список

Белов В.А. Избранные труды. М.: РУДН, 2014. 552 с.

Билибин Д. Образование в едином и взаимосвязанном мире // ИнкоВуз. 1992. № 2. С. 17–29.

- Житникова Н.И., Зверев М.Н., Ткач Г.Ф. Система образования республики Узбекистан: образовательные программы и присваиваемые квалификации // Научный вестник МГТУ ГА. 2008. № 128. С. 48–58.
- Захарова О.Л., Мураева И.В., Осанов А.В., Смирнов А.Г., Бакрадзе Н.Г., Тимофеев Н.М., Ткач Г.Ф. Системы высшего образования стран Запада: справочник. М.: УДН, 1991. 162 с.
- Зверев Н.И., Житникова М.Н., Ткач Г.Ф. Некоторые практические аспекты осуществления признания и установления эквивалентности иностранных квалификаций // Научный вестник МГТУ ГА. 2007. № 116. С. 26–35.
- Зверев Н.И., Житникова М.Н., Ткач Г.Ф. О параметрах классификации иностранных документов об образовании с учетом специфики их принадлежности к национальным системам образования // Научный вестник МГТУ ГА. 2008. № 128. С. 32–42.
- Коваленко С.А. Международный опыт признания образования и квалификации в стандартах Европейского региона и Российской Федерации в 1960–2015 гг. М.: РУДН, 2018. 195 с.
- Лукичев Г.А. Болонский процесс: движение к созданию образования новой эпохи // Вестник РУДН. Серия: Информатизация образования. 2005. № 1/2. С. 16–23.
- Лукичев Г.А. О признании квалификации высшего образования в Европейском регионе. Значение Лиссабонской конвенции о признании для международной интеграции в сфере образования // Значение Лиссабонской конвенции о признании для международной интеграции в сфере образования. М.: РУДН, 2005. С. 90–104.
- Лукичев Г.А., Скоробогатов В.И. Российская квалификация «специалист» в измерениях европейского пространства высшего образования // Сборник тезисов международной конференции «Практика признания, сближая континенты». М.: РУДН, 2006. С. 24–30.
- Насонкин В.В., Ткач Г.Ф. Общая характеристика систем образовательного законодательства зарубежных стран на современном этапе // Научный вестник МГТУ ГА. 2007. № 116. С. 13–19.
- Насонкин В.В. Национальное и региональное измерение государственной образовательной политики в контексте глобализации: на примере ЕС. СПб: Российский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена, 2015. 387 с.
- Сенашенко В.С., Ткач Г.Ф. О высшем академическом и профессиональном образовании // Высшее образование в России. 2012. № 4. С. 19–24.
- Сенашенко В.С., Ткач Г.Ф. О тенденциях реформирования российской высшей школы // Высшее образование в России. 2010. № 10. С. 29–42.
- Сенашенко В.С., Ткач Г.Ф. О тенденциях реформирования российской высшей школы // Экономика образования. 2014. № 2. С. 95–98.
- Смирнов А.Г. Высшее образование в Европе // ЮНЕСКО СЕПЕС. 1990. Т. 15. № 2. С. 49–54.
- Тимофеева Н.М., Ткач Г.Ф., Побокова О.П., Самсонова А.А., Вершинина А.М., Захарова О.Л. Системы высшего образования развивающихся стран: каталог. М.: УДН, 1986. 162 с.
- Ткач Г.Ф. О некоторых особенностях современного этапа международного образовательного сотрудничества // Инновационное развитие общества: условия, противоречия, приоритеты. М.: МУ им. С.Ю. Витте, 2004. С. 207–212.
- Ткач Г.Ф., Чистохвалов В.Н. Введение единого приложения к диплому в целях признания квалификаций российских вузов за рубежом // Научный вестник МГТУ ГА. 2006. № 102. С. 164–167.
- Ткач Г.Ф. Реформа высшего образования Франции // Партнерство Франции и России: интернационализация образования, науки, экономики. М.: РАНХиГС, 2015. С. 24–38.
- Ткач Г.Ф., Сенашенко В.С. Болонский процесс: обзор эволюции приоритетов и промежуточные итоги // Высшее образование в России. 2015. № 7. С. 119–130.
- Филиппов В.М. Реформы образования: аналитический обзор. М.: Центр сравнительной образовательной политики, 2003. 303 с.
- Филиппов В.М. Модернизация российского образования. М.: Просвещение, 2003. 96 с.
- Филиппов В.М. Интернационализация высшего образования: основные тенденции, проблемы и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. Т. 15. № 3. С. 203–212.
- Шевченко Е.Г. Готовимся к децентрализации российской системы признания иностранных документов об образовании // Практика признания, сближая континенты: сборник тезисов международной конференции. М.: РУДН, 2016. С. 74–76.
- Чистохвалов В.Н. Особенности модернизации российского и европейского высшего образования в 1991–2005 годах: историко-сравнительный анализ. М.: РУДН, 2010. 331 с.
- Чистохвалов В.Н. Формирование и реализация интеграционных образовательных процессов в Российской Федерации и в Европейском Союзе в 1991–2005 годах: сравнительный анализ, опыт, проблемы и перспективы. М.: РУДН, 2010. 351 с.

- Bogomolov A.I.* Comparability of engineering courses and degrees. A methodological study. Paris: The Unesco Press, 1974. 125 p.
- Bergan S.* Recognition issues in the Bologna Process. Brussels: Consul of Europe, 2003. 110 p.
- Bergan S., Rauhvargers A.* Recognition in the Bologna Process: policy development and the road to good practice. Brussels: Consul of Europe, 2006. 202 p.
- Bergan S.* Not by bread alone. Brussels: Consul of Europe, 2011. 210 p.
- Bergan S., Blomqvist C.* The Lisbon Recognition Convention at 15: making fair recognition a reality. Brussels: Consul of Europe, 2014. 167 p.
- Harris J., Wihak, Ch., Kleef, J. van.* Handbook of the Recognition of Prior Learning: Research into Practice. New York: UNESCO, 2015. 178 p.
- Kouwenaar K.* Recognition instruments in Europe // Higher Education in Europe. 1994. Vol. 19. № 2. P. 7–26.

Информация об авторах / Information about the authors

Григорьева Наталья Анатольевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов.

Natalia A. Grigoryeva, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor of the Department of Russian History, RUDN University.

Коваленко Сергей Александрович, кандидат исторических наук, директор Центра сравнительного и международного образования РУДН, доцент кафедры сравнительной образовательной политики УНИСОП РУДН.

Sergey A. Kovalenko, Kandidat Istoricheskikh Nauk [Ph.D. in History], Director of the Center for Comparative and International Education, RUDN University, Associate Professor, Department of Comparative Educational Policy, UNISOP RUDN University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-727-740>

Научная статья / Research article

Imperial Acculturation on Russian's Southeastern Frontier: An International Survey

Sergey V. Lyubichankovskiy

Orenburg State Pedagogical University; 19, Sovetskaya St., Orenburg, 460844, Russia;
Samara Federal Research Center Russian Academy of Sciences;
3A, Studencheskiy Line, Samara, 443001, Russia; kaf_rushistory@ospu.su

Юго-восточный фронт России в контексте имперской политики аккультурации: основные результаты международной заочной дискуссии

С.В. Любичанковский

Оренбургский государственный педагогический университет;
460844, Россия, Оренбург, ул. Советская, 19; Самарский федеральный
исследовательский центр Российской академии наук; 443001, Россия,
г. Самара, Студенческий переулок, 3А; kaf_rushistory@ospu.su

Abstract: This article reviews and summarizes the results of an international survey of experts about “Imperial Acculturation Policy and the Problem of Colonialism (based on the materials from the Ural-Volga and Central Asian territories)” organized in Orenburg in 2019. The questionnaire asked participants to reply with their thoughts about the characteristic features of the Russian Empire’s policy of “developing” the nomadic and semi-nomadic peoples of the Kazakh steppe, Bashkiria, Kalmykia on its southeastern frontier from the 18th to the early 20th centuries. Key questions included: The basic terminology (“acculturation,” “imperial acculturation policy”); The heuristic value of the acculturation model with respect to the “colonial approach.” Nomadic and semi-nomadic perceptions of Russian citizenship; The government’s efforts to “civilize” its nomadic and semi-nomadic subjects; The impact of military service, public education and medical care; The role of the Russian Orthodox Church in imperial acculturation policy; The persistence of ethnic identity; General trends in acculturation. The conclusion reflects on using the acculturation model to understand the integration the southeastern nomadic periphery into the Russian Empire.

Keywords: southeast frontier, nomadic peoples, acculturation, enlightenment, historiography, discussion, Russian empire

For citation: Lyubichankovskiy, Sergey V. “Imperial Acculturation on Russia’s Southeastern Frontier: an International Survey.” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 3 (August 2020): 727–740. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-727-740>

Аннотация: В статье представлен обзор и обобщение материалов международной заочной дискуссии на тему «Имперская политика аккультурации и проблема колониализма (на материалах урало-поволжских и центральноазиатских территорий)», состоявшейся в Оренбурге в 2019 году. В центре внимания находится проблема определения характерных черт и особенностей формирования и реализации политики Российской империи по «освоению» своего юго-восточного фронта центрально-азиатских и урало-поволжских территорий проживания кочевых и полукочевых народов (в Казахской степи, Башкирии, Калмыкии) в XVIII – начале XX в.

© Lyubichankovskiy S.V., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Проанализированы такие ключевые аспекты данной проблематики, как базовый терминологический аппарат («аккультурация», «имперская политика аккультурации»); эвристическая ценность аккультурационной модели в сравнении с «колониальным подходом»; характеристика восприятия российского подданства внутри включаемых в империю кочевых и полукочевых народов; основные направления деятельности российской центральной и региональной администраций по приведению включенных в империю кочевых и полукочевых народов в приемлемое для империи положение; специфика административно-политических механизмов имперского управления в регионе и их место в имперской политике аккультурации; влияние военной службы включенных в империю кочевых и полукочевых народов в контексте их интеграции в российское общество; аккультурационное воздействие на кочевые народы посредством внедрения школьного образования и медицинской службы; особенности участия Русской православной церкви в имперской политике аккультурации; основные факторы сохранения этнической идентичности национальными меньшинствами рассматриваемого региона в условиях включения в состав Российской империи; наличие общих тенденций в аккультурационных преобразованиях для империи и региона в целом. Сделан вывод о перспективности использования аккультурационной модели для понимания сути многовекового процесса интеграции юго-восточной кочевой периферии в общее социокультурное пространство Российской империи.

Ключевые слова: юго-восточный фронт, кочевые народы, аккультурация, просвещение, историография, дискуссия, Российская империя

Для цитирования: *Любичанковский С.В.* Юго-Восточный фронт России в контексте имперской политики аккультурации: основные результаты международной заочной дискуссии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 3. С. 727–740. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-727-740>

Introduction

In 2019, S.V. Lyubichankovskii at Orenburg State Pedagogical University distributed a survey to an international group of historians about “Imperial Acculturation Policy and the Problem of Colonialism (based on the materials of the Ural-Volga and Central Asian territories),” whose summary was published¹. The questionnaire’s author S.V. Lyubichankovskii, wrote to a number of prominent experts: S.N. Abashin and S.N. Brezhneva (both in St. Petersburg), Zh.B. Abylkhozhin (Alma-Ata), B.A. Aznabaev (Ufa), S.A. Bogomolov (Ulyanovsk), D.V. Vasil’ev (Moscow), I.Yu. Vasil’ev (Krasnodar), A.A. Gafarov (Kazan), E.V. Godovova (Orenburg), S.V. Dzhundzhuzov (Orenburg), V.V. Dmitriev (Simferopol), I.K. Zagidullin (Kazan), Y. Ikeda (Tokyo), S.I. Kovalskaia (Nur-Sultan), I.V. Lidzhieva (Elista), Yu.A. Lysenko (Barnaul), K. Matsuzato (Tokyo), A. Morrison (Oxford), N. Naganava (Sapporo), A.A. Nasonov (Kemerovo), E. Smolarz (Bonn), and R. Tsirolev (Heidelberg). This article reviews and summarizes their views about the Russian Empire’s “appropriation” and “development” of its southeastern frontier, the macro-region traditionally inhabited by the nomadic and semi-nomadic peoples of Central Asia and the Ural-Volga region, i.e., the Kazakh steppe, Bashkiria, and Kalmykia, from the 18th to the early 20th centuries.

Although much serious work has been written about the history Russia’s imperial frontiers, the question of tsarist “colonialism” remains unresolved. The colonial approach, a theoretical stereotype now often employed when describing the history of many of the newly independent post-Soviet states, needs to be moored in concrete historical analysis if we are to understand which elements of imperial governance in these territories were truly “colonial” in the narrow sense of the word, i.e., the process of extracting resources from annexed territories without equivalent compensation or investment in their development. By contrast, to what extent were other factors at play, such as an acculturation policy to create loyal imperial subjects from newly-conquered populations while preserving their own ethnic identity, situational management, or the consequences of foreign policy.

¹ S.V. Lyubichankovskiy, *Imperskaya politika akkul'turatsii i problema kolonializma (na primere kochevykh i polukochevykh narodov Rossiyskoy imperii)* (Orenburg: Izdatel'skiy tsentr OGAU Publ., 2019).

Terminology

The basic terminology (acculturation, imperial acculturation policy) and the heuristic prospects of the acculturation model attracted considerable attention. The discussion was based on the notion that, in methodological terms, the traditional “colonial approach” differs from the acculturation model. Briefly put, the latter is an example of a “hybrid paradigm” of understanding the empire,² which sees not just the metropolis – colony dichotomy, but also many intermediate forms, distinguished by other principles.³

Aside from Abashin, all of the respondents agreed about the term’s validity and generally understood it, as formulated in 1936 by R. Linton, R. Redfield and M. Herskovits, as the cultural impact of one society on another without blending them.⁴ By contrast, R. Tsirulev suggested considering acculturation as a special case of transculturation.⁵ However, his objection was largely semantic. This basic consensus clashed with the opinion of Abashin, who disagreed with the idea of acculturation, in part because it does not have an “unambiguous, exact meaning.”⁶ However, from this point of view, the term is no less precise than, for example, that of “colony.” Indeed, while there is a great deal of literature about the latter, there is no clear consensus about its attributes of the colony have been developed.⁷

At the same time, some argued about the correlation of terms. Thus, S.N. Brezhneva and V.V. Dmitriev proposed considering assimilation, separation, marginalization and integration as four main options for acculturation, while B.A. Aznabaev saw only two options: assimilation and integration. I.Yu. Vasil’ev also thought that acculturation leads to two scenarios, but he defined them in a slightly different way, as assimilation and adaptation. These points of view do not fundamentally contradict each other, since they are based on the same idea: acculturation can lead to ways cultures can coexist, from the complete disappearance of one of them to full symbiosis. Because S.N. Brezhneva and V.V. Dmitriev

² M. Epstein, “«Transculture: A Broad Way between Globalism and Multiculturalism»,” *The American Journal of Economics and Sociology* 68/1 (2009): 327–352; P. Burke, *Cultural Hybridity* (Cambridge: Polity, 2009); I. Sablin, *Governing Post-Imperial Siberia and Mongolia, 1911–1924: Buddhism, Socialism and Nationalism in State and Autonomy Building* (London: Routledge, 2016); “The hybrid nature of pure forms,” *Ab Imperio*, no. 2 (2018): 17–25; “From the editors. The ambivalence of hybridity,” *Ab Imperio*, no. 3 (2018): 15–22.

³ S.V. Lyubichankovsky, “The periphery of the empire as a scientific problem. Review of the collective monograph: “Finding a Homeland”: Society and Power in the Middle Volga Region (second half of the 16th – early 20th centuries),” *Saint-Petersburg Historical Journal*, no. 1 (2015): 278–285.

⁴ R. Redfield, R. Linton, M.J. Herskovits, “Memorandum for the Study of Acculturation,” *American Anthropologist* 38, no. 1 (1936): 13–41.

⁵ S.V. Lyubichankovskiy, *Imperskaya politika akkul'turatsii i problema kolonializma (na primere kochevykh i polukochevykh narodov Rossiyskoy imperii)* (Orenburg: Izdatel'skiy tsentr OGAU Publ., 2019), 46–52.

⁶ *Ibid.*, 73.

⁷ S.V. Lyubichankovsky, “The acculturation model of understanding the empire as a methodological alternative to the colonial approach,” *Journal of History*, accessed November 13, 2019, <https://history.jes.su/s207987840006065-0-1/>; W. Sunderland, “Empire without Imperialism? Ambiguities of Colonization in Tsarist Russia,” *Ab Imperio*, no. 2 (2003): 101–114; F. Cooper, *Colonialism in Question: Theory, Knowledge, History* (Berkeley: University of California Press, 2005); N. Breyfogle, “Russian colonizations: An introduction,” in *Peopling the Russian periphery: borderland colonization in Eurasian history* (London; New York: Routledge, 2007), 1–18; A.I. Miller, *Imperiya Romanovykh i natsionalizm: Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* (Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2008); A. Kappeler, “«Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya»: nekotoryye razmyshleniya vosem' let spustya posle publikatsii knigi,” in *Mify i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i natsionalizma* (Moscow: Novoye izdatel'stvo Publ., 2010), 265–282; J. Burbank, F. Cooper, *Empires in World History: Power and the Politics of Difference* (Princeton: Princeton University Press, 2010); W. Sunderland, P. Holquist, R. Geraci, D. McDonald, “Colonialism and Technocracy at the End of the Tsarist Era,” *Slavic Review* 69, no. 1 (2010): 120–188; A. Etkind, *Internal Colonization: Russia's Imperial Experience* (Cambridge: Polity Press, 2011); M. Khodorkovsky, “In what Things Russia Outstrips Europe, or Russia as a Colonial Empire,” *The Political Conceptology*, no. 2 (2013): 85–91.

considered more possibilities, their approach is the most relevant one. However, in this context assimilation, or loss of ethnic identity, should be seen as a special phenomenon, far beyond the scope of acculturation.

Terminology varies over time. Thus, the concept of “foreigners,” which nationalist extremists today consider to be pejorative, was a neutral term in 19th century legislation⁸. In government documents of the period, “Russification” was often synonymous with acculturation (or what Lysenko refers to as the “Russification project”), rather than physically eliminating an ethnic group.⁹ Meanwhile, the term “colonization,” which was very common in the Imperial Russian government, scientific and public circles, tended to the equivalent of “development by migration.” According V.I. Dahl’s dictionary, a colonist is, among other things, just a settler, an immigrant. At the time, the term was widely used with regard to all of the empire, rather than only its border regions.¹⁰ However, just as not every frontier was a colony, any measure to raise the living standards of the latter’s population to that of the Russian core is not assimilative.¹¹

There was less agreement about the notion of imperial acculturation policy. Some did not address issue; others, including S.V. Dzhundzhuzov, D.V. Vasil’ev, E.V. Godovova, I.Yu. Vasil’ev, S.N. Brezhneva, I.K. Zagidullin, V.V. Dmitriev, and S.A. Bogomolov, recognized the existence of such a policy. At the same time, A.A. Gafarov, I.V. Lidzhieva, Zh.B. Abylkhodzhin, and S.N. Abashin rejected it arguing that it occurred spontaneously, was unplanned, or that acculturation resulted not thanks to, but contrary to official policy. In other words, the scholars disagreed about what could be considered to be a policy and what cannot.

Much depends on how broadly “policy” is defined. In the most narrow sense, a policy exists only if a document confirms a corresponding goal. Naturally, this is unlikely with regard to earlier periods in Russian history. Few surviving documents from the 16th and 17th centuries discuss acculturation, colonies, or, for that matter, health care, education, etc. There were more of them later, but they did not concern all aspects of government policy. However, does this mean that, because no such document exists, there was no corresponding policy? This seems unrealistic, largely because “strategies” and “concepts” are modern notions.

Perhaps, S.V. Lyubichankovskiy reconciled the supporters and opponents of the existence of imperial acculturation. He argued that, as a culturally heterogeneous space, the empire had to have such a policy, even if at times its elite considered it to be self-evident that such a state could not be viable without turning newly conquered nations into loyal subjects. Moreover, even if fragmented and contradictory, the existence of such a policy does not necessarily exclude any spontaneous acculturation while a conquered population adapts to its new circumstances.

Thoughts about the correlation between the acculturation model and the colonial approach were paradoxical. Zh.B. Abylkhodzhin and S.N. Abashin vehemently disagreed about replacing the colonial approach with a new model. (The discussion’s initiators had not raised the question; they only wondered whether there was any correlation between the two and if the idea of acculturation was relevant to historians today.) The others stressed that, together, the two approaches allowed for a more sophisticated understand-

⁸ A.Yu. Konev, “Inorodtsy’ of the Russian empire: history of concept’s origin,” *Theory and Practice of Social Development*, no. 13 (2014): 117–120.

⁹ Yu.A. Lysenko, “The Russian Orthodox Church in Religious Space of Kazakhstan: Stages and Peculiarities of Institutional Model (XVIII – beginning of XX centuries),” *Bylyye gody*, no. 3 (2014): 387–391.

¹⁰ A. Masoero, “Kolonizatsiya v pozdneimperskoy Rossii: istoriya ponyatiya,” in *Aziatskaya Rossii: lyudi i struktury imperii: sbornik nauchnykh trudov* (Omsk: Poligraficheskiy tsentr KAN Publ., 2016), 340–364.

¹¹ *Mestnoye upravleniye v poreformennoy Rossii: mekhanizmy vlasti i ikh effektivnost’* (Yekaterinburg – Izhevsk: UIIYAL Publ., 2010), 457.

ding than colonialism on its own. S.N. Abashin also agreed that integrating the concept of acculturation into that of colonialism was valid. Thus, while the question provoked a heated debate, the participants generally agreed about the complementarity of the heuristic models as two sides of one complex phenomenon (colonialism).

S.V. Liubichanovskiy and R. Tsirulev dissented. As they saw it, the acculturation (or, according to R. Tsirulev, transculturation) model is more universal than the colonial approach, since it is applicable to studying the transformation of various types of territories other than colonies, while the reverse was not true. Meanwhile, B.A. Aznabaev brilliantly argued against the idea that “Bashkiria is a colonial outskirts,”¹² thereby providing a concrete example of the shortcomings of the colonial approach to study tsarist policy regarding nomadic and semi-nomadic peoples.

The Evolution of Imperial Acculturation on the Southeast Frontier

When assessing the evolution of imperial acculturation on the southeastern frontier, there was rare unanimity about its chronology. The scholars emphasized three main stages:

1. The period until the end of the 18th century, which consisted of an attempt to adapt traditional relations).

2. The first half of the 19th century, when reforming the administrative system improved integration.

3. From the 19th century’s second half until the empire’s collapse in 1917, a period marked by growing pressure to integrate, or Russification.

This periodization correlates well with that of A. Kappeler.¹³

A. Morrison, Y. Ikeda, Yu.A. Lysenko, A.A. Nasonov, S.V. Dzhundzhuzov, and I.K. Zagidullin went on to propose additional aspects of the evolution of imperial policy. A. Morrison noted the growing antagonism between the settled and nomadic worlds, while Y. Ikeda stressed disagreements among the ruling elite between encouraging a common imperial identity, promoting Russian interests as the dominant ones, or preserving the existing eclectic status quo. Yu.A. Lysenko suggested that the authorities’ desire to integrate the empire by class, rather than ethnicity or religion, which among other led to a paradoxical consequence: Constructing “social exclusivity of foreigners/natives” coupled with restrictive measures regarding Islam accelerated the process of ethnic consolidation in their environment and the integration of Kazakh society in the all-Russian Muslim movement (an underestimated consequence of the acculturation course!). To A.A. Nasonov, the autonomous integration of local socio-political institutions and cultural practices were frontier variations of the general, complex imperial system. S.V. Dzhundzhuzov made a similar argument, but insisted that this stopped in the second half of the 19th century.

Of all the discussants, only I.K. Zagidullin suggested specific factors in implementing imperial policy with regard to the region’s nomadic and semi-nomadic peoples, going on to highlight two basic ones: the degree a territory’s of integration into the empire and the status of the local population. They were the keys to success, which could be measured by the governor general’s increased authority, the sedenterization of the local population, and the elite’s assimilation via education without threatening its Islamic faith.¹⁴

Despite differences in nuance, the participants agreed that imperial policy for the region’s population was a dynamic process accompanied by trial and error implementation of various approaches to acculturate it to serve the needs of the empire.

¹² S.V. Lyubichanovskiy, *Imperskaya politika akkul'turatsii i problema kolonializma (na primere kochevykh i polukochevykh narodov Rossiyskoy imperii)* (Orenburg: Izdatel'skiy tsentr OGAU Publ., 2019), 16–23.

¹³ A. Kappeler, *Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya: Voznikoveniye, istoriya, raspad* (Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2000).

¹⁴ S.V. Lyubichanovskiy, *Imperskaya politika akkul'turatsii*, 110–115.

S.V. Dzhundzhuzov, B.A. Aznabaev, D.V. Vasil'ev, S.I. Kovalskaia, Yu.A. Lysenko, V.V. Dmitriev, A.A. Gafarov, and Zh.B. Abylkhozhin discussed how the empire's nomadic and semi-nomadic peoples saw Russian citizenship. Zh.B. Abylkhozhin claimed that the empire's Kazakhs perceived themselves as subjects only of their kinship community and *zhuz* (horde).¹⁵ The others felt that the peoples in question did recognize the authority of the Russian Empire. However, they interpreted how nomads understood Russian citizenship in different ways. Based on the examples of the Kalmyks and Kazakhs, S.V. Dzhundzhuzov and D.V. Vasil'ev, respectively, argued that Russian power was perceived as patronage/vassalage and alliance, which is less important than citizenship. In sharing this view, Yu.A. Lysenko pointed out that since the authorities hardly interfered in the internal politics of the Kazakh steppe until the end of the 18th century, during that period citizenship was perceived by the Kazakhs as vassalage to their new rulers. In contrast, B.A. Aznabaev demonstrated that the Bashkirs considered themselves to be citizens. However, their understanding of this phenomenon provided for both submission to the White Tsar – the successor of the Chingisids – and the right to resist and even overthrow the ruler in case he violated established laws.¹⁶

This important thesis introduced a fundamentally new development in the question's historiography, since it violates the consensus among scholars that nomads viewed of Russian citizenship as vassalage or even a foreign political union. As a result, it is necessary to investigate whether these perceptions in different parts of the nomadic world was really so diverse. If so, why did this divergence occur? If not, which scholar is wrong? Moreover, B.A. Aznabaev's argument raises the important question of whether Russian authorities could rely on their earlier experience with Bashkirs to conclude that other nomadic peoples also fully considered themselves to be the empire's citizens.

When considering nomadic views of themselves as Russian citizens in the second half of the 19th century, after they fully came under imperial rule, V.V. Dmitriev, A.A. Gafarov, Yu.A. Lysenko, and S.I. Kovalskaia discussed divisions in the loyalties of local elites to the emperor. At the same time, they agreed that emotions about which group in the split elite was “more representative”, should be set aside in the interests of impartiality. But it is worth noting Zh.B. Abylkhozhin's opinion that the center's efforts to modernize the Kazakh steppe were ineffective,¹⁷ clearly contradicting Yu.A. Lysenko's beliefs about the westernization of Kazakh society.¹⁸ This dispute could potentially become an interesting development in historiography.

The respondents were of two minds about how the government saw the extent to which nomads accepted Russian citizenship. A. Morrison believed that, unlike the Bashkirs and the Tatars, tsarist legislation defined the Kazakhs not as subjects, but as “foreigners,” while A.A. Gafarov argued that the authorities always saw Russian Muslims as more loyal to their faith than to the Christian Tsar. Curiously, these historians were on the same side in this dispute. For A. Morrison, pan-Islamism among Russian subjects was a chimera that existed only in the minds of the authorities,¹⁹ whereas A.A. Gafarov believed that it was one of the most fundamental elements of life among the empire's Muslims.²⁰ On the other hand, Yu.A. Lysenko, D.V. Vasil'ev, and V.V. Dmitriev stressed that

¹⁵ S.V. Lyubichankovskiy, *Imperskaya politika akkul'turatsii*, 167.

¹⁶ *Ibid.*, 147–148.

¹⁷ *Ibid.*, 67–72.

¹⁸ *Ibid.*, 153–157.

¹⁹ A. Morrison, “Sufism, Panislamism, and Information Panic. Nil Sergeevich Lykoshin and the aftermath of the Andijan Uprising,” *Past and Present*, no. 214 (2012): 255–304.

²⁰ A.A. Gafarov, *Rossiyskiye musul'mane v kontekste obshcheislamskoy modernizatsii (XIX – nachalo XX vv.)* (Kazan: Kazanskiy universitet Publ., 2014).

to Russian authorities the nomads' citizenship was full-fledged and not discriminatory, but instead aimed at preserving cultural autonomy – at least until the 1860–1870s. Indeed, D.V. Vasil'ev evoked the metaphor of parallel realities in the imaginations of imperial and Kazakh elites.²¹

In this regard it is striking how views about the notion of foreigners varied. As we have seen, in A. Morrison's opinion, this category translates into inferior citizenship, while Yu.A. Lysenko suggested that the Russian state considered Siberian "foreigners" to be their subjects. Yu.A. Lysenko and V.V. Dmitriev concur with V.V. Trepavlov's well-known argument that the supra-ethnic principle of making equal rights for all classes (for example, equating the 19th century Kazakhs with peasants, and the Crimean murzas with nobility) is an indicator that the authorities saw those nomads who had sworn their loyalty to the tsar as full-fledged subjects.²²

Methods of Implementing Acculturation on the Southeast Frontier

As for ways to achieve these goals, *Dmitriev* responded with the most detailed list:

- Conversion to the settled way of life and farming.
- Involvement in stationary commercial and industrial activity.
- Adaptation of local government institutions to the all-Russian management system, that is, keeping some local institutions and aspects of customary law, with the transition to unification only after the most Nogai were settled.
- Protection from harassment by those who wanted to take advantage of the new subjects' ignorance of Russian legislation.

A.A. Gafarov defined these initiatives as "expansion," highlighting, in addition to the military-political, their cultural-ideological" sub-aspect as well. His answer implied that he defines any transfer of ideas from the Russian ruling class as "expansion", which wrongly stretches and actually devalues the term's very concept; it makes any government policy about language, culture, education, anywhere and anytime, *a priori* expansionary. However, in the framework of this terminology, among the activities of the Russian administration, the scholar also noted the measures to "somewhat expand the rights of Muslims," the desire in some cases to use institutions and customary law at the local level traditional, while also introducing elements of the imperial educational standard into the nomadic environment. In other words, his list largely corresponds to that of *Dmitriev*.

Among the main areas that acculturation addressed, I.V. Lidzhieva also noted preserving local law and a various traditional institutions of administration. But at the same time they were adapted to the imperial system of governance. She described Russian policy towards the Kalmyks as asymmetric, at times emphasizing unification and on other occasions preserving local legal traditions and traditional religion. D.V. Vasil'ev argued that, with regard to the Kazakhs, the government only actively intervened in their social structure and internal relations at the turn of the 19th century.

In studying different territories, all of these scholars discussed the stages in the policy the authorities pursued and their chronological disparity. Nevertheless, they agreed that unification and eliminating regional differences intensified during the late imperial period (1860–1917). This reflects the ruling elite's approach to maintaining stability during the period of the Great Reforms, followed by growing disparities between the need to modernize and the population's backwardness, including that on the frontier.

²¹ S.V. Lyubichankovskiy, *Imperskaya politika akkul'turatsii*, 168.

²² V.V. Trepavlov, "Formirovaniye mnogonatsional'nogo gosudarstva v Rossii: zakonmernosti i osobennosti," in *Trudy Otdeleniya istoriko-filologicheskikh nauk RAN. 2007* (Moscow: Nauka Publ., 2009), 64–71.

Intriguingly, I.V. Lidzhiyeva had a different thought. When discussing Russian efforts to preserve traditional administration on the Kalmyk steppe, she invoked S.Iu. Deev by suggesting “some Kalmyks preferred Russian power to national (Kalmyk) one.”²³ More research in this area could change our understanding of the government’s motives in addressing political struggles within nomadic communities.

In considering how acculturation was adapted to local circumstances I.V. Lidzhiyeva, D.V. Vasil’ev, K. Matsuzato, N. Naganava, and A. Morrison considered their effectiveness. They predictably agreed that the authorities did consider the characteristics of traditional local institutions. However, they somewhat differed in further assessments. Thus, I.V. Lidzhiyeva and D.V. Vasil’ev believed that such local variations worked well to acculturate the region’s population. K. Matsuzato agreed, but added that any evaluation should consider both border defense as well as the need to keep the peace among the nomads themselves and elimination class differences (for example, among the Orenburg Cossacks).

N. Naganava and A. Morrison were more interested in those policies that adversely affected the empire. These included growing nationalist sentiments among both the Russian rulers and the minorities on the steppe, which hampered imperial unity. However, they disagreed about the problem’s severity. While A. Morrison considered this development to be fatal for the empire, N. Naganava downplayed the harm, going on to point to the increased “possibilities for negotiations and interactions between the authorities and the subjects and among the subjects.” The fact that Russia, retained Siberia, Bashkiria, Kalmykia, Crimea and many other regions supports N. Naganava’s conclusion.

K. Matsuzato’s comments about Cossack resistance to the Great Reforms of the latter half of the 19th century were well taken.²⁴ They correlate with well S.V. Lyubichankovskiy’s description of how both the Russian and native population on the southeastern reforms reacted to the introduction of zemsto regional self-government.²⁵ Their criticism of the Great Reforms was typical of the thinking of those nomads who wished to preserve their traditional ways of governance and justice. If S.V. Lyubichankovskiy is right in suggesting that such resistance was uniform²⁶ (which certainly requires a separate study), employing the colonial paradigm to understand this process is largely meaningless, because then all of whole Russia, aside from its capitals, may be considered to be a colony to a greater or lesser degree. The acculturation model, by contrast, allows for deciding that whether approaches to the “indigenous aristocracy,” Cossacks, and Russian village elders were the same.

To consider the individual mechanisms of acculturation and clarify their role in integrating peoples into the empire, we asked the researchers to focus on the military and border service, the introduction of schools and the medical service on the Russian model, as well as the activities of the Russian Orthodox Church. Judging by the answers, health care was either insignificant or was ignored. However, the authors added two more mechanisms to the list: economic integration (S.I. Kovalskaia, Yu.A. Lysenko, I.V. Lidzhiyeva, S.N. Brezhneva, Zagidullin, etc.) and supporting Islamic clergy loyal to the empire (S.V. Lyubichankovskii, Zh.B. Abylkhodzhin, E. Smolarz, V.V. Dmitriev, etc.).

With regard to the army and border guards, only Zh.B. Abylkhodzhin argued that these institutions were ineffective among the Kazakhs, since they were not subject to draft, and Cossacks did little to integrate them into Russian society. Indeed, on occasion the reverse was true. A. Morrison was somewhat less negative. He agreed with Zh.B. Abylkhodzhin

²³ S.V. Lyubichankovskiy, *Imperskaya politika akkul'turatsii*, 204.

²⁴ *Ibid.*, 222–228.

²⁵ *Ibid.*, 228–233.

²⁶ *Ibid.*, 233.

about the Kazakhs, but added that there were exceptions, such as Ch. Valikhanov. However, he did consider this method of acculturation to have been effective with Bashkirs and Tatars. Meanwhile, S.V. Dzhundzhuzov, Yu.A. Lysenko, V.V. Dmitriev, and N. Naganava attached great importance to the military and border service by citing the example of the Kazakhs, Nogais, Crimean Tatars, Kalmyks, as well as “foreigners” in general. In light of Zh.B. Abylkhozhin’s unambiguous position, Yu.A. Lysenko mentioned the phenomenon of *zhataks* (those not roaming) when discussing Kazakhs who improved their social status by joining Cossack troops. As for A. Morrison, mass by itself is not an effective acculturation mechanism. Valikhanov, to whom he referred, had such a strong impact on the development of Kazakh society, that it allows us to speak of the effectiveness of the mechanism as a whole.

Particular attention should be paid to N. Naganava’s convincing argument that military service not only served as a “key catalyst” for political unification, but also established a “hierarchy of citizenship” among the empire’s Muslim.²⁷ Indeed, the latter encouraged some members of categories that were freed from the draft to abolish this exemption. While their efforts met with some success, they did lead to difficulties in the armed forces themselves.

Zh.B. Abylkhozhin and A. Morrison likewise did not see public education as an effective means to acculturate the Kazakh, although the latter considered Altynsarin schools to be an exception. By contrast, S.V. Dzhundzhuzov, V.V. Dmitriev, A.A. Gafarov, I.V. Lidzhiyeva, and S.V. Liubichanovskiy did think that schools helped to accomplish the task, despite all of their contradictions and shortcomings. A.A. Gafarov was particularly emphatic about the latter, but he also considered it possible that this policy “played an important role in the development of the educational movement, involving the peoples of Russia in the achievements of European civilization, activation of the modernization processes.” Nevertheless, these scholars did not agree that the primary goal of education was as a tool to acculturate. While A.A. Gafarov strongly believed this to be the case, the others thought differently. Thus, S.V. Dzhundzhuzov emphasized that education did not lead to a loss of national identity. The contradiction arose because A.A. Gafarov saw religion rather than ethnicity as the primary indicator of identity. Perhaps further research is warranted to examine to what extent efforts to combat pan-Islamism and pan-Turkism changed or even curtailed imperial acculturation.

A number of the survey’s participants, S.V. Dzhundzhuzov, S.I. Kovalskaia, Yu.A. Lysenko, A.A. Nasonov, A. Morrison, Zh.B. Abylkhozhin and S.V. Liubichanovskiy, discussed the role of the Russian Orthodox Church in the empire’s efforts at acculturation, although their conclusions varied. To Zh.B. Abylkhozhin and A. Morrison, in the case of the Kazakhs the Church was insignificant, with, according to A. Morrison one significant exception, “the northern regions of the steppe zone.” On the other hand, I.V. Lysenko, S.I. Kovalskaya, S.V. Dzhundzhuzov, and to some extent A.A. Nasonov, did recognize its importance. This is not to exaggerate the extent of conversion to Christianity nor the often nominal faith of many newly baptized minorities (i. e. the *Kriashen*). Nevertheless, they did recognize the impact the Church achieved by, among other, forming an important group of Kryashen intelligentsia (S.V. Dzhundzhuzov), growing tolerance among Muslims of Orthodoxy,²⁸ the appearance of a multicultural model of behavior (S.I. Kovalskaia, Yu.A. Lysenko), and, albeit unintended, the rise of syncretic religious forms (A.A. Nasonov). S.V. Dzhun-

²⁷ S.V. Lyubichankovskiy, *Imperskaya politika akkul'turatsii*, 258–264.

²⁸ S.I. Kovalskaya, S.V. Lubichankovsky, “Orthodox churches of Akmola district at the turn of the XIX–XX centuries and their acculturation impact on the development of the Kazakh steppe,” *Journal of History*, accessed November 25, 2019, <http://history.jes.su/s207987840002552-6-1>.

dzhuzov also felt that the effectiveness of Christianization should not be underestimated. If in some regions, it had little impact on the population's beliefs, even after the decree on religious tolerance in the early 20th century, "the Church managed to keep a large Tatar-speaking population faithful to Orthodoxy, significantly outnumbering those who re-adopted Islam ... For most baptized Tatars and Nagaibaks, Orthodoxy became the basis of a confessional and specific cultural affiliation that combined features of Tatar and Russian Orthodox mentality." He added that Orthodox missionary work indisputably led to "the conscious transition of entire peoples (the Mordvins, the Udmurts, the Mari, the Chuvash and many others) and individual ethnic groups to the Russian Orthodox Church."²⁹

Nevertheless, to many of the tsar's new subjects ethnic identity was still weaker than loyalty to a clan or tribe. In such circumstances, imperial acculturation was often directed at forming an ethnic identity. Such efforts did not mean abandoning variations within an ethnic group, such as not Kalmyk, but baptized Kalmyk;³⁰ not Tatar, but baptized Tatar, not Russian/Bashkir/Kazakh/Tatar, but Cossack,³¹ etc., nor did he contradict the acculturation policy. In contrast to ethnic identity, religious affiliation was not considered to be out of bounds until reliably determined to be part of ethnic self-identification.

Along the Orthodox Church's role in acculturation, Zh.B. Abylkhozhin and S.V. Lyubichankovskiy also considered acculturation among Islamic nomads by the long-standing institutions of state supported Muslim clergy. Indeed, officials explicitly sought to encourage the loyalty of its new subjects by introducing and strengthening certain cultural patterns.

As for the loss of ethnic identity by the southeast's ethnic minorities of the region as they were integrated into the empire, E.V. Godovova, N. Naganava, A. Morrison, Sh.B. Abylkhozhin, S.V. Dzhundzhuzov, and A.A. Nasonov were skeptical, pointing to specific mechanisms for preserving ethnic identity among Kalmyk-Christians, Kalmyk-Muslims, Tatar-Cossacks, minorities in southwestern Siberia, including Tatars, Bashkirs, and Kazakhs. In other words, the scholars saw no real threat of assimilation.

With all the nuances and specifics of place and time, S.V. Dzhundzhuzov, D.V. Vasil'ev, Y. Ikeda, and Zh.B. Abylkhozhin all detected a single trend (methodology, model) in the Russian approach to acculturating its new subjects. A. Morrison, however, argued that this was only the case until 1822, after which the policy towards the Kazakhs, on the one hand, and the Bashkirs and Kalmyks, on the other, diverged.³² Nevertheless, along with Y. Ikeda, he emphasized that the model was so universal that it was used throughout almost all the frontier, allowing for different approaches towards settled and nomadic peoples not out of principle but for practical convenience. To the others, there was a general trend throughout the imperial period. D.V. Vasil'ev, very convincingly showed that the evolutionary and progressive model of integrating the outskirts the Russian state that was developed by acculturating the Bashkir was subsequently applied to Kalmyks and Kazakhs (in the latter case using Kalmyk experience as well).³³

²⁹ S.V. Lyubichankovskiy, *Imperskaya politika akkul'turatsii*, 320.

³⁰ S. Dzhundzhuzov, S. Lyubichankovskiy, "The Influence of the Imperial Policy of Acculturation on the Formation and Evolution of the Power Elite among the Stavropol Christened Kalmyks (1737–1842)," *Bylye Gody* 49, no. 3 (2018): 970–979.

³¹ E.V. Godovova, S.V. Lyubichankovskiy, "The manifestation of objective grounds for ethnoidentity in the everyday life of the Turkic population of the Orenburg Cossack army (second half of the 18th – first half of the 19th centuries)," *Tomsk State University Journal*, no. 432 (2018): 86–90; A.V. Remnev, N.G. Suvorova, "Russian affair" on the Asian outskirts: "Russianness" under threat or "doubtful" cultural traders," *Ab Imperio*, no. 2 (2008): 157–222.

³² S.V. Lyubichankovskiy, *Imperskaya politika akkul'turatsii*, 375.

³³ *Ibid.*, 370–375.

Conclusion

In summary, the Russian empire endeavored to acculturate the nomadic and semi-nomadic peoples of the newly acquired southeast frontier by the following means:

1. Building an educational system that promotes the local residents' adoption of imperial literacy standards and establishing Russian as the language of national communication, to create a socially and culturally homogenous population.

2. Adapting religious worship to imperial standards, either by direct conversion to Orthodoxy or, in the case of Islam, by supporting clergy that recognize the legitimacy of the Russian tsar and the laws of the empire.

3. Promoting the transition to a sedentary lifestyle to lessen social, economic and cultural differences with the rest of the Russian Empire.

4. Involving the local population in Russia's administration, military and/or Cossacks to ease interethnic communication and encourage personal ambition within the imperial context. Those who joined such institutions thereby gained a better perspective on their new government and lessened their parochialism.³⁴

There was some disagreement about how effective these mechanisms were. A minority, primarily Zh.B. Abylkhozhin and A. Morrison, considered practically all them to be ineffective, whereas the rest adopted a much more nuanced stance. Such disputes, which in general concern not the facts themselves, but interpretations, are quite characteristic of historians. Striving to reach agreement among various positions about what can be considered to be effective acculturation can help resolve their differences. This presupposes agreement on the period and region being studied. Otherwise one scholar can declare that the process was ineffective because it did not succeed with a particular ethnic group, and another disagrees since it worked with another ethnic group. By the same token, one historian insists that the policy has failed on the basis of what happened over a hundred years, and another argues that during two centuries it marked a major advance. And each of them is right in their own way. What appears to be a failure in relation to one ethnic group, for the empire as a whole may appear to be a special case, while to the official mind, what looks like a temporary interruption of an inevitable trend may actually mark the beginning of the end of the process as a whole. The right answer depends on the choosing the same chronological and territorial framework, as well as agreeing about the basic terminology.

Such an approach does not yet exist and is a matter for the future. We propose that any researcher's conclusion about the effectiveness of the acculturation policy and its main mechanisms should be accompanied by a clear indication of the ethnic group, region, and time period that have been analyzed. Moreover, any chronology that is adopted should start and end with a serious national upheaval, such as war, famine, a major popular movement, revolution, etc., since only a severe crisis can truly reveal how effective the acculturation policy was. Extrapolating the conclusions of such studies to understand other ethnic groups, territories and periods will always be incorrect. The general imperial situation is only as the sum of all the main ethnic and regional components for the entire imperial period.

Furthermore, it is almost impossible adequately to assess the effectiveness of the acculturation policy solely on the basis of quantitative indicators. And if, for example, this policy did not cover some ethnic group as a whole, then the exceptions should be considered. First, because the status of these people rather than their quantity matters. Social leaders and representatives of the emerging national intelligentsia are few in num-

³⁴ S.V. Lyubichankovsky, "The acculturation model of understanding the empire as a methodological alternative to the colonial approach," *Journal of History*, accessed November 13, 2019, <https://history.jes.su/s207987840006065-0-1/>

ber, but they are the most capable of leading the masses in the future. Second, the empire always developed new territories gradually, incorporating new subjects in parts, which contributed to a better “comprehensibility.”

It is important that none of the respondents considered Russian acculturation on its southwestern frontier to either be altruistic or a civilizing mission. (The latter motive served as a fashionable ideological cover for a more pragmatic process.) In the long run, the policy was aimed at maintaining imperial stability, by turning “strangers” into “friends,” as S.V. Dzhundzhuzov put it.³⁵ The process required enormous investments, many years of painstaking work, and did yield a quick return. But, if successful, it guaranteed the survival of an Eurasian empire, as D.N. Vasil’ev put it, “the transformation of the outskirts into integral parts of a single state.”³⁶ Not all empires pursued such a policy – S.A. Bogomolov showed significant differences with that of the British Empire. It is also important to emphasize that, as it acculturated its frontier, the Russian Empire itself also changed, with complex and ambiguous consequences (Y. Ikeda, D.V. Vasil’ev, S.A. Bogomolov). This obligated the empire to solve emerging problems.

This wide ranging and fruitful international discussion should encourage scholars to continue studying the mechanisms to consolidate the Russian Empire, both on its southeastern frontier and in general, using not only the colonial approach, but also the acculturation model. This is the only way to understand the essence of those historical processes on the empire’s southeastern periphery whose consequences still affect our life today.

Рукопись поступила: 21 января 2020 г.

Submitted: 21 January 2020

References

- Breyfogle, N. “Russian colonizations: An introduction.” In *Peopling the Russian periphery: borderland colonization in Eurasian history*, 1–18. London; New York: Routledge, 2007.
- Burbank, J., and Cooper, F. *Empires in World History: Power and the Politics of Difference*. Princeton: Princeton University Press, 2010.
- Burke, P. *Cultural Hybridity*. Cambridge: Polity, 2009.
- Cooper, F. *Colonialism in Question: Theory, Knowledge, History*. Berkeley: University of California Press, 2005.
- Dzhundzhuzov, S., and Lyubichankovskiy, S. “The Influence of the Imperial Policy of Acculturation on the Formation and Evolution of the Power Elite among the Stavropol Christened Kalmyks (1737–1842).” *Bylye Gody* 49, no. 3 (2018): 970–979.
- Epstein, M. “Transculture: A Broad Way between Globalism and Multiculturalism.” *The American Journal of Economics and Sociology* 68/1 (2009): 327–352.
- Etkind, A. *Internal Colonization: Russia’s Imperial Experience*. Cambridge: Polity Press, 2011.
- Gafarov, A.A. *Rossiyskiye musul'mane v kontekste obshcheislamskoy modernizatsii (XIX – nachalo XX vv.)*. Kazan: Kazanskiy universitet Publ., 2014 (in Russian).
- Godovova E.V., and Lyubichankovsky, S.V. “The manifestation of objective grounds for ethnoidentity in the everyday life of the Turkic population of the Orenburg Cossack army (second half of the 18th – first half of the 19th centuries).” *Tomsk State University Journal*, no. 432 (2018): 86–90 (in Russian).
- Kappeler, A. “«Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya»: nekotoryye razmyshleniya vosem' let spustya posle publikatsii knigi.” In *Mify i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i natsionalizma*, 265–282. Moscow: Novoye izdatel'stvo Publ., 2010 (in Russian).
- Kappeler, A. *Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya: Vozniknoveniye, istoriya, raspad*. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2000 (in Russian).
- Konev, A.Yu. “Inorodtsy’ of the Russian empire: history of concept’s origin.” *Theory and Practice of Social Development*, no. 13 (2014): 117–120 (in Russian).

³⁵ S.V. Lyubichankovskiy, *Imperskaya politika akkul'turatsii*, 381.

³⁶ *Ibid.*, 386.

- Khodorkovsky, M. “In what Things Russia Outstrips Europe, or Russia as a Colonial Empire.” *The Political Conceptology*, no. 2 (2013): 85–91 (in Russian).
- Lysenko, Yu.A. “The Russian Orthodox Church in Religious Space of Kazakhstan: Stages and Peculiarities of Institutional Model (XVIII – beginning of XX centuries).” *Bylye gody*, no. 3 (2014): 387–391 (in Russian).
- Lyubichankovsky, S.V. “The periphery of the empire as a scientific problem. Review of the collective monograph: “Finding a Homeland”: Society and Power in the Middle Volga Region (second half of the 16th – early 20th centuries).” *Saint-Petersburg Historical Journal*, no. 1 (2015): 278–285 (in Russian).
- Lyubichankovskiy, S.V. *Imperskaya politika akkul'turatsii i problema kolonializma (na primere kochevykh i polukochevykh narodov Rossiyskoy imperii)*. Orenburg: Izdatel'skiy tsentr OGAU Publ., 2019 (in Russian).
- Masero, A. “Kolonizatsiya v pozdneimperskoy Rossii: istoriya ponyatiya.” In *Aziatskaya Rossii: lyudi i struktury imperii: sbornik nauchnykh trudov*, 340–364. Omsk: Poligraficheskiy tsentr KAN Publ., 2016 (in Russian).
- Morrison, A. “Sufism, Panislamism, and Information Panic. Nil Sergeevich Lykoshin and the aftermath of the Andijan Uprising.” *Past and Present*, no. 214 (2012): 255–304.
- Miller, A.I. *Imperiya Romanovykh i natsionalizm: Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2008 (in Russian).
- Redfield, R., Linton, R., and Herskovits, M.J. “Memorandum for the Study of Acculturation.” *American Anthropologist* 38, no. 1 (1936): 13–41.
- Remnev, A.V., and Suvorova, N.G. “Russian affair” on the Asian outskirts: “Russianness” under threat or “doubtful” cultural traders.” *Ab Imperio*, no. 2 (2008): 157–222 (in Russian).
- Sablin, I. *Governing Post-Imperial Siberia and Mongolia, 1911–1924: Buddhism, Socialism and Nationalism in State and Autonomy Building*. London: Routledge, 2016.
- Sunderland, W. “Empire without Imperialism? Ambiguities of Colonization in Tsarist Russia.” *Ab Imperio*, no. 2 (2003): 101–114.
- Sunderland, W., Holquist, P., Geraci, R., and McDonald, D. “Colonialism and Technocracy at the End of the Tsarist Era.” *Slavic Review* 69, no. 1 (2010): 120–188.
- Trepavlov, V.V. “Formirovaniye mnogonatsional'nogo gosudarstva v Rossii: zakonomernosti i osobennosti.” In *Trudy Otdeleniya istoriko-filologicheskikh nauk RAN. 2007*, 64–71. Moscow: Nauka Publ., 2009 (in Russian).

Библиографический список

- Гафаров А.А. Российские мусульмане в контексте общеисламской модернизации (XIX – начало XX вв.). Казань: Казанский университет, 2014. 564 с.
- Годовова Е.В., Любичанковский С.В. Проявление объективных оснований этноидентичности в повседневном жизненном укладе тюркского населения Оренбургского казачьего войска (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 432. С. 86–90.
- Канпелер А. «Россия – многонациональная империя»: некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое издательство, 2010. С. 265–282.
- Канпелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение, история, распад. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 344 с.
- Конев А.Ю. «Иногородцы» Российской империи: к истории возникновения понятия // Теория и практика общественного развития. 2014. № 13. С. 117–120.
- Лысенко Ю. А. Русская православная церковь в религиозном пространстве Казахстана: этапы и особенности институционального оформления (XVIII – начало XX в.) // Былые годы. 2014. № 3. С. 387–391.
- Любичанковский С.В. Периферия империи как научная проблема. Рецензия на коллективную монографию: «Обретение Родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.) // Петербургский исторический журнал. Исследования по российской и всеобщей истории. 2015. № 1. С. 278–285.
- Любичанковский С.В. Имперская политика аккультурации и проблема колониализма (на примере кочевых и полукочевых народов Российской империи). Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2019. 480 с.
- Масозро А. Колонизация в позднеимперской России: история понятия // Азиатская Россия: люди и структуры империи: сборник научных трудов. Омск: Полиграфический центр КАН, 2016. С. 340–364.

- Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 248 с.
- Ремнев А.В., Суворова Н.Г. «Русское дело» на азиатских окраинах: «русскость» под угрозой или «сомнительные» культуртрегеры // *Ab Imperio*. 2008. № 2. С. 157–222.
- Трепавлов В.В. Формирование многонационального государства в России: закономерности и особенности // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2007. М.: Наука, 2009. С. 64–71.
- Ходорковский М. В чем Россия «опережала» Европу, или Россия как колониальная империя // Политическая концептология. 2013. № 2. С. 85–91.
- Breyfogle N. Russian colonizations: An introduction // *Peopling the Russian periphery: borderland colonization in Eurasian history*. London; New York: Routledge, 2007. P. 1–18.
- Burbank J., Cooper F. *Empires in World History: Power and the Politics of Difference*. Princeton: Princeton University Press, 2010. 511 p.
- Burke P. *Cultural Hybridity*. Cambridge: Polity, 2009. 142 p.
- Cooper F. *Colonialism in Question: Theory, Knowledge, History*. Berkeley: University of California Press, 2005. 327 p.
- Dzhundzhuzov S., Lyubichankovskiy S. The Influence of the Imperial Policy of Acculturation on the Formation and Evolution of the Power Elite among the Stavropol Christened Kalmyks (1737–1842) // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 49. № 3. P. 970–979.
- Epstein M. «Transculture: A Broad Way between Globalism and Multiculturalism» // *The American Journal of Economics and Sociology*. 2009. Vol. 68/1. P. 327–352.
- Etkind A. *Internal Colonization: Russia's Imperial Experience*. Cambridge: Polity Press, 2011. 264 p.
- Morrison A. Sufism, Panislamism, and Information Panic. Nil Sergeevich Lykoshin and the aftermath of the Andijan Uprising // *Past and Present*. 2012. № 214. P. 255–304.
- Redfield R., Linton R., Herskovits M.J. Memorandum for the Study of Acculturation // *American Anthropologist*. 1936. Vol. 38. № 1. P. 13–41.
- Sablin I. *Governing Post-Imperial Siberia and Mongolia, 1911–1924: Buddhism, Socialism and Nationalism in State and Autonomy Building*. London: Routledge, 2016. 222 p.
- Sunderland W. Empire without Imperialism? Ambiguities of Colonization in Tsarist Russia // *Ab Imperio*. 2003. № 2. P. 101–114.
- Sunderland W., Holquist P., Geraci R., McDonald D. Colonialism and Technocracy at the End of the Tsarist Era // *Slavic Review*. 2010. Vol. 69. № 1. P. 120–188.

Информация об авторе / Information about the author

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Оренбургского государственного педагогического университета. Ведущий научный сотрудник отдела истории и археологии Самарского федерального исследовательского центра Российской академии наук. Почетный работник сферы образования Российской Федерации.

Sergey V. Lyubichankovskiy, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. Habil. in History], Professor, Head of the Russian History Department, Orenburg State Pedagogical University. Leading research fellow, History and Archaeology Department, Samara Federal Research Center Russian Academy of Sciences. Honorary Worker in the Sphere of Education of the Russian Federation.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-741-744>

Рецензия / Book review

**Сартори П., Шаблей П. Эксперименты империи:
адат, шариат и производство знаний в Казахской степи.
М.: Новое литературное обозрение, 2019. 280 с.
(Серия «Historia Rossica»)**

Д.З. Марданова (рецензент)

Институт истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан;
420111, Россия, Казань, ул. Батурина, 7А; dinara.mardanova@gmail.com

**Sartori, P. and Shabley, P. *Experimenty imperii: adat, shariat
i proizvodstvo znaniya v Kazahskoy stepi* [Empire Experiments:
Adat, Sharia and Knowledge Production in the Kazakh Steppe].
Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019, 280 p.
(Series: “Historia Rossica”)**

Dinara Z. Mardanova (reviewer)

Sh. Mardjani Institute of History Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan;
7A Baturina Str., Kazan, 420111, Russia; dinara.mardanova@gmail.com

Казахская степь характеризуется богатством культур проживающих здесь народов, разнообразием форм их взаимодействия и контактов. Данное обстоятельство влияло на историю этих территорий, делая опыт межэтнических отношений уникальным, в том числе в таком его аспекте, как производство знания. Активное участие в этом процессе играла Российская империя, непосредственно определявшая и направлявшая его в нужное, с точки зрения государственного интереса, русло. Показательным примером имперского влияния на производство знания в Казахской степи стал процесс кодификации обычного права, подробно рассмотренный известными специалистами по истории мусульманских обществ, истории Центральной Азии и исламскому праву в Российской империи Паоло Сартори и Павлом Шаблеем¹ в совместной монографии «*Эксперименты империи: адат, шариат и производство знаний в Казахской степи*», вышедшей в издательстве «Новое литературное обозрение» в 2019 г.

В центре монографии проблема субъективности знания и множественности имперских ситуаций. По мнению авторов, империя конструировала новые формы знаний либо же заимствовала опыт других колониальных держав. В качестве предмета исследования рассматривается процесс кодификации местного права в ходе присоединения Казахской степи к Российской империи в 60–70-е гг. XIX в., анализируется соотношение в нем норм адата и шариата. Как утверждают авторы, организованная с целью наладить управление этими территориями кодификация прохо-

© Марданова Д.З., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

¹ Паоло Сартори – PhD, старший научный сотрудник Института иранистики Академии наук Австрии; Павел Шаблей – к.и.н., доцент Костанайского филиала Челябинского государственного университета.

дила в несколько этапов. Вначале предполагалось изучить местные традиции; затем их следовало, с одной стороны, очистить от «диких обычаев», а, с другой – оградить от исламского влияния; на завершающем этапе «очищенный» свод требовалось привести к общей системе.

Кодификация входила в комплекс действий по адаптации региона к нуждам колониального управления и носила весьма противоречивый характер, что было вызвано различными факторами. В частности, многочисленные трудности, с которыми столкнулись его организаторы и исполнители, в числе которых оказались чиновники разных уровней, востоковеды и местные казахи, – нередко были связаны с существующим многообразием представлений о казахском праве, его структуре, составе, соотношении в нем адата и шариата, формате кодификации. Отсутствие единства порождало противоречия, различные дискуссии и формы взаимодействия. Наряду с человеческим фактором сильное влияние на характер кодификации оказывали политические процессы и культурные изменения, происходившие в Казахской степи с конца XVIII в. до середины 1860-х гг. В частности, противопоставление норм адата и шариата нередко было связано с восприятием ислама как помехи на пути реализации реформ Российской империи в Казахской степи.

Бесспорным достоинством монографии является то, что на примере кодификации местного права авторы анализируют не только специфические правовые вопросы, но и выходят на более широкий спектр проблем имперской политики, культурных изменений и административного регулирования в разных регионах Казахской степи.

География исследования не ограничивается событиями одной области, в связке рассматриваются Оренбург, Омск и Сыр-Дарьинская военно-укрепленная линия, проводятся параллели с Северным Кавказом и с опытом других колониальных империй.

В качестве теоретической методологической рамки предлагается термин правовая гибридность, которая исследуется в связи с концепцией ориентализма, герменевтическим анализом, теорией фронта. Выбранный ракурс позволяет почувствовать динамику колониальной истории, разобраться в ее дискурсивных и контекстуальных особенностях.

Бесспорным достоинством монографии является обширная источниковая база. В основе исследования богатый архивный материал из фондохранилищ Российской Федерации, Республик Казахстан и Узбекистан. Среди них – Российский государственный исторический архив, Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН, Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Национальный архив Республики Татарстан, Отдел рукописей и редких книг научной библиотеки Казанского федерального университета, Архив внешней политики Российской империи, Государственный архив Оренбургской области, Центральный исторический архив Республики Башкортостан, Исторический архив Омской области, Центральный государственный архив Республики Казахстан, Государственный архив Восточно-Казахстанской области, Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Наряду с архивными источниками авторы обращаются также к опубликованным материалам на английском, казахском, русском и татарском языках. Привлечение богатого фактического материала позволяет не только рассмотреть в исторической перспективе процесс кодификации казахского обычного права, но через анализ дискуссий вокруг шариата и адата также выйти на более широкий спектр проблем имперской политики в разных регионах Казахской степи, когда сама правовая история оказывалась частью более широкого круга вопросов о праве, колониализме и имперской истории.

Книга включает в себя введение, четыре главы, заключение, шесть приложений, глоссарий, весьма обширную библиографию, список карт, фотографий и иллюстраций, также имеется список сокращений и именной указатель, которым завершается книга.

Во введении (С. 5–23) очерчивается теоретическая рамка исследования. Под авторскую ревизию попадает историография правового плюрализма. В качестве альтернативного варианту данному подходу правовую ситуацию Казахской степи в XIX – начале XX в. предлагается рассматривать как ситуацию «правовой гибридности», а нижнее и среднее течение Сырдарьи в период с 1853 по 1864 гг. – не как границу или военный предел, а как фронт, понимаемый как сложная контактная зона и анализируемый как процесс и контекст.

Первая глава (С. 24–50) посвящена истории Казахской степи в колониальном контексте в XVIII–XIX вв. Подробно рассматриваются практики имперского конструирования знаний и влияние этих практик на особенности управления регионом.

Право рассматривается как постоянно трансформирующийся механизм, через который формируется имперский опыт по управлению окраинами. Авторы предлагают уйти от устоявшегося понимания колониализма, часто рассматриваемого преимущественно в виде адаптации колонизируемых к существующему политическому порядку. Вместо этого предлагается взглянуть на колониализм через сложную социальную динамику, когда менялось не только сознание и поведение субъектов колониального управления, но и поведение самих чиновников, когда колониальный режим вынужден был постоянно производить новые конструкции знаний и опыта для управления людьми и территориями.

Во второй главе (С. 51–86) рассматриваются попытки кодифицировать казахское обычное право в Оренбурге и Омске, предполагавшие «очищение» права от «диких обычаев», в том числе исламских элементов, недопустимых с точки зрения государственных интересов. Анализируются причины неудач и ошибок российских властей при кодификации права в Казахской степи и на Кавказе, опыт Российской империи сравнивается с аналогичным опытом других колониальных империй (с британским опытом в Индии, французским – в Алжире). Кроме того, на примере омского и оренбургского проектов анализируются примеры «работ над ошибками».

Третья глава (С. 87–157) посвящается сборнику обычного права, подготовленному востоковедом, чиновником Азиатского музея МИД и ОПК, начальником сырдарьинских казахов – И.Я. Осмоловским. Вызвавший множество дискуссий среди чиновников разного управленческого уровня, данный сборник подорвал прежнюю систему колониальных знаний о Казахской степи, основанную на противопоставлении адата и шариата, привнес идею о том, что адат является частью обширной исламской правовой культуры. Помимо сборника Осмоловского, третья глава интересна также представленным в ней анализом влияния на право социально-политических процессов. Так, развитие науки, всплеск научного интереса к различным инородческим обществам, развитие этнографии и востоковедения, как считают авторы, способствовали формированию научных школ, что, в свою очередь, оказало влияние на появление новых сборников права. Среди них – 1) туземные, подготовленные представителями «туземной» интеллигенции и 2) востоковедные, созданные профессиональными востоковедами.

В четвертой главе (С. 158–228) анализируется ситуация Сырдарьинского фронта. В рамках теории фронта рассматривается развитие имперской политики в связи с завоеванием нижнего и среднего течения Сырдарьи и образованием здесь сложной контактной зоны. Ее особенность состояла в срединном расположении относительно империи и центральноазиатских ханств, с одной стороны, и казахских кочевых групп – с другой. К этому времени сама империя уже не стремилась к кодификации обычного права, но трансформация местной правовой системы продолжалась: наряду с адатом и российскими законами, по прагматическим соображениям чиновники апеллировали также к нормам шариата. Интересной исследовательской находкой этой главы является раздел «Соблазны фронта: курьезы имперской био-

графии», в котором через биографии персонажей Сырдарьинского фронта, М.Б. Первухина и Ермухаммеда Касымова, частично И.Я. Осмоловского, авторы анализируют политическую ситуацию Сырдарьи.

В шести приложениях к книге имеется материал по обычному праву², старые карты региона; научно-справочный аппарат.

Исследование с новой стороны показало сущность процесса кодификации обычного казахского права в условиях Российской империи. Репрезентативная источниковая база, критическое отношение к историографической традиции, новые методологические ракурсы – все это позволило авторам показать процесс кодификации во всей его полноте. Привлечение материалов на местных языках дало возможность услышать голоса обеих сторон, империи и местного населения, и показало сложную мозаичность происходящих событий. Как было справедливо отмечено, процесс имел разнонаправленный характер и в нем принимали участие не только имперские акторы, но также и представители местных элит. В монографии поэтапно показано влияние на кодификацию чиновников разных уровней, изменения в стратегиях кодификации в зависимости от политической, экономической и культурной ситуаций.

Без сомнения, авторами была проведена внушительная работа по систематизации имеющихся материалов по данной проблеме. Интересным ходом стало рассмотрение окружающих политических процессов через биографии главных героев.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть значимость рецензируемой монографии «*Эксперименты империи: адат, шариат и производство знаний в Казахской степи*» именно с точки зрения нового взгляда на, казалось бы, привычные и знакомые процессы и явления. Исследование рассчитано на историков и всех интересующихся историей Российской империи и Казахской степи, вопросами права и фронтными зонами. Монография существенно расширяет рамки исследований в вопросах субъективности и производства знания, правовой гибридности, правовой кодификации и культурной ассимиляции окраинных земель; знакомит с широким кругом архивных и опубликованных источников и научной литературой; приглашает к дальнейшим исследованиям окраинных территорий Российской империи, теории фронта, к изучению имперских биографий и имперских политических акторов, а также к другим исследовательским вопросам и темам.

В целом хотелось бы поблагодарить авторов и пожелать им дальнейших интересных исследований.

Рукопись поступила: 3 мая 2020 г.

Submitted: 3 May 2020

Информация об авторе / Information about the author

Марданова Динара Замировна, научный сотрудник Института истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан.

Dinara Z. Mardanova, Researcher of Sh. Marjani Institute of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.

² Приложения: Сборник киргизских обычаев, имеющих в Орде силу закона. Факсимиле первой и второй страницы второй части; рапорт председателя Оренбургской пограничной комиссии В.В. Григорьева от 29 мая 1857 г.; Предписание оренбургского и самарского генерал-губернатора В. Перовского И. Осмоловскому об обязанностях при назначении на должность; Рапорт управляющего шомекеевским родом подполковника султана Ермухаммеда Касымова (перевод со староказахского и оригинал); Рапорт есаула Карамышева; Карты.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-745-748>

Рецензия / Book review

**Синицын Ф.Л. Советская нация и война.
Национальный вопрос в СССР. 1933–1945.
М.: Центрполиграф, 2018. 543 с.**

А.А. Киличенков (рецензент)

Российский государственный гуманитарный университет;
125993, Россия, Москва, ГСП-3, Миусская площадь, 6; rsuh@rsuh.ru

Sinitsyn F.L. *Sovetskaya Natsiya i Voina. Natsional'nyi Vopros v SSSR. 1933–1945 [Soviet Nation and War. The National Question in the USSR 1933–1945]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2018. 543 p.*

Aleksei A. Kilichenkov (reviewer)

Russian State University for the Humanities;
6, Miusskaya Sq., Moscow, 125993, Russia; rsuh@rsuh.ru

Национальный вопрос, а вместе с ним и национальная политика были, есть и будут одними из важнейших явлений в любой многонациональной стране, и особенно такой как наша. Эта специфика и России, и СССР с особой силой проявлялась в периоды общественных кризисов и глобальных сдвигов. В новой книге доктора исторических наук Ф.Л. Синицына предпринята попытка исследовать и национальный вопрос, и национальную политику в СССР в один из самых сложных периодов его существования – в 1933–1945 гг. Выбор хронологических рамок исследования определен возникновением нового очага будущей мировой войны в Германии, когда осознание неизбежности столкновения с этим опаснейшим врагом стало фактором, прямо влиявшим на национальную политику советского государства в предвоенный период. Великая Отечественная война в силу своего характера и масштаба послужила самой суровой проверкой результативности этой политики.

В заданных хронологических рамках Ф.Л. Синицын поставил перед собой комплекс задач по исследованию основных аспектов национальной политики СССР. Заявленные задачи автор решает, опираясь на обширнейшую источниковую базу, представленную документами шести федеральных и ведомственных архивов (ГАРФ, РГАСПИ, РГВА, АВП РФ, ЦАМО, Архив ИРИ РАН), а также большим комплексом опубликованных источников и материалов российских и зарубежных исследований.

Широта рамок исследования, актуальность и сложность поставленных задач потребовали значительного объема издания – более 540 страниц – и усложненной структуры, представленной семью главами и 19 параграфами.

Проблематике предвоенного периода автором отведена первая глава «Советское великодержавие: подготовка к войне», в рамках которой анализируются как внутренний, так и внешний аспекты национальной политики СССР в преддверии войны. Важнейшим из них автору представляется масштабная трансформация внутренней

национальной политики от «интернационализации» к ее «национализации», идеологической основой которой становится советский патриотизм. Раскрывая механизмы этого процесса, Ф.Л. Сеницын важнейшим из них полагает возвращение государствообразующей и руководящей роли русскому народу, получившему статус «первого среди равных» (С. 11–12). Обратной стороной этого процесса стала борьба с так называемой «коренизацией» – предшествующей доминантой национальной политики 1920-х гг., делавшей ставку на приоритетное развитие местных национальных культур.

Заметное место в первой главе монографии Ф.Л. Сеницына отведено проблемам религиозной политики СССР. В ней подробно описываются последствия принятия Конституции 1936 г., отменившей ограничения избирательных прав для священнослужителей (С. 59–62).

Национальный вопрос приобрел особое значение в процессе присоединения и советизации новых западных территорий. Одновременно необходимость его полноценного решения служила дополнительным основанием для включения Западной Украины и Западной Белоруссии в состав СССР (С. 75–76). При этом автор отмечает и негативные последствия, связанные с установлением советской власти на новых территориях (С. 79–80).

Основная часть монографии Ф.Л. Сеницына отведена исследованию проблем национальной политики периода 1941–1945 гг. Во второй главе, так и названной автором – «Великая Отечественная война», речь идет об усилении в советской национальной политике тенденций национализма и «великодержавия». Одну из основ этого явления автор видит в том, что после оккупации противником к октябрю 1941 г. территории Белоруссии и большей части Украины русский этнос стал основным мобилизационным ресурсом и для вооруженных сил, и для оборонной промышленности (С. 105). На обширном материале в главе анализируются проявления нового курса национальной политики в литературе, искусстве и образовании.

Важнейшей проверкой эффективности советской национальной политики стала практика формирования в годы войны национальных воинских соединений. Первым из них уже в августе 1941 г. стала 201-я латышская стрелковая дивизия, в ноябре того же года начинается формирование национальных дивизий в Средней Азии и на Северном Кавказе (С. 133–134).

Не менее тяжелой проверкой успеха национальной политики в СССР стала массовая эвакуация населения в 1941–1942 гг. Автор рецензируемой монографии полагает, что это тяжелейшее испытание способствовало ускорению «интеграции разных народов СССР в единую политическую нацию», поскольку она «способствовала лучшему узнаванию народами СССР друг друга, укреплению их взаимопонимания и взаимоуважения» (С. 141).

Третья глава монографии Ф.Л. Сеницына отведена изучению борьбы советского государства с бандитизмом в период Великой Отечественной войны. Автор, приводя большое число подобных фактов уже в начальный период войны, подчеркивает, что «начало войны закономерным образом спровоцировало колоссальный рост бандитизма на всей территории» от Литвы до Якутии (С. 207). К сожалению, закономерность возникновения подобного явления автор не раскрывает. В тексте монографии прослеживается динамика бандитской активности на протяжении всего периода войны, подчеркивается влияние деятельности германских спецслужб.

Четвертая глава монографии Ф.Л. Сеницына посвящена, пожалуй, наиболее болезненному вопросу национальной политики СССР накануне и в годы войны. В ней речь идет о депортации целых этносов и этнических групп, начавшейся как политическая практика еще в 1936 г., в результате чего из приграничных районов страны были выселены сотни тысяч немцев, поляков, корейцев и курдов (С. 254). После

присоединения Западной Украины и Белоруссии, республик Прибалтики начались депортации на этих территориях. Кульминацией применения этих мер стало массовое выселение и ссылка целых народов в 1943–1944 гг. Ф.Л. Сеницын со ссылкой на архивные документы приводит обобщенные данные о массовых депортациях периода Великой Отечественной войны (С. 256). Касаясь вопроса о причинах этих трагических событий, ставших одним из проявлений советской национальной политики, Ф.Л. Сеницын приводит существующую ныне в историографии палитру оценок исследователей, но собственную авторскую позицию не представляет (С. 257).

В рамках той же, четвертой главы автор затрагивает одну из самых малоизученных тем – политические настроения среди так называемых «спецпоселенцев», к которым относились депортированные по национальному признаку граждане. Прослеживая динамику настроений этой группы населения, Ф.Л. Сеницын напрямую связывает ее с изменением уровня и условий жизни «спецпоселенцев» (С. 301–302).

Очевидным достоинством рецензируемой монографии является наличие отдельной (пятой) главы, в которой автор исследует национальный аспект иностранной агрессии против Советского Союза. Подчеркивается, что национальная компонента была определена Гитлером уже при разработке плана агрессии против СССР на основе разделения населения оккупируемых территорий по этнической принадлежности. В рамках пятой главы также исследуется национальная политика, проводимая на оккупированных советских территориях Румынией, вступившей в войну в качестве союзника Германии. Внимания заслуживает исследование Ф.Л. Сеницыным влияния буддистского фактора на национальную политику СССР в районах Дальнего Востока в предвидении возможной войны с Японией.

Объектом шестой главы исследования Ф.Л. Сеницына является внешнеполитический аспект национальной политики СССР, проекцией которого стало отношение к советским немцам в предвоенные годы и в период войны, а затем и формирование отношения собственно к немцам и немецкой культуре в Германии. В ее внутреннем проявлении это нашло отражение в давлении на национальную культуру советских немцев, воспринимавшихся как своего рода «пятая колонна» внутри СССР. Можно сказать, что зеркальным (в географическом смысле) отражением данного аспекта национальной политики стали действия СССР и его пропаганды в отношении Японии и японского населения советского Дальнего Востока.

В седьмой главе монографии Ф.Л. Сеницына исследуются проблемы национальной политики СССР на завершающем этапе Великой Отечественной войны. Среди них особое место отведено коррекции политики в национальном вопросе в условиях противостояния сторонников «великодержавных позиций русского национализма» и тех, кто продолжал исповедовать марксистский интернационализм в его послереволюционной интерпретации (С. 471–474).

Безусловно, положительное впечатление от знакомства с текстом несколько снижается вследствие ряда особенностей работы и замечаний по ее структуре и содержанию. Для начала нельзя не отметить ничем не оправданную краткость и схематичность введения монографии. В этой части работы любой автор, с одной стороны, определяет свое место в продолжающемся процессе приращения научного знания об объекте исследования, с другой – раскрывает перед читателем устройство собственной исследовательской «лаборатории», объясняя, как и на основе чего получено новое знание. Введению монографии Ф.Л. Сеницына явно не хватает развернутого историографического обзора, ясно сформулированных цели и задач исследования. Отчасти это компенсируется изложением позиции автора, считающего «одной из насущных проблем, стоящих перед российскими историками», выработку «обоснованной оценки событиям тех лет».

Дополнительную трудность в постижении авторского замысла создает обращение Ф.Л. Сеницына к понятию «политическая нация», с которого начинается введение и которым заканчивается заключение, что само по себе дает основание видеть в этом цель рецензируемой работы. Отсутствие авторского определения этого понятия ставит под сомнение его утверждение о том, что в предвоенный период советская национальная политика, построенная на «великодержавии», «советском патриотизме» и «дружбе народов», привела к тому, что в СССР начала складываться единая политическая нация (С. 520), представляется очень спорным, если считать, что ее основополагающим критерием все же является обретение политической субъектности.

Некоторые утверждения Ф.Л. Сеницына представляются явно не бесспорными. На стр. 40 автор ссылается на выступление И.В. Сталина на заседании Политбюро 19 августа 1939 г., где он призвал «принять немецкое предложение» о заключении Пакта, «предвидя последствия, которые будут вытекать, как из поражения, так и из победы Германии». Сам по себе факт состоявшегося заседания Политбюро ЦК ВКП (б) в этот день, равно как и выступление Сталина, до сих пор не нашли документального подтверждения и оспариваются исследователями. Более того, сам Сталин в ответе редактору «Правды» 30 ноября 1939 г. отрицал факт своего выступления на заседании Политбюро ЦК ВКП (б) 19 августа 1939 г. На стр. 337 Ф.Л. Сеницын называет период 1939–1941 гг. временем «вынужденного советско-германского партнерства», не приводя никаких свидетельств того, что решение об этом партнерстве принималось советским руководством вынуждено, под каким-либо давлением.

Несмотря на отмеченные недостатки рецензируемой работы, монография Ф.Л. Сеницына, в целом, оставляет впечатление оригинального, обстоятельного и фундированного исследования, посвященного действительно актуальной теме. Она привлечет внимание, как специалистов, так и всех, кто интересуется историей нашей страны в один из самых сложных и трагичных ее периодов.

Рукопись поступила: 10 февраля 2020 г.

Submitted: 10 February 2020

Информация об авторе / Information about the author

Киличенков Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России новейшего времени Российского государственного гуманитарного университета.

Aleksei A. Kilichenkov, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor at the Department of Contemporary History of Russia, Russian State University for the Humanities.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-749-751>

Рецензия / Book review

**Yányshev-Nésterova I. *Canarias en las relaciones hispano-soviéticas, 1965–1991* [*The Canary Islands in the Spanish-Soviet relations, 1965–1991*].
Santa Cruz de Tenerife: Ideas Publishing House, 2019, 472 p.**

Victor L. Jeifets (reviewer)

Saint Petersburg State University; 7/9, Universitetskaya Emb.,
St. Petersburg, 199034, Russia; jeifets@gmail.com

**Янышев-Нестерова И. Канарские острова
в испано-советских отношениях, 1965–1991.
Санта Крус де Тенерифе: Идеас, 2019, 472 с.**

В.Л. Хейфец (рецензент)

Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Россия,
Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9; jeifets@gmail.com

Some dozens of books dedicated to the history of the Soviet Foreign policy were already published, as also there are some significant works on the Spanish-Soviet Relations in different periods. However, the reviewed book written by Irina Yányshev Nésterova managed to fill a gap still existing in the historiography of bilateral relations of Spain and the USSR. The author is focusing her attention in, rather, very particular issue – the history of “Sovhispan,” a joint venture which had been created in Canary Islands by Madrid and Moscow years before the official reestablishment of diplomatic relations.

That is not just a history of local episodes and of inter-regional cooperation as one can imagine. The “Canary Islands in the Spanish-Soviet Relations, 1965–1991” is a splendid analysis of economic and geopolitical convergence of two ideologically and politically opposite regimes, the Spain under Francisco Franco and the USSR under Leonid Brezhnev. The author shows to the lecturers quite complicated involvement of the Soviet and Spanish foreign policy into the context of the Cold War. While Moscow was seeking the expansion of its influence and growth of its trade with different nations at the moment of the partial opening of the Soviet economy for market approaches at the détente epoch, Madrid’s reasons for approximation with the USSR were different ones. For Spain it was the time of gradual abandoning of autarchy and political isolation and of the reestablishment of political ties with the world. Madrid was not only interested to restore the relations with the powerful Western bloc and the United States of America, but was also searching better relations with the leader of opposite bloc, the USSR, with a purpose of balance in Spain’s foreign relations. The JV proved to be the best option how to find approximation with Moscow without broadening political contacts too much.

© Jeifets V.L., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The USSR, in turn, managed to obtain a perfect base for its fishing fleet at the geo-strategic region in Central-Eastern Atlantic. That was not only about economy, since the US Air Force Military base was located at the Azores Archipelago in Northern Atlantic. Thus, any economic project carried out by one of the competing superpower was converting in a geopolitical game, and Spanish government was aware of this fact. The story of “Sovhispan” was not only the story of Soviet-Spanish bilateral relations, but also of relations within the triangle the USSR – Spain – USA, and of other political, diplomatic and geopolitical configurations of the Cold War.

The reviewed book contains four chapters. One of them starts with the analysis of the USSR politics and economic system followed by the explanations of how the Soviet fishing industry and fishing fleet were functioning. This part is quite important for the lecturers as the Soviet economy still looks as an enigma for many lecturers in the Western countries.

Later, Irina Yanysh Nesterova continues with a comprehensive study of the Soviet-Spanish relations since the beginning of the process of its normalization in 1968 till the official reestablishment of diplomatic relations in 1977, during the period of Democratic Transition after the death of Spanish caudillo Francisco Franco.

The third chapter is for nothing typical for historical books. This is a micro-economic research of the joint venture “Sovhispan,” including detailed explications of the composition of directing bodies and share capital. Irina Yanysh Nesterova also makes a thorough study of the study of the process of decision-making in “Sovhispan” since the foundation of the referred JV till the early 1990s when this enterprise ceased to exist due to the disintegration of the Soviet Union, the collapse of big part of its industrial complex and the change of the previous economy pattern. It is worth to say, that the benefit of formation of the author as Historian and at the same time as Economist let her to combine approaches of different sciences and to create a book attractive for those interested in Diplomatic History and Politics as also in the History of Economics.

Finally, fourth charter is devoted to the impact of Spanish-Soviet cooperation project on the economy of the Canary Islands. This remote Spanish province not only became the place for repairing of many Soviet fishing vessels providing the local population with jobs and income. The Soviet fishermen converted into customers leaving millions of pesetas in local stores decades. Thus, this political and geopolitical issues important for two countries, Spain and the USSR brought obvious economic benefit for the inhabitants of the Canary Islands many of whom were not very interested in politics, but were aware on economic possibilities of the cooperation with other countries.

This is micro- and macro-economic and at the same time historical-economic research. However, that is not just a research of main mechanism of functioning of this JV, the book gives for lecturers a broader perspective of Soviet-Spanish relations and of the USSR and Spain’s relations with other countries involved in the context of the Cold War (the US, and Socialist bloc, first of all).

One of the excellent part of this study is its broad use of primary sources. The author managed to collect a lot of materials in the Moscow State Economic Archive (it contains recently opened for researchers documents of the Soviet Fishing Fleet until 1975) and the National Archive of Catalonia (it holds the documents of Philippines Tobacco Company which was one of the shareholders of “Sovhispan”).

Today’s Canary islands have a lot of tourists, and Russians are one of the most numerous groups among them. The ports and cities already lost or almost lost the material signs of existence of Sovhispan. However, this joint venture is still present in memories of dozens of hundreds of local citizens who worked together with the Soviet fishermen or in areas related to the Soviet fleet and marines.

The book by Irina Yányshev Nesterova shed some more light on the hidden (before recently) history of bilateral relations explaining that the Russian presence in the islands was much more crucial for local economy decades before. But the significance of the researched topic goes far beyond the impact on the Canary's economy. The Canary islands and JV "Sovhispan" located in this region became a place for promotion of the contacts between two governments and the basis for further expansion of diplomatic ties. The reviewed book shows to the lecturer how the very limited (originally) episode of economic cooperation managed to convert into one of the determining factors for development of Spanish-Soviet relations.

Рукопись поступила: 10 апреля 2020 г.
Submitted: 10 April 2020

Информация об авторе / Information about the author

Хейфец Виктор Лазаревич, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета.

Victor L. JEIFETS, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor of the History and Theory of International Relations Department, Saint Petersburg University.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

SUBMISSION GUIDELINES

Редакционная коллегия принимает к публикации рецензии объемом 10–12 тыс. знаков, статьи и историографические обзоры объемом до 50 тыс. знаков в формате MS Word с учетом пробелов, подстрочных сносок и элементов издательского оформления. Статья должна состоять из трех разделов: «Введение» (обоснование темы, определение цели и задач исследования, обзор источников и литературы (с обязательным анализом новейших зарубежных публикаций), «Исследование проблемы» (делится на смысловые блоки, которым даются подзаголовки), «Выводы» (должны быть развернутыми; объем – не менее 0,5 страницы). Ссылки на источники и литературу даются постранично с помощью продолжающихся номерных сносок на оригинальном языке опубликования.

Элементы издательского оформления включают в себя:

- заголовок статьи на русском и английском языках;
- ФИО автора, название и адрес организации, e-mail на русском и английском языках;
- англоязычную аннотацию (не менее 240 и не более 260 слов);
- русскоязычный исходный текст англоязычной аннотации;
- ключевые слова на русском и английском языках (5–10 слов);
- информацию об авторе на русском и английском языках (ФИО автора, ученая степень, звание, должность, название подразделения, название организации);
- дополнительную информацию на русском и английском языках, если имеется (финансирование, благодарности и пр.);
- библиографический список (приветствуется включение в библиографический список 2–3 англоязычные статьи из журналов, входящих в БД Scopus и WoS);
- references.

Публикации в References выстраиваются в порядке английского алфавита. При транслитерации необходимо использовать стандарт BSI (British Standard Institute, UK). Библиографическое оформление публикаций в этом списке отличается от оформления в подстрочных сносках и производится в соответствии с правилами “Чикагского стиля цитирования” (“Chicago Manual of Style”) в 17-й редакции в варианте “Note and Bibliography System”. При оформлении публикации необходимо указывать название издательства в транслитерированном варианте с обязательным добавлением слова Publ. (Press., если указывается типография). В случае его отсутствия ставить пометку [S.n.] ([Б.и.] при цитировании в Библиографическом списке).

Рукопись направляется по электронному адресу корпоративной почты журнала (rushistj@rudn.ru) и ответственного секретаря (kornouh@mail.ru).

Более полную информацию о правилах оформления рукописи см. на сайте:

<http://journals.rudn.ru/russian-history>

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПОРТФЕЛЬ ЖУРНАЛА НА 2021 г.**CALL FOR PAPERS FOR THE 2021 ANNUAL PROGRAM****История отношений центра и национальных регионов России**

Прием статей до 15 октября 2020 г. • Deadline for submissions: 15 October 2020

Выпуск номера приурочен к 300-летию образования Российской империи. На страницах журнала предполагается всесторонне рассмотреть особенности складывания и функционирования имперской системы управления многонационального государства. Планируется обсудить не только проблему степени ее эффективности, но и выявить факторы, препятствовавшие процессу интеграции присоединяемых территорий и народов в общее имперское пространство. Предполагается также рассмотреть вопросы, посвященные восприятию национальными элитами регионов политики центра, отражению взаимодействия столичной и провинциальной бюрократии в публицистике и мемуарах. Попытаемся ответить на вопрос, ставший сегодня крайне актуальным: в какой степени политика центра учитывала интересы регионов и в чем заключались особенности его отношений с окраинами по сравнению с «классическими империями»?

Военное прошлое в культурно-исторической памяти народов России

Прием статей до 15 января 2021 г. • Deadline for submissions: 15 January 2021

Тематическая рубрика будет посвящена анализу факторов формирования и исторических репрезентаций образов военного прошлого в сознании и культуре народов, проживающих на территории России. Будут представлены исследования феномена культурной памяти народов и отображения в ней событий военного прошлого, общероссийских характеристик и особенностей восприятия и представлений о военном прошлом национальных, этнических, региональных и иных сообществ, существовавших и продолжающих свое существование на территории России. На страницах тематического номера предстоит ответить на следующие вопросы: как память о военном прошлом формировала и формирует национальную/этническую/региональную/социальную идентичность; в чем проявляется и как используется в политике памяти «символический репертуар», воплощающий знаковые события военной истории; как представления о военном прошлом воплощаются в общегосударственных и локальных практиках коммемораций, мемориальной культуре народов?

Модели политической коммуникации Российского государства с народами Урало-Поволжья, Сибири и Центральной Азии в XVI – XIX вв.

Прием статей до 15 апреля 2020 г. • Deadline for submissions: 15 April 2021

Тематическая рубрика будет посвящена рассмотрению различных моделей политической коммуникации и инкорпорации, применяемых Российским государством в отношении народов Урало-Поволжья, Сибири и Центральной Азии в XVI–XIX вв. Раскрываются каналы, формы и технологии политической аккультурации, возникшие в ходе интенсивного взаимодействия народов, обладавших разными политико-культурными практиками, основанными на культурных паттернах христианства (православия), ислама, буддизма и язычества, а также на анализе способов их отражения в ментальном пространстве и общественном сознании. На страницах тематического номера предстоит ответить на следующие вопросы: насколько широко в ходе политической коммуникации российская власть использовала компоненты азиатских традиций и культур, каковы были динамика восприятия российской стороной сибирских и азиатских народов, принципы их идентификации, как формировались приемы и инструменты легитимации Российским государством своей власти над азиатскими территориями и народами, в том числе с применением элементов монголо-тюркского политического наследия; как осуществлялась кооптация местной элиты и инкорпорирование управленческих структур нерусских регионов в российскую систему управления?

Общество и элиты многонациональной России в условиях трансфера

Прием статей до: 15 июля 2021 г. • Deadline for submissions: 15 July 2021

Тематически номер будет посвящен 100-летию НЭПа и 30-летию начала либеральных реформ в России. В этой связи предполагается рассмотреть особенности адаптации общества и региональных элит к социокультурным и политическим трансформациям, происходившим в переходные периоды развития страны. Надеемся на статьи, в которых на примере национальных регионов СССР и России будет проанализирована драма несовпадения утопических проектов и реальных результатов их воплощения, а в контексте персональной истории рассмотрена судьба представителей разных наций и народностей, которым пришлось жить в эпоху перемен. На страницах тематического номера попытаемся найти ответы на следующие вопросы: реформы в России – закономерный результат развития общества или продукт воли «гения на троне»; итог преобразований зависит от учета достижений европейской мысли и степени заимствования европейского опыта или от опоры на собственные силы и национальные традиции и отсюда защиту интересов не отдельной личности, а всего общества?

АБОНЕМЕНТ

на газету
журнал

18232

(индекс издания)

Вестник РУДН.

Серия: История России

(наименование издания)

Количество
комплектов

На 2020 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

Линия отреза

ДОСТАВОЧНАЯ

18232

ПВ	место	литер

КАРТОЧКА

(индекс издания)

на газету
журнал

Вестник РУДН.
Серия: История России

(наименование издания)

Стои- мость	подписки	руб.	Количество комплектов
	каталожная	руб.	
	пере- адресовки	руб.	

На 2020 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

почтовый индекс							
код улицы							
дом	корпус	квартира					

город

село

область

район

улица

фамилия, инициалы

Бланк заказа периодических изданий

АБОНЕМЕНТ на газету
 журнал (индекс издания)

Вестник РУДН.

Серия: _____
 (наименование издания)

Количество комплектов	<input type="text"/>
-----------------------	----------------------

На 2020 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>

Куда
 (почтовый индекс) _____ (адрес)

Кому _____
 (фамилия, инициалы)

Линия отреза

ДОСТАВОЧНАЯ
КАРТОЧКА (индекс издания)

ПВ	место	литер
----	-------	-------

на газету Вестник РУДН.
 журнал Серия: _____
 (наименование издания)

Стоимость	подписки	руб.	Количество комплектов	<input type="text"/>
	каталожная	руб.		
	пере-адресовки	руб.		

На 2020 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>

<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
город											
село											
почтовый индекс					область						
район											
код улицы					улица						
дом	корпус	квартира	фамилия, инициалы								

Федеральное государственное унитарное предприятие "Почта России"

Ф СП-1

Бланк заказа периодических изданий

АБОНЕМЕНТна газету
журнал

18232

(индекс издания)

Вестник РУДН.

Серия: История России

(наименование издания)

Количество
комплектов

На 2020 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

Линия отреза

ПВ	место	литер

ДОСТАВОЧНАЯ

18232

КАРТОЧКА

(индекс издания)

на газету
журнал

Вестник РУДН.

Серия: История России

(наименование издания)

Стои- мость	подписки	руб.	Количество комплектов
	каталожная	руб.	
	пере- адресовки	руб.	

На 2020 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

--	--	--	--	--	--	--	--	--	--

город

село

почтовый индекс

область

район

код улицы

улица

дом

корпус

квартира

фамилия, инициалы